Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

А. ЛЕОНТЬЕВ

НАЧАЛЬНЫЙ КУРС ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

ЧАСТЬ I

КАПИТАЛИЗМ

учебник
для вечерних совпартшкол
и предметных кружков

ПАРТИЙНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1933

2-я типография ОНТИ им. Евг. Соколовой. Ленинград, пр. Кр. Командиров, 20.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая книга должна служить учебным пособием по политической экономии для низших звеньев сети партийного просвещения — марксистско-ленинских кружков и вечерних совпартшкол. Она является, таким образом, в известном смысле следующей ступенью после учебника политграмоты.

Учебник разделяется на две части. Первая часть посвящена экономике капитализма, вторая часть — социалистической экономике СССР. Каждая из этих частей выходит отдельной книжкой.

Текст книги подвергся значительной переработке по сравнению с предыдущим изданием 1932 г. Особенно значительно переделаны главы: первая (вводная), третья (Товарное производство), седьмая (Воспроизводство и кризисы) и одиннадцатая (Современный кризис капитализма). Заново написана глава вторая (Как развивалось общество до капитализма?).

В настоящем издании, как и в предыдущих, петитом выделены с одной стороны некоторые части иллюстративного материала, а с другой стороны более трудные места, рассчитанные на более подготовленного читателя.

Просьба ко всем товарищам, пользующимся настоящим учебником, как к преподавателям, так и к учащимся, направлять всякого рода замечания, указания и вопросы по адресу: Москва, Кузнецкий мост 7, Партиздат, сектор экономики для А. Леонтьева

Автор

15 июня 1933 г.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

(ВВОДНАЯ)

§ 1. Два мира—две системы

Меняется лицо нашей страны

На необозримых просторах Советского Союза кипит напряженная работа. В промышленном сердце страны и на далеких окраинах, в шумных городах и в отдаленных деревушках бьется пульс великой стройки. Уничтожается вековечная отсталость, строится новая жизнь. Веками спавшая непробудным сном нетронутая целина вспахивается мощными колоннами стальных коней — тракторов. Прокладываются новые железные дороги, прорезывающие наиболее отдаленные уголки Советского Союза. Автомобиль и самолет появляются там, где раньше единственным средством передвижения был верблюд. В глухой степи возникают гигантские металлургические заводы. В недавно еще диких, ненаселенных местах появляются шахты и рудники, нефтяные вышки и электростанции. Просыпаются к жизни целые области, еще недавно пустынные и полудикие. Новые большие города вырастают в таких местах, где раньше редко ступала человеческая нога. Резко меняется лицо старых районов нашей страны. В крупных городах сильно выросла новая мощная промышленность. В Москве, Ленинграде, Харькове и многих других городах выросли новые гигантские предприятия, которых раньше не знала наша страна. Нет больше старого Донбасса, где шахтеры первобытным способом добывали уголь и жили в нечеловеческих условиях. Есть новый механизированный Донбасс, оборудованный новейшими машинами, с большим количеством вновь выстроенных жилых домов, клубов, больниц, школ. На советских полях работают десятки тысяч ранее невиданных машин — тракторов, комбайнов.

В нашей стране строится новый общественный порядок — *социализм*. Впервые во всей истории человечества создается строй, при котором нет эксплоатации человека человеком. На

наших фабриках и заводах, на наших железных дорогах и шахтах рабочие работают не на капиталистов, а на самих себя, для пользы и блага всех трудящихся. В Октябрьские дни 1917 г., в годы ожесточенной гражданской войны рабочий класс нашей страны в союзе с огромными массами крестьян-тружеников завоевал и отстоял свою власть — *диктатуру пролетариата.* Отразив атаки вооруженных врагов, рабочий класс принялся, засучив рукава, за дело социалистической стройки. Быстро были залечены глубокие раны, нанесенные долголетней войной. Покончив с наследием войны, рабочий класс СССР непосредственно приступил к разрешению огромной задачи — переделке всего хозяйства страны на новых началах.

Мы строим социализм

Наша страна успешно закончила осуществление первого пятилетнего плана и выполняет в настоящее время вторую пятилетку. Пятилетка — это слово в настоящее время хорошо известно каждому рабочему, каждому колхознику Советского Союза. Но это слово широко известно и за пределами нашей страны. Со злобой и ненавистью произносят его наши враги-эксплоататоры со всей оравой их прислужников. С надеждой и воодушевлением говорят о нашей пятилетке революционные рабочие всех стран.

Первый пятилетний план мы начали осуществлять осенью 1928 г. Огромные, небывалые по своему объему задачи он поставил перед всей страной. Большевистская пятилетка вызвала гигантский трудовой подъем среди широких масс трудящихся. Великая социалистическая стройка зажигает энтузиазмом сердца миллионов. По инициативе рабочих масс была поставлена задача: выполнить пятилетку в четыре года. И эта задача блестяще выполнена. В 1932 г. первая пятилетка была успешно выполнена, а в ряде отношений перевыполнена. В 1933 г. Советский Союз приступил к выполнению *второй пятилетки* — пятилетки построения бесклассового социалистического общества.

Веками наша страна была *отсталой.* Промышленность была слаба, преобладало сельское хозяйство. Отсталая страна — слабая страна. А слабых бьют. И прежнюю царскую Россию на протяжении долгого времени действительно бил всякий, кому не лень.

Наша партия поставила своей задачей уничтожить вековую отсталость нашей страны, превратить ее в мощную промышленную страну. И за годы пятилетки проделана огромная строительная работа. Еще никогда и нигде в мире не было проведено такого огромного строительства в такие короткие сроки.

Спросите любого старика, живущего на белом свете уже немало десятков лет: видал ли он на своей памяти такую стройку, как в настоящее время. Всякий, кто не станет кривить душой, скажет: нет. Стройка кипит в нашей стране везде и повсюду. В промышленных центрах — старых и новых — вырастают новые домны, мартены, шахты, заводы; вокруг предприятий вырастают рабочие жилища, поселки, новые социалистические города. Но невиданная стройка не ограничивается одними лишь промышленными центрами. Окраины нашей страны — прежние окраины царской России — живут новой жизнью. Новые дороги, электростанции, новые оросительные каналы и фабрики построены в Закавказьи и в Средней Азии. В сельских районах выросли совхозы и колхозы, созданы тысячи машино-тракторных станций. Больницы, школы, ремонтные мастерские для тракторов и сложных сельскохозяйственных машин построены в таких районах, селах и деревнях, которые еще недавно были глухими и отсталыми.

Вот как описывают строительство последних лет в Тульском районе рабочие краснознаменных тульских заводов в своем письме весной 1933 г.:

«По одному лишь нашему городу Туле в период первой пятилетки в капитальное строительство вложено 133 миллиона рублей, из них 59 миллионов рублей — в строительство металлургических заводов. В Косогорский металлургический завод (около Тулы) в первую пятилетку вложено до 25 миллионов рублей, а до этого стоимость всего завода равнялась... семи миллионам рублей. Полностью реконструированы старые домны со всем обслуживающим хозяйством, пущена в 1932 г. новая, третья домна, построенная по последнему слову техники.

В период первой пятилетки в Туле мощно развернулось коммунальное строительство. Свыше 20 миллионов рублей, вложенных в городское хозяйство, преобразили город. Прежде грязная, непролазная Тула одевалась мостовыми, тротуарами. Пущен трамвай, соединяющий все основные районы и предприятия города; длина трамвайного пути доведена в 1932 г. до 33 километров. Затрачено 3 млн. руб. на проведение канализации, которой раньше не было совсем. В этом году заканчивается строительство нового мощного водопровода, который в два раза увеличивает водоснабжение и улучшает качество воды. В рабочее жилищное строительство Тулы за первую пятилетку вложено свыше 22 млн. руб. Вновь выстроено 124 тысячи кв. метров жилой площади. В новые дома вселено 23.178 чел.

Для культурного обслуживания заводов № 1, № 10 и железнодорожников Тулы построены три клуба-гиганта, на которые затрачено 7 млн. рублей.

По общественному питанию мы добились к 1933 году выпуска 100.000 обедов в день. Построены фабрика-кухня, хлебозавод. Заканчивается строительство второй фабрики-кухни.

Вот, товарищи, далеко не полные цифры и факты наших побед, наших успехов, нашего роста, показанные только на примерах Тульского района».

Имена заводов—первенцев пятилетки—хорошо известны не только в Советском Союзе, но и за границей. Кто у нас не

слыхал о таких предприятиях, как Магнитогорский и Сталинский металлургические заводы, как Сталинградский и Харьковский тракторные заводы, как Горьковский автомобильный завод, как Московский автозавод им. Сталина, как Днепровская гидроэлектрическая станция?

Среди первенцев пятилетки есть предприятия, которые являются крупнейшими в своем роде во всей Европе. Возьмите Днепровскую электростанцию. Такой крупной станции на водной энергии нет ни в одной из стран Европы. Днепровская станция — вторая в мире по мощности станция, приводимая в движение силой воды (самая мощная станция построена в Америке). Или возьмем например Магнитогорский металлургический завод. Заводы подобной мощности имеются лишь в Америке. В Европе Магнитогорский завод — самый мощный металлургический гигант. В середине 1933 г. в строй вступило еще одно из грандиозных сооружений нашей страны — Беломорско-Балтийский канал. Он соединяет два моря — Белое и Балтийское и создает наиболее короткий и верный путь между Ленинградом и Архангельском. Он открывает выход огромным массам ценных грузов нашего Севера, пробуждая к жизни огромные пространства, которые еще недавно были совершенно отрезаны от всего мира непроходимыми лесами, болотами, бездорожьем. По всей длине, по объему проделанных работ этот канал оставляет далеко позади огромнейшие сооружения подобного рода, имеющиеся в капиталистическом мире. Он длиннее Панамского и Суэцкого каналов.

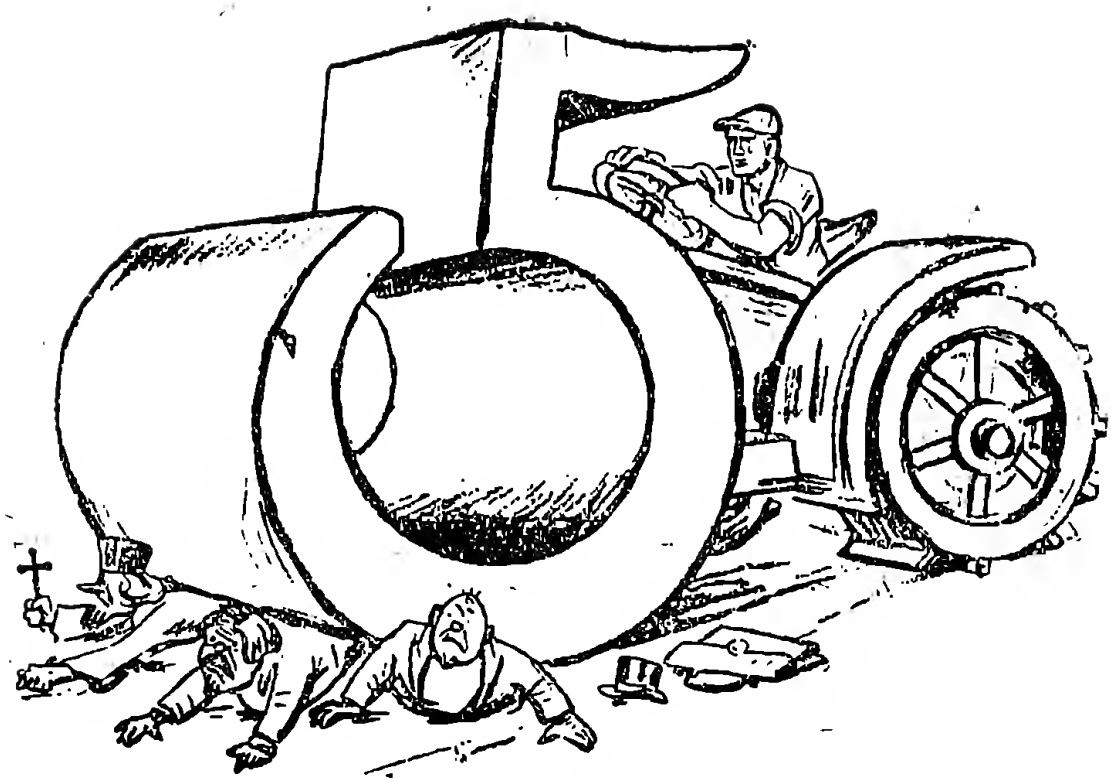
Пятилетка создала могучую шеренгу предприятий, оборудованных по последнему слову техники. За годы пятилетки создана вторая база тяжелой промышленности на востоке: Урало-кузнецкий комбинат, построенный на соединении уральской руды с кузнецким углем. Создан ряд совершенно новых, ранее невиданных в нашей стране производств: производство тракторов и комбайнов, высококачественной стали и искусственного каучука, блюмингов и электротурбин, шарикоподшипников и автомобилей, врубовых машин и многих других видов оборудования. В итоге первой пятилетки Советский союз превратился из отсталой аграрной страны в индустриальную, заняв второе место в мире по объему своей промышленной продукции. В результате выполнения первой пятилетки уничтожена наша зависимость от капиталистических стран; СССР превратился в страну, которая решающую часть необходимого оборудования производит на собственных предприятиях. Пятилетка создала мощную основу обороны СССР против постоянно повторяющихся попыток вооруженного нападения со стороны капиталистических стран. Ги-

гантски выросла обороноспособность нашей страны — залог мирного труда по построению социализма.

За стройкой наших гигантов, за их бесперебойной работой следили и следят тысячи и миллионы глаз. Рабочие и колхозники в любом уголку нашей страны живо интересуются и работой Сталинградского тракторного завода, и бесперебойной погрузкой на железных дорогах, и хлебопоставками колхозов, и выполнением своих обязательств со стороны совхозов. В корне подорвана прежняя разобщенность. Еще в первые годы советской власти, когда на молодую советскую республику ополчились белые банды, шедшие с окраин нашей страны, нередко приходилось слышать при мобилизации от крестьян: мы дескать, костромские, до нас никакой Каледин не доберется. Теперь не то. Широкие массы рабочих и колхозников являются сознательными активными строителями новой жизни. У широких масс трудящихся все больше воспитывается *хозяйское* чувство, *хозяйское* отношение к нашим предприятиям, к их работе, к устранению недостатков и неполадок в этой работе.

В этом обнаруживается коренное отличие нашего строя от тех порядков, которые были в нашей стране до Октябрьской революции и которые еще и сейчас существуют во всем остальном мире. Заводы, шахты, каналы, железные дороги и электростанции строились и капиталистами. В царской России их было не так много, но в других, более передовых и развитых странах капитализма их имеется большое количество, и многие из них построены далеко не плохо. Однако построены они не для блага трудящихся, но для дела социализма. Построены они капиталистами с целью наживы, с целью кровавой эксплоатации миллионов рабочих. На какой бы прекрасной машине ни приходилось трудиться рабочему на капиталистической фабрике — он ясно чувствует и понимает: эта машина — не его, она чужая, она в чужих руках служит средством для того, чтобы выжать из труда рабочего побольше барыша. И какой бы чудесный продукт ни выпускала капиталистическая фабрика, рабочий ясно понимает, что этот продукт принадлежит не ему и не его собратьям по труду, по нужде, по борьбе, а принадлежит его врагу — капиталисту.

Лишь в Советском Союзе рабочий класс является подлинным *хозяином* всей страны, всех фабрик и заводов, шахт, железных дорог. Лишь в нашей стране станки и машины работают на пользу социализму, на благо всех трудящихся. Поэтому с такой гордостью говорит о своем предприятии и старый рабочий ленинградского «Красного путиловца» и комсомолец со Сталинградского тракторного. Переделывая свою страну, рабочий класс переделывает и самого себя. В огромной кузнице



социалистического строительства переплавляются люди. Растет новый человек — рачительный строитель социализма, горящий огнем энтузиазма, не жалеющий сил для борьбы на пользу социализма.

Вот как рабочие московского Электрокомбината характеризуют достижения своего предприятия в письме, напечатанном в мае 1933 г.:

«Совсем недавно нашему Электрокомбинату исполнилось пять лет. В первый год своего существования (1928 г.) завод дал продукции только на 6 миллионов рублей. И это было много для производства, начатого в полуразрушенных корпусах бывшего «Проводника». А в 1932 году мы дали продукции на 187 миллионов рублей и в первом году второй пятилетки дадим на 240 миллионов рублей. Уже в прошлом году мы дали продукции почти *в два с половиной раза больше, чем дали в 1913 году все 98 электротехнических предприятий царской России, вместе взятые.*

За какие-нибудь полтора года мы освоили и пустили массовое производство магнето для автомобилей, тракторов и самолетов, в то время как за границей это производство осваивалось 15 лет. Мы дали нашей стране твердый сплав «победит», который производит революцию в металлообрабатывающей, угольной и других отраслях промышленности. Победитовыми изделиями пользуются 400 фабрик и заводов и 1½ тысячи геологоразведочных партий. За 5 лет мы дали 119 млн. штук электроламп из своего материала.

Мы дали стране за пять лет 63 700 трансформаторов, и из них только 150 высоковольтных трансформаторов, выпущенных за последние полтора года, по мощности равны трем Днепрогэсам.

Наши успехи еще и еще раз подтверждают, как велика сила рабочего класса и как глубоко верна генеральная линия нашей партии. На нашем участке великого дела мы видим успехи, которых достигли партия и ра-

бочий класс. Мы делаем магнето. Они идут на новые легковые автомобили «Л-1», которые выпускают «Красный путиловец», Московский автомобильный завод им. Сталина и Горьковский завод, на тракторы Сталинграда и Харькова. Мы делаем электропечи для Днепровского алюминиевого комбината, для Челябинского завода ферросплавов и других. Наши трансформаторы работают на крупнейших электростанциях. Когда газеты и письма сообщают, что «легковые автомобили «Ленинград-1» успешно конкурируют с лучшими образцами заграничных машин выпуска 1932 года», или что «на Харьковском паровозостроительном заводе закончены испытания магнето «БС-4» и «СС-4», выпускаемых Московским электрозаводом и что советские магнето блестяще выдержали это испытание», и что наши магнето показали лучшее качество, чем заграничные, — мы гордимся этими достижениями и знаем, что в великих делах нашей страны есть и наша доля.

Успехи нашего завода — часть успехов всей страны и всего рабочего класса».

Веками наша деревня прозябала в крайней отсталости, нищете и беспросветном каторжном труде. Крестьянин безнадежно тащился за своей сивкой, сохой царапая свой жалкий клочок земли. Помещичий гнет, кабала кулака-мироеда сопровождали крестьян от рождения и до могилы. Дикая пьянка была единственным развлечением. На лучшей в мире черноземной земле ряд поколений крестьянства вымирал от голода: отсталая техника, гнет налогов, платежей, поборов, распыленность мелкого производства, отсутствие машин и скота не давали возможности обрабатывать землю как следует.

Социалистическая стройка коренным образом изменила лицо нашей деревни. На место прежнего распыленного мелкого хозяйства стали крупные хозяйства колхозов и совхозов. Мощные колонны тракторов и комбайнов появились на наших полях. Впервые обработка земли начинает проводиться в массовом масштабе на основе науки, агротехники. Объединенный труд — сила, перед которой не устоит никакое препятствие. Переход к обобществленному труду широко открыл путь к зажиточной жизни для широких слоев деревень.

Вот каким образом безенчукские колхозники-ударники в своем письме т. Сталину весной 1933 г. описывают преимущества колхозного строя, испытанные ими уже на богатом опыте:

«Эта весна показала нам, какую огромную выгоду дает колхоз, если работа в нем хоть немного организована, если устанавливается хоть небольшой порядок. Возьмем такой пример. В прошлом году у нас было 3 тысячи га сверхраннего сева. Опыт показал, что такой сев повышает урожай на 1—2 центнера с га. Этой весной мы уже засеяли 10 тыс. сверхраннего. В прошлом году мы, в виде опыта, посеяли 15 га яровизированными семенами. Опыт показал, что яровизированные семена повышают урожай на 2—3 центнера с га, что этим путем можно уберечь поля от суховея. В этом году мы уже посеяли 3 тыс. га яровизированных. Поля, засеянные яровизированными семенами, и посевы, пропаренные в грязь, покрылись уже прекрасными всходами. Глядишь, и сердце радуется, хлеба ведь не оберешься. Сколько лет нужно было

биться единоличнику, чтобы дождаться такого скачка урожайности! Самые опыты с яровизацией могли возникнуть только при колхозной обработке земли. А машины, а тракторы! Мы получили в этом году 22 новеньких трактора со своих советских заводов. К уборочной получили 16 комбайнов.

А научный подход к земледелию, доступный только колхозам! Во-первых, селекция семян. Мы сеяли в этом году исключительно селекционными семенами. Во-вторых, ввели научный севооборот, травосеяние. Теперь мы можем вполне учитывать указания агрономической науки и техники. До коллективизации в наших краях агрономы десятки лет пропагандировали травосеяние и доказывали пользу этого, но очень туго шли на это мужики. Кулаки предпочитали эксплоатировать дешевую рабочую силу и вести хищническое хозяйство, а середняку и бедняку с его клочком земли было не до трав и не до научных опытов. А теперь у нас тысячи га засеяны культурными травами, как то: сорго, костер, житняк, люцерна и т. д. Или возьмем такой факт. Ранней весной, когда еще неполностью сошел снег, собрались наши агрономы и решили, что хорошо было бы в виде опыта посеять га пятьдесят еще до начала сверхраннего сева. Колхозники охотно согласились. Оно хоть и рискованно, но попробовать, проверить надо. Посеяли, и что же? Этот опытный сев показал наилучшие всходы и даст наверно наибольший урожай. Разве мог на такой опыт решиться единоличник?

Теперь между наукой и социалистическими полями нет преград! Все больше отходим от дедовских методов земледелия и начинаем работать по-научному».

И авторы письма приходят к следующему выводу насчет дохода колхозника в нынешнем году:

«Подсчитали мы, сколько придется сдать хлеба и сколько останется для раздачи по трудодням. Выходит так, что после выполнения всех обязательств перед государством, после засыпки всех фондов и выделения известного количества хлеба на колхозную торговлю на каждый трудодень придется хлеба в несколько раз больше прошлогоднего. В некоторых колхозах придется по 8—10 и больше кило на трудодень. За один этот год, если соберем урожай без потерь и не допустим хищения, мы сможем резко улучшить условия жизни каждого колхозника».

Из страны мелкого крестьянского хозяйства, раздробленного и распыленного, СССР превратился в страну социалистического земледелия, в страну самого крупного сельского хозяйства в мире. Свыше 200 тыс. колхозов охватили 14½ млн. прежде раздробленных бедняцко-середняцких хозяйств. Новых 5 тыс. совхозов было создано за годы пятилетки. Четыре пятых всех посевных площадей в СССР находятся в руках колхозов и совхозов; 80% всех полей нашей страны — это социалистические поля. Посевная площадь нашей страны за годы пятилетки выросла на 23 млн. га. Две с половиной тысячи машино-тракторных станций, созданных за годы пятилетки, обрабатывают половину всех колхозных полей; они имеют около 100 тыс. тракторов, 50 тыс. сложных и полусложных молотилок, 20 тыс. двигателей и локомобилей, 10 тыс. комбайнов, 8 тыс. грузовых автомашин и значительный парк сложных сельскохозяйственных машин.

В основных сельскохозяйственных районах страны уже осуществлена на базе сплошной коллективизации ликвидация кулачества как класса.

Переделка сельского хозяйства на социалистических началах — *самая трудная задача*, стоящая перед пролетариатом в деле построения социалистического общества. Недаром все враги пролетариата, все противники социализма возлагали свои последние надежды на сельское хозяйство, уповали на провал всех попыток социалистической переделки деревни. Поэтому победа социалистического строительства, одержанная на этом фронте, имеет гигантское *всемирно-историческое значение*. Победа социализма в сельском хозяйстве Советского Союза воочию показывает, что рабочий класс, строящий социализм на основе ленинской политики союза с основными массами крестьянства, может успешно осуществить самую трудную и важную задачу социалистической стройки—переустройство сельского хозяйства на началах социализма.

Повышается уровень жизни трудящихся

Веками трудящиеся массы в нашей стране, как и во всем остальном мире, жили в условиях беспросветной нужды, полной необеспеченности существования. Рабочий на заводе мог кое-как пробиться со своей семьей, покуда у него была работа. А как только наступила безработица, если случались увечья или болезнь — приходилось совсем туго. Крестьянин находился под постоянной угрозой разорения. Лишь ценой нечеловеческого труда, лишь ценой нищенской скудости жизни крестьянин мог удержаться на своем клочке земли. Случилась в семье какая-либо беда — заболел кто-нибудь — и все шло прахом: земля и домишко продавались, деньги шли на уплату долгов, семья шла по миру. Все сокровища знания, все достижения науки, все блага культуры — все это было совершенно недоступно массе трудящихся.

Социалистическая революция с корнем вырвала этот старый строй эксплоатации и гнета. Трудящиеся массы, а не кучка эксплоататоров — хозяева жизни в нашей стране. Мы имеем невиданный подъем условий жизни широких масс рабочих и колхозников. Возьмите любую рабочую семью — безработных в ней не сыщешь. Еще в начале пятилетки в СССР насчитывалось 1½ млн. безработных. Рост социалистической промышленности привел к полному уничтожению безработицы. Наша страна — единственная в мире страна, в которой нет безработицы. Это — одно из самых ярких проявлений гигантских преимуществ побеждающего социализма над гибнущим капитализмом. В рабочей семье не редкость встретить

трех-четырех человек, работающих на производстве. На своем предприятии рабочий обеспечен общественным питанием в заводской столовой. Общественным питанием в СССР охвачено три четверти рабочих решающих отраслей промышленности. Его дети — в заводских яслях, в детском очаге, в школе-семилетке.

Заработная плата рабочих и служащих выросла за годы пятилетки на 67%. Фонд социального страхования вырос почти вчетверо.

В царской России рабочий ютился в подвалах, в фабричных казармах, в жалких домишках. На рабочих окраинах была непроходимая грязь, немощеные улицы. У нас проделана огромная работа в области коммунального хозяйства. Вырос ряд великолепных рабочих поселков. Созданы новые жилища для сотен тысяч рабочих семей. В рабочих районах, в промышленных центрах появились усовершенствованные мостовые; в десятках городов проведена канализация, проложены трамвайные линии, появились автобусы, построены мосты. Выстроены сотни и тысячи клубов, начиная от небольших и кончая грандиозными домами культуры. Библиотеки и читальни, театры и кино, радио и музыка, музеи и выставки — все это поставлено на службу рабочему классу, все это служит делу поднятия его культурного уровня.

К концу первой пятилетки число учащихся в начальных школах по СССР увеличилось с 10 млн. в 1928 г. до 19 млн. в 1932 г. Заканчивается проведение начального обязательного обучения. Грамотность населения поднялась с 18—20% в 1914/15 г. до 90% в 1932 г. Число учащихся в общеобразовательных средних школах поднялось в 1932 г. до 4 350 тыс., в техникумах и рабфаках — до 1 437 тыс. и в высших учебных заведениях — до 500 тыс. Подавляющее большинство учащихся — дети рабочих и колхозников.

Победа колхозного хозяйства коренным образом изменила условия жизни широких масс крестьянства. Доход колхозников повышается. Деревенская беднота, которая раньше перебивалась с хлеба на квас, впервые получила прочную хозяйственную основу. Перед широкими слоями крестьянства впервые открылся путь, по которому они находят выход из беспросветной нищеты. Подорваны корни расслоения деревни на имущих и неимущих. Разгромлено кулачество, закабалявшее широкие слои крестьян-тружеников. Подорваны корни капитализма в деревне, которую капитализм сжимал тисками эксплоатации и гнета.

Эти огромные успехи, эти решающие победы достигнуты партией в борьбе *против троцкизма*, выдвигающего теорию о невозможности построения социализма в нашей стране и став-

него теперь передовым отрядом буржуазной контрреволюции. Эти победы достигнуты в борьбе *против правого оппортунизма*, проповедывавшего прямую капитуляцию перед кулачеством, перед капиталистическими элементами.

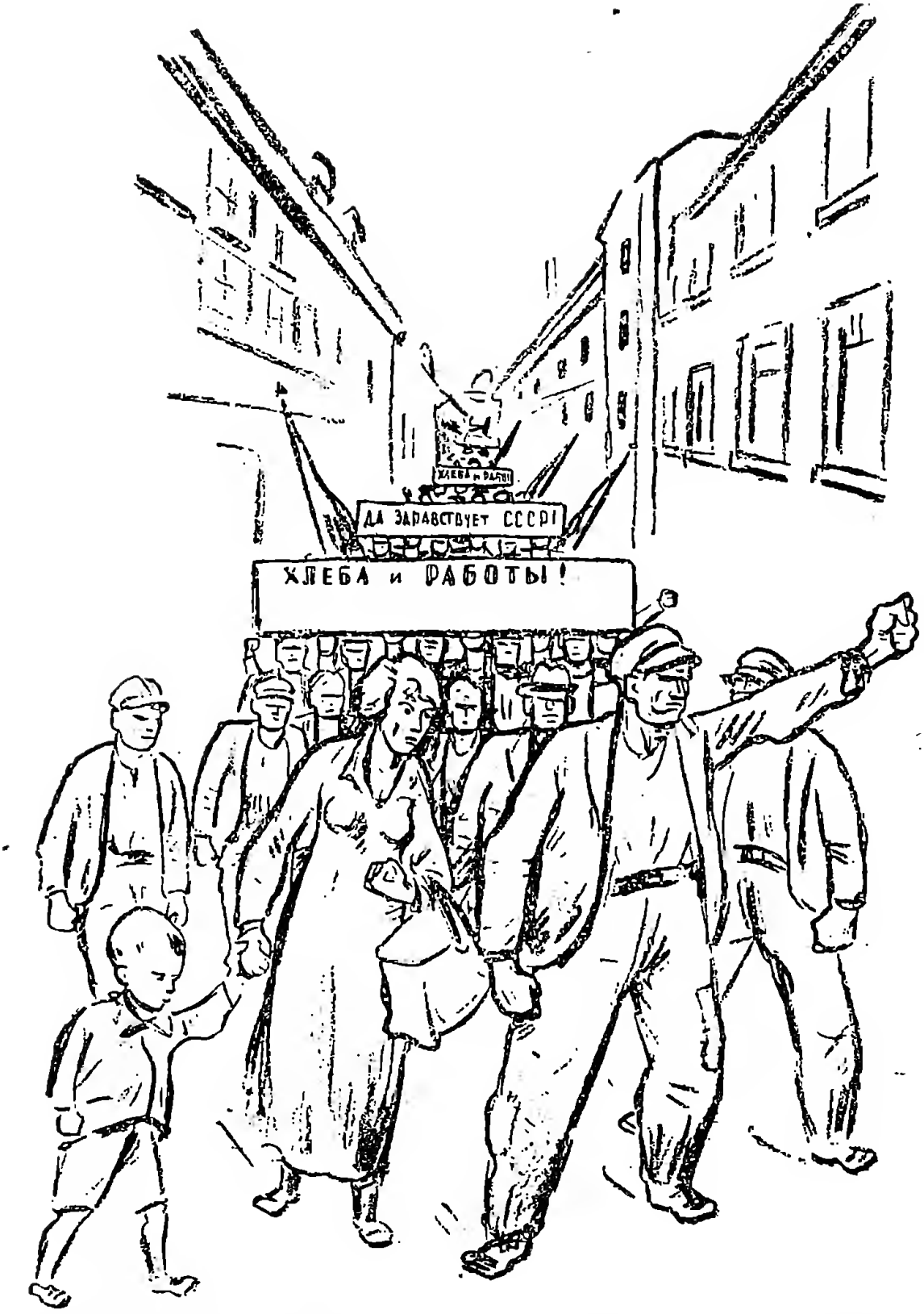
Нелепо было бы думать, что выполнение великих всемирно-исторических задач возможно без активного преодоления огромных *трудностей*, без напряжения всех сил рабочего класса и масс трудящихся. Активно преодолевая эти трудности, партия ведет рабочий класс от победы к победе. Классовый враг разгромлен, но тем ожесточеннее сопротивляются его остатки и обломки. Победы социализма вселяют веру и бодрость в сердца миллионов участников великой стройки. Растет энтузиазм рабочих масс, растут активность и сознательность колхозников. Решительно сметая сопротивление классовых врагов, ведя непримиримую борьбу как против правого оппортунизма, являющегося главной опасностью на данном этапе, так и против «левого» оппортунизма и всех видов примиренчества, партия под руководством своего ленинского ЦК во главе с лучшим учеником и соратником Ленина т. Сталиным обеспечила гигантские победы первой пятилетки, являющиеся предпосылкой для решения огромных задач *второй пятилетки*.

Капитализм в тисках кризиса

Наш Советский Союз обширен. Но он занимает только одну шестую часть земли. Остальные пять шестых еще находятся под властью капитала. В капиталистическом мире есть страны, которые много богаче нас. В маленькой Бельгии железные дороги во много раз гуще проложены, нежели у нас. В обширной Америке имеется больше автомобильных и металлургических заводов, угольных копей, чем у нас. В Германии больше доменных печей, машиностроительных заводов, чем у нас. Однако весь капиталистический мир находится в настоящее время в тисках самого ужасного *кризиса*, равного которому еще не было никогда.

В капиталистическом мире происходит небывалое *сокращение производства*. Прекрасно оборудованные фабрики и заводы останавливаются. Машины ржавеют и превращаются в старое железо.

Тушатся домны, останавливаются крупнейшие машиностроительные и автомобильные заводы, на улицу выбрасываются миллионы рабочих. Число *безработных* в капиталистических странах превосходит 45—50 млн. человек. К этому еще надо прибавить огромное количество людей, частично безработных, пробавляющихся случайной работой, оплачиваемой крайне нищенски. Безработица поражает в настоящее время огром-



пое количество людей: если считать вместе с семьями, то от безработицы страдает не менее 150 млн. человек. Это количество превосходит численность населения самой могуществен-

ной капиталистической страны — Соединенных штатов Северной Америки.

В одной лишь *Америке* число безработных не меньше 15 млн. человек. В Америке безработные не получают никакой помощи от государства. Во многих семьях безработных к концу третьего года кризиса все, что можно было продать из домашних вещей, уже продано. Нужда полная, беспросветная; она не облегчается благотворительной помощью, составляющей в среднем 1 долл. на человека в неделю. Огромные массы вовсе не получают никакой помощи. В Чикаго голодают, по самым осто-

рожным расчетам, полмиллиона человек, в Нью-Йорке — не менее полутора миллионов безработных, из которых многие буквально умирают с голоду.

Во многих городах Соединенных штатов — в Нью-Йорке, Питтсбурге, Лос-Анжелосе, Сан-Франциско и др. — существуют так называемые «гуверовские городки» (Гувер — прежний президент Соединенных штатов, проповедник капиталистического «процветания»). «Гуверовские городки» — жилища безработных, расположенные в свалочных местах или на пустырях. В Калифорнии безработные живут чаще всего в палатках. В городах восточной и центральной части страны безработные сколачивают конуры из ящиков, кусков ржавой жести, остатков изгородей и всякой трухи, щели затыкаются щепками и тряпками. Полом таких конур служит пропитанная микробами, зараженная, часто влажная свалочная почва. Некоторые безработные умудряются сделать в стене окошечко из обломков стекла, некоторые покрывают пол грязной рогожей. Попадаются жилища, состоящие из поставленного набок старого автомобильного верха. Иные поселенцы попросту роют себе землянку в кучах отбросов, нечто вроде норы с одним отверстием, выходящим наружу. В дождь такое «жилище» сплошь заливается водой. В одной конуре живут по нескольку человек. Безработные живут подаянием, питаются отбросами. На заре армия женщин и мужчин с дырявыми мешками на плечах направляется к богатым кварталам и рынкам, роется в выброшенных у складов кучах гнилого салата, сельдерея, бананов и вытаскивает еще не успевшие окончательно сгнить куски зелени и фруктов. Из помойных ящиков безработные вытаскивают огрызки хлеба, корки сыра, остатки мяса и все это тащат обратно в «гуверовский городок».

Жизнь безработных Чикаго описывается в одном американском буржуазном журнале следующим образом:

«Нет ни одной помойной ямы, которая не обследовалась бы ежедневно голодными. Прошлым летом в жаркую погоду, когда эти ямы распространяли страшную вонь и были обсижены мухами, около каждой из них можно было найти сотни людей, набрасывающихся на остатки, как только их вываливают из очередного мусорного грузовика; они пожирают всю мякоть, какая сохранилась на обрезках арбузов или дынь; они собирают и моют отбросы лука, капусты или картошки; они ухитряются добывать из помойных ям даже мясо, отрезая прогнившие части или посыпая их содой, чтобы перебить запах и вкус гниения».

Представители господствующих классов всячески изощряются в придумывании рецептов борьбы с безработицей. Эти рецепты нередко весьма ярко свидетельствуют о растерянности в лагере буржуазии. Так например в одной из крупнейших буржуазных газет Германии в начале 1933 г. появился следующий план спасения страны от безработицы:

«*Если бы* в Германии удлинить сон людей на 30%, а рабочее время сократить на 10%, тогда все было бы разрешено. Не стало бы безработных, лишней интеллигенции и т. п. Человек, который дольше спит, меньше курит, нуждается в меньшем количестве тепла, расходует меньше электрической энергии, меньше ест, реже посещает собрания (так как сон отнимает время для политической деятельности). Положение нашего народа было бы гораздо лучше, если бы можно было добиться общего удлинения времени сна. Безработный поступает умно, если он спит как можно дольше. Ему приходится в этом случае гораздо меньше страдать от мук неосуществимых желаний».

Десятки миллионов людей обречены на невыносимые *муки голода*. Уровень жизни тех, кто еще имеет работу, катастрофически падает. Такова картина положения рабочего класса в капиталистических странах.

Но может быть эти страны неожиданно так обеднели, что им нечем прокормить свое население? Ничуть не бывало. Несмотря на вынужденную праздность миллионов людей, Америка и сейчас самая богатая страна в мире. Склады там ломятся от изобилия товаров, которые некуда сбывать. Для покупки этих товаров нужны деньги, а у безработных денег нет. Владельцы товаров нередко прибегают к такому «выходу». Чтобы избежать очень сильного падения цен, они уничтожают громадные массы самых необходимых для жизни продуктов. В то время как безработные умирают от голода, богатые крестьяне в Соединенных штатах и Канаде сжигают собранную с полей кукурузу и пшеницу. Это оказывается для них выгоднее, чем покупать уголь для отопления. В Южной Америке вырубают целые леса каучуконосных деревьев, хотя множество народа нуждается в галошах.

В условиях кризиса буржуазия уничтожает не только огромное количество жизней трудящихся, обрекаемых на голодную смерть; капиталисты уничтожают не только гигантские количества готовых продуктов. Уничтожению подвергается также значительная часть накопленных десятилетиями богатств. Уничтожаются станки и машины, с лица земли сносятся целые предприятия, которые уже не могут давать своим владельцам прибыли.

Так например в *Соединенных штатах* уже в 1930 г. было разрушено 17 домен с годовой производительностью в 1 285 тыс. т. В центре текстильной промышленности Соединенных штатов, в штате Массачузетс, ежедневно тайным порядком уничтожаются тысячи веретен и станков. На фабриках в Бристоле уничтожено 1 800 станков и 70 тыс. веретен. На фабрике Пирса — 600 станков и 3 400 веретен. На фабрике «Соул» — 600 станков и 1 900 веретен.

В *Англии* в 1930 г. было создано специальное общество для скупки и разрушения верфей. Это общество скупило и разрушило 71 судостроительную верфь. В области текстильной промышленности намечено уничтожить 15 млн. веретен и 150 тыс. ткацких станков.

В *Германии* была разрушена крупнейшая судостроительная верфь «Вулкан» в Гамбурге. В Хемнице (Саксония) разрушен один из крупнейших и старейших машиностроительных заводов Германии — завод Гартмана. Это имя памятно многим старым металлистам в нашей стране: этот завод имел свои отделения и в дореволюционной России. Вот как описывает одна буржуазная немецкая газета гибель завода Гартмана: «Большая часть оборудования саксонского машиностроительного завода акц. о-ва Рихард Гартман в Хемнице, который состоит из 116 различных зданий и мастерских с 22 высокими дымовыми трубами, подвергается уже в течение нескольких недель слому. Полтора года огромный завод, который в течение почти ста лет поставлял всему миру свои локомотивы и разного рода машины, бездействует вследствие ликвидации всего предприятия. 800 служащих и 6 тыс. рабочих лишились работы. Машины проданы или заржавели. Для значительного числа пустующих зданий не нашлось никакого применения. И так как нет больше средств на оплату поземельных сборов и на расходы по содержанию построек и оборудования, то ликвида-

торы должны были решиться на слом. Место будет сравнено с землей, что изменит весь вид целой части города. Ликвидаторы продали также 400 тыс. кв. м земли, принадлежавшей гартмановскому заводу в хемницких пригородах Фурт и Борна, и эта земля будет теперь открыта для устройства поселков и дач. Таким образом гартмановский завод, который был некогда крупнейшим саксонским промышленным предприятием с 10 тыс. рабочих, выпадает теперь из хозяйственной жизни Саксонии. Кусок истории города Хемница и промышленной истории Саксонии и Германии нашел трагическое завершение».

Почему виновников этих безобразий не предают суду? — может нас спросить иной читатель. Почему их не судят перед всем народом, как преступников и вредителей? Их не только не судят в странах капитала, — эти люди там стоят *у власти.* Они считаются избранными и лучшими людьми в государстве. Им принадлежат несметные богатства. Они сами беспощадно расправляются с каждым рабочим или безработным, который нарушил установленные ими законы.

Такой строй господствует пока на пяти шестых частях земли. Этот строй называется *капитализмом.* До Октябрьской революции и в нашей стране существовал капиталистический строй. До Октября весь мир был во власти капитала. Пролетарская революция вырвала из-под этой власти пока одну шестую часть света. Наш Советский Союз окружен со всех сторон капиталистическими странами. Капиталисты никак не могут примириться с тем, что из их рук ушла одна шестая часть земного шара. Они строят всяческие козни против Советского Союза. Они затевают новую войну (интервенцию) против страны пролетарской диктатуры. Они всячески стараются помешать успехам социализма, сорвать пятилетку. Капиталисты, их газеты, их политики ведут бешеную травлю против Советского Союза, выдумывают и распространяют всякую ложь о нашей стране.

Глубокий кризис, охвативший капиталистические страны, приносит неисчислимые бедствия трудящимся массам. Капиталисты бессильны справиться с кризисом. Все чаще руководители капиталистических стран открыто заявляют, что для них лучшим выходом из кризиса является *война.* Усиление нажима на рабочий класс, дальнейшее его обнищание и новая преступная война — вот капиталистический план выхода из кризиса.

Свержение капитализма, установление советского строя, переход к социализму — таков план выхода из кризиса сознательного революционного пролетариата всех стран. Борьба против войны, борьба против интервенции, направленной против Советского Союза, — под этим лозунгом рабочие всех стран противодействуют преступным замыслам капиталистов.

У нас и у них

Такова картина двух борющихся в настоящее время миров — мира социализма и мира капитализма. Небывалый подъем социалистического строительства в СССР — небывалый кризис капиталистической системы. Гигантские всемирно-исторические победы первой пятилетки в СССР — невиданный распад и разрушение в мире капитализма. Таков *итог* борьбы и соревнования двух систем на нынешнем этапе.

За четыре года пятилетки наша страна благодаря большевистским темпам хозяйственного строительства прошла путь, который капиталистические страны при самых благоприятных условиях проходили в течение 20—40 лет. За четыре года кризиса производство в основных странах капитализма упало до того уровня, на котором оно находилось лет 40—50 тому назад. У нас за годы пятилетки промышленная продукция *увеличилась* более чем вдвое. В странах капитализма за годы кризиса промышленное производство *упало* на одну треть. Вот табличка, показывающая движение объема промышленного производства в СССР и в странах капитализма. Если взять объем производства 1928 г. за 100, то мы для 1932 г. будем иметь следующие цифры:

Страны	1932 г.
СССР	218,5
Капиталистический мир	67
В том числе САСШ	57
» » » Англия	80
» » » Германия	57
» » » Франция	74

У нас численность рабочих и служащих в одной лишь крупной промышленности *выросла* более чем вдвое. В ряде важнейших отраслей промышленности капиталистических стран число рабочих *сократилось* более чем вдвое. У нас зарплата рабочего *выросла* за годы пятилетки на 67%. У них *снижение* зарплаты за годы кризиса составляет в среднем не менее 40—45%. Стоимость всей промышленной продукции капиталистического мира была в 1930 г. ниже по сравнению с 1928 г. на 26 млрд. марок, в 1931 г. она стала ниже на 62 млрд. марок и в 1932 г. — на 110 млрд. марок. Мировая торговля в результате кризиса в 1932 г. составляла всего лишь одну треть по сравнению с 1929 г. У нас за годы пятилетки пущен в ход ряд гигантских предприятий, построенных по последнему слову науки и техники; у нас идет напряженная борьба за овладение командными высотами новейшей техники. У них — застой технической мысли, реакционные бредни о возврате к ручному труду, к кирке и лопате. У нас — рост крупнейшего сельского хозяйства, переход к новейшей технике в земледелии, значительный рост посевных площадей, неуклонный рост доходов колхозника. У них сельское хозяйство неслыханно пострадало за годы кризиса; происходит опустение земель, продажа крестьянских хозяйств с молотка, сокращение посевов, разорение огромных масс крестьянства. Годовой доход среднего американского крестьянина (фермера) упал с 847 долл. в 1929 г. до 187 долл. в 1932 г.

В результате выполнения пятилетки Советский Союз передвинулся в мировой добыче угля с шестого места на четвертое, по чугуну — с шестого на второе, по общему машиностроению — с четвертого на второе, а по сельхозмашиностроению — на первое место в мире.

Вот таблица, показывающая достижения пятилетки и изменение места СССР в производстве важнейших отраслей промышленности.

Виды производства	1913 г.	1928 г.	1932 г.			
			Во всем мире		В Европе	
Электроэнергия	15-е место	10-о место	6-е место		4-е место	
Каменный уголь	6 »	6 »	4 »		3 »	
Чугун	5 »	6 »	2 »		1 »	
Общее машиностроение	4 »	4 »	2 »		1 »	
Нефть	2 »	3 »	2 »		1 »	
Сельскохозяйственные машины	— »	4 »	1 »		1 »	
Тракторы	— »	4 »	1 »		1 »	
Торф	— »	— »	1 »		1 »	
Автомобили	— »	12 »	6 »		4 »	
Вся промпродукция	— »	5 »	2 »		1 »	

Так осуществляется задача — догнать и перегнать в технико-экономическом отношении передовые страны капитализма.

«Глубочайший кризис в странах капитализма — вернейшее доказательство приближающегося крушения капиталистического мира. Успехи социализма в СССР — лучшее доказательство преимущества социалистической системы перед системой капиталистической.

В странах капитала — катастрофическое падение производства, массовое свертывание и остановка фабрик и заводов, неслыханное разрушение производительных сил. В СССР — огромный и неуклонный рост производства, все более развертывающееся строительство фабрик, гигантских заводов, новых шахт и электростанций, недосягаемый для капитализма темп роста производительных сил.

В капиталистических государствах — жесточайшая безработица миллионов и крайнее обнищание многомиллионных масс деревни. В Советском Союзе — полная ликвидация безработицы и уничтожение нищеты, 7-часовой рабочий день на фабриках и заводах и неуклонный подъем благосостояния трудящихся масс города и деревни.

Все это еще более делает СССР центром притяжения рабочих всех стран и угнетенных всего мира. Революционизирующее значение Советского Союза растет. СССР крепнет как база международного социализма» (резолюция XVII партийной конференции).

Победы социализма в СССР служат красноречивым свидетельством преимущества социализма перед капитализмом. Небывалый по своей силе кризис, сотрясающий капиталистический мир, все ярче доказывает приближающееся крушение эксплоататорского капиталистического строя.

Огромные перспективы второй пятилетки у нас — беспросветность в стане капитализма. Растущий энтузиазм многомиллионных армий строителей социализма в СССР — и растущее озлобление широких масс трудящихся против преступного угнетательского строя в капиталистических странах. Советский Союз все более становится ярким маяком, притягивающим симпатии рабочих всех стран и угнетенных масс всего мира. Растет революционизирующее влияние Советского Союза. Наша страна крепнет как база международного социализма, как оплот мировой революции пролетариата, сметающей цепи капитализма во всем мире.

В начале нашей борьбы за пятилетку многие капиталисты и их наемные слуги утверждали о невозможности выполнения пятилетнего плана. В настоящее время наши злейшие враги — капиталисты — не заявляют больше, что пятилетка несбыточная затея. Слишком уж очевидна огромнейшая разница между успехами социализма у нас и упадком капитализма в стране наших врагов.

Победы социалистического строительства опрокинули все измышления наших врагов о несбыточности пятилетки, о ее неосуществимости. Победы пятилетки впервые в мировой истории на практике доказали *осуществимость* социалистического строя. Буржуазия и ее прислужники утверждали, что рабочий класс может лишь разрушать и неспособен создать новый общественный порядок. Итоги пятилетки не только доказали осуществимость социализма, но они также воочию показали огромные *преимущества* молодого социалистического строя перед дряхлым, уже отжившим свой век капитализмом.

«Итоги пятилетки опрокинули утверждение буржуазных экономистов о том, что капиталистическая система хозяйства является наилучшей системой, что всякая другая система хозяйства непрочна и неспособна выдержать экзамен перед лицом трудностей экономического развития. Итоги пятилетки показали, что капиталистическая система хозяйства несостоятельна и непрочна, что она уже отживает свой век и должна уступить свое место другой, высшей, советской, социалистической системе хозяйства, что единственная система хозяйства, которая не боится кризисов и способна преодолеть трудности, неразрешимые для капитализма,—это советская система хозяйства» (*Сталин*).

После окончания гражданской войны, при переходе к хозяй-

ственному строительству Ленин говорил: «Сейчас главное свое воздействие на международную революцию мы оказываем своей хозяйственной политикой». Отсюда ясно огромное *международное* значение успехов пятилетки. Рабочие капиталистических стран, стонущие под гнетом кризиса, под ярмом фашизма, смотрят на СССР как на социалистическое отечество мирового пролетариата. Наши успехи воодушевляют на борьбу рабочих капиталистических стран. Всемирно-исторические победы пятилетки являются крупнейшим фактором *мировой социалистической революции.*

Капиталисты и их прислужники начинают все чаще задумываться *о судьбе капиталистического строя.* Слишком уж бьет в глаза коренная разница, пропасть между бурным социалистическим строительством в Советском Союзе и загниванием капитализма в стране наших врагов. *Кому принадлежит будущее* — коммунизму или капитализму, — этот вопрос все чаще начинают ставить перед собой и наши враги.

Борьба двух систем (т. е. общественных порядков) — капитализма и социализма — вот что стоит в центре нашего времени. Два различных противоположных мира стоят друг против друга. Мир труда, рабочей власти, мир социализма — в нашем Советском Союзе. Мир буржуазии, погони за прибылью, безработицы и голода — в остальных странах. На нашем знамени написано: «Не трудящийся да не ест». На знамени буржуазии можно было бы написать: «Трудящийся да не ест». Понятно, что сознательные рабочие всего мира считают Советский Союз своим социалистическим отечеством.

Необходимо помнить, что капиталистический строй насилия и гнета сам собою не исчезнет. Он погибнет лишь в результате *борьбы рабочего класса.* Лишь революционная борьба сознательного пролетариата столкнет в могилу капитализм, ставший невыносимым для огромных масс трудящихся.

Капитализм или социализм? Этот вопрос встал во весь рост вместе с возникновением Советского Союза. Капитализм или социализм? Этот вопрос ставится все острее по мере наших успехов, по мере развала капитализма.

Диктатура пролетариата — путь к социализму

Во всех капиталистических странах власть находится в руках буржуазии. Какая бы государственная форма там ни была, под ней неизбежно и всегда скрывается *диктатура буржуазии.* Цель буржуазного государства — охранять капиталистическую эксплоатацию, охранять собственность буржуазии на фабрики и заводы, собственность помещиков и кулаков на землю.

У нас в Советском Союзе рабочий класс завоевал себе поли-

тическую власть, политическое господство. Октябрьская революция утвердила *господство пролетариата*, диктатуру рабочего класса. Рабочий класс добивается овладения государственной властью не ради нее самой. Государственная власть в руках пролетариата — это средство для построения нового социалистического общества.

«Его цель — создать социализм, уничтожить деление общества на классы, сделать всех членов общества трудящимися, отнять почву у всякой эксплоатации человека человеком. Эту цель нельзя осуществить сразу, она требует довольно продолжительного переходного периода от капитализма к социализму, — и потому, что *реорганизация* производства вещь трудная, и потому, что нужно время для коренных перемен во всех областях жизни, и потому, что громадная сила привычки к мелкобуржуазному и буржуазному хозяйничанью может быть преодолена лишь в долгой, упорной борьбе. Поэтому Маркс и говорит о целом периоде диктатуры пролетариата как периоде перехода от капитализма к социализму» (*Ленин*).

Переход от капитализма к социализму нельзя осуществить сразу. Неизбежен довольно длительный *переходный период*. В этот период государственная власть находится в руках рабочего класса. Он пользуется этой властью для подавления сопротивления эксплоататоров. После своего свержения эксплоататоры начинают оказывать еще более ожесточенное сопротивление пролетарской диктатуре. После Октябрьской революции русская буржуазия при непосредственной помощи иностранной окружила Советскую страну огненным кольцом. С юга, с севера, с востока, с запада — отовсюду надвигались белогвардейские полчища на страну рабочей диктатуры.

В годы гражданской войны пролетариат отразил бешеный натиск врагов. Перейдя к мирному хозяйственному строительству, Советская страна принялась, засучив рукава, за восстановление промышленности, сельского хозяйства и транспорта, разрушенные в годы войны. Но сопротивление эксплоататорских классов не прекратилось. Оно лишь приняло иные формы, в соответствии с новой обстановкой.

Диктатура буржуазии означает подавление огромного большинства населения в интересах небольшой кучки тунеядцев и паразитов. Диктатура пролетариата означает подавление сопротивления небольшой кучки эксплоататоров в интересах подавляющего большинства населения, в интересах всей массы трудящихся. Пролетариат пользуется своей диктатурой для того, чтобы уничтожить всякую эксплоатацию человека человеком. Завоевав политическую власть, пролетариат становится господствующим классом: он распоряжается всем обобщест-

вленным производством, подавляет противодействие эксплоататоров, руководит промежуточными, колеблющимися элементами и классами. Став господствующим классом, пролетариат приступает к созданию такого строя, при котором не будет классов господствующих и подчиненных, так как не будет классов и классового различия вообще.

При социализме уничтожается деление общества на классы, уничтожаются классовые противоречия и классовая борьба, уничтожается деление на эксплоататоров и эксплоатируемых. Но путь к бесклассовому социалистическому обществу лежит через период *ожесточенной классовой борьбы*.

Ленин неустанно подчеркивал, что диктатура пролетариата — период долгой и упорной классовой борьбы с эксплоататорами, со всеми остатками прежде господствовавших классов. Он писал:

«Социализм есть уничтожение классов. Диктатура пролетариата сделала для этого уничтожения все, что могла. Но сразу уничтожить классы нельзя. И классы *остались и останутся* в течение эпохи диктатуры пролетариата. Диктатура будет не нужна, когда исчезнут классы. Они не исчезнут без диктатуры пролетариата. Классы остались, но *каждый* видоизменился в эпоху диктатуры пролетариата; изменилось и их взаимоотношение. Классовая борьба не исчезает при диктатуре пролетариата, а лишь принимает иные формы».

Принимая новые формы, классовая борьба при диктатуре пролетариата становится еще упорнее. Да это и неудивительно: господствовавшие прежде классы идут, что называется, на все тяжкие, лишь бы снова вернуть себе утерянное положение. Эксплоататоры не останавливаются ни перед какими средствами, ни перед какими тягчайшими преступлениями против интереса огромного большинства трудящихся, чтобы не допустить конца своего господства.

«Уничтожение классов — дело долгой, трудной, упорной *классовой борьбы*, которая *после* свержения власти капитала, *после* разрушения буржуазного государства, *после* установления диктатуры пролетариата *не исчезает*, а только меняет свои формы, становясь во многих отношениях еще ожесточеннее» (*Ленин*).

Вся история нашего социалистического строительства блестяще подтверждает это положение Ленина. Огромные завоевания социалистической стройки достигнуты в ходе непрекращающейся ожесточеннейшей борьбы со всеми последышами старого эксплоататорского строя. Мы добились крупнейших и

решающих побед над всеми отрядами буржуазии. Победы пятилетки гигантски укрепили позиции социализма в нашей стране. Пятилетка нанесла ряд сокрушительнейших ударов остаткам эксплоататорских классов. Но тем сильнее становится их сопротивление. Тем гнуснее становятся способы их борьбы против социализма. Будучи наголову разбиты в открытом бою, кулаки, торговцы, всякие бывшие люди, принадлежавшие к эксплоататорским классам, пробираются на наши предприятия и в учреждения и пытаются подкопаться под мощное социалистическое здание нашей страны путем вредительства, воровства и т. д. Необходима поэтому неослабная классовая бдительность пролетариата, необходимо всемерное укрепление пролетарской диктатуры.

«Сильная и мощная диктатура пролетариата, — вот что нам нужно теперь для того, чтобы развеять впрах последние остатки умирающих классов и разбить их воровские махинации» (*Сталин*).

Наша партия ведет пролетарпат к полной победе социализма. Против политики партии, против ее генеральной линии выступают *правые и «левые»* уклонисты, отражающие влияние враждебных пролетариату классов. Лишь в беспощадной борьбе на два фронта — против оппортунистов всех мастей и против примиренчества к оппортунизму — партия успешно ведет развернутое социалистическое наступление по всему фронту. С победами социализма сопротивление обреченных на гибель врагов социализма возрастает. Обостряется классовая борьба. Лишь путем решительного сокрушения остатков буржуазии и кулачества, лишь путем непримиримой классовой борьбы мы идем к социализму, к уничтожению классов.

§ 2. Что такое политическая экономия и чему она учит?

Марксизм-ленинизм — учение пролетариата

В Советском Союзе власть находится в руках рабочего класса. Нелегко было рабочим завоевать власть, свергнуть господство буржуазии. Во всех капиталистических странах буржуазия еще и сейчас у власти. Многие рабочие постарше прекрасно помнят, как приходилось в прежние годы сознательным рабочим-большевикам в подполье, скрываясь от полиции и жандармов, строить и крепить свои организации, подготовлять революцию. В этой борьбе могучим оружием рабочего класса всегда было *учение Маркса и*

Ленина. После победы пролетарской революции учение Маркса и Ленина показывает победившему пролетариату путь дальнейшей борьбы со всеми врагами социализма, путь правильной политики, ведущей к построению полного социалистического общества. Учение Маркса—Ленина является могучим оружием в руках сознательных рабочих всех стран, выступающих на борьбу против капитала.

В своем объяснении к проекту программы нашей партии более тридцати лет назад Ленин писал, что теория Маркса «впервые превратила социализм из утопии в науку, установила твердые основания этой науки и наметила путь, по которому должно итти, развивая дальше эту науку и разрабатывая ее во всех частностях. Она раскрыла сущность современного капиталистического хозяйства, объяснив, каким образом наем рабочего, купля рабочей силы прикрывает порабощение миллионов неимущего народа кучкой капиталистов, владельцев земли, фабрик, рудников и пр. Она показала, как все развитие современного капитализма клонится к вытеснению мелкого производства крупным, создает условия, делающие возможным и необходимым социалистическое устройство общества. Она научила видеть под покровом укоренившихся обычаев, политических интриг, мудреных законов, хитросплетенных учений — *классовую борьбу*, борьбу между всяческими видами имущих классов с массой неимущих, с *пролетариатом*, который стоит во главе всех неимущих. Она выяснила настоящую задачу революционной социалистической партии: не сочинение планов переустройства общества, не проповедь капиталистам и их прихвостням об улучшении положения рабочих, не устройство заговоров, *а организацию классовой борьбы пролетариата и руководство этой борьбой, конечная цель которой — завоевание политической власти пролетариатом и организация социалистического общества*».

Марксизм впервые положил начало научному подходу к развитию человеческого общества. Буржуазные ученые бессильны объяснить те законы, по которым развивается общество. История общества представляется им сплошной цепью случайностей, в которых нельзя найти никакой закономерной связи. Маркс впервые показал, что развитие общества, как и развитие природы, совершается по определенным внутренним законам. Однако, в отличие от законов природы, законы развития человеческого общества осуществляются не помимо воли и действий людей, а наоборот, именно через действия огромных людских масс. Марксизм раскрыл, что капиталистический строй в силу присущих ему внутренних противоречий неуклонно идет к собственной гибели. Однако марксизм учит, что гибель капитализма произойдет не сама собой, а лишь в результате ожесточенной классовой борьбы пролетариата против буржуазии. Подлейшим извращением марксизма является меньшевистская теория о том, что если дескать общество развивается по определенным законам, то рабочий класс может сидеть сложа руки и ждать, пока эти законы сами собой приведут

к замене капитализма социализмом. В том-то и дело, что сами собой законы общественного развития не осуществляются. Они прокладывают себе путь лишь посредством классовой борьбы, происходящей в обществе.

Буржуазия нередко сама признается, что она не знает тех законов, по которым идет развитие общества. Вот что писала например одна влиятельная английская буржуазная газета в условиях нынешнего кризиса: «Мы знаем больше о скорости движения электрона, чем о скорости движения денег. Мы знаем больше о вращении земли вокруг солнца и солнца в мировой системе, чем о промышленных циклах. Мы можем предсказывать движение невидимых и недостижимо далеких небесных тел с несравненно большей точностью, чем мы можем предсказать окончание кризиса». Такова растерянность в стане буржуазии, не знающей, что принесет завтрашний день. Пролетариат, вооруженный марксистско-ленинским учением, с уверенностью ведет борьбу за социализм. Он знает законы развития общества; своей борьбой, своими действиями, своей активностью он осуществляет эти законы, обусловливающие гибель капитализма и победу социализма.

Марксизм-ленинизм учит нас раскрывать под всяческими покровами классовую борьбу обездоленных против их угнетателей. Марксизм-ленинизм учит, что единственным путем к социализму является решительная классовая борьба пролетариата, который свергает власть буржуазии и утверждает свою диктатуру.

Противоположность между классами при капитализме

Возьмем любую капиталистическую страну. Будь это страна передовая или отсталая, первое, что бросится в глаза, — это противоположность между классами. В роскошных дворцах, на улицах, утопающих в зелени, живут немногие богачи. В грязных, прокопченных домах, в каменных мешках или жалких хибарках на безрадостных улицах живут рабочие, которые доставляют богачам их несметные доходы.

В крупнейших столицах капиталистических стран капиталисты и рабочие живут в различных частях города.

Так например в Берлине буржуазным районом является западная часть города. Там расположены дома, в которых обитает крупная буржуазия и обслуживающая ее челядь. Частенько огромные квартиры на 12—15 комнат стоят большую часть года пустыми — хозяева проводят время на солнечном юге, на морском побережьи или в горах, среди снежных вершин. Принадлежат такие огромные квартиры или отдельные особняки (виллы) буржуазным семьям, состоящим нередко из 2—3 человек. Пролетарскими районами Берлина являются главным образом северный район (Веддинг) и южный (Нойкельн). Там нагромождены друг на друга огромные мрачные дома казарменного типа. Узкие полутемные дворы, куда выходят окна квартир. В каждой квартире живет обычно по нескольку рабочих семей, в каждой комнате по нескольку человек, взрослые совместно с подрастающими детьми. Тысячи бездомных вообще не имеют пристанища. Они ночуют под мостами железных дорог, на вокзале, на бульварных скамейках. Городское управление заботится прежде всего о тех районах города, где обитает буржуазия. Там масса зелени, имеются прекрасные городские сады и парки. Там прекрасное сообщение: трамваи, автобусы,

железные дороги. Там образцовая чистота, улицы содержатся в порядке, ночью яркое освещение. Не то в рабочих районах. Можно пройти много километров — и не найдешь ни одного сада. Зато там много фабрик и заводов, отравляющих воздух дымом, копотью, вредными химическими испарениями. В буржуазных кварталах масса богатых и блестящих магазинов, торгующих всякими предметами роскоши. В пролетарских районах — дешевые лавки с изобилием всякой дряни.

В Берлине, населенном 4½ млн., имеется 200 человек, владеющих свыше 1 млн. марок, 10 тыс. — свыше 250 тыс. марок, 50 тыс., имеющих от 50 до 100 тыс. марок. Наряду с этими паразитами в Берлине живут 600 тыс. безработных, а считая и их семьи — 1 800 тыс. человек.

При капитализме общество распадается на *два* больших враждебных *лагеря*, на *два* противоположных *класса* — буржуазию и пролетариат. Это очевидно при первом же взгляде на современный капиталистический мир. Буржуазия сосредоточивает в своих руках все богатство, всю власть: в ее руках фабрики, заводы, шахты, земля, банки, железные дороги; буржуазии принадлежит *господство*. На стороне пролетариата скопляются все бесправие, вся нищета. *Противоположность между буржуазией и пролетариатом* — вот самое важное отличие любой капиталистической страны. *Борьба* между рабочим классом и буржуазией — вот что стоит там на первом месте. *Пропасть* между этими двумя классами все углубляется, все возрастает. С ростом классовых противоречий растет возмущение рабочих масс, крепнет их воля к борьбе, возрастает их революционное самосознание, укрепляется вера в собственные силы и свою окончательную победу над капитализмом.

Вот один из бесчисленных образчиков того, как живут рабочие и как живет эксплоатирующая их буржуазия. В Германии в одном из богатейших угольных районов, Вальденбурге, находятся владения князя Плесса. Одна германская писательница Анна Симсен в своей недавно вышедшей книге «Германия вчера и завтра» следующим образом описывает жизнь горняков Вальденбурга:

«Нигде в Германии не видно столько детей в лохмотьях, как во владениях князя Плесса. Нигде не переплелись так тесно феодальное владычество и капиталистическая эксплоатация, как в Вальденбурге. В этом районе горняки систематически голодают. Те, кто не умирают с голода, гибнут в шахтах от ядовитых газов или обвалов. Дешевле жизни горняков ничто не ценится в Вальденбурге».

«Среди нас имеются рабочие, — пишет один горняк в письме, — которые круглый год работают в воскресных сменах, чтобы не умереть с голоду. Горняк, имеющий 6 детей, зарабатывает в месяц, проработав 24 смены, всего 124 марки. После всевозможных вычетов у него едва остается 100 марок на жизнь».

В то же время княгиня Плесс записывает в своем дневнике:

«Я сказала Гансу, что в конце этого года у нас останется сумма на 3 млн. бо́льшая, чем в прошлом году, и мы могли бы приобрести новые картины, специальный поезд, яхты, новые замки и дома, которые Ганс так любит».

«В последнее время, — пишет Симсен, — князь Плесс сократил произ-

водство, и государство пришло ему на помощь, ибо кому много дано, тот получит еще больше, а у кого ничего нет, у того отнимается последнее».

Кризис приносит неисчислимые лишения пролетариату. Массовая безработица, снижение зарплаты, тысячи самоубийств доведенных до отчаяния людей, голодная смерть и болезни, рост смертности среди детей — таковы прелести капитализма для рабочих. В то же время буржуазия попрежнему получает огромные доходы.

Так например по сообщениям германских газет 43 директора красочного треста получают по 145 тыс. марок в год; 4 директора «Шуберт и Зальцер» — по 145 тыс.; 2 директора акционерного общества «Ильзе» — по 130 тыс.; 7 директоров акционерного общества «Манесман» — по 135 тыс.; 22 директора страхового общества «Альянс» — по 80 тыс.

Миллионные массы голодают для того, чтобы кучка паразитов могла жить в роскоши и безделье. Такова картина капитализма, такова картина раздирающих его классовых противоречий, обостренных до крайности небывалым кризисом.

Интересы буржуазии и пролетариата противоположны. Буржуазия стремится всеми мерами насилия и обмана удержать свое господство. Пролетариат по мере роста своего классового сознания стремится уничтожить капиталистическое рабство, заменив его социалистическим строем.

Буржуазия и пролетариат — *основные классы* в капиталистических странах. Их взаимоотношения, их борьба — вот что определяет судьбы капиталистического общества. Но наряду с капиталистами и рабочими во всех странах капитализма существуют другие, промежуточные слои. Во многих странах эти промежуточные слои весьма многочисленны.

Мелкие и средние крестьяне, ремесленники, кустари — вот эти промежуточные слои. Эти слои мы называем мелкой буржуазией. С буржуазией их роднит то, что они имеют свои собственные земельные участки, инструменты, орудия. Но в то же время они труженики, и это их роднит с пролетариатом. Капитализм неизбежно ведет к обнищанию промежуточных классов. Они размываются при капитализме. Небольшие кучки «выходят в люди», пролезают в ряды эксплоататоров, огромные массы нищают и скатываются в ряды пролетариата. Пролетариат в своей борьбе против капитала находит поэтому себе союзников в виде широких масс трудящегося крестьянства.

Что такое классы?

Буржуазия и пролетариат — это два главных, основных класса в каждой капиталистической стране. Буржуазии принадлежит господство. Но буржуазия не может существовать без рабочего класса. Капиталист не сможет благоденствовать, если на его фабрике не будут гнуть спину и обливаться потом сотни и тысячи рабочих.

Их пот и кровь превращаются в капиталистическом мире в звонкую монету, наполняющую карманы богачей. Рост и укрепление господства буржуазии неизбежно влекут за собой также рост рабочего класса, увеличение его численности и сплоченности. Таким образом буржуазия сама готовит себе могильщика. По мере того как развивается капиталистический строй, в его недрах зреют силы нового, социалистического общества. Классы, их борьба, противоречия классовых интересов — вот что заполняет жизнь капиталистического общества.

Но что такое классы? На этот вопрос Ленин дал следующий ответ в своей речи на III съезде комсомола:

«Что такое классы вообще? Это то, что позволяет одной части общества присваивать себе труд другой. Если одна часть общества присваивает себе всю землю, мы имеем класс помещиков и крестьян. Если одна часть общества имеет фабрики и заводы, имеет акции и капиталы, а другая работает на этих фабриках, мы имеем класс капиталистов и пролетариев».

В чем однако заключается секрет того, что одна часть общества получает возможность присваивать себе труд другой части общества? И в чем причина того, что появляются целые группы людей, которые «не сеют, а жнут»? Чтобы разобраться в этом, надо посмотреть, *как устроено производство* в обществе. Каждый рабочий, каждый крестьянин-труженик прекрасно знает, что такое производство. Для своего существования люди нуждаются в пище, в одежде, в жилище. Рабочему и крестьянину нечего объяснять, что эти вещи с неба не падают, да и на земле не валяются в готовом виде. Каждый трудящийся отлично знает, сколько труда затрачивается на постройку домов, на полях, производящих хлеб, на фабриках и заводах, выделывающих все необходимое человеку. Каждый рабочий, каждый крестьянин-труженик сам участвует в производстве.

Посредством труда люди изменяют предметы, которые даются природой, приспосабливают их для удовлетворения своих нужд и потребностей. В недрах земли люди находят уголь, железную руду, нефть. Люди посредством своего труда вытаскивают эти полезные предметы на поверхность земли. Здесь на металлургических заводах руда переплавляется в железо. Из железа выделываются самые разнообразные предметы, начиная от паровоза и кончая ножиком или иголкой.

Всем известно, что люди трудятся не в одиночку, а *сообща*. Что мог бы сделать один человек в угольных копях, на желез-

ных рудниках, на любом заводе или фабрике? И прежде всего разве такие предприятия могли бы возникнуть без объединения целых тысяч и десятков тысяч людей? Однако не только на крупных предприятиях немыслим труд в одиночку. Даже крестьянин-единоличник, который при помощи своей клячи обрабатывает клочок земли, тоже не мог бы существовать, если бы другие люди ему не доставляли всякие необходимые вещи. Кустарь или ремесленник, работающий один, на самом деле не мог бы и шагу ступить без инструментов и материалов, которые произведены трудом других людей.

Мы видим таким образом, что производство протекает в обществе. Производство является *общественным*, но устроено оно бывает *по-разному*.

Для того чтобы производить, требуются земля, фабричное здание, машины, сырье. Все это мы называем *средствами производства*. Однако средства производства мертвы без *живого человеческого труда*, без живой *рабочей силы*. Лишь когда рабочая сила применяется к средствам производства — начинается процесс производства. Место и значение различных классов в человеческом обществе определяются тем отношением, которое каждый из классов имеет к средствам производства. Например при помещичьем строе основное средство производства — земля — находится в руках помещиков. Пользуясь своею собственностью на землю, помещик эксплоатирует крестьян. При капиталистическом строе все предприятия, все средства производства находятся в руках буржуазии. Рабочий класс не имеет никаких средств производства. Это является основой для эксплоатации пролетариата буржуазией.

Капитализм не создал классов и классовых различий. Классы существовали и до капитализма, при помещичьем крепостном строе (при феодализме) и еще ранее. Но капитализм поставил новые классы на место старых. Капитализм создал новые способы классового угнетения и классовой борьбы.

«Классами называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большею частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы — это такие группы людей, из которых одна может присваивать себе

труд другой, благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства» (*Ленин*).

Производительные силы и производственные отношения

Марксизм впервые раскрыл законы развития человеческого общества. Он показал, что в основе развития общества лежит экономика, а важнейшей пружиной общественного развития является классовая борьба. Борьба угнетенных классов против своих угнетателей — вот что служит основным двигателем истории.

Мы уже видели, что классы различаются между собой по тому месту, которое они занимают в определенной системе общественного производства. Мы видели также, что место каждого класса определяется тем отношением, в котором он находится к средствам производства. В процессе производства. между людьми устанавливаются определенные отношения.

Мы уже знаем, что общественное производство бывает устроено по-разному. У нас, в Советском Союзе, общественный строй один, а в капиталистических странах — совершенно иной. У нас пролетариат занимает господствующее положение на фабриках, заводах, во всем государстве. В капиталистических странах пролетариат обречен на подневольный труд, на подчиненное и бесправное положение. Фабрики, заводы, железные дороги, земля, банки — все это там принадлежит буржуазии. Буржуазия держит в своих руках все средства производства. Это дает ей возможность высасывать соки из рабочих, угнетать и порабощать рабочий класс. Отношение между буржуазией и пролетариатом, отношение между капиталистами-угнетателями и эксплоатируемыми рабочими накладывает решающую печать на весь строй любой капиталистической страны.

В ходе производства между людьми, между целыми классами устанавливаются определенные отношения. Эти отношения мы называем *производственными отношениями*. Отношение между рабочим и капиталистом может служить примером производственного отношения. В Советском Союзе производственные отношения совершенно иные, нежели в капиталистических странах. Каждый общественный уклад, каждый уклад общественного производства определяется господствующими в нем отношениями производства.

Чем определяются производственные отношения в обществе, от чего они зависят? Маркс показал, что производственные отношения зависят от уровня развития *материальных производительных сил общества*. На различных ступенях развития общество располагает различным уровнем производитель-

ных сил. В нынешнее время производство ведется главным образом на крупных фабриках и заводах при помощи сложных машин. Даже в сельском хозяйстве, где веками господствовала прадедовская соха, все больше применяется сложных машин: тракторов, комбайнов. Однако в прежние времена труд людей протекал по-иному. Нынешних сложных машин еще не было и в помине. В стародавние времена камень да простая палка были единственными орудиями, которыми пользовался человек. С тех пор прошло немало тысяч лет. Постепенно человек открывал все новые способы труда, приучался делать все новые орудия. Орудия и машины — это слуги и помощники человека. С их помощью человеческий труд производит огромные массы таких вещей, о которых раньше не имели понятия. Понятно, что и самый труд человеческий меняется с изменением средств производства, с появлением новых машин. Особенно быстро растет техника за последние сто-полтораста лет.

Лет полтораста назад люди еще не знали паровой машины, лет пятьдесят назад электричество только стало применяться. Железные дороги развились лишь в течение последнего столетия. Автомобили стали распространяться лишь в последние несколько десятилетий, тракторы — еще более недавнего происхождения. Люди постарше прекрасно помнят, когда впервые появились аэропланы — это было незадолго до войны. Радио стало распространяться уже после войны.

Вместе с развитием производительных сил меняются и производственные отношения.

«Общественные отношения производства, — писал Маркс, — изменяются одновременно с изменением и развитием материальных средств производства, с изменением производительных сил».

Мы уже видели например, что в первобытные времена уровень развития производительных сил был чрезвычайно низким. Орудия труда были еще неразвиты. Человек еще плохо умел бороться с природой. У первобытных племен добычи от охоты в обрез хватало на прокормление племени. Никакого излишка не оставалось. Поэтому там не могло существовать классов, из которых один живет за счет другого. Деление общества на классы появляется уже на более высокой ступени в развитии производительных сил.

До определенных пределов производственные отношения способствуют развитию материальных производительных сил. Так например капитализм в корне переделал старые способы труда, вызвал появление и развитие крупного машинного про-

изводства. Но на известной ступени своего развития производительные силы приходят в противоречие с теми производственными отношениями, внутри которых они развивались.

«Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социального переворота» (*Маркс*).

Мы в настоящее время переживаем именно такую *эпоху социальной революции*. Производственные отношения капиталистического общества стали оковами для дальнейшего развития производительных сил. Свергая власть капитала, пролетариат разрывает эти оковы. Пролетарская революция освобождает скованные капитализмом производительные силы и открывает безграничный простор для их развития.

Что изучает политическая экономия

Капиталистический строй, покоящийся на зверской эксплоатации трудящихся масс, сам собой не уйдет со сцены. Только беззаветная *революционная борьба* рабочего класса, опирающегося на союз с основными массами крестьянства и трудящихся колоний, приведет к *гибели капитализма* и к *победе социализма* во всем мире.

Как устроен капитализм, как устроена вся его механика порабощения рабочих масс небольшой кучкой капиталистов? Знать это необходимо, чтобы сознательно и активно участвовать в той гигантской борьбе между капитализмом и социализмом, которая в настоящее время происходит во всем мире.

Развитие капитализма приводит к победе пролетарской революции, к победе нового социалистического строя. Это было установлено Марксом еще много десятков лет назад. К этому выводу Маркс пришел путем тщательного изучения капиталистического строя производства, путем раскрытия законов его развития и гибели.

Отсюда ясно, какое *огромное значение* имеет политическая экономия, которая, по словам Ленина, есть «наука о развивающихся исторических укладах общественного производства». Эта наука составляет очень важную часть всего учения Маркса и Ленина.

«Конечной целью моего сочинения, — говорит Маркс в предисловии к «Капиталу», — является открытие экономического закона движения современного общества», т. е. капиталистического общества. Маркс поставил своей целью открыть закон движения капиталистического общества, чтобы указать путь пролетариату в его борьбе за свое освобождение. «Исследование производственных отношений данного, исторически опре-

деленного общества в их возникновении, развитии и упадке — таково содержание экономического учения Маркса», — говорит Ленин.

Прислужники буржуазии, ее ученые лакеи, ее наймиты и холопы из меньшевистского лагеря стараются в различных формах «доказать» вечность и незыблемость капиталистического строя, капиталистических отношений. Совершенно ясна та гнусная цель, которую они при этом преследуют. Они хотят убедить рабочих, что не может быть и речи о свержении капитализма. Гибель капитализма, — говорят они, — это гибель человечества. Если человеческое общество будет еще существовать дальше, то оно будет существовать, по их уверениям, лишь на основе капиталистического строя. Отсюда их стремление представить все основные законы капитализма, все важнейшие общественные отношения капиталистического строя как вечные законы, как незыблемые отношения. Так было — так будет, — говорят наймиты буржуазии.

Политическая экономия Маркса и Ленина не оставляет и камня на камне от этих реакционных бредней. Марксистско-ленинская теория показывает, как возникают капиталистические отношения на развалинах прежнего строя, как они развиваются и как развитие внутренних, все обостряющихся противоречий капитализма неизбежно влечет его к гибели, приводит к победе социалистической революции пролетариата — этого могильщика буржуазии.

История человечества нам показывает, что люди жили на земле много тысяч лет, совершенно не зная капитализма. А это означает, что те законы, которые политическая экономия раскрывает в капиталистическом производстве, не являются вечными и неизменными. Наоборот, эти законы возникают лишь с возникновением и развитием капитализма. Они уничтожаются по мере того, как уничтожается породивший их капиталистический строй.

Маркс и Энгельс занимались изучением главным образом капиталистического строя. Главный труд Маркса — «Капитал» — посвящен изучению экономического строя капиталистического общества. Экономическое учение Маркса дает нам прежде всего исследование производственных отношений капиталистического общества в их возникновении, развитии и упадке. Марксистско-ленинская политическая экономия раскрывает прежде всего производственные отношения людей в капиталистическом обществе. Она глубоко проникает во все тайники капиталистического строя насилия и эксплоатации. Она раскрывает истин-

ную природу отношений между классами, которые всячески стараются затуманить ученые слуги буржуазии.

Марксизм-ленинизм изучает производственные отношения людей в капиталистическом обществе в их развитии, в их движении. Производительные силы человеческого общества, как мы уже знаем, развиваются в рамках определенных производственных отношений. Однако развитие капиталистического общества приводит к тому, что производительные силы перерастают рамки тех производственных отношений, в пределах которых они до поры до времени росли и развивались. Противоречия между производительными силами капиталистического общества и его производственными отношениями все обостряются и углубляются. Эти противоречия находят свое выражение в классовой борьбе между буржуазией, защищающей сохранение эксплоататорского строя, и пролетариатом, борющимся за уничтожение всякой эксплоатации человека человеком.

В центре своего внимания марксистско-ленинская политическая экономия ставит развитие противоречий капитализма, ведущих к его гибели, к победе социалистической революции пролетариата. Социальная революция обусловлена противоречиями между производительными силами и производственными отношениями при капитализме, которые находят свое выражение в классовой борьбе. Эти противоречия неизбежно растут и обостряются вместе с развитием капиталистического общества.

Отсюда понятна предательская роль всех меньшевистских попыток изучать производственные отношения в отрыве от производительных сил, изгнать из политической экономии противоречия между производительными силами и производственными отношениями. Так например меньшевик Рубин изображал дело так, будто политическая экономия изучает одни лишь «чистые» производственные отношения, что ей нет никакого дела до производительных сил и до противоречий между производительными силами и производственными отношениями, обусловливающими социальную революцию.

Другое опасиейшее извращение марксистско-ленинской теории заключается в механистическом понимании взаимоотношений между производительными силами и производственными отношениями, при котором исчезают противоречия между ними. При таком подходе совершенно извращается действительный ход развития общества и совершенно скрадываются те противоречия, которые ведут к социальной революции.

На смену капитализму идет социализм. При социализме производственные отношения в обществе строятся совершенно иначе, нежели при капитализме. Должна ли политическая экономия изучать эти отношения? Безусловно должна. Ленин указывал, что политическая экономия есть «наука о развивающихся исторических укладах общественного производства».

Энгельс — ближайший соратник Маркса — указывал, что «политическая экономия в широком смысле слова есть наука о законах, управляющих производством и обменом материальных жизненных благ в человеческих обществах».

Значит ли это, что она устанавливает одни и те же законы для различных укладов общественного производства? Отнюдь нет. Напротив, каждый строй общественного производства имеет свои особенные законы. Те законы, которые действуют при капитализме, теряют свою силу и свое значение при социализме.

В настоящее время, когда победная стройка социализма развертывается на одной шестой части земного шара, ясно, какое огромное практическое значение имеет изучение экономической структуры социализма, равно как и переходного периода между капитализмом и социализмом.

Теория для нас — не догма (т. е. мертвое вероучение), а *руководство к действию*. Теория имеет огромное значение для революционной борьбы.

«Величайшее в мире освободительное движение угнетенного класса, самого революционного в истории класса, невозможно без революционной теории», — неоднократно подчеркивал Ленин.

«Известно, что теория, если она является действительно теорией, дает практикам силу ориентировки, ясность перспектив, уверенность в работе, веру в победу нашего дела. Все это имеет — и не может не иметь — громадное значение в деле нашего социалистического строительства», — говорит т. Сталин.

Поэтому «необходимо, чтобы теоретическая работа не только поспевала за практической, но и опережала ее, вооружая наших практиков в их борьбе за победу социализма».

Политическая экономия должна нам давать ясное и отчетливое понимание как законов развития и гибели капиталистического строя, так и законов возникающего на его развалинах нового социалистического строя. Политическая экономия марксизма-ленинизма освещает ярким светом как картину разрушения капиталистического мира, так и картину строящегося социалистического мира в СССР.

Отсюда понятно, что все попытки искусственно замкнуть политическую экономию в узкие рамки одного лишь изучения капиталистического строя наруку врагам социалистической стройки. Такие попытки мешают теоретически осмыслить гигантский опыт хозяйственного строительства в Советском Союзе, опыт, имеющий неоценимое значение не только для нашего дальнейшего развития, но и для рабочего класса всего мира. Такие попытки ведут к отставанию теории от практики, к отрыву теории от

практики, которые наруку лишь нашим врагам. Такое понимание политической экономии как науки исключительно лишь о капиталистическом строе было распространено у нас среди многих экономистов в течение нескольких лет, с легкой руки одного из теоретиков социал-фашизма Гильфердинга и меньшевика Рубина, занимавшегося идеалистической ревизией марксизма. Против такого понимания резко высказывался Ленин.

Два мира, мир капитализма и мир социализма, и их беспощадная борьба — вот что стоит в настоящее время в центре внимания политической экономии.

Политическая экономия — боевая классовая, партийная наука

Отсюда ясно, что политическая экономия — боевая классовая наука. Буржуазия заинтересована в том, чтобы скрыть от посторонних глаз неизбежные законы гибели капитализма и торжества коммунизма. С этой целью она содержит целые своры ученой челяди. Буржуазные профессора экономисты — эти «ученые приказчики класса капиталистов», по выражению Ленина, служат верой и правдой капитализму, всячески приукрашивая и прихорашивая строй угнетения и рабства. Буржуазные экономисты всячески скрывают, замазывают, затемняют действительные законы капиталистического производства. Они пытаются увековечить капитализм. Они изображают капитализм как единственно возможный порядок общественной жизни. В их изображении законы капитализма — это вечные и неизменные законы. Таким лживым образом они пытаются спасти капитализм от его неизбежной гибели.

Во главе революционной борьбы рабочего класса стоит *коммунистическая партия*. Лишь твердое руководство коммунистической партии обеспечивает победу пролетариата. Все враги коммунизма с бешеной ненавистью относятся к нашей партии. Они только и мечтают о том, чтобы расколоть ее единство, они радуются каждому уклону от генеральной линии партии.

Политическая экономия — острое оружие в нашей борьбе против капитализма, в нашей борьбе за *коммунизм*. Политическая экономия, как и все науки, и прежде всего науки, имеющие дело с человеческим обществом и законами его развития, — наука *партийная*.

Нас окружает множество врагов. Мировой империализм готовит войну против страны строящегося социализма. Иностранная буржуазия рассчитывает в своей борьбе опереться на те остатки прежних эксплоататорских классов, которые еще сохранились в стране. Вредители-агенты иностранной буржуазии от «промпартии» до меньшевиков, далее — кулачество, ликвидируемое как класс, бюрократы внутри некоторых звеньев нашего аппарата — все враждебные коммунизму силы

еще далеко не полностью уничтожены. Идет ожесточенная классовая борьба. В этой борьбе всякие нападки на генеральную линию нашей партии, всякие попытки ее подрыва как в теории, так и на практике льют воду на мельницу наших врагов. Вот почему необходима неослабная и беспощадная борьба против всех уклонов от генеральной линии партии, борьба против открытого правого оппортунизма как главной опасности на данном этапе и против всяких левацких уклонов.

Особые услуги оказывает буржуазии в ее подготовке новой интервенции против СССР *контрреволюционный троцкизм.* Будучи одной из разновидностей меньшевизма, троцкизм специально поставляет империалистической буржуазии всякие клеветнические измышления о Советском Союзе. Троцкизм является передовым отрядом контрреволюционной буржуазии.

В своем письме в редакцию журнала «Пролетарская революция» «О некоторых вопросах истории большевизма» осенью 1931 г. т. Сталин заострил внимание партии на необходимости неослабной борьбы против всех и всяческих путей проникновения к нам враждебной ленинизму идеологии, и в особенности — на необходимости решительного отпора всем видам троцкистской контрабанды. Представители враждебных пролетариату течений в настоящее время стараются незаметно, контрабандой, в скрытой форме протаскивать свои взгляды. Всем подобным попыткам должен быть дан решительный большевистский отпор. Всякого рода терпимость по отношению к этим враждебным взглядам, всякий гнилой либерализм по отношению к ним есть прямое преступление перед рабочим классом и его борьбой за социализм.

Классовые враги пролетариата всячески пытаются извратить политическую экономию и приспособить ее для защиты своих интересов. Буржуазные экономисты измышляют всякие хитросплетения, чтобы спасти капитализм. Наши враги внутри Советского Союза также пытаются приспособить политическую экономию для своих целей.

Так меньшевик Рубин (осужденный в марте 1931 г. пролетарским судом по делу «союзного бюро» меньшевиков) верой и правдой служил буржуазии, оставаясь в течение ряда лет неразоблаченным. Выполняя заказ классовых врагов пролетариата, он всемерно старался отвлечь внимание от злободневных вопросов современного капитализма и от практических вопросов социалистической стройки в сторону всяческих отвлеченных хитросплетений, оторванных от действительной жизни. В своих вредительских контрреволюционных целях он извращал учение Маркса, вытравляя из него все революционное содержание. Он отрывал производственные отношения от производительных сил, превращая сами производственные отношения в идеалистическую (т. е. оторванную от материальной действительности, существующую лишь в голове) пустышку. Он замазывает всячески противоречия между производительными силами и

производственными отношениями, ведущие к гибели капитализма. Он замазывал отношения эксплоатации рабочего класса буржуазией. По всем основным вопросам он подменял марксизм меньшевистской теорией, делая это подчас в довольно прикрытой форме.

Непримиримая борьба со всеми антимарксистскими и уклонистскими течениями одна из важнейших задач при изучении политической экономии.

ВОПРОСЫ

1. Какую цель ставит марксизм-ленинизм перед пролетариатом?

2. Как изменяются производительные силы общества?

3. Чем отличаются различные уклады общественного производства?

4. Каковы взаимоотношения между производительными силами и производственными отношениями?

5. Что изучает политическая экономия?

6. Каково значение революционной теории для пролетариата?

7. Почему политическая экономия—наука классовая?

8. В чем заключается партийность в политической экономии?

ГЛАВА ВТОРАЯ

Как развивалось общество до капитализма?

Наша цель — бесклассовое социалистическое общество

Октябрьская революция открыла новую страницу в истории человечества. Она поставила своей задачей построение социализма. При социализме уничтожается эксплоатация человека человеком. Задачей второй пятилетки, в которую мы вступили в нынешнем 1933 г., является построение бесклассового социалистического общества.

В своей речи на съезде колхозников-ударников в феврале 1933 г. т. Сталин говорил:

«История народов знает немало революций. Они отличаются от Октябрьской революции тем, что все они были однобокими революциями. Сменялась одна форма эксплоатации трудящихся другой формой эксплоатации, но сама эксплоатация оставалась. Сменялись одни эксплоататоры и угнетатели другими эксплоататорами и угнетателями, но сами эксплоататоры и угнетатели оставались. Только Октябрьская революция поставила себе целью — уничтожить *всякую* эксплоатацию и ликвидировать *всех* и *всяких* эксплоататоров и угнетателей».

Для того чтобы хорошенько понять все значение нашей борьбы за бесклассовое социалистическое общество, надо ознакомиться с сущностью классового общества. Надо вспомнить, из каких классов состоит общество при капитализме. Надо отдать себе отчет в том, что мы называем классом. Надо разобраться, всегда ли существовали классы. Надо понять, в чем отличие капиталистического общества от всяких других форм классового господства. Надо наконец твердо усвоить, каков путь борьбы рабочего класса за уничтожение капиталистического рабства, каковы законы развития и крушения капиталистического строя.

Всегда ли существовали классы?

Прислужники буржуазии всячески стараются доказать, что разделение общества на различные классы неизбежно. Защитникам золотого мешка чрезвычайно важно изобразить дело таким образом, будто существование эксплоататоров и эксплоатируемых является вечным и необходимым условием существования всякого общества. Еще в древнем Риме, когда эксплоатируемые возмутились против своих господ, один защитник господствующего класса выступил с басней, где он сравнивал общество с организмом отдельного человека; как в организме, дескать, есть руки, которые выполняют всякую работу, и желудок, переваривающий пищу, так и в обществе должны быть люди, несущие на своих плечах всякого рода труд, и другие люди, которые потребляют плоды чужого труда. В сущности говоря, все дальнейшие защитники господства эксплоататорских классов, борясь против уничтожения эксплоатации человека человеком, недалеко ушли от этой пошлейшей побасенки.

На самом деле бесспорнейшим образом доказано, что род человеческий жил в течение многих и многих тысячелетий, не зная классового разделения, классового господства и эксплоатации. Как известно, человек выделился из животного царства в незапамятные времена. Человек никогда не жил в одиночку, а всегда группами. На первых ступенях развития человека группы эти были небольшие. Что объединяло отдельных членов этих групп? Ясно, что их объединяла совместная борьба за существование, совместный труд по добыванию пищи.

Первобытно-родовой коммунизм

На первых ступенях развития человеческого общества людям приходилось вести борьбу с природой в чрезвычайно трудных условиях. Камень да палка — вот и весь немудреный инвентарь, которым человек ограничивался на протяжении многих тысячелетий. Множество всяких опасностей предостерегало человека на каждом шагу. Он был почти бессилен перед лицом могучих сил природы, законы которых ему были неизвестны.

В этих условиях люди жили небольшими общинами, родами. Трудились сообща, сообща и потребляли плоды своего совместного труда. На этих низких ступенях развития человеческого общества не могло быть места какому-либо неравенству: люди добывали путем охоты, скотоводства или весьма примитивного земледелия лишь столько продуктов, сколько в обрез хватало для скудного существования..

Такими первобытными родовыми общинами, или коммунами, жили все народы на первых порах своего развития. Еще до самого недавнего времени во многих отдаленных глухих уголках земного шара, куда долго не проникало влияние развитых

страп, такие первобытные коммуны существовали среди дикарей в совершенно нетронутом состоянии. Влияние европейской буржуазии, прибравшей к своим рукам все уголки земного шара, разумеется подействовало на подобную организацию разрушающим образом. Предки современных народов Европы жили первобытно-родовым строем еще тысячу или полторы тысячи лет тому назад.

Таким образом до возникновения классового разделения в обществе господствовал *первобытно-родовой коммунизм.* У различных народов и племен существовали различные особенности этого строя. Однако, несмотря на эти особенности, первобытная ступень развития у всех народов обнаруживает полнейшее сходство в основных чертах устройства общества.

Первые ступени общественного развития, соответствующие первобытному коммунизму, отличаются крайне медленным темпом развития. На протяжении столетий, а то и тысячелетий условия жизни почти не изменялись или изменялись крайне медленно. Человек с огромным трудом проходил первые шаги своего развития. Поколения сменялись поколениями, а состояние общества почти не изменялось. Крайне медленно люди научились совершенствовать орудия и способы своего труда.

Каковы были общественные отношения при первобытном коммунизме? Первобытная община или род обыкновенно были довольно малочисленны: большое количество людей не могло бы прокормиться сообща при тогдашнем уровне техники. Труд в такой общине был организован более или менее планомерно. Все члены общины имели определенные занятия. Мужчины занимались например охотой. Женщины оставались дома с детьми. На их обязанности лежали также заботы о возделывании почвы. После возвращения с охоты убитая дичь распределялась согласно установившимся, освященным временем, обычаям.

Энгельс следующим образом характеризует хозяйственный быт при родовом строе: «Население в высшей степени редко; оно уплотняется лишь в месте жительства племени, вокруг которого лежит широким поясом область охоты, затем идет нейтральный пограничный лес, отделяющий его от других племен. Разделение труда — чисто естественного происхождения; оно существует лишь между полами. Мужчина ведет войну, идет на охоту и рыбную ловлю, добывает пищу в сыром виде и необходимые для этого орудия. Женщина работает по дому и занята изготовлением пищи и одежды, варит, ткет, шьет. Тот и другая являются хозяевами каждый в своей области: мужчина в лесу, женщина в доме. Каждый является собственником изготовленных и употребляемых им орудий: мужчина — оружия, охотничьих и рыболовных принадлежностей, женщина — домашней утвари. Домашнее хозяйство ведется на коммунистических началах для нескольких, часто многих семей. То, что делается и используется сообща, является общей собственностью: дом, огород, лодка».

В условиях первобытного коммунизма не могло быть места для существования общественных групп, живущих нетрудовым доходом. В рамках первобытной коммуны не было эксплоатации одной части общества другой частью его. Не было при первобытном коммунизме и *частной собственности.* Орудия труда на тех ступенях развития человечества столь просты и несложны, что о частной собственности на них не могло быть и речи. Однако тогда не было и частной собственности на землю. Земля являлась общей собственностью всей общины, всего рода. Как раз пережитки общинной собственности на землю оказались наиболее живучими среди крестьян даже через много веков после возникновения классового разделения в обществе. На дальнейших ступенях развития крестьянская община нередко искусственно поддерживалась эксплоататорами и классовым государством в целях наиболее удобной организации эксплоатации крестьянства, обложения налогами и т. п. Так дело обстояло в определенный период времени в России. В других случаях, наоборот, господствующие классы разрушали остатки общинного быта в деревне, чтобы расчистить поле для свободного развития капитализма.

Общинная собственность на землю сохранилась и после того, как земледелие стало господствующим и основным видом труда. Земля, предоставляемая для обработки отдельным крестьянским семьям, время от времени перераспределялась. Она оставалась общинной собственностью всей деревни и нередко распределялась между отдельными семьями по жребию. Еще большую живучесть обнаружила общинная собственность на пастбищные угодья, на выгон для скота. Общий луг для всей деревни — отнюдь не редкость в деревне даже после установления господства капитала.

Буржуазные ученые, пуще огня боясь коммунизма и уничтожения частной собственности, пытаются изобразить дело таким образом, будто без частной собственности немыслимо существование человеческого общества и жизнь человека вообще. Действительная история человеческого общества блестяще опровергает эту выдумку слуг капитала. На самом деле частная собственность, как и разделение общества на классы, появляется лишь на довольно поздней ступени развития общества. Много тысячелетий люди жили, не зная вовсе частной собственности.

Таким образом мы видим, что деление общества на класс эксплоататоров и класс эксплоатируемых вовсе не является вечным и неизбежным свойством каждого общества вообще. Наоборот, мы видим, что общество пережило чрезвычайно дол-

гий период своего существования, не зная классов, не зная эксплоатации, не зная частной собственности.

Разложение первобытного общества

В первобытные времена люди крайне медленно продвигались вперед в своем развитии, но все же развитие происходило. Человеческое общество никогда не застывало в совершенно неподвижном состоянии. Постепенно совершенствовались — хотя и чрезвычайно медленно — орудия человеческого труда. Люди научались пользоваться дотоле неведомыми силами природы. Огромную роль сыграло открытие огня. Далее дикарь научился делать лук с тетивой для охоты. Начав с палки и камня, человек постепенно научился придавать палке форму копья и шлифовать камни, приспособляя их для потребностей охоты. Новая ступень начинается с возникновением гончарного искусства, когда человек научился делать глиняную посуду. Огромное значение имело приручение первых домашних животных и возделывание злаков. Так зарождается скотоводство и земледелие. Вместе с открытием плавки железной руды и изобретением письменности кончается период первобытного общества и открывается эпоха цивилизации. В «Манифесте коммунистической партии» Маркс и Энгельс писали, что, начиная с этого момента, вся история человеческого общества есть история борьбы классов.

Как возникли классы? Появление классов теснейшим образом связано со всем ходом развития общества. Приручение первых домашних животных ведет к отделению пастушеских племен от остальной массы родовых групп первобытного общества. Это — первое крупное общественное разделение труда. Теперь у отдельных общин имеются уже различные продукты. У пастушеских племен появляются продукты скотоводства: скот, шерсть, мясо, шкуры и т. д. Создается почва для возникновения обмена между племенами. Первоначально обмен производится старейшинами родовых общин; главным предметом обмена служит скот. Обмен сначала возникает там, где отдельные племена встречаются между собой; обмен происходит сначала между различными общинами, а не между отдельными членами общины.

Между тем с ростом населения старые способы труда оказываются недостаточными. При их помощи не может прокормиться все растущее количество людей. Появляется возделывание растений — первые ступени земледелия. Обработка земли неминуемо ведет при тогдашних условиях к более тесной связи отдельных семей с обрабатываемыми участками. Так создается почва для возникновения частной собственности.

«Увеличение производства во всех областях — скотоводстве,

земледелии, домашнем ремесле — сделало рабочую силу человека способной производить большее количество продуктов, чем это было необходимо для поддержания ее. Вместе с тем оно увеличивало ежедневное количество труда, выпадавшее на долю каждого члена рода, семейной общины или отдельной семьи. Представлялось желательным привлечение новых рабочих сил. Война доставляла их, военнопленные стали обращаться в рабов. Первое крупное общественное разделение труда при данных общих исторических условиях вместе с обусловленным им увеличением производительности труда, а следовательно богатства, и вместе с сопровождающим его расширением поля производительной деятельности с необходимостью влекло за собою и рабство. Из первого крупного общественного разделения труда возникло и первое крупное разделение общества на два класса — господ и рабов, эксплоататоров и эксплоатируемых» (*Энгельс*).

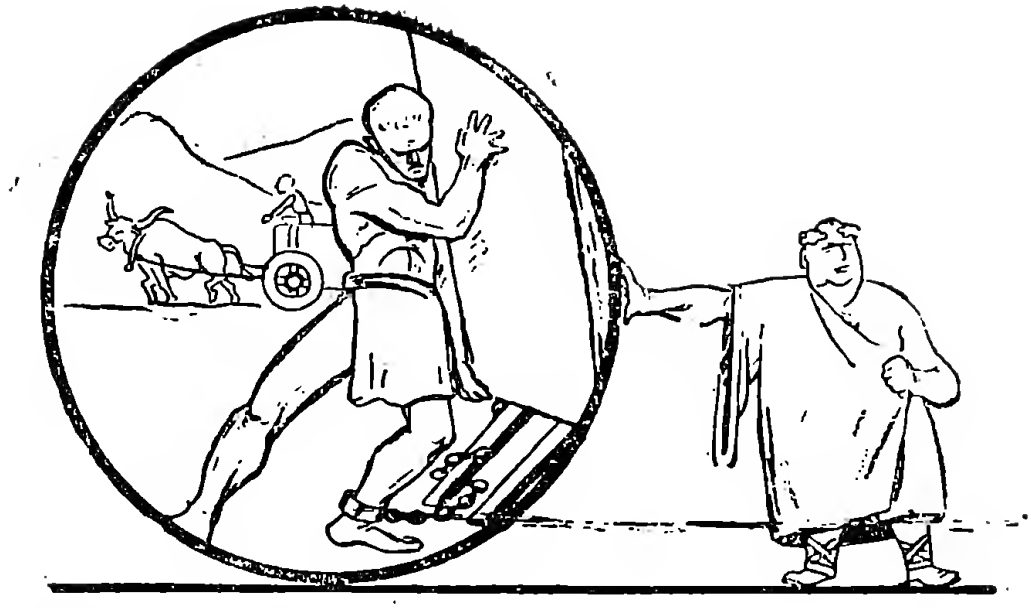
По мере того, как человек научается все новым видам и способам труда, происходит дальнейшее развитие разделения труда. Люди научаются производить утварь, всякого рода орудия труда, различные виды оружия и т. д. Все это постепенно ведет к отделению ремесла от земледелия. Тем самым сильно расширяется основа для развития обмена.

Распадение первобытного коммунизма ведет к переходу скота из общинной в частную собственность. Частной собственностью становятся также земля и орудия труда. С возникновением частной собственности создается почва для возникновения и роста неравенства. «Наряду с разделением на свободных и рабов появляется различие между богатыми и бедными — обусловленное новым разделением труда, новое разделение общества на классы» (*Энгельс*).

Мы видим таким образом, что деление общества на классы возникло лишь на определенной ступени развития человеческого общества. В течение многих тысячелетий люди жили, не зная классовых различий. Затем, на известной ступени развития общественного производства, возникают классы. Общество, разделенное на противоположные классы, проходит определенный путь своего развития, который является подготовкой бесклассового общества уже на совершенно иной основе, на несравненно более высокой ступени развития.

Докапиталистические формы эксплоатации

С разложением первобытно-коммунистического строя в обществе возникает деление на эксплоататоров и эксплоатируемых. Один класс живет за счет другого. Появляются люди, которые, по образному выражению, не сеют, а жнут. Появляются группы людей, которые живут за счет чужого труда. Эксплоатация одного класса другим — вот что характе-



рисует все различные ступени развития классового общества. Однако на различных ступенях меняется форма эксплоатации. Изменяется тот способ, при помощи которого один класс живет за счет другого, эксплоатируя его.

«С рабством, достигшим при цивилизации наивысшего развития, произошло первое крупное разделение общества на эксплоатирующий и эксплоатируемый классы. Это разделение продолжало существовать в течение всего периода цивилизации. Рабство представляет собою первую характерную для античного мира форму эксплоатации; за ним следуют крепостное право в средние века, наемный труд в новейшее время. Таковы три великие формы порабощения, характерные для трех великих эпох цивилизации; открытое, а с недавних пор замаскированное рабство всегда сопровождает ее» (*Энгельс*).

Мы уже видели, что классы различаются между собой своим положением в определенной системе общественного производства, своим отношением к средствам производства. Три основных формы эксплоататорского общества — рабство, крепостничество и капитализм — имеют в этом отношении свои особые отличительные черты. Каждая из этих трех форм эксплоататорского общества отличается особым строением общественного производства, особым типом производственных отношений.

Система *рабства* встречается в истории человечества в весьма различные эпохи. Рабство — это самая древняя форма эксплоатации. Она встречается уже на самом пороге писаной истории человеческого общества.

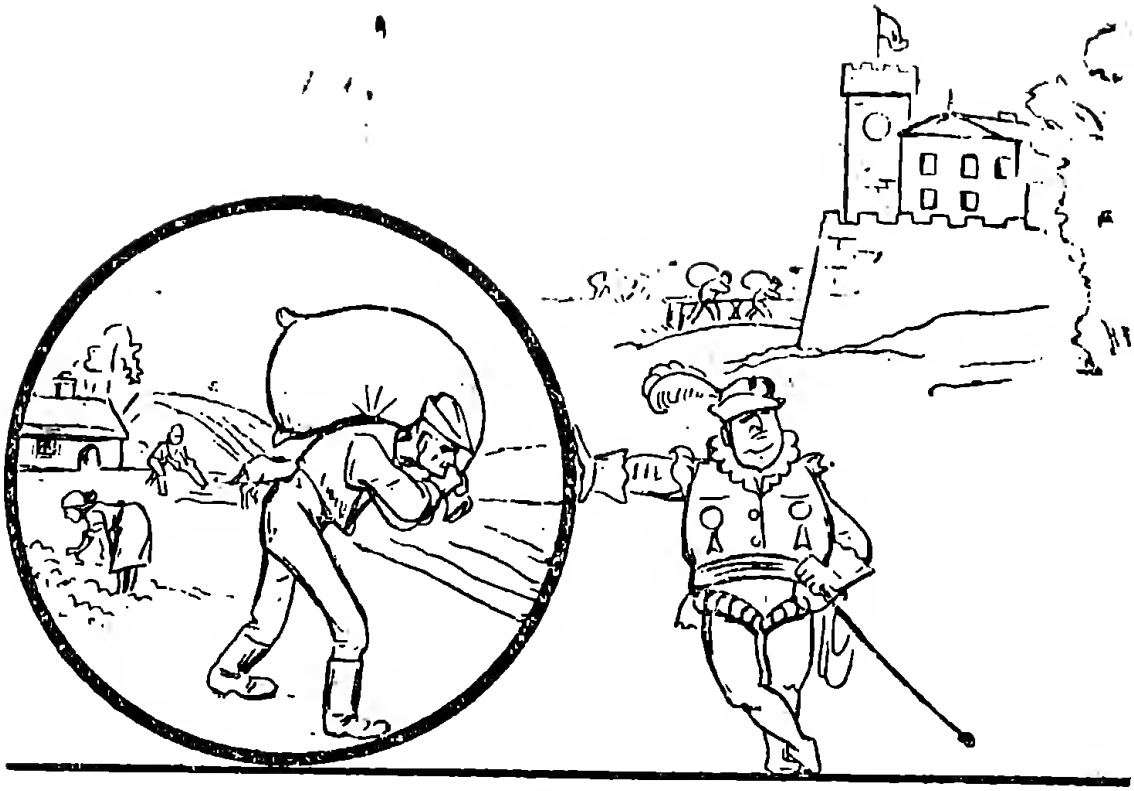
При рабстве эксплоатируемый класс составляет собственность своих эксплоататоров. Раб принадлежит своему рабо-

владельцу подобно тому, как ему принадлежит дом, земля, скот и т. д. В древнем Риме, где процветало рабство, раба называли «говорящим орудием» в отличие от «немых орудий» и «полунемых орудий» (скота). Рабовладелец рассматривал своего раба как одну из частей своего имущества; богатство рабовладельца измерялось количеством его рабов. Рабовладелец заставлял своего раба работать на него. Рабский труд — труд подневольный, выполняемый из-под палки. Рабский труд отличался крайне низкой производительностью. В условиях рабства техника крайне медленно развивалась. Даже огромные сооружения, построенные при господстве рабства, были воздвигнуты посредством мускульного труда колоссальных армий рабов, которые работали при помощи самых простых и несложных орудий. У рабовладельцев не было никакой причины стремиться к облегчению труда или к увеличению его производительности.

Что служит границей эксплоатации при господстве рабства? При рабстве рабовладельцу принадлежат не только все орудия и средства труда, но и сам трудящийся. Раб составляет собственность своего господина. Рабовладелец кормит и содержит своих рабов, ибо смерть раба наносит ему убыток, уменьшает его богатство. Пока обмен продуктами был мало развит, каждый рабовладелец заставлял своих рабов производить всякого рода продукты, которые потреблялись в рамках того же рабовладельческого хозяйства. Безумная роскошь и расточительство характеризуют жизнь господствующих классов при рабовладельческой системе. Однако как бы ни была велика эта роскошь, все же рабскому труду были поставлены определенные рамки благодаря тому, что сверх определенных пределов излишки продуктов этого труда не могли быть использованы. Рост богатства при рабстве наталкивается на сравнительно узкие рамки. Это же обстоятельство обусловливало застойное состояние техники при системе рабства.

В периоды, изобиловавшие войнами, число людей, обращенных в рабство, доходило нередко до огромных размеров. Жизнь раба была чрезвычайно дешева, и эксплоататоры делали условия жизни своих рабов совершенно невыносимыми. История рабства — это история кровавой борьбы между эксплоататорами и эксплоатируемыми. С беспощадной жестокостью подавлялись восстания рабов против их господ.

Следующей формой классовой эксплоатации, предшествующей капитализму, является господствовавший в течение средневековья *феодализм;* последняя ступень его развития — *крепостничество.* Феодальные отношения также возникают в результате разложения первобытно-родового строя. Феодализм про-



ходит довольно длинный путь развития. При феодализме огромная масса крестьянского населения эксплоатируется небольшой кучкой феодальных владык. Феодалы захватывают в свои руки верховную власть над землей, которую обрабатывают крестьяне. Обрабатывая эту землю, крестьяне должны нести целый ряд всякого рода повинностей в пользу феодала.

Пока преобладающее значение сохраняет натуральное хозяйство, т. е. производство для собственного потребления, а не для обмена, феодальная эксплоатация наталкивается на сравнительно узкие рамки. Феодалы забирают у крестьян в свою пользу известные количества всякого рода земледельческих продуктов. Подавляющая часть этой феодальной дани потребляется самим феодалом и его военной дружиной, лишь небольшая часть идет в обмен на оружие, некоторые заморские товары и т. д. Развитие обмена ведет однако к тому, что аппетиты феодальных владык сильно возрастают. Теперь из крестьян выжимается не только дань, идущая на потребление феодалу и его челяди, но сверх того все более возрастает та доля дани, которая предназначается для обмена на другие товары. По мере своего развития обмен товарами открывает перед феодалами все большие возможности в смысле усиления эксплоатации. Рост обмена разрушает старые патриархальные отношения между феодалом и его зависимыми от него крестьянами и ведет к возникновению крепостничества.

Крепостничество представляет собой форму самой жестокой эксплоатации крестьян помещиками. При крепостном строе в руках помещиков находится основное условие производства — земля. Помещики захватывают в свои руки землю,

которую обрабатывал целый ряд поколений крестьян. Но этим они не ограничиваются. Пользуясь государственной властью, которая находится в их руках, помещики превращают прежде свободных крестьян в своих крепостных. Крестьяне прикрепляются к земле и становятся собственностью помещика. Помещик продает и покупает крепостных.

Стремясь всячески увеличить свои доходы, помещики усиливали эксплоатацию своих крепостных. В эпоху крепостничества обмен уже довольно развит. Значительные размеры принимает заморская торговля. Купцы доставляют крепостникам-помещикам всякие заморские товары. Деньги приобретают все большее значение. Чтобы получить побольше денег, крепостник выжимает все больше труда из своих крестьян. Он отнимает у крепостных крестьян землю, сокращает их наделы и за этот счет создает свое собственное поле, на котором он заставляет трудиться тех же крестьян. Вводится *барщина:* крестьянин три-четыре дня в неделю должен работать на господском поле, и только остальные два-три дня он может работать на своем поле. В других случаях помещики-крепостники захватывают в свои руки все большую долю урожая с крестьянских полей, заставляя крестьян платить *оброк.*

Крепостническая эксплоатация вызывает ожесточеннейшую классовую борьбу крепостных крестьян против помещиков. История каждой страны знает целый ряд крестьянских восстаний. Достаточно назвать восстания крестьян, имевшие место в истории нашей страны под руководством Степана Разина в шестнадцатом и Емельяна Пугачева в восемнадцатом веке. И в других странах (в Германии, во Франции, в Англии) в эпоху крепостничества происходили крестьянские восстания. Некоторые из этих восстаний охватывали ряд десятилетий. В течение многих десятилетий эти страны пылали в огне гражданской войны. Эти восстания беспощадно подавлялись помещиками и их государством. Борьба крестьян против помещиков была использована подымающейся буржуазией для того, чтобы ускорить разложение крепостного строя и замену крепостнической эксплоатации эксплоатацией капиталистической.

«Революция рабов ликвидировала рабовладельцев и отменила рабовладельческую форму эксплоатации трудящихся. Но вместо них она поставила крепостников и крепостническую форму эксплоатации трудящихся. Одни эксплоататоры сменились другими эксплоататорами. При рабстве «закон» разрешал рабовладельцам убивать рабов. При крепостных порядках «закон» разрешал крепостникам «только» продавать крепостных.

Революция крепостных крестьян ликвидировала крепостни-

ков и отменила крепостническую форму эксплоатации. Но она поставила вместо них капиталистов и помещиков, капиталистическую и помещичью форму эксплоатации трудящихся. Одни эксплоататоры сменились другими эксплоататорами. При крепостных порядках «закон» разрешал продавать крепостных. При капиталистических порядках «закон» разрешает «только» обрекать трудящихся на безработицу и обнищание, на разорение и голодную смерть.

Только наша советская революция, только наша Октябрьская революция поставила вопрос так, чтобы не менять одних эксплоататоров на других, не менять одну форму эксплоатации на другую, а искоренить всякую эксплоатацию, искоренить всех и всяких эксплоататоров, всех и всяких богатеев и угнетателей, и старых и новых». (*Сталин*).

Возникновение и развитие обмена

Мы уже видели, что обмен зародился в весьма отдаленные времена человеческой истории. Вместе с первыми шагами разделения труда в обществе создается почва для возникновения обмена. Первоначально обмен происходит между отдельными соседними общинами; каждая из них обменивает излишек своего производства на продукты другой общины. Однако, зародившись на границах общин, обмен вскоре оказывает разрушительное действие и на отношения внутри общин. Появляются деньги. Первоначально деньгами являются те продукты, которые служат основным предметом обмена. Так во многих случаях, когда обмен производится с пастушескими родами или племенами, в качестве денег употребляется скот. Богатство того или иного племени, — а, после возникновения частной собственности богатство того или иного человека — измеряется количеством голов скота, принадлежащих ему.

Однако и после возникновения обмена еще в течение долгого времени господствующим остается натуральное производство. *Натуральным производством* мы называем производство продуктов, которые не поступают в обмен. Напротив производство продуктов, предназначенных для продажи на рынке, для сбыта, мы называем *товарным производством.*

Именно натуральное производство остается преобладающим при рабском и феодальном строе. Докапиталистические формы эксплоатации возникают и развиваются на основе господства натурального производства. Лишь постепенно развитие обмена подтачивает основы этих форм общества.

«Все мы знаем, что на первых ступенях общественной жизни продукты потребляются самими производителями, и эти производители организованы в первобытные, более или менее коммунистические общины; что обмен избытков этих продуктов

с посторонними, являющийся введением к превращению продуктов в товары, относится к позднейшему времени, первоначально имеет место лишь между отдельными разноплеменными общинами, и только позднее приобретает значение и в пределах общин, существенно содействуя их разложению на большие или меньшие семейные группы. Но и после этого разложения обменивающиеся главы семейств оставались трудящимися крестьянами, производящими почти все необходимое для удовлетворения всех своих потребностей в собственном хозяйстве при помощи своей семьи; лишь незначительную часть необходимых предметов они получают в обмен на стороне за избыток продукта своего труда. Семья занимается не только земледелием и скотоводством, но также перерабатывает их продукты в готовые предметы потребления, местами даже мелет еще муку на ручной мельнице, печет хлеб, прядет, красит, ткет лен и шерсть, дубит кожи, сооружает и чинит деревянные здания, изготовляет инструменты и орудия труда, нередко выполняет столярные и кузнечные работы, так что семья или семейная группа в основном самодовлеет.

То немногое, что подобной семье приходится получать в обмен или покупать у других, даже вплоть до начала XIX века в Германии, состояло преимущественно из предметов ремесленного производства, т. е. из таких вещей, способ изготовления которых был хорошо известен крестьянину, но которых он не производил сам или из-за трудности получения сырья, или же ввиду значительной дешевизны и лучшего качества покупных предметов» (*Энгельс*).

Таким образом натуральное производство не только остается преобладающим при рабстве и в средние века, но оно сохраняется и в новых условиях. На заре капитализма товарное производство еще отнюдь не является преобладающим. Лишь развитие капитализма наносит сокрушительный удар натуральному производству. Лишь при капитализме производство товаров, производство для сбыта становится решающей и преобладающей формой производства.

В недрах докапиталистического общества производство товаров развивается все больше вместе с развитием разделения труда. Особенное значение здесь имеет отделение ремесла от земледелия. Если крестьянин-земледелец ведет свое хозяйство в основном как натуральное производство, то этого нельзя сказать про ремесленника. Ремесло с самого начала носит ярко выраженный товарный характер. Ремесленник, изготовляющий сапоги или упряжь, плуги или подковы, гончарные или деревянные изделия, работает с самого начала на рынок, на продажу. Но в отличие от производства товаров при капита-

лизме, этот ремесленник работает при помощи орудий труда, принадлежащих ему самому. Он применяет в виде правила лишь свой собственный труд. Лишь позднее, с развитием городов, ремесленники начинают применять наемных подмастерьев и учеников. Наконец ремесленник обычно работает на местном сырье; свои товары он сбывает на местном рынке. Когда продукты производятся для сбыта на рынок, но не применяется наемного труда, мы имеем *простое товарное производство* в отличие от капиталистического товарного производства.

«До появления капитализма, т. е. в средние века, всюду существовало мелкое производство, основанное на частной собственности производителей по отношению к средствам производства; в деревне господствовало земледелие мелких, свободных или крепостных, крестьян, в городах — ремесло. Орудия труда — земля, земледельческие орудия, мастерские и инструменты ремесленников — были орудиями труда отдельных лиц, рассчитанными лишь на единоличное употребление и, следовательно, по необходимости оставались мелкими, несовершенными, ограниченными» *(Энгельс)*.

Чем отличается простое товарное производство от капитализма? Ремесленник, кустарь, мелкий крестьянин сами владеют своим инструментом, сырьем, средствами производства. Они сами же трудятся, производя при помощи этих средств производства свои товары. Не то при капитализме. Там фабрики и заводы принадлежат капиталистам, а работают на них наемные рабочие, у которых нет собственных средств производства. Простое товарное производство всегда предшествует капитализму. Без простого товарного производства не мог бы вырасти капиталистический строй. Простое товарное производство подготовляет почву для капитализма.

В свою очередь развитие простого товарного производства неизбежно и неминуемо ведет к возникновению капитализма. Мелкое товарное производство порождает капитал.

Возникновение капиталистического производства

Капитализм возникает в недрах феодально-крепостнического строя. Наиболее древними формами капитала являются капитал торговый и ростовщический. Купец играет все более видную роль по мере развития обмена в недрах старого натурального хозяйства. Торговый капиталист снабжает крепостников-помещиков всякого рода предметами роскоши, всячески наживаясь при этом. Часть той дани, которую помещик выжимает из своих крепостных, попадает таким образом в карман купцу — представителю торгового капитала. С развитием торговли расцветает также и ростовщичество. Крупные фео-

далы — помещики, короли, правительства — все более нуждаются в деньгах. Безумная роскошь и расточительство, бесконечные войны съедают огромные суммы денег. Этим создается почва для оживленной деятельности ростовщического капитала. Ссужая деньги феодальным владыкам за огромные проценты, ростовщик таким образом захватывает в свою пользу значительную часть той дани, которая доставляется подневольным трудом крепостных крестьян.

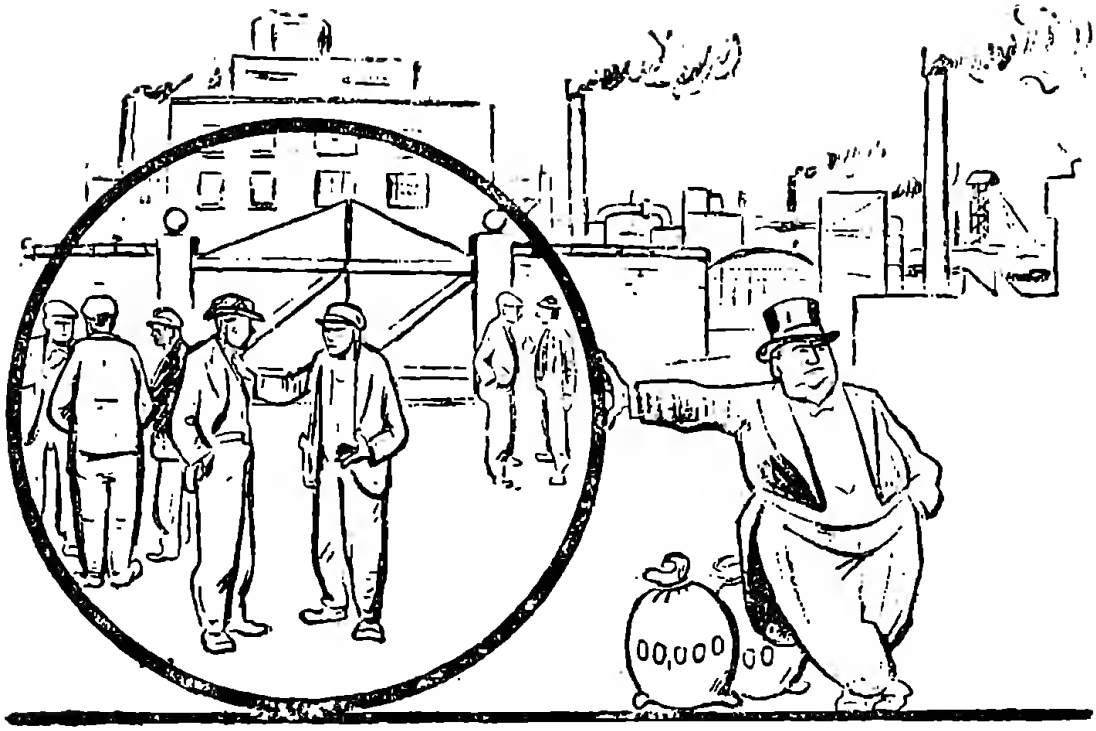
Торговый и ростовщический капитал, внедряясь в жизнь феодально-крепостнического общества, неутомимо подтачивает и разрушает устои этого общества. С ростом торговли все усиливается эксплоатация крепостных крестьян помещиками, стремящимися увеличить свои доходы. Чрезмерная эксплоатация подрывает основы крепостного строя — крестьянское хозяйство. Оно нищает, крестьяне превращаются в нищих, живущих впроголодь и не могущих дать высокого дохода своим помещикам. В то же время ростовщический капитал опутывает своими тенетами крепостное хозяйство, высасывая из него соки. Разложение крепостного хозяйства подготовляет возникновение капиталистического производства.

Купеческий капитал первоначально занимается лишь торговлей. Торговля ведется теми продуктами, которые доставляют ремесленники и крепостные крестьяне, а также продуктами, которые привозятся из дальних стран. Вместе с ростом торговли этих источников снабжения становится однако недостаточно. Мелкое ремесленное производство может доставить лишь ограниченную массу продуктов, которых достаточно только для удовлетворения местного рынка. Когда торговля начинает охватывать также и более отдаленные рынки, возникает необходимость в значительном расширении производства.

Но такое расширение производства может обеспечить лишь капитал. Мелкое товарное производство здесь бессильно; его возможности ограничены узкими рамками. Совершается переход от мелкого производства к производству капиталистическому, которое затем уничтожает докапиталистические формы эксплоатации лишь для того, чтобы заменить их самой последней формой эксплоатации человека человеком — капиталистической эксплоатацией.

Вот как Ленин описывает этот переход от мелкого производства к капитализму:

«При старых условиях почти все количество богатств производилось мелкими хозяевами, которые составляли громадное большинство населения. Население жило неподвижно по деревням, производя большую часть продуктов либо на свое собственное потребление, либо на небольшой рынок окрестных



сслений, мало связанный с другими соседними рынками. На помещиков работали те же мелкие хозяева, и помещики заставляли их производить продукт главным образом на собственное потребление. Домашние продукты отдавались в обработку ремесленникам, которые жили тоже по деревням или ходили набирать работу по окрестностям.

И вот со времени освобождения крестьян эти условия жизни массы народа подверглись полному изменению: на место мелких ремесленных заведений стали появляться крупные фабрики, которые росли с чрезвычайной быстротой, они вытесняли мелких хозяев, превращая их в наемных рабочих, и заставляли сотни и тысячи рабочих работать вместе, производя в громадном количестве товар, распродающийся по всей России.

Мелкое производство повсюду заменяется крупным, и в этом крупном производстве массы рабочих уже простые наемники, работающие за заработную плату на капиталиста, который владеет громадными капиталами, строит громадные мастерские, закупает массы материала и кладет себе в карман всю прибыль этого массового производства объединенных рабочих. Производство стало капиталистическим, и оно давит беспощадно и безжалостно всех мелких хозяев, разрушая их неподвижную жизнь в деревнях, заставляя их простыми чернорабочими ходить из конца в конец всей страны, продавая свой труд капиталу. Все большая и большая часть населения окончательно

отрывается от деревни и от сельского хозяйства и собирается в города, фабричные и промышленные села и местечки, образуя особый класс людей, не имеющих никакой собственности, класс наемных рабочих-пролетариев, живущих только продажей своей рабочей силы».

ВОПРОСЫ

1. Как жили люди до возникновения классового общества?

2. Как возникли классы?

3. Каковы основные исторические формы классовой эксплоатации?

4. Каковы взаимоотношения между эксплоататорами и эксплоатируемыми при рабском строе?

5. Каковы взаимоотношения между эксплоататорами и эксплоатируемыми при крепостничестве?

6. В чем основное отличие капиталистической эксплоатации?

7. Как возникает и развивается обмен?

8. Почему мелкое товарное производство порождает капитализм?

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Товарное производство

Капиталистическое производство имеет два важнейших отличительных признака. Во-первых, при капитализме господствует производство товаров. Во-вторых, товаром становится не только продукт человеческого труда, но и сама рабочая сила человека.

Капитализм немыслим без товарного производства. Между тем, напротив, товарное производство существовало еще задолго до возникновения и развития капитализма. Однако лишь при господстве капитала товарное производство приобретает всеобщий характер.

Поэтому изучение капиталистического способа производства следует начать с изучения товарного производства, его особенностей, его законов.

План или анархия производства

Вы работаете на советской фабрике, на заводе, на железной дороге. Кто указывает, какую работу должно выполнить ваше предприятие? Кто решает, сколько паровозов должно выйти с вашего паровозостроительного завода? Кто устанавливает, сколько метров ткани в нынешнем году должна выпустить ваша текстильная фабрика? Если вы интересуетесь жизнью своего предприятия, если вы активно помогаете социалистическому строительству, вы очень легко ответите на эти вопросы.

В советской стране эти вопросы решаются планом, который вырабатывает рабочий класс в лице пролетарского государства. Ежегодно народнохозяйственный план СССР устанавливает, сколько должно быть добыто угля, руды, нефти, сколько должно быть выплавлено чугуна, железа, стали, меди, сколько должно быть сотканo ситцу и сукна, сколько должно

быть изготовлено всяких машин для промышленности и сельского хозяйства. Каждое предприятие получает от объединения, куда оно входит, определенные плановые задания на год. Эти плановые задания обсуждаются всеми рабочими, занятыми в предприятии. Рабочий коллектив вносит нередко весьма существенные поправки в первоначальный план. Рабочие тщательно взвешивают способы и возможности дать побольше необходимых изделий советской стране. Рабочие намечают всякие улучшения в деле производства. Эти улучшения позволяют при той же затрате сырья, топлива, труда дать больше продуктов. Эти улучшения уменьшают то количество труда, сырья, топлива, которое требуется для производства каждого паровоза, каждого метра ткани. Выдвинутый рабочей массой «встречный промфинплан» утверждается в тех учреждениях, которыми управляется наша промышленность. Ваше предприятие получает окончательный план, по которому и должна итти вся работа. Вести все хозяйство по плану — дело новое и легкое. За план надо драться. Надо по-большевистски бороться против всех врагов плана, против всех, кто срывает его. Надо постоянно улучшать и уточнять плановые расчеты.

Спросите рабочего, который приехал к нам из Англии, Германии, Америки или какой угодно другой капиталистической страны, как дескать у вас ведется хозяйство? Ведется ли оно по плану или как-либо иначе? Иностранный рабочий, не задумываясь, ответит: в капиталистических странах хозяйство ведется без плана. Значит ли это, что у капиталистов на фабриках и заводах каждый рабочий может делать все, что он хочет? Конечно нет. Как раз наоборот: каждому отдельному рабочему дается очень жесткое задание. Его мнения никто при этом не спрашивает. Это задание сплошь и рядом непосильно, и тем не менее рабочий должен его выполнить. На отдельной фабрике капиталисты устанавливают, что должен делать каждый рабочий.

Бесплановость капитализма — в другом. Все фабрики и заводы принадлежат капиталистам. Каждое отдельное предприятие производит *товары* для сбыта на рынке. Никто однако не указывает каждому капиталисту, какой товар и в каком количестве должен быть выработан на его предприятии. Хозяин фабрики и завода волен расширить производство, сократить его, вовсе закрыть свое предприятие когда и как ему вздумается. Капиталисты не заботятся о том, чтобы население имело необходимые предметы питания, одежды и т. д. Каждый фабрикант и заводчик думает лишь об одном: как бы побольше прибыли заграбастать. Если дело ему сулит

барыш, он за него возьмется с жаром. Если на барыш рассчитывать нечего, фабрикант не станет беспокоиться.

Такой строй, когда все производство находится во власти капиталистов, которые управляют производством, заботясь лишь о своих собственных интересах извлечения прибыли путем эксплоатации трудящихся масс, существует еще и в настоящее время во всем мире, кроме нашего Советского Союза.

При капитализме господствует анархия в области общественного производства; оно ведется без плана. При капитализме нет и не может быть планового управления всем общественным производством.

«Капитал организует и упорядочивает труд внутри фабрики для дальнейшего угнетения рабочего, для увеличения своей прибыли. А во всем общественном производстве остается и растет хаос, приводящий к кризисам, когда накопленные богатства не находят покупателей, а миллионы рабочих гибнут и голодают, не находя работы» (*Ленин*).

Мы должны сейчас разобраться в той хитрой механике, которой отличается анархия производства, господствующая при капитализме.

Что такое товар? В капиталистическом обществе господствует производство товаров. На фабрике, принадлежащей капиталисту, производится касторка. Значит ли это, что фабрикант сам выпивает всю касторку? В капиталистической мастерской изготовляется масса гробов; ясно, что они выделываются не для самого хозяина. На огромных заводах выплавляется масса чугуна и железа; ясно, что заводчик не съедает этого железа, — он находит более вкусные блюда. На предприятиях капиталистов те или иные изделия изготовляются для продажи, для сбыта. Всякий продукт труда, изготовленный для сбыта, а не для собственного употребления, мы называем *товаром*.

Мы уже знаем, что товарное производство лишь постепенно разлагает и разрушает прежний натуральный строй, когда отдельная семья или община производит внутри у себя все необходимые предметы. Веками господствовал натуральный уклад хозяйства. Прежние формы эксплоатации, имевшие место до возникновения капитализма — рабство и феодализм, — уживались с преобладающей ролью натурального производства. Не то капитализм. Он с самого начала своего зарождения связан с развитием обмена, с развитием товарного производства.

Обмен возникает и развивается на почве разделения труда в обществе. Разделение труда — могучий двигатель общественного прогресса. Пока

один и тот же человек попеременно занимается всевозможными видами труда, он не в состоянии добиться хороших результатов ни в одной области. Когда же один специализируется в одной области, а другой — в иной области, создаются более благоприятные условия для движения вперед.

Товарное производство немыслимо без разделения труда, но разделение труда существовало в истории и до возникновения товарного производства. Так например во многих первобытных общинах, сохранивших еще свой общинный строй, разделение труда было уже настолько развито, что в каждой общине имелся целый ряд специально выделенных ремесленников: кузнец, гончар, мельник и т. д. Эти ремесленники обслуживали все потребности общины каждый в своей области, а община их зато содержала, снабжая сельскохозяйственными продуктами.

«Богатство обществ, в которых господствует капиталистический способ производства, выступает как огромное скопление товаров, а отдельный товар — как его элементарная (т. е. простейшая, исходная) форма», — этими словами начинается главный труд Маркса «Капитал». В этом труде Маркс ставит своей конечной целью открыть экономический закон движения капиталистического общества. Свою работу Маркс начинает с исследования товара, с раскрытия тех законов, которыми управляется производство товаров.

Два свойства товара

Продукт человеческого труда всегда должен удовлетворять какой-либо потребности людей, иначе не стоило бы над ним трудиться. Это свойство всякого продукта труда мы называем его потребительной стоимостью. Потребительная стоимость часов например заключается в том, что они нам указывают время. Потребительная стоимость имеется у многих вещей, вовсе не являющихся продуктом человеческого труда, как например вода у источника, плоды дико растущих деревьев. Потребительные стоимости мы встречаем как в товарном, так и в натуральном хозяйстве. Хлеб, который крестьянин производит для собственного потребления, удовлетворяет его потребность в пище. Он является стало быть потребительной стоимостью.

Но тот хлеб, который крестьянин в капиталистической стране производит для продажи, становится, как мы уже знаем, товаром. Этот хлеб попрежнему обладает потребительной стоимостью, ибо он удовлетворяет потребности людей в пище. Если бы он почему-либо потерял это свойство (если бы он например сгнил и стал негодным для употребления), его никто не стал бы покупать. Но наряду с этим хлеб приобретает другое важное свойство.

Этот хлеб стал уже товаром; он может быть обменен на всякий другой товар. Тут прежде всего бросается в глаза, что товар обладает способностью к обмену, что он обменивается на целый ряд других товаров.

Это новое отличие, приобретаемое продуктом, когда он становится товаром, т. е. когда он производится для обмена, играет огромную роль в товарном хозяйстве.

«Товар есть, во-первых, вещь, удовлетворяющая какой-либо потребности человека; во-вторых, — вещь, обмениваемая на другую вещь. Полезность вещи делает ее *потребительной стоимостью. Меновая стоимость (или просто стоимость)* является прежде всего отношением, пропорцией при обмене известного числа потребительных стоимостей одного вида на известное число потребительных стоимостей другого вида. Ежедневный опыт показывает нам, что миллионы и миллиарды таких обменов приравнивают постоянно все и всякие самые различные и несравнимые друг с другом потребительные стоимости одну к другой» (*Ленин*).

Между потребительной стоимостью и стоимостью товара существует *противоречие*. Для своего производителя товар не является потребительной стоимостью, он является потребительной стоимостью для других. С другой стороны, для того, кто приобретает товар, чтобы потребить его, товар представляет собою именно потребительную стоимость, но для него товар уже не является стоимостью. Когда производитель обменивает свой товар, то он выручает его стоимость, но он не может больше воспользоваться его потребительной стоимостью, — она находится уже в руках другого. Товар — это продукт, произведенный не для собственного потребления производителя, а для сбыта на рынке. Товар таким образом является носителем определенной общественной связи. Это — носитель той связи, которая существует между производителем товара и всем обществом. Связь эта однако не прямая, не непосредственная. Общество не указывает прямо каждому отдельному товаропроизводителю, что именно и в каких размерах ему производить. При товарном производстве не существует и не может существовать планового сознательного руководства всем процессом производства в обществе.

Забегая несколько вперед, надо отметить следующее. Противоречие между потребительной стоимостью и стоимостью, заключающейся в товаре, отображает основное противоречие товарного производства, заключающееся в общественном характере частных работ отдельных раздробленных производителей.

Стоимость создается трудом

От чего зависит стоимость различных товаров? Одни товары дороги, другие дешевы. Откуда происходит эта разница? Потребительные стоимости товаров столь различны, что их совершенно невозможно сравнивать по количеству. В самом деле, что общего между потребительной стоимостью чугунной болванки и жареного мяса? Стало быть не в потребительной стоимости следует искать разгадку стоимости. Маркс говорит:

«Если отвлечься от потребительной стоимости товарных тел, то у них остается лишь одно свойство, а именно то, что они — продукты труда».

Стоимость товара определяется тем трудом, который потрачен на его производство.

Покуда обмен остается редким явлением, продукты обмениваются между собой в случайных соотношениях. Когда первобытный охотник, встречая представителя земледельческого рода или общины, меняет убитую им дичь на зерно, то соотношения обмена определяются случайными обстоятельствами. Дело однако коренным образом меняется по мере того, как обмен становится все более развитым.

По мере разрушения натурального хозяйства все более устанавливаются такие соотношения при обмене товаров, которые соответствуют количеству труда, затраченного на их производство. Когда в условиях простого товарного производства крестьянин меняет свой хлеб на топор, изготовленный ремесленником, то он дает за топор примерно такое количество зерна, которое содержит в себе столько же труда, как и топор. Вот каким образом Энгельс рисует картину обмена товаров по их стоимости в условиях простого товарного производства, еще до возникновения капитализма: «Средневековому крестьянину было довольно точно известно количество рабочего времени, необходимого на изготовление предметов, получаемых им в обмен. Сельский кузнец и каретник работали на его глазах так же, как и портной или сапожник, которые еще в дни моей юности ходили у наших рейнских крестьян из избы в избу и шили из самодельных тканей и кож одежду и обувь. Как крестьянин, так и те, у которых он покупал, были сами работниками: обмениваемые предметы были продуктами их личного труда. Что затрачивали они при изготовлении этих предметов? Труд и только труд: на возмещение орудий труда, на производство сырья, на его обработку они затрачивали только свою собственную рабочую силу; могли ли они поэтому обменивать эти свои продукты на продукты других трудящихся производителей иначе, чем пропорционально затраченному труду? При таких условиях рабочее время, затраченное на эти продукты, было не только единственным подходящим мерилом для количественного определения подлежащих обмену величин, но при таких условиях всякое другое мерило было совершенно немыслимо. Можно ли предположить, что крестьяне и ремесленники были так глупы, чтобы обменивать продукт десятичасового труда одного на продукт часового труда другого? Для всего периода крестьянского натурального хозяйства возможен был только такой обмен, при котором обмениваемые количества товаров имеют тенденцию все в большей мере соразмеряться с количествами воплощенного в них труда.

То же самое относится к обмену продуктов крестьян на продукты городских ремесленников. Вначале обмен совершается непосредственно, без участия купца, в базарные дни в городах, где крестьянин продает свои продукты и совершает покупки. И здесь точно так же крестьянину известны условия труда ремесленника, а последний знает условия крестьянского труда. Он сам еще до известной степени крестьянин, он имеет не только огород и сад, но очень часто клочок земли, одну-две коровы, свиней, домашних птиц и т. д.».

Целый ряд очевидных фактов подтверждает, что товары обмениваются в соответствии с заключающимся в них трудом. Очень многие товары, которые раньше были безумно дороги, теперь стали вполне доступны вследствие того, что при нынешнем развитии техники на их производство требуется гораздо меньше труда. Так например алюминий, из которого в на-

стоящее время делаются столовая посуда и всякие другие изделия, несколько десятков лет назад ценился раз в восемь—десять выше серебра. Он стоил 450 руб. килограмм. Затем с развитием электротехники появилась возможность производить алюминий с гораздо меньшими затратами труда, и перед войной его цена падает до 55 коп. за килограмм. Удешевление почти в тысячу раз. Он стал таким общедоступным только потому, что теперь требуется гораздо меньше труда на его производство.

Таким образом стоимость отдельного товара зависит *от количества труда, затраченного на его производство.* Если при помощи одинакового количества труда мы производим большее количество данного товара, то мы говорим о росте производительности труда; в обратном случае мы будем иметь падение производительности. Понятно, что рост производительности труда будет означать *уменьшение* того количества труда, которое необходимо для производства одной штуки данного товара. Следствием явится уменьшение стоимости, удешевление каждой штуки этого товара. Падение производительности привело бы, напротив, к вздорожанию каждой единицы товара. Поэтому говорят, что производительность труда и стоимость каждой единицы товара находятся в обратной зависимости (т. е. когда первая растет — вторая падает, и наоборот) друг от друга. Поэтому Маркс говорит, что «стоимость товаров обратно пропорциональна производительной силе труда».

Стоимость товара создается трудом, затраченным на его производство. Стоимость товара есть не что иное, как определенное количество застывшего в нем (или овеществленного в нем) рабочего времени. Однако стоимость проявляется только в приравнивании одного товара другому. Предположим, что в одной тонне железа и одном килограмме серебра овеществляется одинаковое количество рабочего времени. Тогда тонна железа будет по своей стоимости равна килограмму серебра. Стоимость товара, выраженная путем приравнивания другому товару, есть его меновая стоимость. Стоимость может проявляться только в виде меновой стоимости. Меновая стоимость — это форма проявления стоимости. Однако следует четко понимать, что в этой форме проявляется лишь стоимость, представляющая собою овеществленное в товаре рабочее время.

В развитом товарном производстве, когда обмен товаров происходит при посредстве денег, каждый товар приравнивается определенной сумме денег. Стоимость товара выражается в деньгах. Меновая стоимость превращается в цену товара. Цена есть не что иное, как денежное выражение стоимости товара.

Абстрактный и конкретный труд

Чтобы разобраться в том противоречии, которое заложено в товаре, необходимо приглядеться к особенностям труда, создающего товар.

Обменивая товары, люди приравнивают самые различные виды труда. Труд сапожника очень сильно отличается от

труда литейщика. Работа забойщика имеет очень мало схожего с трудом портного. В каждом отдельном товаре заключен тот или иной труд определенной профессии или определенной отрасли производства. В угле заключен труд забойщика, но не труд портного. В сапогах напротив заключен труд сапожника, а не забойщика. То общее, что есть во всех товарах, — это человеческий труд вообще, или, как говорят, абстрактный человеческий труд в отличие от конкретного (т. е. определенного) труда каждой отдельной отрасли производства.

«Вся рабочая сила данного общества, представленная в сумме стоимостей всех товаров, является одной и той же человеческой рабочей силой: миллиарды фактов обмена доказывают это» (*Ленин*).

Каждый отдельный товар представляет лишь известную долю этого общего человеческого труда.

Конкретный труд производит ту или иную потребительную стоимость. Конкретный труд сапожника производит сапоги, а конкретный труд забойщика — уголь. В стоимости же этих товаров выражается просто человеческий труд, затрата человеческого труда вообще, применяемого в товарном производстве.

«Всякий труд есть, с одной стороны, затрата человеческой рабочей силы в физиологическом смысле слова, — и в качестве такого одинакового или абстрактно человеческого труд образует стоимость товаров. Всякий труд есть, с другой стороны, затрата человеческой рабочей силы в особой целесообразной форме, и в качестве этой конкретной полезной работы создает потребительные стоимости» (*Маркс*).

Один и тот же труд при товарном производстве является одновременно конкретным и абстрактным: конкретным, поскольку он создает потребительную стоимость, и абстрактным, поскольку он создает стоимость. С одной стороны, каждый производитель производит определенную потребительную стоимость, скажем, сапоги, уголь, ткань и т. п. Это — конкретный труд сапожника, забойщика, ткача и т. п. Но, с другой стороны, тот же сапожник, забойщик или ткач производят стоимость сапог, угля, ткани. Они производят эти продукты не для собственного потребления, а для обмена на рынке. Они производят сапоги, уголь, ткань в качестве товаров, обладающих стоимостью. А стоимость производится абстрактно-всеобщим человеческим трудом.

Товар с самого начала обнаруживает свою двойственную природу: как потребительная стоимость и стоимость. Теперь мы видим, что и труд, заключающийся в товарах, труд, при-

меняемый в капиталистическом производстве, имеет двойственный характер.

Различие между конкретным и абстрактным трудом проявляется в противоречии между потребительной стоимостью и стоимостью. Потребительная стоимость — результат конкретного труда, в то время как стоимость — результат абстрактного труда.

Совершенно ясно, что раздвоение труда на конкретный и абстрактный существует *лишь при товарном производстве.* Двойственный характер труда раскрывает основное противоречие товарного производства. При товарном производстве каждая работа отдельного члена общества является, с одной стороны, частицей всей массы общественного труда, а с другой стороны, она является частной работой, индивидуальным трудом отдельных разрозненных работников. Отсюда ясно, что противоречие между абстрактным и конкретным трудом возникает лишь с возникновением товарного производства и исчезает вместе с уничтожением товарного производства.

«Человек, который производит какой-нибудь предмет для своего собственного непосредственного употребления, для того, чтобы самому потребить его, производит *продукт*, но не *товар*. В качестве производителя, работающего на самого себя, он ничем не связан с обществом. Для того же, чтобы произвести *товар*, человек не только должен произвести продукт, удовлетворяющий какую-нибудь *общественную потребность*, самый труд его должен составлять часть или долю общей суммы труда, затрачиваемого обществом. Он должен быть подчинен *разделению труда внутри общества*. Он — ничто без других подразделений труда и, со своей стороны, необходим, чтобы их дополнять» (*Маркс*).

Работа каждого отдельного работника в товарном хозяйстве составляет лишь частицу всего общественного труда. Работа каждого ткача, прядильщика, углекопа, машиниста входит в общую цепь (или, как говорят, в систему) общественного производства. Каждая отдельная работа составляет лишь одно из звеньев этой цепи. Но в то же время каждая отдельная работа при товарном производстве *самостоятельна*. Никто не занимается увязкой и планомерным согласованием всех работ углекопов и ткачей, машинистов и сапожников. Труд отдельных людей является при товарном производстве общественным в том смысле, что каждый производитель в своей работе связан с тысячами других производителей. Но труд отдельных работников не увязан, не согласован в масштабе всего общества в целом. Наоборот, труд отдельных работников раздроблен, распылен.

«Производство товаров есть система общественных отношений, при которой отдельные производители созидают разнообразные продукты (общественное разделение труда), и все эти продукты приравниваются друг к другу при обмене» (*Ленин*).

Это противоречие, заключающееся в общественном характере частных работ самостоятельных производителей, возникает с появлением товарного производства и исчезает с его уничтожением.

В натуральном хозяйстве этого противоречия еще нет. Представим себе обособленное от всего мира крестьянское хозяйство где-либо в медвежьем углу, каких не мало было в России до революции. Это хозяйство почти отрезано от всего мира; все необходимое производится в самом хозяйстве. Труд здесь не является частицей труда всего общества, труд здесь носит совершенно обособленный и самостоятельный характер. Поэтому здесь нет того противоречия, которое отличает товарное производство. Если же мы берем социалистическое общество, то здесь взаимосвязанность работы отдельных членов общества еще более возрастает, но противоречие товарного хозяйства здесь также исчезает: труд каждого работника является общественным, является организованной частицей общего труда. Исчезают обособленность, раздробление труда отдельных работников. Плоды общего труда поступают во владение всего общества в целом, а не отдельных владельцев.

Общественно-необходимый труд

Если стоимость товаров определяется трудом, то нельзя ли отсюда сделать тот вывод, что чем ленивее я буду работать, тем дороже будет цениться мой товар. Неужели это так?

Вот рядом работают два сапожника. У одного работа так и кипит в руках, он сработает пару сапог в один день. Другой пьяница и лентяй, будет работать над одной парой целую неделю. Выходит, что сапоги второго должны быть в несколько раз дороже, чем сапоги первого сапожника.

Это конечно невозможная вещь. Маркс по этому поводу указывает:

«Говоря, что стоимость товара определяется *количеством* вложенного в него или кристаллизованного в нем труда, мы имеем в виду количество труда, *необходимого для его производства при данном состоянии общества, при определенных средних общественных условиях производства, при данной средней общественной интенсивности и средней ловкости занятых рабочих*. Когда в Англии механический ткацкий станок начал конкурировать с ручным станком; то для превра-

щения определенного количества пряжи в ситец или сукно потребовалась половина прежнего рабочего времени. Бедному ручному ткачу пришлось теперь работать семнадцать или восемнадцать часов ежедневно вместо девяти или десяти часов, в течение которых он работал раньше. И все же продукт двадцати часов его труда представлял теперь только десять часов общественного труда, или десять часов труда, общественно-необходимого для превращения известного количества пряжи в ткани. Следовательно его продукт, изготовленный в течение двадцати часов, имел не больше стоимости, чем продукт его прежней десятичасовой работы».

Выходит таким образом, что стоимость товара зависит не от труда, который в каждом отдельном случае затрачен на его производство, а от того труда, который в среднем необходим для его производства, или, как говорят, от общественно-среднего или от общественно-необходимого труда.

Труд простой и квалифицированный

Надо еще различать труд простой и квалифицированный. Вот рядом работает каменщик и часовщик. Час труда каменщика не может равняться часу труда часовщика. Почему? Для каменщика не требуется никакой специальной подготовки, это труд простой, неквалифицированный. Каждый может сделаться каменщиком (или, скажем, чернорабочим). Другое дело — часовщик (или химик например). Чтобы сделаться часовщиком, надо года три учиться. За время учебы нашему будущему часовщику придется затрачивать свой труд без всякого вознаграждения. А во многих случаях ученику приходится еще уплачивать за учебу своим учителям и руководителям.

Если наш будущий часовщик решает долго и упорно учиться, то только потому, что он рассчитывает впоследствии получить за это вознаграждение. В чем оно заключается? В том, что за пару часов, изготовленную им в течение 20 часов, он получает на рынке всяких товаров, изготовленных простым, неквалифицированным трудом в течение, скажем, 30 часов. В таком случае один час квалифицированного (или, как говорят еще, сложного) труда приравнивается на рынке к полутора часам труда простого.

Что случится, если в обмене не будут делать разницы между часом простого и часом квалифицированного труда, если будут считать час за час? Тогда приток новой рабочей силы к квалифицированным профессиям сильно уменьшится. Часовщиков, химиков и других квалифицированных работников будет становиться все меньше. Так как на рынке вследствие этого будет появляться все меньше часов, химических

товаров и т. д., то цены на эти товары возрастут. Теперь час труда часовщика снова станет равняться полутора, а то и двум часам простого труда. Снова станет выгодно приобретать квалификацию.

Рынок и конкуренция

Мы видели, что стоимость товара определяется общественно-необходимым трудом, затраченным на его производство. Значит ли это, что при господстве товарного производства каждый товар действительно может быть всегда обменен в полном соответствии с его стоимостью? Разумеется, нет.

В самом деле, ведь для этого требуется, чтобы каждый произведенный товар всегда находил себе тотчас же покупателя. Требуется, чтобы спрос и предложение товаров всегда совпадали. Может ли это быть?

При товарном производстве в обществе не существует такого органа, который указывал бы отдельным производителям, какой товар и в каком количестве должен быть произведен. Пока большая часть продуктов производится для собственного потребления, и на рынок поступает лишь небольшой излишек произведенного, до тех пор значение рынка невелико. Оно однако сильно вырастает по мере того как товарное производство все больше распространяется.

Каждый отдельный товаропроизводитель производит на свой собственный страх и риск. Уже после того, как товар произведен и вынесен на рынок, он узнает, нужен ли его товар или нет, имеется ли на него спрос или нет. На рынке между продавцами и покупателями происходит борьба вокруг цен товаров. Конкуренция среди продавцов, с одной стороны, и среди покупателей — с другой, решает вопрос о том, на каком уровне устанавливается цена товара. Цена товара — это денежное выражение его стоимости. Но цены товаров постоянно колеблются в зависимости от рыночных условий. Цена товара поэтому не совпадает по своей величине с его стоимостью. Цена бывает выше или ниже стоимости. Стоимость однако остается той осью, той серединкой, вокруг которой колеблются цены.

Если какого-нибудь товара произведено больше, чем требуется, то тогда предложение этого товара превышает спрос на него и его цена упадет ниже стоимости. Падение цены ниже стоимости означает, что производителю этого товара не будет возмещен весь труд, который он затратил на производство данного товара. Станет гораздо выгоднее производить другие товары, на которые имеется более сильный спрос. Производство данного товара сократится. Но тогда соотношение спроса и предложения сложится более благоприятно для этого

товара, и некоторое время спустя его цена может снова подняться до уровня его стоимости, а то и выше.

Только таким образом среди беспрестанных колебаний осуществляется закон стоимости. Товары продаются по своей стоимости только в том случае, если производство данного товара вполне соответствует потребности в нем. Однако такой случай бывает лишь в виде редкого исключения.

«Теория стоимости предполагает и должна предполагать равенство спроса и предложения, но она отнюдь не утверждает, что в капиталистическом обществе всегда наблюдалось и могло наблюдаться такое равенство» (*Ленин*).

Закон стоимости проявляется *как слепая сила рынка.* Каждый отдельный производитель должен подчиняться этой слепой силе. По выражению Маркса, эта сила действует подобно тому, как обрушивается дом. Это значит, что отдельный производитель никогда не может знать наперед, какие веления ему даст рынок-властелин. Закон стоимости действует за спиною отдельного производителя. Товарное производство отличается, как мы видели, анархичностью, т. е. отсутствием планомерности, отсутствием сознательного плана для всего общества в целом. Закон стоимости действует как безличная, бессознательная сила в обществе, где господствует анархия производства.

Какие чудовищные размеры принимает борьба капиталистов за сбыт своих товаров, показывает следующее полушуточное описание конкурентной борьбы в Америке, которое мы находим в одной книге об американском хозяйстве:

«Я пришел к заключению, что мне придется вести весьма забавную диэту и смешное существование, если я приму к руководству все советы, почерпаемые из объявлений. «Ездите по железной дороге», рекомендует целая серия объявлений. Должно быть железные дороги публикуют эти воззвания, хотя может быть это делают и фабриканты плюша. Они могут рассчитывать, что если больше народа будет ездить по железным дорогам, то больше будет изнашиваться плюша на сиденьях вагонов и железные дороги принуждены будут покупать его больше.

Но я встречаю противоположное требование со стороны другой крупной серии объявлений, которая советует мне «оставаться больше дома» и которая так картинно описывает прелести семейной жизни. Мой скарб был уже запакован для путешествия по железной дороге (по всем местам, доступным для поездки), когда я впервые встретил одно из этих «семейных» объявлений, и я немедленно распаковал свои вещи и надел туфли. Они у меня имеются. Очевидно это объединение фабрикантов туфель публикует подобные «семейные» объявления.

Если я буду есть больше паштетов, как проповедует национальное общество паштетного производства, и больше бобов, как настаивали производители бобов, и больше сливочного мороженого, как уговаривает ассоциация мороженщиков, и больше бананов, как рекомендуют производители канадских бананов, и больше спаржи, как советует международное общество потребителей спаржи, — я думаю придется принять совет той последней компании, лозунгом которой было «употребляйте больше гробов».

Источник некоторых таких косвенных и прямых советов иногда настолько таинственен и неуловим, что глубоко возмущает читателя. Я думал, что это были фабриканты, которые мне говорили: «Ешьте больше карамели», — но вдруг открыл незаметную подпись в конце, которая показала, что автором объявлений был союз зубных врачей.

И что привело меня почти в бешенство без надежды на выздоровление — это встреченные в один и тот же день объявления фабрикантов брюк, проповедующих мне больше сидеть, и другое объявление объединения подошвенных фабрикантов, убеждающее меня больше стоять».

Товарный фетишизм

При плановом социалистическом производстве каждому отдельному работнику становится ясно, что он составляет лишь частицу всего коллектива. При социализме производственные отношения между людьми становятся ясными и прозрачными. Связь каждого отдельного работника, каждого предприятия с другими работниками, другими предприятиями очевидна и понятна.

Не то в обществе, в котором господствует производство товаров. При товарном производстве производственные отношения между людьми представляются как отношения между вещами. Когда сапожник продает произведенные им сапоги, а на вырученные деньги покупает у булочника хлеб для себя и для своей семьи, то тут перед нами определенное производственное отношение, определенная производственная связь между людьми по производству. Выходит, что хлеб, выпеченный булочником, послужит для потребления сапожника, а сапоги, стаченные сапожником, попадут быть может и булочнику. Стало быть работа булочника необходима, чтобы удовлетворить потребности сапожника; работа сапожника в свою очередь нужна для удовлетворения потребностей булочника. Таким образом между сапожником и булочником существует определенная связь, определенное отношение по производству. Однако, как эта связь обнаруживается? В чем она выражается? Каким образом она проявляется? Мы уже видели это. Она проявляется в виде обмена товаров. Товары, вещи переходят из рук одного производителя в руки другого. Хлеб переходит от булочника к сапожнику Сапоги попадают от сапожника к торговцу, а от торговца — к тому же булочнику. При том товары не просто переходят из рук в руки. Всякий знает, что сапожник отдает свои сапоги лишь тогда, когда получит за них соответствующую сумму денег — их цену. Точно так же поступает и булочник. Таким образом производственное отношение между людьми обнаруживается при товарном производстве в виде движения вещей — товаров.

Стоимость есть отношение между людьми, производящими товар. Однако это отношение между людьми представляется

отношением между вещами — товарами. Это производственное отношение прикрыто вещной оболочкой, оно скрыто за движением вещей. Стоимость товара кажется таким же естественным свойством товаров, как, скажем, его цвет или вес; говорят, например: эта булка весит четверть килограмма и стоит полтинник. Товар становится очень загадочным предметом. Судьба товаропроизводителя теснейшим образом переплетается с судьбой его товара. Не сможет наш сапожник сбыть изготовленные им сапоги — и будет он сидеть без хлеба. Упадет цена на его сапоги—и он сможет купить меньше хлеба. Почему сапожник не может продать своих сапог или почему он выручит за них лишь половину прежней цены? Причина заключается в изменениях, которые наступили в хозяйственной жизни, в производственных отношениях людей в капиталистическом обществе: наступил, скажем, кризис, или же рабочие перестали покупать сапоги вследствие понижения заработной платы. Однако действительная причина случившегося не скоро дойдет до сознания сапожника, да и дойдет то в крайне искаженном виде. Ибо связь сапожника со всем остальным производственным миром сосредоточена в его товаре — сапогах, в их стоимости, которая реализуется на рынке.

То обстоятельство, что при товарном производстве отношения между людьми по производству принимают облик отношений между вещами-товарами, и товары поэтому приобретают особые общественные свойства, мы называем *товарным фетишизмом* (фетишизмом вообще называется преклонение перед воображаемой сверхъестественной силой, приписываемой какому-нибудь предмету — фетишу). При капитализме все производственные отношения между людьми в обществе окутаны вещной пеленой. Все производственные отношения между людьми представляются при капитализме в виде отношений между вещами, в виде отношений, связанных с вещами. Этот вещный характер извращает сущность капиталистических отношений, смазывает, скрывает их действительный характер, придает им обманчивую видимость. Поэтому очень важно разгадать, понять загадку товарного фетишизма, проникающего все отношения при капитализме.

Загадка товарного фетишизма была впервые раскрыта Марксом. Маркс впервые вскрыл общественные отношения людей там, где до него видели лишь какие-то загадочные свойства вещей. Он впервые показал, что стоимость есть общественное отношение между людьми в товарном производстве.

«Политическая экономия начинает с товара, с того момента, когда продукты обмениваются друг на друга отдельными людьми или естественно возникшими общинами. Продукт, вступающий в обмен, является това-

ром. Но он является товаром только потому, что с *вещью*, с продуктом связывается *отношение* двух лиц или общин, отношение между производителем и потребителем, которые здесь уже более не соединены в одном и том же лице. Здесь перед нами сразу же пример своеобразного факта, который проходит через всю политическую экономию и порождает ужасную путаницу в головах буржуазных экономистов: политическая экономия имеет дело не с вещами, а с отношениями между людьми и в конечном счете между классами, но эти отношения всегда *связаны с вещами и проявляются как вещи*. Эту связь о которой некоторые экономисты в отдельных случаях конечно смутно догадывались, впервые раскрыл Маркс во всем ее значении для всей политической экономии, и благодаря этому труднейшие вопросы он сделал такими простыми и ясными, что теперь даже буржуазные экономисты смогут их понять» *(Энгельс)*.

Простое товарное производство и капитализм

В настоящее время в капиталистических странах подавляющее большинство промышленных товаров изготовляется на фабриках и заводах, принадлежащих *капиталистам*. На этих предприятиях трудятся *наемные рабочие*. Мы знаем однако, что на протяжении длинного периода времени до возникновения капитализма развивался обмен и товарное производство. До того, как стал распространяться капитализм, господствовало *мелкое производство*. Мелкие крестьяне производили продукты главным образом для собственного потребления и для угнетавших их помещиков. Лишь небольшая часть их продуктов попадала на рынок, на продажу. Всякого рода изделия, которые нельзя было изготовить в каждом крестьянском хозяйстве, выделывались кустарями или ремесленниками. Ремесленники и кустари изготовляли небольшие сравнительно количества товаров и сбывали их окрестному населению.

Натуральное хозяйство тогда уже переплеталось следовательно с товарным. Но это товарное производство еще не было капиталистическим. Это было простое товарное производство.

Чем отличается простое товарное производство от капитализма? Ремесленник, кустарь, мелкий крестьянин сами владеют своим инструментом, сырьем, средствами производства. Они сами же трудятся, производя при помощи этих средств производства свои товары. Не то при капитализме. Там фабрики и заводы принадлежат капиталистам, а работают на них наемные рабочие, у которых нет собственных средств производства.

Закон стоимости в наиболее чистом виде действует при простом товарном производстве. Здесь отношения значительно проще, нежели при капитализме. Правда товарное производство становится всеохватывающей, всеобщей формой производства в обществе лишь вместе с распространением капитализма. Однако вместе со всеобщим распространением товар-

ного производства капитализм несет с собой сильнейшее *усложнение* его законов и в первую очередь закона стоимости. Поэтому политическая экономия сначала разбирает закон стоимости в более простом виде, как он действует при простом товарном производстве. Дальше мы ознакомимся с теми осложнениями и изменениями, которые вносит капитализм. Простое товарное производство всегда предшествует капитализму. Без простого товарного производства не мог бы вырасти капиталистический строй. Простое товарное производство подготовляет почву для капитализма.

В свою очередь развитие простого товарного производства неизбежно и неминуемо ведет к возникновению и зарождению капитализма. Мелкое товарное производство порождает капитал.

Одним из меньшевистско-троцкистских извращений марксизма является попытка отрицать существование простого товарного производства как исторического предшественника капитализма. Ясно, каково политическое значение этого искажения марксовой теории. Дело в том, что даже в период господства капитализма во всем мире остаются многочисленные остатки прежнего строя, большое количество элементов простого товарного производства, много миллионов мелких крестьян, ремесленников, кустарей. Эти массы мелких товаропроизводителей, с виду самостоятельных, а на деле стонущих под невыносимым игом капитала, являются резервом, откуда пролетариат черпает своих союзников в борьбе за социалистическую революцию. Меньшевистское извращение роли и значения простого товарного производства является основой для отрицания роли основных масс крестьянства как союзника пролетарской революции.

Не менее грубым искажением марксизма-ленинизма является попытка отделить простое товарное производство китайской стеной от капитализма. Ленин не уставал повторять, что мелкое товарное производство ежедневно, ежечасно рождает капитализм. Отрицание этого положения ведет в советских условиях к правооппортунистической линии на увековечение мелкого производства в деревне, к непониманию необходимости социалистической перестройки деревни на началах крупного общественного производства.

Роль денег при товарном производстве

В настоящее время редко случается, чтобы обменивали один товар на другой. Обычно производитель *продает* изготовленный им товар за деньги и на эти деньги *покупает* другие необходимые ему товары. Почему же мы в таком случае говорим об обмене товаров? Дело в том, что деньги служат здесь действительно посредником в обмене различных товаров. Капиталист продает свою продукцию и получает за нее определенную сумму денег. Но эти деньги его интересуют не сами по себе. Эти деньги нужны ему для покупки нового сырья, машин, для найма рабочих, для расширения производства.

Однако товарный обмен при посредстве денег коренным образом отличается от простого товарообмена. Появление денег

ведет к дальнейшему росту и развитию тех противоречий, которые заложены в товаре.

Пока господствовало натуральное производство, обмен носил чисто случайный характер. Обменивались излишки различных продуктов, причем обмен происходил в виде простого обмена одного продукта на другой. Однако развитие обмена неизбежно ведет к появлению денег. Из числа обмениваемых товаров выделяется один товар, который становится деньгами. Деньги возникают не путем соглашения или договора, а чисто стихийным путем.

Деньги являются продуктом развития обмена. С другой стороны, развитое товарное производство немыслимо без денег. Прямой обмен одного продукта на другой может сохраниться, лишь покуда обмен носит случайный характер. Когда же продукты начинают производиться для сбыта на рынке, когда они с самого начала производятся как товары, обмен без помощи денег становится невозможным. Лишь при помощи денег может реализоваться та всесторонняя общественная связь, которая устанавливается между отдельными обособленными производителями при товарном производстве. В деньгах находит свое дальнейшее развитие основное противоречие товарного производства, заложенное в товаре. Противоречие между конкретным и абстрактным трудом, как мы видим, выражается в противоречии между потребительной стоимостью и стоимостью товара. С появлением денег происходит дальнейшее развитие этого противоречия. Товар расщепляется на товар, с одной стороны, и деньги — с другой. При непосредственном обмене одного товара на другой товар в руках его производителя представляет стоимость, а в руках потребителя — потребительную стоимость. При обмене при помощи денег товаровладелец отдает свой товар и получает взамен деньги, как воплощение стоимости товара.

Стоимость товара теперь выражается в его цене, т. е. в определенном количестве денег. Мало того, что товар произведен. Он должен быть обменен на деньги. Он должен быть продан, должна быть реализована его цена. Если его нельзя продать — значит труд его производителя пропал даром.

Деньги являются всеобщим товаром, всеобщим эквивалентом. Деньги являются воплощением стоимости, воплощением абстрактного труда. Деньги — это тот штемпель, которым стихия рынка кладет печать общественного признания на товар, превращая его из продукта частного труда в продукт общественного труда.

Но в этом уже заключена опасность того, что продукт того или иного товаропроизводителя не сможет превратиться

в деньги. Если товаропроизводителю не удается продать свой товар за деньги, то это означает, что его частный, индивидуальный труд не оказался частицей общественного труда. Это значит, что благодаря анархии производства он зря потратил свой труд, сырье и орудия на производство такого товара, который не может быть продан. Отсюда понятно, что товарный фетишизм еще ярче выступает в деньгах. При товарно-капиталистическом производстве все общественные отношения производства выступают, как указывает Маркс, позолоченными или посеребренными. Деньгам приписывается чудесная сверхъестественная сила. Деньги, будучи продуктом общественного развития, приобретают совершенно исключительную силу и могущество в этом обществе.

«Будучи высшим продуктом развития обмена и товарного производства, деньги затушевывают, прикрывают общественный характер частных работ, общественную связь между отдельными производителями, объединенными рынком» (*Ленин*).

Деньги играют выдающуюся роль при переходе от мелкого товарного производства к капитализму. Разбогатевшие, нажившиеся всякими правдами и неправдами хозяйчики накопляют свои богатства в виде денег. Капитал прежде всего возникает в денежной форме.

Раздвоение товара на товар и деньги открывает путь для дальнейшего развития противоречий товарного производства. При непосредственном обмене товара на другой каждая продажа есть вместе с тем и покупка. Деньги открывают возможность отделения продажи от покупки. Товаропроизводитель может продать свой товар и вырученные за него деньги до поры до времени попридержать. Но когда многие товаропроизводители стремятся продать, не покупая, то возникает задержка в сбыте товаров. Деньги таким образом уже открывают возможность кризисов, а дальнейшее развитие товарного производства и его превращение в капиталистическое производство превращают эту возможность в неизбежность кризисов.

Деньги выполняют целый ряд работ (или, как говорят, *функций*) в товарном хозяйстве. Каждый товар продается за известную сумму денег. Величина этой суммы определяется стоимостью товара. Эта сумма денег называется *ценой товара*. Цена есть таким образом денежное выражение стоимости. Товары измеряют свои стоимости в деньгах. Деньги являются стало быть *мерилом стоимости*.

При покупке-продаже товара покупатель передает продавцу определенную сумму денег. Деньги здесь переходят из рук

в руки. Деньги здесь служат средством *обращения*, средством оборота товаров.

Нередко покупатель товара получает от продавца отсрочку платежа. Передача денег происходит не одновременно с передачей товара. Товар покупается в долг Через некоторое время долг должен быть уплачен. Для этого нужны деньги. Здесь деньги служат *средством платежа.*

Капиталист, продав свой товар, зачастую не пускает вырученные деньги тотчас же дальше в оборот. Он задерживает деньги у себя, накапливает постепенно большую сумму, достаточную для какой-нибудь крупной покупки, для расширения предприятия или для постройки нового. В этом случае деньги являются *средством накопления* (или сокровищем).

Для того чтобы выполнять все свои функции, деньги должны быть товаром, имеющим стоимость. И действительно, по мере развития обмена, из всего мира товаров выделяется один, который становится деньгами. В древности в качестве денег употребляли скот и разные другие товары. Но уже давно драгоценные металлы (золото и серебро) вытеснили все другие виды денег и заняли господствующее положение. В настоящее время во всех капиталистических странах *основными* деньгами является *золото.* Серебро употребляется как разменная монета.

В обращении золото обычно заменяется бумажными знаками, которые являются его представителем. Если этих бумажных знаков выпущено не больше, чем требуется для оборотов, если они свободно обмениваются на золото, тогда их покупательная сила устойчива. Очень часто капиталистические государства выпускают однако большие количества бумажных денег для покрытия своих нужд. Так бывает в особенности во время войн и всяких потрясений. Тогда деньги обесцениваются. В настоящее время, когда капитализм переживает острейший кризис, целый ряд буржуазных правительств вступил на этот же путь. Сначала деньги стали обесцениваться в ряде второстепенных стран, но вскоре по тому же пути пошли крупнейшие капиталистические государства: Англия, Соединенные штаты, Германия.

Закон стоимости — закон движения товарно-капиталистического производства

Общественная связь между отдельными производителями в товарно-капиталистическом обществе затемнена, затушевана. Эта общественная связь проявляется в обмене товаров. При товарном производстве труд принимает форму стоимости. Товары обмениваются по стоимости, т. е. в соответствии с количеством овеществленного в них (застывшего в них) общественно-необходимого абстрактного

труда. В товаре, в его стоимости, в обмене товаров заключаются в зародыше все противоречия товарно-капиталистического производства.

«У Маркса в «Капитале» сначала анализируется самое простое, обычное, основное, самое массовидное, самое обыденное, миллиарды раз встречающееся отношение буржуазного товарного общества: обмен товаров. Анализ вскрывает в этом простейшем явлении (в этой «клеточке» буржуазного общества) все противоречия (или зародыши всех противоречий) современного общества. Дальнейшее изложение показывает нам развитие (и рост и движение) этих противоречий и этого общества, в сумме его основных частей, от его начала до его конца» *(Ленин)*.

Закон стоимости — это *закон движения* товарно-капиталистического производства. Это движение протекает в виде дальнейшего развития противоречий, зародыши которых заключены в стоимости. Эти противоречия особенно остро проявляются в кризисах. Анархия производства, характеризующая товарно-капиталистический строй, выступает в моменты кризисов в наиболее обнаженном виде. Современный кризис капитализма свидетельствует об этом самым красноречивым образом. В кризисах ярко выступает противоречие между производительными силами и производственными отношениями, влекущее капитализм к его неизбежной гибели.

По мере исторического развития товарного производства, при его превращении в производство капиталистическое, по мере дальнейшего развития капитализма, развиваются и усложняются противоречия, заложенные в товаре и его стоимости. Развитие противоречий, заключенных в товаре, отображает гигантский исторический путь развития капитализма. «От первых зачатков товарного обмена, от простого обмена Маркс проследил развитие капитализма до его высших форм, до крупного производства», — пишет Ленин. Показывая, как Маркс прослеживает это гигантское историческое развитие, охватывающее ряд веков, Ленин вместе с тем показывает, как происходит развитие противоречий, зародыши которых заключены уже в товаре: «Там, где буржуазные экономисты видели отношение вещей (обмен товара на товар), там Маркс вскрыл *отношение между людьми*. Обмен товаров выражает связь между отдельными производителями при посредстве рынка. *Деньги* означают, что эта связь становится все теснее, неразрывно соединяя всю хозяйственную жизнь отдельных производителей в одно целое. *Капитал* означает дальнейшее развитие этой связи: товаром становится рабочая сила человека... Капитал, созданный трудом рабочего, давит рабочего, разоряя мелких хозяев и создавая армию безработных... Побивая мелкое производство, капитал ведет к увеличению производительности труда и к созданию монопольного положения союзов крупнейших капиталистов. Самое производство становится все более общественным, — сотни тысяч и миллионы рабочих связываются в планомерный хозяйственный организм, а продукт общего труда присваивается горстью капиталистов. Растет анархия производства, кризисы, бешеная погоня за рынком, необеспеченность существования для массы населения». Развитие противоречий капитализма вместе с тем подготовляет победу пролетариата. «Капитализм победил во всем мире, — пишет Ленин, — но эта победа есть лишь преддверие победы труда над капиталом».

ВОПРОСЫ

1. Чем отличается товарное производство от натурального?

2. Чем определяется стоимость товаров?

3. Какой труд мы называем общественно-необходимым?

4. Какова разница между конкретным и абстрактным трудом?

5. Какова роль рынка при товарном производстве?

6. Как действует закон стоимости?

7. Чем отличается капитализм от простого товарного производства?

8. Может ли существовать товарное производство без денег?

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Сущность капиталистической эксплоатации

Как рабочие эксплоатируются капиталом

В нашей стране капитализм свергнут, идет победоносное строительство социализма, выкорчевываются последние остатки капиталистических отношений. Но во всех остальных странах капитал еще цепко держит в своих лапах рабочие массы, высасывая из них все соки. Во всех капиталистических странах процветает *эксплоатация рабочего класса буржуазией.* Рабочий класс и буржуазия — вот два основных класса, которые стоят друг против друга в каждой капиталистической стране. Мы должны ознакомиться с теми условиями, которые дают возможность буржуазии захватывать в свои руки плоды труда рабочего. Мы должны разобраться в той тайне капиталистической эксплоатации, которая была раскрыта великим учителем пролетариата — Марксом.

Как выглядит капиталистическая эксплоатация в *современной действительности?* Как живет и работает пролетариат в капиталистическом мире? Приведем несколько рассказов иностранных рабочих, описывающих жизнь и труд пролетария в тех странах, которые находятся под властью капитала.

Перенесемся на время на одну из крупнейших текстильных фабрик соседней с нами Польши. На фабрике работало перед кризисом свыше 9 тыс. человек. Называется она Видзевская мануфактура, так как она расположена в Видзеве, предместьи крупнейшего промышленного центра Польши — Лодзи. Вот как описывает работница Видзевской мануфактуры т. В. Зелинская царящие там порядки:

«Владелец Видзевской мануфактуры — Оскар Кон. Но главными хозяевами являются англичане, которые вложили в это дело большие деньги.

В Польше законом установлен восьмичасовой рабочий день, но это так, для вида, на бумаге. На самом же деле во всей Лодзи, а также и у нас на Видзеве, работают во время сезона 10—12, даже *16 часов в сутки без перерыва. Сверхурочных мы конечно не получаем.* Молодежь, женщины и дети (у нас работают дети 12—14 лет) заняты на фабрике тоже по *10—12 часов в сутки.*

Условия работы на фабрике каторжные. Работаешь так, что некогда дух перевести, а тебя все подгоняют.

Заработки наши немного выше, чем на других лодзинских фабриках: мы — сдельщики. Квалифицированные рабочие и работницы получают от 5 до 10 злотых в день, т. е. 1-2 рубля. По оборудованию Видзевская мануфактура считается передовой. Но зато и по выжиманию соков из рабочих и работниц наша фабрика тоже идет впереди других. И Оскар Коп с сыновьями и далекие, неизвестные нам хозяева, английские капиталисты — наживают миллионы на нашем труде.

Особенно тяжело живется у нас женщинам, а женщин на фабрике большинство. Работницы — забитые, вечно напуганные, измученные, истощенные непосильным трудом. Столовых у нас на фабрике нет. Нет и яслей, детских садов. Это очевидно слишком дорого обошлось бы нашим промышленникам.

Много у нас работает больных и беременных женщин. Беременным по закону полагается платный отпуск — 6 недель до и 6 недель после родов. Но если работница потребует себе отпуск, то ее уволят или не примут обратно на предприятие после родов. Поэтому *беременные работницы не пользуются отпусками, чтобы не остаться на улице с ребенком.*

По закону нам полагается двухнедельный отпуск в году, но *директора составляют списки тех рабочих, которым подошел срок отпуска, и по этим спискам увольняют».*

Такова жизнь рабочих в панской Польше.

Не менее тяжелы условия труда в Румынии, которая также граничит с нашей страной и играет также видную роль во всех планах вооруженного нападения империалистов на наш Советский Союз.

В Румынии у власти стоят капиталисты и помещики (бояре). Зарплата румынского рабочего значительно ниже довоенной, несмотря на то, что румынская буржуазия захватила после войны в свои руки ряд богатых областей. Зарплата румынских горняков составляла в 1929 г. около 2 руб. в день при 14-15-часовом рабочем дне. Формально в Румынии существует 8-часовой рабочий день, но на самом деле рабочих заставляют гнуть спину от 10 до 16 часов в день. Вот как описывает один рабочий порядки на фабрике Циммер в Бухаресте (столица Румынии):

«Здесь продолжительность рабочего дня 12—14 часов. Работницы подвергаются избиениям со стороны директора. Их заставляют работать и ночью.

Бывают *случаи, когда рабочие и работницы принуждены работать по требованию хозяина, который должен выполнить спешный заказ, по 36 часов беспрерывно.*

Зарплата прямо издевательская: 30—40 лей (26—35 коп.) для работниц и 70—80 (65—70 коп.) для мужчин в день».

Избиение рабочих — очень частое явление в Румынии. Вот как поучает румынских рабочих один из вождей румынской буржуазии, адвокат Добросоу:

«В Румынии нужно быть довольным, когда тебя оскорбляют, но не бьют, нужно быть довольным, когда тебя бьют, но не калечат, нужно быть довольным, когда тебя калечат, но не убивают».

Оставим однако панскую Польшу и отсталую боярскую Румынию, перенесемся в одну из богатейших стран капиталистического мира — во Францию. Во Франции в послевоенные годы работает около 2 млн. иностранных рабочих. Это главным образом итальянцы и поляки, которые бегут от безработицы, голодной смерти и фашистского насилия у себя на родине. Вот что рассказывает один польский рабочий, работающий на металлическом заводе в Эльзас-Лотарингии:

«Когда я был принят на работу, то мне первым делом вручили две книги, посвященные внутреннему распорядку на предприятии. На всех страницах этих книг только и мелькали такие фразы, как: «*за это штрафуют*», «*этого делать нельзя*», «*за это увольняют*». Труд женщин, девушек и подростков оплачивается в размере одной трети нищенского заработка мужчин.

В число акционеров, которые владеют нашим предприятием, входят и американцы. По их почину здесь установлен американский потогонный режим. Люди у нас работают, как ошалелые. *Нередко приходится работать по 16 часов в день.* Считается совершенно нормальным, если в течение месяца имеешь только два свободных дня. Заработки у нас такие что их еле хватает на жизнь.

Благодаря постоянной гонке рабочий совершенно не в состоянии придерживаться правил безопасности: *не проходит дня без несчастных случаев.* А несчастный случай для нашего рабочего — *это больше чем несчастье.* Если ты попадешь в больницу, то с первого же дня получаешь только 40% жалованья. Если тебе машина отхватит палец на руке или ноге, то платят пособие в течение 2—3 месяцев, причем все это пособие равно нормальному заработку в 1—2 дня; потом выплату пособия совершенно прекращают. Стопроцентный инвалид получает лишь единовременное пособие в размере 40—50% своего последнего месячного жалованья — и все. Так мы живем и работаем в условиях капиталистического строя.

Рабочая сила как товар

Так выглядят жизнь и труд пролетариев при капитализме. И на наших фабриках и заводах в дореволюционное время, когда они принадлежали капиталистам, процветала самая жестокая эксплоатация, еще более зверская и бесчеловечная, чем в других капиталистических странах. Это время прекрасно помнят все те рабочие, которым приходилось работать на предприятиях до Октябрьской революции.

В чем загадка капиталистической эксплоатации? Как она возникает? В чем тайна обогащения капиталистов? Какими невидимыми цепями прикован рабочий к своим эксплоататорам? Почему один класс наживается за счет обнищания другого?

На все эти вопросы марксистская теория дает ясный и четкий ответ. Марксово учение объясняет нам внутреннее устройство капиталистического мира, оно раскрывает все внутренние пружины его развития и его неизбежной гибели.

В одной из предыдущих глав мы уже ознакомились с простым товарным производством и его основным законом — *законом стоимости.* Простое товарное производство неизбежно выделяет из своей среды *капиталистические элементы.* Простое товарное производство перерастает, переходит в капитализм. Закон стоимости — закон развития товарного производства. Это развитие ведет к капитализму. Вместе с этим развитием растет и власть стихийного закона стоимости.

Что такое *капитализм?* На этот вопрос Ленин отвечает следующим образом:

«Капитализм есть товарное производство на высшей ступени его развития, когда и рабочая сила становится товаром».

При товарном производстве продукты производятся не для собственного употребления, а для обмена, на рынок, для продажи. Производством и обменом товаров управляет закон стоимости. Товары обмениваются в соответствии со своей стоимостью, т. е. с тем количеством общественно-необходимого труда, которое необходимо для их производства.

Капитализм не отменяет товарного производства и его законов. Наоборот при капитализме *товарное* производство достигает *высшей ступени* своего развития. При капитализме законы товарного производства еще больше усиливают свое господство. Поэтому законы капиталистического производства основываются на законах товарного производства и прежде всего на законе стоимости.

«Две характерные черты с самого начала отличают капиталистический способ производства, — говорит Маркс. — Во-первых, оно производит свои продукты в виде товаров. Не самый факт производства товаров составляет

особенность, отличающую его от других способов производства, а то обстоятельство, что для его продуктов превращение в товары является господствующей и определяющей чертой. Это предполагает прежде всего, что сам рабочий выступает лишь в качестве продавца товара, в качестве свободного наемного рабочего, а следовательно труд вообще в качестве наемного труда.

Вторая особенность — специально характеризующая капиталистический способ производства, — это производство прибавочной стоимости как прямая цель и определяющий мотив производства. Капитал производит прежде всего капитал и достигает этого лишь постольку, поскольку производит прибавочную стоимость».

При капитализме рамки товарного производства раздвигаются. Появляется *новый товар*, которого не было при простом товарном производстве — *рабочая сила*. Что это за товар?

Маркс следующим образом отвечает на этот вопрос:

«Под рабочей силой или работоспособностью мы понимаем совокупность физических и духовных способностей, которыми располагает конкретный человеческий организм, живая личность человека и которые пускаются им в ход всякий раз, когда он производит какие-либо потребительные стоимости».

Иными словами, рабочая сила — это способность человека к труду, способность человека к производственной деятельности.

Маркс говорит:

«Капиталист покупает у рабочего запас потенциального труда или его рабочую силу».

При капитализме рабочая сила становится товаром. Всегда ли однако рабочая сила является товаром? Разумеется далеко не всегда. Возьмите мелкого производителя. Он сам трудится в своем хозяйстве, на своем клочке земли или в своей кустарной мастерской. Он продает изготовленные им товары, но он не продает своей рабочей силы. Он сам применяет свою рабочую силу. Совершенно ясно, что он может это делать лишь до тех пор, пока ему принадлежит его клочок земли или его мастерская. Отнимите у ремесленника его инструмент или станок, отнимите у мелкого крестьянина землю — и они не смогут больше применять свою рабочую силу в собственном хозяйстве.

Что им тогда остается делать? Чтобы не умереть с голоду, они вынуждены будут пойти наниматься к капиталистам, в руках которых фабрика и земля, заводы и железные дороги. Но что значит наняться на капиталистическую фабрику? Это и значит — продавать свою рабочую силу.

Таким образом мы видим, что для возникновения капитализма необходимы определенные *условия* или предпосылки.

Нужно, чтобы у одних членов общества в руках были все необходимые для труда средства, средства производства (или достаточные суммы денег, на которые можно эти средства производства купить), нужно, чтобы, с другой стороны, был класс людей, вынужденных продавать свою рабочую силу.

«Исторической предпосылкой возникновения капитала является, во-первых, накопление известной денежной суммы в руках отдельных лиц, при высоком сравнительно уровне развития товарного производства вообще, и, во-вторых, наличность «свободного» в двояком смысле рабочего, свободного от всяких стеснений или ограничений продажи рабочей силы и свободного от земли и вообще от средств производства, бесхозяйного рабочего, «пролетария», которому нечем существовать кроме как продажей рабочей силы» *(Ленин)*.

Первоначальное накопление

Капитализм возникает на развалинах прежнего общественного уклада — помещичьего (феодального) хозяйства. Капитализм вырастает на почве мелкого товарного производства. Капитализм производит коренной переворот в прежних общественных отношениях.

Недаром в условиях эксплоататорского строя сложилась поговорка, что от трудов праведных не нажить палат каменных. В самом деле, как разбогатели прежние хозяева русской промышленности, все эти Морозовы и Рябушинские, Коноваловы и Бурылины? Многие старожилы помнят, как появились основатели этих миллионных фирм. Это были в большинстве случаев хитрые мужички-кулаки, которые разными темными путями и способами сколачивали себе капиталец для начала. Кто разбогател, давая деньги в рост разоряющемуся крестьянству, кто руки нагрел вокруг разваливающегося господского дворянского хозяйства. Иной нажился на бессовестной эксплоатации кустарей-светелочников; другие Разуваевы и Колупаевы разжились на надувательской торговле, отпуская всякую дрянь втридорога; еще более темные делишки — воровство и ограбление — не редкость в истории возникновения капиталов многих русских промышленников.

Точно так же дело обстояло в других странах, только там все это случилось гораздо раньше и имело куда более широкий размах. К началу капиталистической эпохи, лет триста-четыреста назад, тогдашние передовые европейские страны (Испания и Португалия, Голландия и Англия) развили широкую заморскую торговлю. Отважные путешественники впервые нашли путь в дальние и богатые страны Востока — в Индию и Китай, была открыта Америка. Изобретение пороха дало возможность европейцам без большого труда сломить со-

противление коренного населения этих стран. Вся Америка превращается в ряд колоний. Ограбление богатейших заморских стран — вот один из существеннейших источников первоначального накопления европейского капитала, прежде всего английского. Другими источниками служат войны между самими европейскими странами, сопровождающиеся ограблением побежденных. Наконец ограбление своих собственных соотечественников при помощи ростовщичества, путем заморской торговли по ростовщическим ценам, частично путем прямого разбоя (в особенности морской разбой) занимает также не последнее место в истории рождения капитала.

Но накопление богатств — лишь половина задачи, решение которой необходимо для появления капиталистического производства. Другая половина задачи—это создание достаточного количества (или, как говорят, кадра) *свободных рук*.

Ни один человек не пойдет к капиталисту, пока он имеет возможность самостоятельно трудиться и прожить без помощи «благодетеля». Необходимо лишить мелкого производителя его средств производства, чтобы заставить его вынести на рынок единственное, что у него остается, — его рабочую силу. Для создания наемных рабочих требуется еще одно условие: чтобы люди были лично свободны, чтобы они могли свободно передвигаться с места на место, чтобы они могли свободно располагать своей рабочей силой.

Всего этого не было во время крепостного права, существовавшего не только у нас, но и в странах Западной Европы. Поэтому капитализм вызывает прежде всего падение крепостной зависимости. В России лишь в 1861 г. было уничтожено личное рабство огромного большинства населения, в других странах падение крепостного права произошло гораздо раньше.

Но для интересов капитала мало освободить крестьян — следует также поставить их в такое положение, когда они будут вынуждены *искать работы* на предприятиях *капиталиста*. Правда, определенное количество наемных рабочих капитал получает в лице разоряемых им мелких ремесленников и кустарей. Все же этого мало — новые предприятия требуют огромных масс рабочих рук. Помимо того капитал должен всегда иметь в запасе определенное количество рабочих рук, как мы увидим дальше.

Поэтому одновременно с «освобождением» крестьян от крепостной зависимости проводится другое, не менее важное «освобождение». Крестьян «освобождают» от той земли, на которой они сидели и которую они обрабатывали. Крестьянам оставляют (да и то большей частью за выкуп) лишь часть той земли, которая давала им прокормление при помещиках. Ма-

лоземелье гонит крестьянское население в лапы капитала. «Излишние» рабочие руки уходят из деревни и составляют армию наемных рабочих, поступающую в распоряжение капиталистической промышленности.

Таким образом первоначальное накопление создает *необходимые предпосылки* для возникновения капитализма. Оно создает необходимые *условия*, без которых капитализм не может существовать. Мы уже видели, каковы эти условия. Это, с одной стороны, накопление крупных богатств в руках небольшой части общества. Это, с другой стороны, превращение огромной массы трудящихся в пролетариев, лишенных собственности на средства производства и вынужденных поэтому продавать свою рабочую силу. Первоначальное накопление осуществляет, таким образом, *отделение производителя от его средств производства*. Это отделение производится необычайно жесткими методами разграбления и расхищения, разбоя и насилия. Когда эти условия капитализма созданы, они далее *все снова создаются* уже самим ходом капиталистического производства. Когда рабочие гнут спину на капиталистической фабрике, они умножают богатство своего эксплоататора. Они же сами попрежнему остаются неимущими пролетариями, вынужденными продавать свою рабочую силу.

Покупка-продажа рабочей силы и ее стоимость

В товарном хозяйстве товары продаются по своей стоимости. Что продает рабочий? Свою рабочую силу, которая необходима фабриканту, чтобы пустить производство.

Но мы знаем, что каждый товар имеет стоимость, и эта стоимость определяется тем количеством труда, которое необходимо для производства (изготовления) этого товара. Какова *стоимость* того товара, который продает рабочий, товара «рабочая сила»?

Всякому ясно, что человек может работать лишь тогда, когда он поддерживает свое существование: питается, одевается, имеет место, где он может голову склонить. Всякий понимает, что человек способен к труду лишь тогда, когда он удовлетворит свои потребности, по крайней мере самые насущные. Когда рабочий голодает, когда он ходит гол и бос, он становится неспособным к труду, он теряет свою рабочую силу. Поэтому можно считать, что удовлетворение самых насущных потребностей рабочего — это и есть производство рабочей силы.

Но нам известно, что все те предметы, которые служат для удовлетворения человеческих потребностей (хлеб, мясо, одежда, жилище), при капитализме являются товарами, их даром получить нельзя, на их изготовление затрачивается определен-

ное количество труда, которое определяет стоимость этих товаров. Таким образом стоимость товара «рабочая сила» равна *стоимости тех товаров, которые должен потреблять рабочий*, чтобы поддержать свое существование и восстановить свою рабочую силу.

«Стоимость рабочей силы есть стоимость средств существования, необходимых для поддержания жизни ее владельца» — говорит Маркс.

А стоимость всех этих товаров зависит от количества труда, необходимого на их изготовление.

Иными словами, стоимость товара «рабочая сила» определяется тем количеством труда, которое необходимо для производства этого своеобразного «товара», причем производство этого товара, как мы уже говорили, заключается в том, что рабочий питается, одевается и т. п. Вот эту-то стоимость товара «рабочая сила» оплачивает фабрикант в виде заработной платы.

В руках капиталиста находится фабрика, есть здания; в этих зданиях стоят машины и станки, на складах лежит сырье и топливо, лежат всякие вспомогательные материалы. Все это мертво без прикосновения живого человеческого труда. Тогда капиталист нанимает рабочих. Этим самым он закупает последний недостающий товар. Теперь дело в шляпе. Можно начинать производство. Рабочие приступают к работе, производство пускается в ход, машины и станки приходят в движение.

Наняв рабочего, купив его рабочую силу на определенное время, фабрикант заставляет его трудиться. В этом для него весь смысл покупки рабочей силы.

Нельзя смешивать и путать рабочую силу и труд. *Рабочая сила и труд — не одно и то же.* Рабочая сила — это способность человека к труду. Труд является создателем стоимости, но он сам не может стать товаром. Товаром становится рабочая сила.

Мы всегда различаем, скажем, паровоз и движение этого паровоза. Паровоз может спокойно стоять на станции. В таком случае паровоз налицо, а никакого движения нет и в помине. Но паровоз обладает способностью к движению; когда это нужно, он приходит в движение. Точно так же рабочая сила человека может оставаться неиспользованной, если ее обладатель например ходит безработным. Но поскольку безработный еще обладает рабочей силой, т. е. если он не заболел или не падает с ног с голодухи, он в подходящий момент может снова приступить к труду так же, как паровоз может притти в движение после длительной остановки.

Цена всякого товара, как мы уже видели в одной из предыдущих глав, может отклоняться вверх и вниз от его стоимости. Цена рабочей силы также отклоняется от ее стоимости. Однако, в отличие от большинства других товаров, в отношении рабочей силы действует тенденция, отклоняющая ее цену *вниз* от ее стоимости. Это значит, что рабочий не получает полностью того количества средств к существованию, которое ему необходимо для покрытия всех своих потребностей. Если мы говорим, что стоимость рабочей силы определяется стоимостью средств существования, необходимых для поддержания жизни рабочего, то мы этим отнюдь не утверждаем, что рабочий всегда получает за свою рабочую силу ее полную стоимость. Наоборот в огромном большинстве случаев он вынужден продавать свою рабочую силу по цене *ниже* ее стоимости. Однако даже в случае получения рабочим полной стоимости его рабочей силы капиталист извлекает из производства прибавочную стоимость, служащую источником его обогащения.

Откуда берется прибыль капиталиста?

Мы уже видели, каким образом товары обмениваются по своей стоимости. Посмотрим теперь, каким образом стоимость, создаваемая трудом одних людей, каким-то чудесным образом попадает в карманы других людей.

Приступая к делу, каждый промышленник закупает все необходимое для производства: машины и станки, сырье и топливо. Закупает он также рабочую силу, нанимает нужное количество рабочих. На фабрике начинается производство: сгорает топливо, работают станки и машины, трудятся рабочие, исчезает сырье, превращаясь в готовый товар. Когда товар готов, фабрикант может его продать и на вырученные деньги начать весь круг сызнова.

Какова стоимость изготовленного товара? В эту стоимость прежде всего вошла ценность израсходованных при его производстве товаров: износились станки, исчезло топливо, израсходовано сырье. Положим стоимость всех этих товаров составляет 3 тыс. часов труда. Далее сюда вошла новая стоимость, созданная трудом рабочих на нашей фабрике. Положим на фабрике работало 20 человек по 10 часов в день в течение 5 дней. Нетрудно сообразить, что за это время они создали новую стоимость, которая составляет тысячу часов труда. Таким образом полная стоимость нового товара, находящегося в руках фабриканта, составляет $3000 + 1000 = 4000$ часов труда.

Теперь возникает вопрос, во сколько обошелся товар самому фабриканту. Совершенно ясно, что за изношенные машины,

за сгоревшее топливо, за израсходованные сырые материалы капиталист должен был уплатить их полную стоимость. Разумеется в отдельных случаях промышленнику может быть удастся по дешевке закупить все необходимое для производства. Тогда на этом деле потеряет тот, у кого промышленник закупает все эти товары. Он не сможт выручить полную стоимость своих товаров.

«Весь класс капиталистов данной страны не может наживаться на счет самого себя» — говорит Маркс.

Ясно, что таким способом нельзя объяснить, откуда берется прибыль у всех капиталистов. Не могут люди жить тем, что они будут брать друг у друга взаймы. Точно так же не могут капиталисты наживаться тем, что они будут друг друга надувать и объегоривать. Конечно, обман и надувательство — частые гости в капиталистическом мире. Недаром говорится, вор у вора дубинку украл. Но только прежде всего дубинка должна быть сделана, и она должна попасть в руки первого владельца.

Стало быть за машины и материалы, необходимые для производства, промышленник уплатил их полную стоимость, т. е. сумму денег, соответствующую 3 тыс. часов труда. Но в стоимость нового товара, помимо этих 3 тыс. часов труда, вошла еще тысяча часов, затраченных наемными рабочими на фабрике нашего предпринимателя. Уплатил ли он рабочим всю эту стоимость? Вот тут-то и кроется *разгадка всей тайны* капиталистической эксплоатации.

Промышленник должен уплатить 20 рабочим стоимость их *рабочей силы* за 5 дней. Он должен, стало быть, уплатить им сумму, достаточную для восстановления рабочей силы в течение пяти дней. Легко понять, что эта сумма меньше тысячи рабочих часов. Ведь одно дело то количество труда, которое затрачивает рабочий на капиталистической фабрике, и совсем другое дело — стоимость тех товаров, которые необходимы для поддержания его работоспособности.

«Стоимость рабочей силы и ее использование в процессе труда — суть две различных величины» — говорит Маркс.

В нашем примере мы можем предположить, что стоимость рабочей силы одного рабочего в день составляет пять часов труда. Тогда промышленник уплатит 20 рабочим за 5 дней всего лишь сумму денег, соответствующую 500 рабочим часам.

Подведем итог. Расходы промышленника составляют 3000 + 500 = 3500 часов труда. А стоимость изготовленного товара равна 3000 + 1000 = 4000 часов труда.

Прибавочный труд и прибавочная стоимость

Откуда берется барыш фабриканта? Теперь нам уже легко ответить на этот вопрос. Этот огромный барыш — плод неоплаченного труда рабочих. Этот барыш — плод добавочного или, как принято говорить, прибавочного труда рабочих, которые в течение 5 часов вырабатывают стоимость, равную их заработной плате, а в течение следующих 5 часов — прибавочную стоимость, идущую в карман капиталиста. Неоплаченная часть труда — источник прибавочной стоимости, источник всякого барыша, всякого нетрудового дохода.

«Наемный рабочий продает свою рабочую силу владельцу земли, фабрик, орудий труда. Одну часть рабочего дня рабочий употребляет на то, чтобы покрыть расходы на содержание свое и своей семьи (заработная плата), а другую часть дня рабочий трудится даром, создавая *прибавочную стоимость* для капиталиста, источник прибыли, источник богатства класса капиталистов.

Учение о прибавочной стоимости есть краеугольный камень экономической теории Маркса» *(Ленин)*.

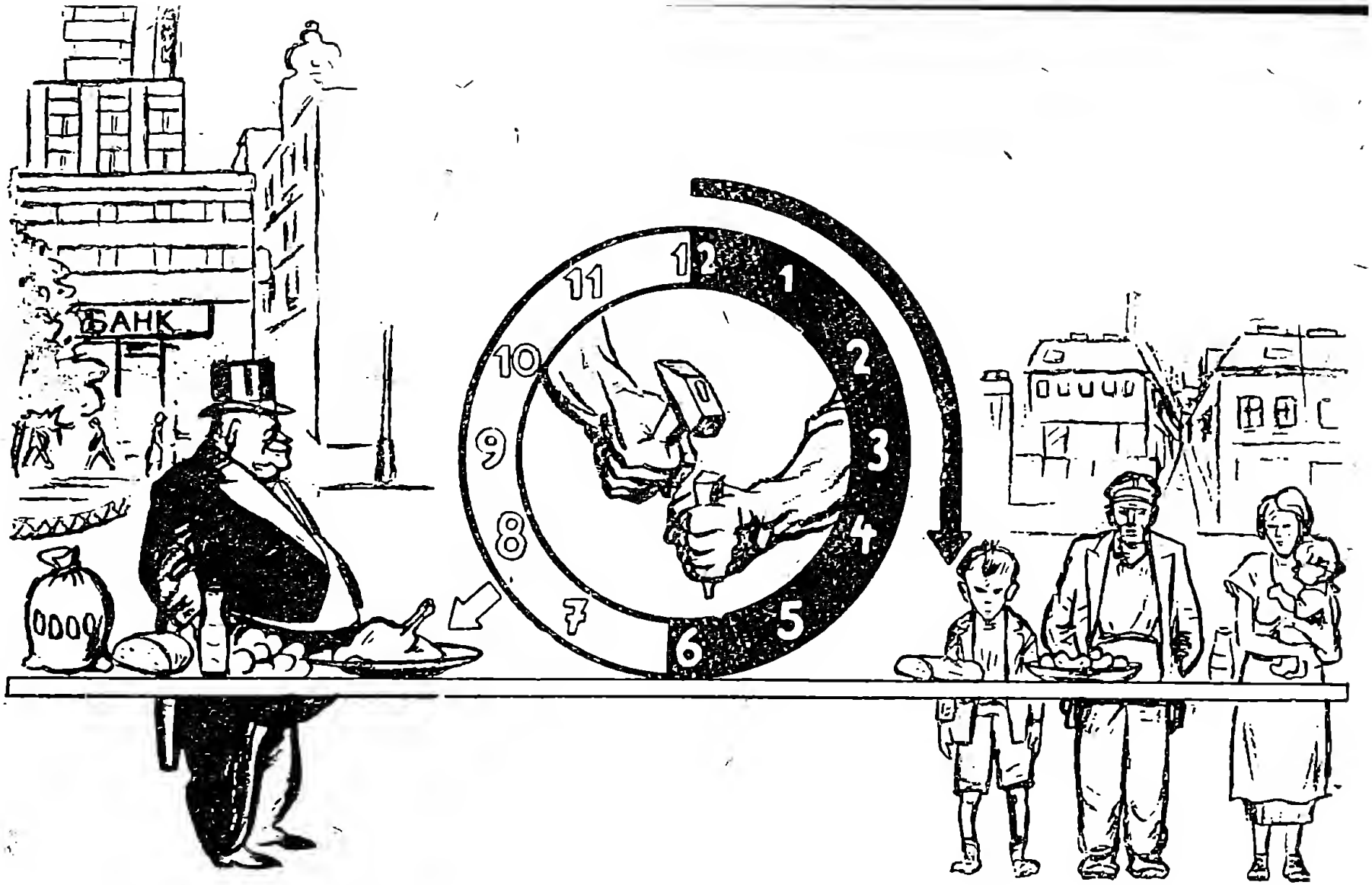
Марксово учение о прибавочной стоимости раскрывает тайну капиталистической эксплоатации. Поэтому это учение является незаменимым оружием в руках пролетариата, борющегося за уничтожение капитализма, за создание нового коммунистического общества. Поэтому буржуазия и ее «ученые» слуги так беснуются по поводу марксова учения о прибавочной стоимости. Поэтому они без конца пытаются «опровергнуть» и «уничтожить» это учение.

Учение Маркса о прибавочной стоимости основано, как мы видели, на учении о стоимости. Поэтому очень важно защищать марксово учение о стоимости от всяких извращений, ибо на нем построена также теория эксплоатации.

Теперь мы можем подвести *итог* нашему рассмотрению источника обогащения капиталистов. Этот итог будет подведен всего лучше, если привести краткое и четкое изложение учения о прибавочной стоимости, которое мы находим у Ленина:

«Прибавочная стоимость не может возникнуть из товарного обращения, ибо оно знает лишь обмен эквивалентов,[1] не может возникнуть и из надбавки к цене, ибо взаимные потери и выигрыши покупателей и продавцов уравновесились бы, а речь идет именно о массовом среднем, общественном явле-

[1] Эквивалент — равноценность.


БАНК
0000
12
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11

пии, а не об индивидуальном. Чтобы получить прибавочную стоимость, «владелец денег должен найти на рынке такой товар, самая потребительная стоимость которого обладала бы оригинальным свойством быть источником стоимости», такой товар, процесс потребления которого был бы в то же самое время процессом создания стоимости. И такой товар существует. Это — рабочая сила человека. Потребление ее есть труд, а труд создаст стоимость. Владелец денег покупает рабочую силу по ее стоимости, определяемой, подобно стоимости всякого другого товара, общественно-необходимым рабочим временем, необходимым для ее производства (т. е. стоимостью содержания рабочего и его семьи). Купив рабочую силу, владелец денег вправе потреблять ее, т. е. заставлять ее работать целый день, скажем 12 часов. Между тем рабочий в течение 6 часов («необходимое» рабочее время) создает продукт, окупающий его содержание, а в течение следующих 6 часов («прибавочное» рабочее время) создает неоплаченный капиталистом «прибавочный» продукт или «прибавочную» стоимость».

В очень древнее время, когда люди еще не вышли из состояния дикарей, первобытный человек тратил всю свою силу и энергию для того, чтобы раздобыть себе самое необходимое для существования. При помощи того, что ему приносил его труд, человек-дикарь едва спасался от голодной смерти.

Когда первобытный человек с трудом боролся против голода, между людьми не могло существовать *общественного* неравенства, как его не существует, скажем, между животными. Появление прибавочного труда создает возможность возникновения неравенства, возможность эксплоатации человека человеком. Прибавочный труд одних людей идет на пользу других: продукт этого прибавочного труда попадает в руки общественной верхушки, эксплоатирующей общественные низы.

Такое положение сохраняется вплоть до капиталистической эпохи включительно. Правда, формы эксплоатации меняются. Эксплоатация выглядит по-разному в рабовладельческом, в помещичье-крепостном и в капиталистическом хозяйствах. Но суть везде остается та же. Она заключается в присвоении господствующим классом прибавочного труда всего общества.

«Только та форма, в которой прибавочный труд выжимается из непосредственного производителя, из рабочего, отличает экономические формации общества, например общество рабства от общества наемного труда» — говорит Маркс.

Капитал не изобрел прибавочного труда — указывает Маркс. Везде, где общество состоит из эксплоататоров и эксплоатируемых, господствующий класс высасывает прибавочный труд из огромной массы трудящегося и эксплоатируемого населе-

ния. Однако жажда прибавочного труда приобретает при капитализме столь ненасытный характер, как ни при одной из предыдущих форм классового общества.

При рабстве и крепостничестве, пока преобладает натуральное хозяйство, присвоению прибавочного труда поставлены определенные рамки. Рабовладелец или феодал выжимают из эксплоатируемой ими массы столько труда, сколько требуется для удовлетворения всех их потребностей и прихотей. При капитализме, наоборот, жажда прибавочного труда совершенно безгранична. Прибавочный труд, выжимаемый капиталистом из рабочего, превращается в звонкую монету, которая может быть снова пущена в ход в качестве нового дополнительного капитала, приносящего новую прибавочную стоимость. Ненасытная жажда прибавочного труда характеризует капиталистический способ производства. При капитализме стремление к росту эксплоатации рабочего не знает границ. Капиталисты не брезгают никакими средствами для усиления эксплоатации своих наемных рабов.

Совершенно ясно, что с уничтожением капиталистического строя, с устранением капиталистической эксплоатации прекращается выжимание прибавочного труда из наемных рабочих в пользу капиталистов. Наступает конец делению рабочего дня на необходимый и прибавочный в том смысле, как это происходит при господстве капитала. Маркс говорит по этому поводу следующее:

«Устранение капиталистического способа производства позволит ограничить рабочий день необходимым трудом. При этом однако при прочих равных условиях необходимый труд должен расширить свои рамки. С одной стороны, условия жизни рабочего должны стать богаче, его жизненные потребности должны возрасти. С другой стороны, пришлось бы причислить к необходимому труду часть теперешнего прибавочного труда, именно тот труд, который требуется для образования общественного запасного фонда и фонда накопления (такого запаса средств производства и существования, который позволит расширить производство и возмещать возможные убытки, между прочим и от несчастных случаев)».

Эти слова Маркса дают ключ к пониманию положения вещей в нашем социалистическом хозяйстве, где покончено с эксплоатацией рабочих капиталистами.

На социалистических предприятиях в СССР впервые в истории уничтожена коренным образом классовая эксплоатация. На наших предприятиях нет двух классов с противоположными интересами, как на любой капиталистической фабрике. У нас предприятия составляют собственность советского госу-

дарства, пролетарской диктатуры. Класс, владеющий фабриками и заводами, и класс, затрачивающий свой труд на этих предприятиях, — один и тот же. В советских условиях рабочий не продает своей рабочей силы представителю чужого и враждебного класса. В социалистическом хозяйстве СССР нет и не может быть места производству прибавочной стоимости. Тот излишек, который создается трудом рабочих сверх получаемого ими заработка, идет на покрытие коллективных потребностей того же рабочего класса и его диктатуры: на общегосударственные нужды, на цели социалистического накопления, на потребность обороны и т. д.

Гнуснейшей контрреволюционной клеветой являются поэтому измышления троцкистов насчет того, будто промышленность СССР — не социалистическая, а государственно-капиталистическая. Этой клеветой троцкизм пытается прикрыть свои предательские попытки подрывной работы против социалистического строительства.

Что такое капитал?

Мы разобрали производство прибавочной стоимости. Мы познакомились с механикой присвоения неоплаченного труда капиталистами. Мы увидели, что единственным источником всякого нетрудового дохода является труд пролетариев. Теперь мы должны присмотреться поближе к той невидимой силе, которая заставляет десятки миллионов людей подчиняться прихотям небольшой кучки буржуев. Мы должны поближе приглядеться к власти капитала, разобрать, что такое капитал.

Эксплоатация рабочих капиталистами возможна лишь потому, что при капитализме все богатство сосредоточено в руках буржуазии. У капиталистов — все средства производства и средства существования, у рабочих нет ни того, ни другого. Буржуазия монополизировала в своих руках (т. е. сосредоточила исключительно у себя) все богатства общества. «Выросшее на основе развитого товарного производства, капиталистическое общество характеризуется монополией класса капиталистов и крупных землевладельцев на важнейшие и решающие средства производства, эксплоатацией наемного труда класса пролетариев, лишенных средств производства и вынужденных продавать свою рабочую силу, производством товаров для получения прибыли и связанной со всем этим бесплановостью и анархичностью процесса производства в целом» — так характеризует капиталистический строй программа Коммунистического интернационала.

При капитализме пролетариат лишен средств производства. *Средствами производства* мы называем предметы, необходимые человеку для его труда. Легко заметить, что средства произ-

водства составляются из нескольких важнейших частей. Сюда относятся прежде всего *орудия труда*, начиная от немудреного сапожного шила и кончая сложнейшими и замысловатыми машинами на современных заводах и фабриках. Далее — *то сырье*, которое подвергается обработке. Сырьем для сапог служит кожа, при выплавке чугуна сырьем служит железная руда, при выделке ситца сырьем является хлопок. Наконец существует ряд вспомогательных материалов, необходимых для работы: смазочные масла, песок, известь и т. д.

В работе судьба этих различных составных частей средств производства не одинакова. Орудия труда обладают большой долговечностью. Ткацкая фабрика соткет много кусков ткани при помощи одних и тех же станков. Совершенно иная судьба ждет те предметы, которые подвергаются обработке. Сырье бесследно исчезает в ходе производства — оно после обработки превращается в новый готовый продукт. Кожа в руках сапожника превращается в сапоги, сукно в руках портного — в костюм, руда на металлургическом заводе превращается в чугун и железо, вспомогательные материалы обычно точно так же полностью потребляются и исчезают в ходе работы: дратва и гвозди исчезают в сапогах, топливо уничтожается при отоплении фабричных котлов, смазочные масла исчезают в глубине машин и станков.

Все эти средства производства, без которых немыслим никакой труд, находятся при капитализме в руках класса буржуазии. Это дает буржуазии огромную власть над обществом. В руках буржуазии средства производства превращаются в средства эксплоатации благодаря тому, что они сосредоточены в руках небольшой кучки людей, в то время как огромная масса населения лишена средств производства и должна поэтому продавать свою рабочую силу.

Капитал — это не вещь, а определенное *общественное отношение*, — говорил Маркс. Вещи — средства производства и всякого рода иные товары, находящиеся в руках буржуазии, — сами по себе не являются капиталом. Но определенный общественный строй делает эти вещи средствами эксплоатации, превращает их в носителей того общественного отношения, которое мы называем капиталом.

Капитал — «особое исторически определенное общественное отношение производства» *(Ленин)*.

Это — общественное отношение между тем классом, которому принадлежит собственность на средства производства, и тем классом, который лишен средств производства и вынужден поэтому подвергаться эксплоатации. Так как в капиталисти-

ческом обществе средства производства покупаются и продаются, то они являются товаром. А как товар они имеют стоимость, они могут быть превращены в деньги (т. е. проданы); в свою очередь за деньги можно всегда достать средства производства (купить их). Поэтому, другими словами, *капитал* можно определить как *стоимость*, которая приносит (путем выжимания из наемных рабочих) *прибавочную стоимость*. Но стоимость — не что иное, как овеществленный труд. Стоимость является результатом труда. Стоимость — это прошедший мертвый труд. Поэтому Маркс говорит, что «капитал есть мертвый труд, который подобно вампиру оживает лишь вследствие всасывания живого труда».

Постоянный и переменный капитал

Для выяснения сущности капиталистической эксплоатации большое значение имеет деление капитала на постоянный и переменный.

Мы уже видели, что в общую стоимость товаров входит стоимость потраченного сырья и топлива, а также соответственная доля стоимости оборудования, машин и т. д. Величина этой стоимости не изменяется: сколько стоили эти части затраченного капитала, столько же теперь стоимости перенесено на товар. Поэтому эту часть капитала — фабричные здания и машины, сырье и топливо — мы называем *постоянным* капиталом.

Но мы знаем, что в стоимость товара входит еще одна чрезвычайно важная составная часть — та стоимость, которая произведена рабочими на данной фабрике. Если на предприятии работает 100 рабочих по 10 часов ежедневно, причем час труда создает стоимость 50 коп., то вся масса производимой ими новой стоимости равняется 500 руб. в день.

Мы уже знаем, что та заработная плата, которую получают рабочие, меньше той новой стоимости, которую они произвели. Заработная плата соответствует по своей величине лишь той части вновь созданной стоимости, которая произведена необходимым трудом рабочих, между тем как своим прибавочным трудом рабочие создают прибавочную стоимость, попадающую в карман капиталисту.

Если необходимый труд равен 5 часам в день, то капиталист уплатит рабочему по 2 р. 50 к. в день, а всей сотне рабочих 250 рублей. Так часть капитала, которую фабрикант затратил на наем рабочей силы, равна 250 руб., а произвели же рабочие новой стоимости на 500 руб. Мы видим, что эта часть капитала возросла вдвое в процессе производства, возросла разумеется не сама по себе, а вследствие присвоения неоплаченного прибавочного труда рабочих. Поэтому часть капитала, затра-

ченную на покупку рабочей силы (т. е. на выплату заработной платы рабочим), мы называем *переменным* капиталом.

Капиталист всегда тщательно различает ту часть капитала, которая оборачивается быстро, от той части, которая медленно оборачивается. Фабричные здания и оборудование, которые служат в течение долгого времени, капиталист называет *основным* капиталом; напротив, те части капитала, которые оборачиваются быстро, называются *оборотным* капиталом. Сюда входит капитал, затраченный на сырье, топливо и заработную плату рабочим.

Деление капитала на постоянный и переменный не совпадает с делением капитала на основной и оборотный.

В постоянный капитал входит весь основной капитал и кроме того еще та часть оборотного, которая затрачена на сырье, топливо и вспомогательные материалы. Вообще постоянная часть капитала затрачена на продукты предыдущего (или, как говорят, мертвого) труда, необходимые для производства. Наоборот переменный капитал идет весь на оплату рабочей силы, поэтому в переменный капитал входит лишь та часть оборотного капитала, которая идет на заработную плату рабочим.

Эти два деления можно изобразить следующим образом:

Деление по продолжительности оборота	Части капитала	Деление по роли в процессе эксплоатации
Основной капитал	Фабричное здание и постройки Оборудование	Постоянный капитал
Оборотный капитал	Сырье, топливо, вспомогательные материалы	
	Заработная плата рабочим	Переменный капитал

Различать эти два способа деления капитала чрезвычайно важно. Первое деление — на постоянную и переменную части — сразу вскрывает нам ту часть капитала, которая является истинным и единственным источником прибавочной ценности. В делении капитала на основной и оборотный действительный творец прибавочной стоимости — труд, затраченный рабочими, смешивается с такими частями капитала, которые никакой новой стоимости не создают. Таким образом это принятое в капиталистической практике разделение капитала прикрывает, затушевывает сущность капиталистической эксплоатации.

Норма прибавочной стоимости

В нашем примере рабочие производят за день новой стоимости на 500 руб., а получают в виде заработной платы только 250 р. Ясно, что остальные 250 руб. присваиваются капиталом в виде прибавочной стоимости.

Очень важно знать, какая доля труда рабочих попадает в карман капиталистов. Тогда мы будет иметь определенное мерило, которое укажет, как велика капиталистическая эксплоатация. Представление об этом нам дает *норма прибавочной стоимости*. Под нормой прибавочной стоимости мы понимаем отношение прибавочной стоимости к переменному капиталу или, иными словами, отношение неоплачиваемого прибавочного труда к необходимому труду. В нашем случае норма прибавочной стоимости будет иметь следующий вид:

$$\frac{\text{250 руб. приб. стоимости}}{\text{250 руб. перем. капитала}} = 100\%$$

Если норма прибавочной стоимости равняется 100%, то это значит, что труд рабочего делится на необходимый и прибавочный труд поровну, что прибавочная стоимость по своей величине равна переменному капиталу, что рабочему оплачивается лишь половина затраченного им труда, а остальная половина присваивается капиталистом.

Капиталистическая промышленность России (в границах нынешнего Союза ССР, т. е. без Польши и т. д.) в 1913 г. произвела всего товаров на сумму 5621 млн. руб. Все расходы на сырье, топливо, изнашивание машинного оборудования и т. д. составляли 3644 млн. руб. Если мы вычтем сумму всех этих расходов из всей стоимости произведенных товаров, то мы получим кругленькую сумму в 1957 млн. руб.

Это и есть та новая стоимость, которую произвел своим трудом рабочий класс России за год. Сколько получил из этой суммы рабочий класс и сколько пришлось на долю капиталистов — фабрикантов, землевладельцев, торговцев и т. д.?

В виде заработной платы рабочим и служащим было уплачено всего 983 млн. руб., т. е. около половины того, что произвели рабочие. Остальная стоимость в сумме 974 млн. руб. представляет собою всю массу прибавочной стоимости, выработанную рабочим классом. Эта сумма — источник всех нетрудовых доходов, начиная от миллионных кушей металлургических, угольных акционерных обществ и кончая случайным выигрышем мелкого биржевого игрока.

Таким образом пролетариат России за год произвел стоимостей круглым счетом на 2 млрд. руб., а получил лишь 1 млрд. Совершенно ясно, что рабочих ограбил капитал, отняв у них половину того, что они произвели.

Два способа увеличения прибавочной стоимости

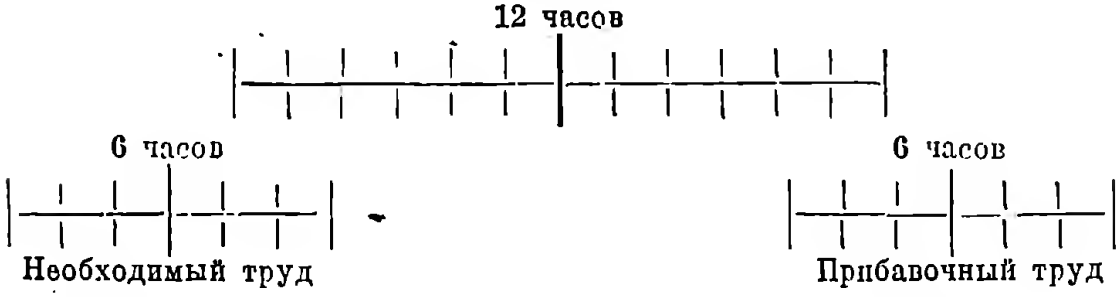
Совершенно понятно, что каждый капиталист хочет получить возможно больше прибавочной стоимости: ведь для этого он весь огород городит. Каким образом он добивается своей цели?

Проще всего было бы нанять побольше рабочих и расширить производство. Если сотня рабочих производит прибавочной стоимости на 250 руб., то двести рабочих дадут нашему капиталисту уже целых 500 руб. Для расширения производства вдвое надо иметь однако дополнительный капитал. Ежели фабрикант располагает дополнительными деньгами или вообще средствами, он разумеется так и поступит. Это чрезвычайно просто и ясно.

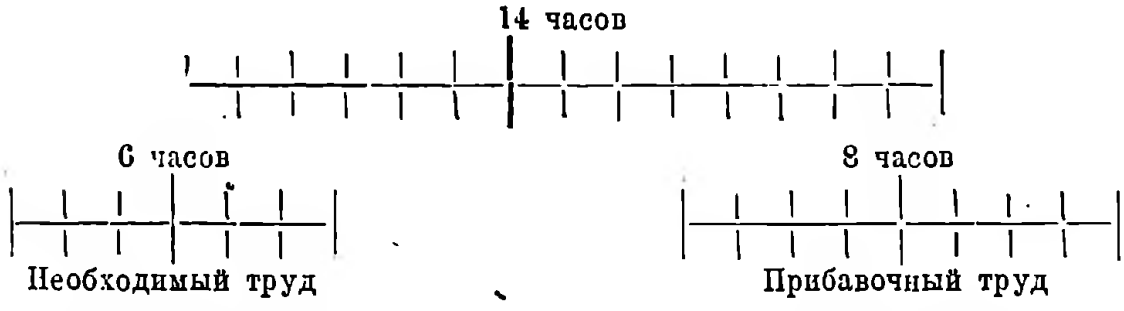
Весь вопрос заключается однако в том, каким способом увеличить прибавочную стоимость при неизменной величине затраченного капитала. Здесь перед капиталистом открываются два пути.

Мы видели, что рабочий день делится на две части — на оплаченный, необходимый труд и на неоплаченный, прибавочный. Положим, рабочий трудится 12 часов; необходимый труд равен 6 часам; остальные 6 часов приходятся на долю приба-

вочного труда. Изобразим наш рабочий день при помощи линии, в которой каждое деление равно одному часу.

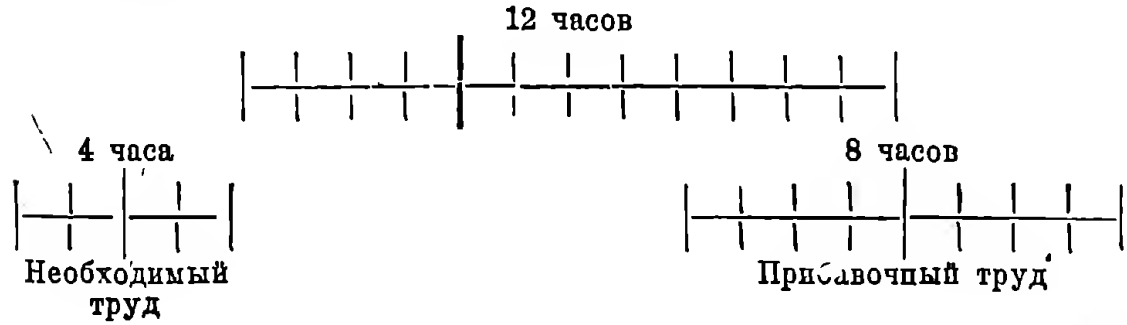


При таком положении капиталист может увеличить получаемую им прибавочную стоимость прежде всего путем *увеличения всего рабочего дня.* Так как необходимый труд остается без изменения, то доля и размеры прибавочного труда возрастут. Предположим, рабочий день будет увеличен на 2 часа. Тогда мы получим следующую картину:



В этом случае мы будем иметь рост *абсолютной* прибавочной стоимости: объем прибавочной стоимости возрастает вследствие *абсолютного* увеличения всего рабочего дня.

Но есть и другой способ увеличения прибавочной стоимости. Какой вид примет наш рабочий день, ежели фабрикант найдет способ уменьшить размеры необходимого труда? Ответить на это не трудно. Положим, необходимый труд уменьшен до 4 часов. Тогда рабочий день будет выглядеть следующим образом:



В этом случае перед нами рост *относительной* прибавочной стоимости: объем прибавочной ценности возрастает при неизменной длине рабочего дня исключительно вследствие изменения *отношения* между трудом прибавочным и необходимым. Раньше это отношение было 6 : 6, а теперь 8 : 4 — вследствие сокращения необходимого труда.

Однако каким образом происходит снижение размеров необходимого труда?

Развитие техники ведет к повышению производительности труда. На производство средств существования рабочего затрачивается меньшее количество труда, чем прежде. Стоимость этих средств снижается. Тем самым снижается и стоимость рабочей силы, уменьшаются размеры необходимого труда, возрастает относительная прибавочная стоимость.

Чтобы снизить размеры необходимого труда, капиталисты вовлекают в производство жен и детей рабочих. Тогда вся семья рабочего получает вместе примерно столько же, сколько раньше получал один лишь глава семьи. Когда с развитием техники задача рабочего сводится лишь к тому, чтобы стоять за станком, наблюдать за ним и выполнять очень несложные операции, взрослый рабочий может быть без ущерба заменен подростком или женщиной. Капиталисты предпочитают этот вид труда вследствие его дешевизны: обычно женщине-работнице платят не больше половины того, сколько получал бы мужчина на ее месте; труд подростков оплачивается еще хуже.

Избыточная прибавочная стоимость

Особо надо отметить следующий способ повышения относительной прибавочной стоимости, применяемый капиталистами. Каждый капиталист стремится всячески увеличить свои барыши. Для этого он вводит всякие усовершенствования, удешевляющие производство. Для этого он применяет новые машины, вводит новую технику, повышающую производительность труда. Покуда техническое усовершенствование, введенное капиталистом, еще неизвестно другим предприятиям той же отрасли, он получает сверхприбыль, избыточную прибавочную стоимость. Товар ему обходится дешевле, а продается он по той же цене или с незначительным снижением.

Однако обычно отдельное предприятие недолго пользуется таким преимуществом. Новую технику заводят также и другие предприятия. Так как стоимость товаров определяется средним общественно-необходимым трудом, то всеобщее распространение технического нововведения поведет к падению стоимости каждой единицы товара (например каждого изготовляемого паровоза или добываемого пуда угля). Отдельное предприятие лишится своих прежних выгод.

Возможность получить избыточный барыш является при капитализме сильнейшим двигателем технического прогресса. Погоня за избыточной прибавочной стоимостью приводит к росту относительной прибавочной стоимости, так как она приводит к уменьшению количества труда, необходимого для производства средств существования рабочего. Избыточная прибавочная стоимость является лишь одной из форм относительной прибавочной стоимости.

Борьба вокруг рабочего дня

Совершенно ясно, что для капиталистов проще повышать свой барыш при помощи увеличения абсолютной прибавочной стоимости. Для этого не требуется никакой новой техники, для этого нужно лишь удлинить рабочий день. И действительно, капиталисты всегда стремятся удлинить рабочий день до пределов возможного. Если бы это было в их власти, они заставили бы рабочих трудиться более 24 часов в сутки. Однако удлинение рабочего дня имеет свои естественные пределы. Помимо того оно наталкивается на все растущее сопротивление рабочих. Поэтому капиталисты не могут ограничиваться погоней за абсолютной прибавочной стоимостью. Они наряду с этим развертывают борьбу за относительную прибавочную стоимость, сулящую им неограниченные возможности.

На заре капиталистического строя во всех странах господствует чрезвычайно длинный рабочий день. Техника еще слаба, а главное — рабочий класс распылен и небоеспособен, поэтому торжествует повсюду производство абсолютной прибавочной стоимости.

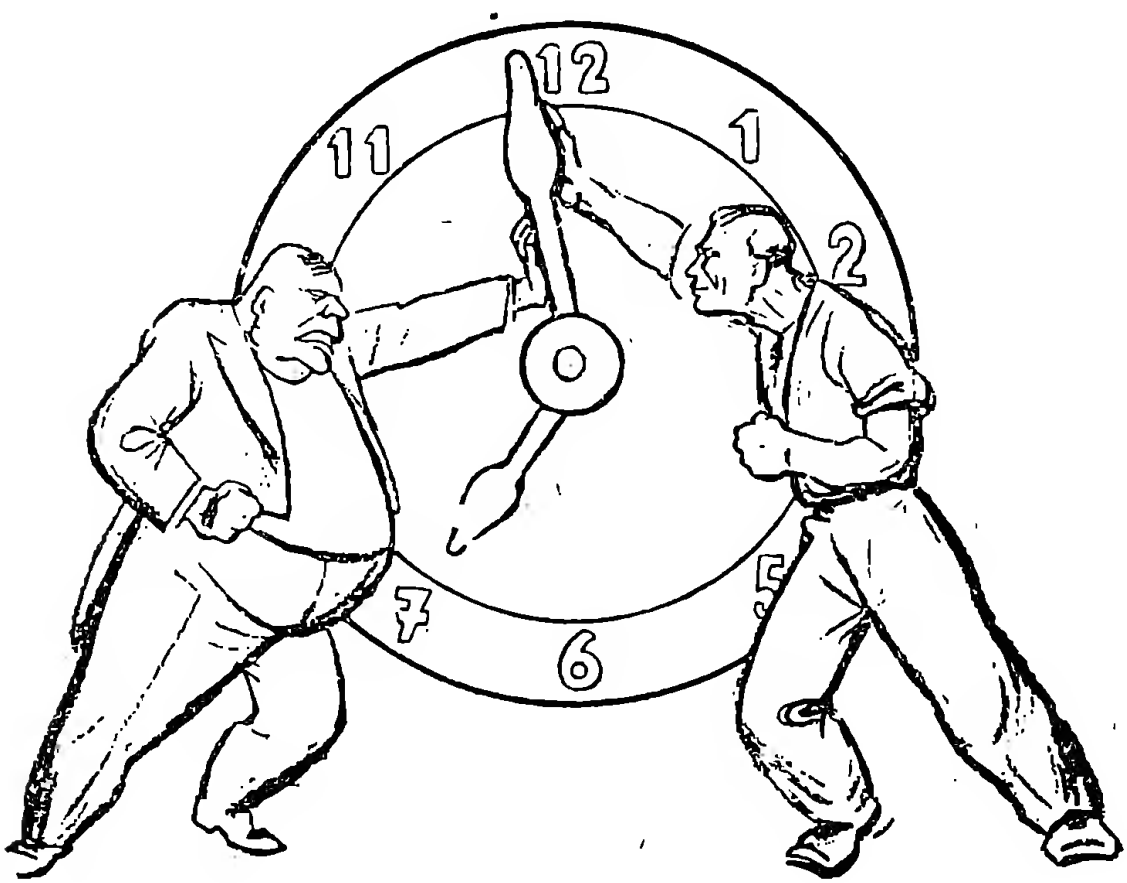
В иных случаях рабочий день составляет чуть ли не полные сутки. Рабочий получает пару-другую часов на сон, все остальное его время принадлежит капиталисту. Легко себе представить, каким образом такая хищническая эксплоатация рабочей силы отражается на жизни и быте рабочего населения. В английской текстильной промышленности например за 90 лет вымерло девять поколений рабочих, в то время как среди остального нерабочего населения сменилось лишь три поколения. Во многих странах непомерно длинный рабочий день и в настоящее время не редкость.

В Китае например на многих фабриках работают по 16—18 часов; даже под землей, в угольных шахтах, рабочий день непомерно длинен. Притом такой рабочий день существует не только для взрослых мужчин, но также для женщин и детей чуть ли не с младенческих лет.

«В капиталистическом обществе, — говорит Маркс, — свободное время одного класса создается посредством превращения всей жизни масс в рабочее время».

Как только пролетариат выступает на борьбу за улучшение своего положения, он выставляет требование *ограничения рабочего дня* в качестве одного из первых своих требований. Законы насчет ограничения детского труда и длины рабочего дня для взрослых появляются в наиболее старых капиталистических странах лишь в 40-х годах прошлого столетия (в Англии, а затем и во Франции). Рабочее законодательство повсюду возникает лишь после ожесточенной борьбы рабочего класса. Буржуазное государство, защищающее интересы всего класса капиталистов в целом, соглашается на издание подобных законов, с одной стороны, под напором рабочего движения, а с другой стороны — из соображения о необходимости сохранения рабочего населения, ибо без рабочих нет и барышей для капиталистов.

В России первые фабричные законы появились в 1897 г. после известных стачек петербургского пролетариата. Рабочий день был установлен в 11½ часов. В более развитых капиталистических странах пролетариату еще до войны удалось добиться гораздо большего. В большинстве передовых стран накануне войны преобладал 10-часовой рабочий день; в подземных работах (в рудниках и шахтах) рабочий день иногда был короче. Точно так



же в большинстве капиталистических стран было установлено, что дети могут работать на предприятиях лишь после достижения определенного возраста (12—14 лет). Наконец некоторые ограничения были введены насчет женского труда (ограничения ночных работ).

После войны, когда волны рабочего движения угрожали самому существованию капитализма, буржуазия во многих странах пошла на уступки. В 1919 г. было даже заключено особое соглашение в Вашингтоне насчет введения 8-часового рабочего дня в международном масштабе. В последующие годы, когда капитал перешел в наступление, уступки были в большинстве случаев взяты обратно. Во всех капиталистических странах начался поход капиталистов против 8-часового рабочего дня, и во многих странах он уже давно ликвидирован.

Очень часто выработка рабочего при сокращении рабочего дня не только не падает, но даже поднимается. Опыт показывает, что при 8-часовом дне выработка ничуть не меньше, чем при более длинном рабочем дне. Рабочий трудится меньшее количество часов, зато он работает гораздо *интенсивнее*.

Интенсивность труда

Одним из излюбленных способов выжимания возможно большей прибавочной стоимости является повышение интенсивности труда. Можно устроить так, чтобы в течение того же времени рабочий затрачивал гораздо больше труда, гораздо больше энергии, чем прежде. В таком случае и стоимость, которую он производит, будет больше; возрастает стало быть и прибавочная стоимость, приходящаяся на долю капиталиста.

При машинном производстве интенсивность труда часто повышается тем, что убыстряют (ускоряют темп) ход машин. Рабочему приходится делать напряжение, чтобы поспеть за ускоренным ходом своего станка. Кто не поспевает, тот вылетает вон. В других случаях капиталисты стараются при помощи особых способов оплаты побудить рабочих ко все более и более интенсивной работе.

Чрезмерная интенсивность труда отражается на здоровьи и жизни рабочего так же пагубно, как и чрезмерно длинный рабочий день. Когда продолжительность рабочего дня ограничивается законом, капиталисты находят для себя прекрасный «выход» в безграничном повышении интенсивности труда. В большинстве капиталистических предприятий интенсивность труда так высока, что рабочий преждевременно теряет свою работоспособность, преждевременно старится, подвергается всяким болезням. Интенсификация (т. е. повышение интенсивности труда) является для капиталистов испытанным способом повышения степени эксплоатации рабочего, его растущего закабаления.

Капитализм и развитие техники

В настоящее время гниющий капиталистический строй, сжимаемый тисками кризиса, выступает врагом технического прогресса. Капиталисты и их ученые слуги пытаются нередко изобразить дело таким образом, будто во всех несчастьях виноваты машины. Слишком много, дескать, расплодилось в мире машин — этих стальных чудовищ, лишающих добрых людей работы. Слишком много, мол, продуктов создают эти машины — сбывать эти продукты некуда. Рабочие однако знают, что не машина сама по себе приносит с собой безработицу, кризис и т. д. Причиной здесь является капиталистический строй со всеми его глубочайшими противоречиями. Не машина лишает рабочего куска хлеба, а капиталистическое применение машин в качестве средства эксплоатации.

Среди буржуазии в условиях современного кризиса большой любовью пользуются всякого рода бредни о возвращении от машинного труда к ручному труду. И зачастую эти враждебные прогрессу бредни пытаются частично проводить в жизнь. В Америке, где масса экскаваторов и землечерпалок стоит без дела, на общественных работах обрекают тысячи людей на ручной труд при помощи кирки и лопаты. В этой обстановке наша страна является единственной страной в мире, где идет неустанная работа по внедрению новой наиболее совершенной техники во всех отраслях хозяйства. Страна строящегося социализма высоко держит знамя технического прогресса.

Необходимо однако иметь в виду, что в период своей молодости и расцвета капитализм принес с собой гигантский рост производительных сил человеческого общества. До возникновения капитализма не было и в помине современной крупной промышленности с ее высокой техникой, современных средств транспорта и связи. Лишь капитализм принес с собой распространение машинного производства. Он вызвал к жизни огромные богатства, покоящиеся в недрах земли. Он создал мощную технику, во много раз облегчающую труд человека и расширяющую его власть над природой.

Но все это развитие производительных сил общества капитализм ставит на службу хищнической эксплоатации одного класса другим. Самые совершенные средства производства капиталистический строй использует в качестве самых совершенных средств выжимания прибавочной стоимости из рабочего класса. Погоня за барышом, погоня за прибылью — вот движущий мотив капиталистического производства. Возрастание прибыли — вот для чего капиталист вводит новую технику.

Поэтому развитие производительных сил означает при капитализме дальнейший рост эксплоатации рабочего класса, даль-

нейшее обогащение небольшой кучки капиталистов за счет обнищания огромных масс. Но в то же время капитализм, создавая гигантские предприятия с высокой техникой, увеличивая во много раз техническое вооружение человеческого труда, подготовляет материальную основу для социализма, подготовляет материальные условия и предпосылки для осуществления той цели, за которую борется пролетариат. В этой подготовке необходимых предпосылок для победы пролетарской революции и заключается историческая роль капитализма.

Рабство наемного труда

Нет ничего отвратительнее буржуазного лицемерия, утверждающего о «равенстве» богатого и бедного, сытого и голодного, тунеядца и изнуренного работой рабочего. На деле костлявая рука голода загоняет рабочего в кабалу к капиталисту более крепко́, чем этого можно было бы добиться десятками самых строгих законов. Капитализм ведет к все большему ухудшению условий существования пролетариата. Капитализм ведет ко все большей *нищете* среди широких рабочих масс. Голод становится все более частым гостем в рабочих кварталах.

Маркс говорит: «Римский раб был прикован цепями — наемный рабочий невидимыми нитями привязан к своему собственнику. Но только этот собственник не отдельный капиталист, а класс капиталистов». И действительно, передко рабочий может уйти с одного капиталистического предприятия, но лишь для того, чтобы попасть на другое предприятие, принадлежащее такому же капиталисту.

Капиталисты ведут бешеную травлю против Советского Союза под флагом борьбы против принудительного труда. Трудно себе представить нечто более гнусное, чем выступление современных рабовладельцев против единственной в мире свободной социалистической страны под флагом борьбы за свободу труда. Всякий знает, что Советский Союз — единственная в мире страна, где положен конец рабству наемного труда, где огромные массы трудящихся впервые в истории человечества получили возможность разумного и свободного труда для себя, на пользу социалистического строя, где нет ни эксплоататоров, ни эксплоатируемых. Капиталисты и их прислужники, пытаясь подорвать успехи социалистической стройки в СССР, объявляют войну тем товарам, которые вывозятся нами за границу, в частности советскому лесу. На наших лесозаготовках в Северной области — заявляют они — применяется принудительный труд заключенных, высланных кулаков и т. д. Совершенно очевидно, что не заботы о «свободе труда» беспокоят матерых хищников капитализма, не останавливающихся ни перед ка-

кими преступлениями, когда дело идет о получении барышей. Им не дают покоя гигантские победы социализма. Они в тиши точат оружие против единственной страны строящегося социализма. В порядке подготовки нового нападения на Советский Союз капиталист пытается окружить нашу страну кольцом экономической блокады. Вот для чего служит вся шумиха по поводу якобы «принудительного труда» на лесозаготовках в СССР.

На самом деле труд заключенных и кулаков применяется на Севере вовсе не на лесозаготовках, а на постройке дорог, рытье каналов и т. п. Многие безработные, пропадающие с голоду в капиталистическом «раю», охотно поменялись бы местами даже с этими заключенными, имеющими восьмичасовой рабочий день, приличную оплату труда, достаточное снабжение предметами необходимости.

Однако настоящий подневольный рабский труд существует во всем капиталистическом мире. Нужды нет, что этот труд внешне свободен и этим отличается от прежних форм рабства. Главное заключается в том, что трудящиеся массы прикованы невидимыми цепями к изнурительному, постылому труду, плоды которого идут на дальнейшее их закабаление, на укрепление капиталистического рабства. Создавая несметные богатства для небольшой кучки тунеядцев, рабочие сами все более страдают от голода и лишений. «Кнут надсмотрщика за рабами заменяется штрафной книгой надзирателя» — говорил Маркс про капиталистические предприятия. Несомненно, что штрафная книга надзирателя — вечная угроза вылететь на улицу и погибнуть от безработицы — действует на современных подневольных работников капитала не менее, чем кнут надсмотрщика.

Но и кнут надсмотрщика в современных капиталистических странах отнюдь не редкость. В ряде стран, особенно в колониях, процветает на благо капиталу самый доподлинный рабский труд. Капитал достаточно наживается на «свободном» наемном труде. Но там, где условия подходящи, он нисколько не брезгует и настоящим рабским трудом.

Об этом свидетельствует бесчисленное множество фактов. В самых передовых странах капитала процветают доподлинные формы рабства. Так например в Англии из трех с половиной миллионов безработных свыше миллиона не получают пособий от государства. Они обращаются в так называемые «Бюро общественной помощи», в «рабочие дома» или ночлежки. Во всех этих учреждениях порядок такой, что получивший помощь должен отработать соответствующее количество часов.

Вот как описываются приключения 16 безработных, попавших в одну из «трудовых колоний»:

«По приезде в Бельмонт они были немедленно переодеты в форму, не-

что вроде той, которую выдают уголовным... Многие из находящихся в колонии были дефективные, почти умалишенные. К пище нельзя было притронуться. Один рабочий показал мне кусок хлеба, выдаваемого в колонии, и заявил: «Хлеб военного времени был прекрасным в сравнении с этой гадостью...» Во время еды живущим в этой рабской колонии не разрешается разговаривать. Тишина охраняется специальными надзирателями... 16 безработных просили разрешения выйти из здания после рабочего дня. Управляющий принял каждого отдельно и заявил, что выходить не разрешается. Если они решат уйти, то им придется отправиться в Лондон пешком, и дальнейшая выдача пособий будет прекращена, пока они не возвратятся. Другой товарищ сообщил, что денег за работу они не получают, но при хорошем поведении им выдаются талоны на 2½ шилл. (1 р. 25 к.), которые могут обменять в буфете. «Я и другие, — пишет он, — были вынуждены забраться в огороды и красть овощи, чтобы утолить голод».

Французская буржуазия применяет большое количество иностранных рабочих, как уже было упомянуто выше.

По прибытии во Францию иностранные рабочие размещаются в концентрационных лагерях, представляющих собой бараки за колючей проволокой. Такие лагери устроены в Тулоне для поляков, в Модане — для итальянцев, в Эндейе и Перпиньяне — для испанцев и т. д. Запертые в лагере рабочие не имеют права выходить из него, пока за ними не явятся агенты с предприятий. Ждать этих агентов приходится по нескольку дней, иногда целыми неделями.

Иностранные рабочие во Франции фактически лишены свободы передвижения. Они живут под постоянной угрозой высылки. Им чрезвычайно трудно оказывать сопротивление своим нанимателям, и поэтому они вынуждены работать на самых кабальных условиях. В ноябре 1926 г. правительство Пуанкаре издало декрет, запрещающий сельскохозяйственному рабочему-иностранцу уходить из деревни и наниматься в промышленные предприятия.

В одном из промышленных районов Франции, около Лиона, крупные капиталистические компании оборудовали рабочие поселки, населенные как иностранными рабочими, так и французами. Поселки эти обносятся стенами и закрываются на ночь. Туда входят, как в тюрьму; стража у входа не пропускает никого без разрешения. Нечего и говорить, что в этих поселках рабочие отданы на полный произвол предпринимателей и совершенно отрезаны от остального мира. Капиталистическая администрация вмешивается во все мелочи быта рабочих, «устраивая» даже браки между ними.

Встречаются во Франции и прямые случаи работорговли. Об одном из таких случаев рассказывается в отчете испанской секции французской коммунистической партии.

Один испанец по имени Марселино Гонсалес, живущий в Сопое, в департаменте Луары, ведет торговлю детьми от 12- до 16-летнего возраста, продавая их на французские стекольные заводы. У этого человека име-

ются в Испании агенты, которые объезжают самые бедные районы и вербуют детей, уверяя родителей, что ребята поедут во Францию изучать какое-нибудь ремесло. Местные испанские власти подделывают документы — записи о рождении некоторых детей, для того чтобы обойти закон, запрещающий труд детей моложе 14 лет.

Марселино Гонсалес устроил в Сопос детскую колонию, в которой помещается 60 детей. Такие же колонии имеются в Руане, в Ле-Трепоре, Рамбулье и т. д. На стекольных заводах детей заставляют работать по 11-12 часов за ничтожную зарплату, которой они к тому и не видят, потому что работорговец Гонсалес получает ее сам за них. Детей Гонсалес размещает в деревянных бараках в самых ужасных санитарных и гигиенических условиях. Дети спят по трое и по четверо на одной койке в самой возмутительной тесноте. Получают они отвратительную пищу, и за одежду и обувь, в которой они нуждаются, им приходится платить. Эксплоатация малолетних принимает самые неслыханные размеры.

Нечего и говорить, что этот самый Гонсалес, пробывший несколько лет во Франции без всяких средств, теперь имеет собственный дом, автомобиль и пользуется большим влиянием у властей.

В Америке широко распространен рабский труд рабочих-негров. Там насчитывается около 12 млн. негров; большинство из них рабочие и мелкие крестьяне. После формального уничтожения рабства в 1863 г. большинство негров-рабочих попало в кабальную зависимость к своим хозяевам.

В южных штатах помещик дает негритянской семье клочок земли, продовольствие, семена и инвентарь до сбора нового урожая. Арендатор должен весь урожай сдать помещику, который из вырученных денег покрывает стоимость своих затрат. Но помещики всегда обманывают и обсчитывают негров так, что те попадают в неоплатную кабалу к своим хозяевам.

Если негр соберет 100 кип хлопка, которые будут проданы на рынке за 600 долл., то помещик потребует с него 800 долл., которые он будто бы затратил на него. Если негр уплатит ему всю свою выручку, то он все же останется должен еще 200 долл. и вынужден будет возобновить договор на прежних условиях. Этот обман повторяется из года в год. Когда негр обращается в суд, его никто не слушает: слова белого человека не могут быть опровергнуты словами черного. Помещики не только хозяева в пределах своей собственной плантации, они пользуются неограниченной властью во всей общине, и когда они что-либо утверждают перед лицом «правосудия», то это становится законом. На юге помещик сам диктует условия, на которых негры должны работать. Если же негр посмеет возмутиться против незаконных действий хозяина и сбежит, то за ним сейчас же начинает охотиться полицейская свора с помощью специально выдрессированных собак. Пойманного негра считают либо бродягой, либо дезертиром и возвращают обратно к помещику.

Применяются и другие уловки для того, чтобы обеспечить помещиков дешевой рабочей силой, применяемой на самых кабальных условиях.

Когда помещику требуется рабочая сила, он делает заявку местному судье, после чего полиция арестовывает нужное количество рабочих негров. Против арестованных выдвигаются всевозможные дутые обвинения. Суд приговаривает их к штрафу, и негры, не имея средств уплатить штраф, вынуждены итти в кабалу к помещику, который вносит за них требуемую сумму, вычитаемую затем из их заработка.

Рабство в колониях

Но самые ужасные формы принимает принудительный труд в колониях, где империалисты обращают туземное население в доподлинное рабство. На приисках и рудниках, на плантациях и дорогах колониальных стран в широких размерах применяется принудительный труд.

В Южной Африке на негров, занятых в промышленности, распространяется «закон о хозяевах и слугах». Если негр сбежит от хозяина, который бесчеловечно с ним обращался, то ему некуда деваться. У него везде требуют паспорт, свидетельствующий о том, что он удовлетворительно работал у европейца. Если у него паспорт не в порядке, его арестовывают и возвращают прежнему хозяину или же заставляют работать на другого.

В горной промышленности, в особенности на золотых приисках и алмазных копях, туземные рабочие живут в особых жилищах, обнесенных оградами с колючей проволокой. В течение всего срока своего найма негр не имеет права покинуть эту тюрьму. Вовнутрь жилища не допускается никто из посторонних; оно все время охраняется вооруженной стражей. Средний заработок негра-рабочего составляет менее рубля в день, причем питается он за свой счет. За эту плату он гнет спину от 12 до 14 часов в день.

В других африканских колониях применяются самые бесчеловечные способы эксплоатации. На рудники и копи вербовщики обычно приводят завербованных ими рабочих, связанных веревками. Работа производится под охраной вооруженных надсмотрщиков. При вербовке несчастных туземцев обычно спаивают и заставляют подписывать в пьяном виде контракт, которого туземец обычно к тому же не понимает.

Рабство сопровождается во многих случаях совершенно открытой торговлей; примером могут послужить португальская Африка (Ангола или «независимая республика» Либерия), целиком подчиненная капиталу САСШ, где даже справочники приводят средние рыночные цены рабов (3—4 ф. ст. за женщину и 5 ф. ст. за мальчика).

Наряду с открытым рабством процветает еще долговое рабство. Сущность его, как разъяснил Маркс, заключается в том, что «при помощи ссуд, которые подлежат возвращению отработками, причем обязательства переходят из поколения в поколение, не только отдельный рабочий, но и вся его семья становится наследственной собственностью другого лица и его семьи».

Любопытно отметить, что современный кризис, сжавший в своих лапах все отрасли промышленности и торговли в капиталистических странах, больно ударил и по *торговле рабами*. Парижская буржуазная газета «*Пари миди*» в августе 1932 г. сообщала, что на южноафриканских рынках вследствие кризиса цены на невольников резко пали. Газета приводила точные цены, по которым невольники продаются на рынке. Так например цена молодой, по местным представлениям красивой, женщины составляет сейчас всего около 1000 франков (75 руб.). Цена мужчины, средней рабочей силы, не превышает 300—400 франков. Газета добавляет, что до кризиса цены были в 4-5 раз выше. Молодую женщину на южноафриканском рынке невольников покупали за 5—10 тысяч франков. Такого рода газетные сообщения, встречающиеся в буржуазной печати, достаточно бесспорно свидетельствуют о том, что торговля рабами происходит и что все заверения буржуазных государств, будто рабство уничтожено, не заслуживают никакого доверия.

ВОПРОСЫ

1. В чем заключается первоначальное накопление капитала?

2. Что заставляет рабочего продавать свою рабочую силу?

3. Чем определяется стоимость рабочей силы?

4. Какова разница между рабочей силой и трудом?

5. Что такое капитал?

6. Что больше: постоянный или основной капитал?

7. Чем измеряется степень эксплоатации рабочего?

8. Каковы способы увеличения относительной прибавочной стоимости?

Заработная плата и обнищание рабочего класса при капитализме

Стоимость рабочей силы и ее цена

При капитализме рабочий продает свою рабочую силу капиталисту. Капиталист нанимает рабочего и заставляет его работать на своем предприятии. Рабочий получает *заработную плату*. В этом и заключается *покупка-продажа рабочей силы*.

Но рабочая сила — *товар особенного рода*. Покупка и продажа рабочей силы характеризуют отношения между капиталистами и рабочими — между двумя основными классами капиталистического общества. Стоимость рабочей силы, как мы уже знаем, определяется стоимостью средств существования рабочего. Однако надо иметь в виду, что капиталисты всегда стараются *снизить* размер заработной платы ниже этого уровня. При капитализме жизнь рабочего никем не обеспечивается. Зачастую он остается вовсе без работы и вынужден умирать с голоду. Но и тогда, когда он находит работу, его оплата далеко не всегда достаточна для удовлетворения самых насущных потребностей.

Стоимость рабочей силы определяется стоимостью средств существования рабочего. Но как определяются необходимые средства существования? Совершенно ясно, что средства существования рабочего, их объем, их характер зависят от целого ряда обстоятельств. Маркс указывает, что стоимость рабочей силы «определяется в каждой стране *привычным уровнем жизни*. Этот уровень включает не только потребности чисто-физической жизни, но и удовлетворение определенных потребностей, порождаемых социальными условиями, в которых люди находятся и воспитываются». В противоположность другим товарам определение стоимости рабочей

силы включает в себя *исторический* и *моральный* момент. Уровень обычных потребностей рабочего не представляет собой чего-то раз навсегда установленного. Напротив этот уровень изменяется с ходом исторического развития, причем в различных странах он различен, в зависимости от путей исторического развития той или иной страны. Однако капитализм стремится всегда свести уровень жизни рабочего класса к чрезвычайно низкому пределу. Стоимость товара, выраженная в деньгах, есть цена. Цена товара, как мы уже знаем, постоянно колеблется вокруг его стоимости. Заработная плата — это особая форма цены товара «рабочая сила». Понятно, что уровень заработной платы испытывает колебания вокруг стоимости рабочей силы. Причем в отличие от других товаров здесь колебания происходят преимущественно *вниз* от стоимости.

Заработная плата скрывает отношение эксплоатации

Мы видели, что труд наемного рабочего в капиталистическом предприятии состоит из двух частей: из оплаченного, необходимого труда и неоплаченного, прибавочного. Однако, когда рабочему уплачивается его заработная плата, то при этом отнюдь не видно, что заработная плата является вознаграждением за необходимый труд, в то время как прибавочный труд рабочего безвозмездно присваивается предпринимателем. Напротив при капитализме дело представляется в таком виде, как будто *весь труд* рабочего был оплачен.

Вот забойщик получает сдельную заработную плату. За каждую тонну угля, отправленную из забоя, ему платят один рубль. Выбиваясь из сил, он в день вырабатывает столько, что с трудом хватает на хлеб. Пусть он попробует указать углепромышленнику на несправедливость такой эксплоатации. Тот, если будет в хорошем расположении духа и захочет поговорить с рабочим, объяснит ему:

«Ты получаешь рубль за тонну. Больше этого не платят ни на соседнем руднике, ни в каком-либо другом месте. Ты получаешь справедливую цену. Больше этого твой труд не стоит. Вот попробуй-ка, выработай побольше угля, тогда и заработок увеличится».

Получается ложное представление, будто рабочий получает именно ту стоимость, которую он вырабатывает.

Вот приятель нашего забойщика работает тут же рядом, на химическом заводе. В очень вредных условиях он вынужден работать 9 часов в день и за это получает 25 руб. в месяц. Как он узнает, что хозяин завода эксплоатирует его? Пусть

он об этом заявит хозяину. Тот ответит, ни мало не смущаясь:

«Вот что, голубчик. Ты получаешь столько, сколько получит всякий другой на твоем месте. Сейчас много безработных гуляет по нашему району без хлеба и без крова. Любой из них согласится работать на тех условиях, на которых ты работаешь, а получаешь ты вполне справедливое вознаграждение, больше этого ты не выработаешь. Впрочем не угодно ли: поработай обе смены — получишь вдвое. А в течение 9-часового дня ты вырабатываешь не больше 25 руб. в месяц. Платить тебе больше нет никакого расчета».

И в самом деле — как узнает рабочий, сколько он в день вырабатывает стоимости для своего хозяина? Ведь на заводе 9-часовой рабочий день не разделяется таким образом, чтобы было видно: вот это время я отрабатываю свою заработную плату, а эти часы — работаю на хозяина. Все часы работы одинаковы. А тут еще появляется возможность увеличить свой заработок вдвое — правда, путем увеличения вдвое своего рабочего дня. Такое обстоятельство может окончательно спутать все карты; получается видимость, будто и в самом деле капиталист тебе платит столько, сколько зарабатываешь и сколько вырабатываешь стоимости.

Так-то *прикрывается* капиталистическая эксплоатация. А тут на подмогу приходят все силы *духовного порабощения* масс. Церковь утверждает, что земные порядки — от бога и всякая мысль об их изменении греховна. Капиталистические газеты, буржуазная наука, представления в театрах и кинематографе, литература и искусство буржуазии — все это затемняет сущность эксплоатации, все это старается представить дело так, что обогащение капиталиста так же естественно и неизбежно, как свет солнца в ясный летний день.

«Форма заработной платы стирает всякие следы разделения рабочего дня на необходимый и прибавочный, на оплаченный и неоплаченный труд. Всякий труд представляется оплаченным трудом. При барщинном труде труд крепостного крестьянина на самого себя и принудительный труд его на помещика различаются между собою самым осязательным образом, в пространстве и времени. При рабском труде даже та часть рабочего дня, в течение которой раб возмещает лишь стоимость своих собственных средств существования, в течение которой он фактически работает лишь на самого себя, представляется трудом на хозяина. Весь его труд представляется неоплаченным трудом. Наоборот, при системе наемного труда даже прибавочный, или неоплаченный труд кажется оплаченным» (*Маркс*).

Заработная плата и борьба рабочего класса

Рабочие очень рано стали объединяться в *профессиональные союзы*, ведущие борьбу за улучшение условий труда и за ограничение безудержной эксплоатации.

Заработная плата определяется, как мы уже говорили, стоимостью рабочей силы. Но, во-первых, заработная плата испытывает значительные колебания, преимущественно вниз от стоимости рабочей силы, а во-вторых, сама стоимость рабочей силы подвержена значительным изменениям в зависимости от многих обстоятельств.

Между буржуазией и рабочим классом идет постоянная борьба за высоту заработной платы; в этой борьбе естественно очень многое зависит от степени объединения и спайки каждой стороны.

Пока рабочие еще не создали профессиональных организаций, каждый капиталист имеет дело с распыленной массой. В борьбе вокруг уровня заработной платы капиталист в таком случае всегда занимает более выгодные позиции: если кто-либо из его рабочих не соглашается на скверные условия работы, он всегда легко найдет ему заместителя.

Дело меняется при наличии классового профессионального движения. В таком случае капиталисту противостоит уже не разъединенная масса отдельных, ничем друг с другом не связанных рабочих. Теперь ему приходится иметь дело с объединением всех (или большей части) рабочих, которые предъявляют одинаковые требования и выдвигают одинаковые условия. Раньше капиталист сговаривался с отдельным рабочим; теперь ему приходится заключить коллективный договор с профессиональным объединением. Условия оплаты труда обычно определяются особым тарифным соглашением.

Конечно и при наличии профессионального движения капиталисты находят много способов бороться против рабочих. Предприниматели объединяются в свою очередь в «союзы работодателей». На помощь капиталистам приходят предатели рабочего класса—*социал-фашисты*. Находящиеся под их руководством профессиональные союзы срывают борьбу рабочих занимаются штрейкбрехерством при революционных стачках.

Совершенно ясно, что при помощи одной лишь экономической борьбы профессиональных организаций рабочий класс не может освободиться от растущей эксплоатации со стороны капитала, от растущей нищеты и нужды. Для этой цели необходима полная победа пролетариата, достижимая лишь при помощи *революции*. Тогда, уничтожив капитализм, пролетариат уничтожит классовую эксплоатацию, источник своего обнищания.

Маркс пишет по этому поводу следующее:

«Общая тенденция капиталистического производства ведет не к повышению, а к понижению среднего уровня заработной платы или к сведению *стоимости труда* более или менее к ее *минимальному пределу*. Но при существовании в современном обществе такой тенденции в развитии *вещей* можно ли говорить о том, что рабочий класс должен отказаться от сопротивления против посягательств капитала и прекратить свои усилия использовать случайные благоприятные возможности для временного улучшения своего положения. Если бы он это сделал, он превратился бы в безразличную массу надломленных инвалидов, обреченных на гибель. Мне кажется, я показал, что битвы рабочих за повышение заработной платы неразрывно связаны со всей системой наемного труда, что в 99 случаях из 100 их усилия добиться повышения заработной платы являются лишь усилиями сохранить существующую стоимость труда и что необходимость бороться с капиталистами за свою цену вытекает из их положения, вынуждающего их продавать себя как товар. Если б рабочие трусливо сдавались в своих повседневных столкновениях с капиталом, они несомненно утратили бы способность начать какое-либо широкое движение.

В то же время, даже оставляя в стороне обусловленное системой наемного труда общее порабощение, рабочий класс не должен преувеличивать конечное действие этой повседневной борьбы. Он не должен забывать, что он борется с последствиями, но не с причинами этих последствий; что своей борьбой он замедляет понижательное движение, но не изменяет его направления; что он принимает паллиативы, не излечивающие болезни. Поэтому рабочим не следует отдаваться всецело этим неизбежным партизанским схваткам, непрерывно возникающим ввиду никогда не прекращающихся посягательств капитала или изменений в положении рынка. Они должны понять, что при всех лишениях, на которые современная система обрекает их, она в то же время создает *материальные условия и общественные формы*, необходимые для экономического переустройства общества. На место *консервативного* лозунга «*Справедливая заработная плата за справедливый рабочий день*» они должны на своем знамени написать *революционный* девиз: «*Уничтожение системы наемного труда*».

Формы заработной платы

Капиталисты выплачивают рабочим их заработную плату различными способами. Из всех многочисленных форм заработной платы две формы являются основными.

В одних случаях рабочий получает свою оплату в зависи-

мости от количества проработанного времени, причем плата может исчисляться по часам, дням, неделям или месяцам. Эта форма заработной платы называется *повременной*. В других же случаях заработок рабочего зависит от количества выработанного им товара; рабочий оплачивается в соответствии с количеством тонн добытого им каменного угля или метров вытканного им ситца, или штук выделанных им замков и т. д. Эта форма называется *сдельной или поштучной* оплатой. Капиталистическое хозяйство изобрело много различных, иногда довольно сложных способов расчета с рабочими. Но все эти способы основаны либо на повременной, либо на сдельной форме, либо, наконец, соединяют в себе некоторые особенности той и другой одновременно.

На первый взгляд может показаться, что между повременной и сдельной оплатой нет ничего общего, что эти две формы совершенно противоположны друг другу. На самом деле это не так. При повременной оплате, назначая определенную сумму денег за проработанную неделю, капиталист примерно рассчитывает и прикидывает, какую работу его рабочий сделает в течение этой недели. Если бы предприниматель такой прикидки не делал, он бы легко мог вылететь в трубу из-за своей нерасчетливости. Еще важнее однако, что сдельная оплата в своей основе в конце концов сводится к той же повременной оплате. Когда устанавливается та или иная поштучная плата, принимается в расчет то количество товара, которое в среднем вырабатывается рабочим в течение часа, дня или недели. Поэтому и сдельная оплата обеспечивает среднему рабочему лишь самое необходимое для существования.

Как сдельная, так и повременная плата являются лишь различными формами покупки рабочей силы капиталистом. Какая из этих двух форм применяется — зависит от условий производства в той или иной отрасли. Естественно, что каждая из этих форм имеет свои выгоды для капиталистов, смотря по обстоятельствам.

Повременная плата

Оплата рабочего по времени применяется в тех случаях, когда предпринимателю нет расчета специально заинтересовать работника в производстве возможно большего количества товара во что бы то ни стало. Подобные случаи весьма разнообразны.

В иных отраслях производства до сих пор большую роль играют искусность и ловкость рабочего, от этого целиком зависит качество произведенного товара. В таких предприятиях полуремесленного типа предприниматель часто предпочитает оплачивать своих высококвалифицированных работников повременно. Не стремясь произвести как можно больше това-

ров, работник изготовляет каждую штуку товара чрезвычайно тщательно. Капиталист выгадывает на качестве изделий то, что он проигрывает на количестве.

В других случаях, наоборот, рабочий превращен в придаток машины. Количество вырабатываемого товара целиком зависит от быстроты (или, как говорят, темпа) работы машины или станка. В таких случаях капиталист также предпочитает повременную оплату рабочего.

Сдельщина

Различные способы сдельной оплаты применяются, наоборот, во всех тех случаях, когда капиталисту выгодно заинтересовать рабочего в производстве возможно большего количества вырабатываемых изделий.

Сдельная оплата избавляет предпринимателя от необходимости надзора за рабочими: ставя заработок в зависимость от количества выработанного товара, сдельщина обеспечивает наиболее интенсивный труд рабочих. Как правило, сдельщина возможна в тех производствах, где легко учесть и измерить (по штукам, по весу, объему или по длине) количество вырабатываемого товара.

Сдельная оплата является при капитализме излюбленным способом усиления эксплоатации рабочего путем увеличения интенсивности его труда. Сдельные расценки устанавливаются обычно, исходя из выработки наиболее умелых и ловких рабочих. Чтобы выработать себе прожиточный минимум, остальные рабочие вынуждены напрягать свои силы до крайности. Когда предприниматель видит, что большинство рабочих повысило свою выработку, он снижает расценки или увеличивает нормы выработки. Рабочим приходится еще более напрягаться, еще интенсивнее трудиться, чтобы выработать прежнюю плату.

Премия и участие в прибылях

Иногда капиталисты часть заработной платы выплачивают рабочим в виде *премий*. Они рассчитывают при этом, что премирование должно особенно подействовать на усердие работника и заставить его трудиться с наибольшей интенсивностью.

Еще большим обманом является так называемое *участие в прибылях*. Капиталист снижает основной заработок рабочего под тем предлогом, что он-де также заинтересован в прибыльности предприятия. Затем под видом «доли прибыли» рабочему выдается лишь часть заработной платы, предварительно вычтенной из его заработка. В конечном итоге рабочий, «участвующий в прибылях», получает нередко меньше, чем рабочий, получающий обыкновенную заработную плату.

При помощи этой меры предприниматель стремится не

только всемерно поднять интенсивность труда рабочего, — этим путем часто создается слой (кадр) наименее сознательных рабочих, которые остаются вдали от классового движения пролетариата и служат опорой капиталу.

Потогонная система

На почве поштучной оплаты существует так называемая потогонная система, наиболее распространенная в швейной промышленности Америки и Англии. Работа выдается на дом при условии небывало нищенской оплаты труда. Портной, работающий на такой «потогонный» магазин готового платья, должен трудиться чуть ли не сутки напролет, чтобы избежать голодной смерти.

Научная организация труда. Тейлоризм и фордизм

Купив рабочую силу пролетария, предприниматель стремится извлечь из нее возможно больше пользы для себя. В последнее время наиболее умные и умелые фабриканты вводят у себя так называемую «научную организацию труда», сущность которой сводится к следующему.

Каждый вид работы, выполняемой на предприятии, подробно изучается специалистами, которые после долгих наблюдений и исследований устанавливают наиболее целесообразный способ выполнения этой работы. Устанавливается такой способ работы, при котором рабочему не приходится делать лишних движений и усилий, когда весь инструмент расположен наиболее целесообразно, когда не приходится отрываться от основной работы и т. п. При этих условиях вся энергия рабочего, весь затрачиваемый им труд без всякого изъяна идет на полезную работу, затрачивается целиком на выполняемую им операцию. Таким образом получается большая выгода для производства, сильно возрастает производительность труда.

Научная организация труда является большим достижением в области разумного использования человеческой энергии. После свержения капитализма в советских условиях перед научной организацией труда открываются огромные возможности. Но в условиях владычества капитала научная организация труда, как и всякое достижение науки, используется капиталистами в их узко-классовых интересах. Научная организация труда на капиталистическом предприятии превращается исключительно в один из способов увеличения выжимаемой из рабочего прибавочной стоимости.

Одним из первых проповедников научной организации труда был американский инженер Тейлор. Его система (называемая по его имени тейлоризмом) применяется на многих капиталистических предприятиях, принося рост прибавочной стоимости. Повышая безгранично интенсивность труда, пре-

вращая работников в машину, производящую строго учтенные и размеренные действия и движения, тейлоризм приводит к выжиманию всех соков из рабочего, превращает его после нескольких лет работы в инвалида. Снижение сдельных расценков, проводимое наряду с введением тейлоризма, заставляет рабочих давать гораздо больше труда за ту же самую, а порой и за пониженную заработную плату.

В послевоенные годы особенно прославились утонченные меры эксплоатации, применяемые американским автомобильным королем Генри Фордом. Его способы эксплоатации — фордизм — стали быстро распространяться не только в Америке, но и в капиталистических странах Европы. Основное отличие фордовской системы — это производство непрерывным потоком, конвейером. При помощи ускорения движения конвейера убыстряется работа, увеличивается интенсивность труда. Кто не поспевает за конвейером—вылетает из капиталистического предприятия. Таким образом всякое усовершенствование техники капиталисты превращают в орудие дальнейшего обнищания и закабаления пролетариата, в орудие выжимания всех соков из рабочего.

Расплата натурой или деньгами

В прежнее время в деревне при найме работника ему редко уплачивали заработную плату деньгами. Обычно делалось так: работник жил на хозяйских «харчах», кроме того к концу лета он получал некоторое количество зерна. Здесь расплата с работником производится натурой: в обмен на свою рабочую силу он получает необходимые средства существования. Такая натуральная сделка похожа на непосредственный безденежный обмен каких-либо продуктов, скажем—обмен топора на хлеб. Когда сделка носит такой натуральный характер, совершенно ясно становится, что в основе стоимости рабочей силы лежит стоимость предметов, необходимых для прожития рабочих.

В капиталистической промышленности исключительно натуральную оплату рабочих вряд ли можно встретить. Все же и здесь зачастую рабочему часть его заработной платы выдается натурой. Обычно такой способ является для капиталиста лишь удобным путем для увеличения своей наживы за счет рабочих. Фабричная лавка, принадлежащая тому же капиталисту, отпускает рабочим всякую дрянь втридорога. Таким способом действительная заработная плата сильно снижается. Поэтому рабочие организации всегда борются против подобных штук. Иногда капиталисты пытаются достичь той же цели — уменьшения заработной платы путем всучения рабочим товаров по высоким ценам — более хитрым путем. Они прибирают к своим рукам все лавки и лавчонки в рабочем по-

селке или районе, и рабочим, получающим заработную плату деньгами, все-таки приходится покупать товары по невыгодным ценам. Против такой эксплоатации рабочие пытаются бороться при помощи объединений в кооперативы и организации кооперативной торговли.

Номинальная и реальная высота заработной платы

В развитой капиталистической промышленности заработная плата за очень редким исключением выдается в денежной форме. Рабочий продает свою рабочую силу и получает, как и при продаже всякого другого товара, его цену в виде определенной денежной суммы.

Но деньги нужны рабочему не сами по себе, а лишь как средство для приобретения необходимых предметов потребления. Получая определенную заработную плату, рабочий приобретает те или иные нужные ему для существования товары; он платит за них те цены, которые в данное время держатся на рынке.

Но мы знаем, что уровень товарных цен не остается неизменным. Покупательная способность денег меняется под влиянием различных причин. Если в стране существует золотая валюта, то цены могут возрасти вследствие удешевления золота; при некотором понижении ценности золота покупательная сила денег понизится; при бумажных же деньгах цена товаров испытывает очень быстрые и сильные изменения вследствие падения ценности, которая почти всегда сопутствует бумажноденежному обращению.

Поэтому, когда мы хотим сравнить заработную плату рабочих в нескольких случаях, нам мало знать лишь, сколько денег получали рабочие во всех этих случаях. Необходимо также знать, сколько товаров можно было в каждом из этих случаев на данную денежную сумму купить. Нельзя ограничиваться сравнением лишь номинальной величины заработной платы (под номинальной заработной платой мы понимаем денежную сумму, которую получает рабочий). Необходимо также знать покупательную силу денег, и лишь тогда мы сможем определить действительную, *реальную* высоту заработной платы, которая измеряется тем количеством предметов потребления, которое может быть куплено за данную сумму денег в данное время и в данном месте.

Оплата квалифицированного труда

Всем известно, что рабочие различных профессий оплачиваются при капитализме неодинаково. Рабочие высокой квалификации оплачиваются значительно выше, чем чернорабочие, не имеющие никакой выучки. Чем выше квалификация, тем и заработок обычно бывает выше.

Различные отрасли промышленности требуют рабочих разной квалификации. Поэтому оплата рабочей силы в различных производствах неодинакова. Вот например средний месячный заработок русских рабочих в 1913 г. (в рублях):

Железнодорожники	34,7	Химики	20,0
Металлисты	33,0	Текстильщики	18,0

Помимо этого различия в оплате рабочих разных отраслей промышленности существует еще различная оплата рабочих разных квалификаций в каждой отдельной отрасли. Везде квалифицированный рабочий оплачивается выше полуквалифицированного, а последний получает больше необученного чернорабочего. Легко привести сколько угодно примеров, подтверждающих это правило.

В чем же коренится причина таких различий в заработной плате рабочих различной квалификации? Понять эту причину не так уже трудно. Черную работу может выполнить всякий, а квалифицированный рабочий должен пройти долгий путь обучения, должен много времени и труда потратить на то, чтобы получить свою квалификацию. Не будь разницы в оплате, никто не стал бы терять массу сил и времени на обучение, никто не стал бы добиваться определенной квалификации.

Никакое поднятие квалификации не избавляет рабочего при капитализме от самой бесчеловечной, безудержной эксплоатации.

Применение новых машин делает обычно излишними значительные слои работников высокой квалификации. То, что раньше делал весьма искусный работник, много лет затративший на свою квалификацию, теперь делает машина. Значительные слои квалифицированных рабочих становятся излишними и выталкиваются из предприятий. Чтобы не умереть с голоду, они должны итти на всякую черную работу, которая значительно хуже оплачивается.

Уровень заработной платы в различных странах

В различных капиталистических странах уровень заработной платы рабочих неодинаков. Между отдельными странами существуют в этом смысле весьма существенные различия. Эти различия объясняются многими причинами.

Было бы смешно и глупо думать, что капиталисты в одних странах благосклоннее относятся к рабочим, нежели в других. На самом деле капиталисты везде и всюду стремятся снизить заработную плату до самых крайних пределов. Однако

условия в различных капиталистических странах весьма неодинаковы. Разные страны прошли неодинаковый исторический путь. В Америке например капитализм много десятилетий развивался в такой обстановке, когда испытывался скорее недостаток в рабочих руках, а не избыток их: обилие свободных земель давало до поры до времени приезжающим из Европы возможность селиться на землю. В более старых капиталистических странах рабочий класс раньше организовался для отпора капиталистам. В более передовых капиталистических странах интенсивность труда чрезвычайно высока, выше также средний уровень квалификации рабочего.

Все эти обстоятельства обусловливают различный уровень заработной платы в разных капиталистических странах.

Так например, если считать оплату труда в Англии за 100, то заработная плата (средняя часовая плата) в других передовых капиталистических странах накануне войны составляла:

Англия	100	Франция	64
Германия	75	Соединенные штаты	240

По другим подсчетам годовая заработная плата в разных странах составляла (в 1900—1907 гг.):

Соединенные штаты	926 руб.	Австрия	334 руб.
Англия	517 »	Россия	194 »
Германия	473 »	Япония	110 »

В послевоенные годы мы видим также весьма значительные различия в оплате труда в различных капиталистических странах. Вот цифры, рисующие различия в действительном уровне реальной заработной платы (т. е. того количества различных продуктов, которые можно купить за данную сумму зарплаты) в более крупных городах важнейших стран. Эти цифры рисуют состояние в январе 1929 г. За основу в качестве показателя (100) берется Лондон в 1924 г.

Филадельфия	206	Берлин	77
Дублин	106	Мадрид	57
Лондон	105	Брюссель	52
Стокгольм	93	Милан	50
Амстердам	88	Рим	44

Разумеется заработная плата особенно низка в тех странах, которые лишь недавно вступили на путь капиталистического развития. В этих странах первоначальное накопление разоряет и крестьянство и ремесленников, выбрасывая их в ряды армии ищущих наемного труда. Рабочее движение еще не успело добиться крупных успехов на экономической почве, и поэтому уровень жизни пролетариата чрезвычайно низок.

В качестве примера наиболее низкой заработной платы приводят обычно китайских рабочих, которые подвергаются особенно бешеной эксплоатации. Питаясь горсточкой риса, ночуя на улицах и площадях и одеваясь в лохмотья, китайский кули (чернорабочий) является в глазах капиталистов самым примерным рабочим во всем мире. Наиболее беззастенчивые капиталисты обращаются к европейским рабочим с призывом. берите, мол, пример с китайского кули, живите так же «экономно», как он живет. Такого сорта «советы» особенно часто раздаются в нынешнее время, когда капитализм задыхается в тисках кризиса небывалой силы.

Так например в июле 1931 г. немецкий буржуазный профессор Вильбрандт писал, распинаясь за дальнейшее снижение зарплаты немецким рабочим: «Мы можем и должны сейчас учиться у Дальнего Востока» Под «Дальним востоком» здесь подразумевается Китай, где рабочий обливается потом в течение 12—14 часов, получая в качестве заработной платы горсточку риса.

Рост капиталистической эксплоатации

По мере развития капитализма *эксплоатация* рабочего класса *возрастает*. Условия, в которых рабочим приходится вести борьбу с капиталистами вокруг заработной платы, становятся все более неблагоприятными для рабочих. В своем развитии капитализм несет с собой как относительное, так и абсолютное обнищание рабочего класса.

Растет доля капиталистов, уменьшается доля рабочего. Цифры по некоторым капиталистическим странам ярко рисуют эту картину. Возьмем Англию. Если мы будем считать за 100 единиц количество стоимостей, произведенных в стране (так называемый национальный доход), то доля, получаемая рабочим классом, изменялась следующим образом:

Годы	Величина национального дохода в млн. ф. ст.	Сумма зарплаты в млн. ф. ст.	Доля рабочего класса в нац. доходе (в %)
1843	515	235	45,6
1860	832	392	47,1
1884	1 274	521	41,4
1903	1 710	655	38,3
1908	1 844	703	38,1

Доля рабочего класса неуклонно идет к *понижению*.

А в то же время разумеется неуклонно возрастает доля ка-

питалистических классов в народном доходе всей страны. Что теряет рабочий класс, то выигрывают капиталисты.

Ленин в одной статье, написанной перед войной, приводит следующие цифры, характеризующие обнищание рабочего класса. В Германии за промежуток времени с 1880 до 1912 гг. заработная плата рабочих повысилась в среднем на 25%, а стоимость жизни за это же время вздорожала по меньшей мере на 40%. Ленин особо отмечает, что такое положение имеет место даже в такой богатой и передовой стране капитализма, как Германия, где положение рабочих было несравненно лучше, чем в дореволюционной России, благодаря более высокому культурному уровню, благодаря свободе стачек и союзов, благодаря политической свободе, где много миллионов членов профессиональных союзов, миллионы читателей рабочих газет.

Ленин делает отсюда следующий вывод:

«Рабочий нищает *абсолютно*, т. е. становится прямо-таки беднее прежнего, вынужден жить хуже, питаться скуднее, более недоедать, ютиться по подвалам и чердакам. Сравнительная доля рабочих в быстро богатеющем капиталистическом обществе становится все меньше, ибо все быстрее богатеют миллионеры... Богатство растет в капиталистическом обществе с невероятной быстротой наряду с обнищанием рабочих масс».

Таково положение в богатейших капиталистических странах мира, где капиталисты имеют возможность итти на некоторые уступки рабочим, так как они получают огромные прибыли из колоний. Понятно, что в отсталых странах, в колониях, куда капитал является за легкой наживой, эксплоатация рабочих растет *еще быстрее*.

Мы видим таким образом, что капиталистическая эксплоатация неуклонно растет, пропасть между рабочим классом и буржуазией все углубляется. Соглашатели всех стран постоянно толкуют о смягчении классовых противоречий, о необходимости гражданского мира между классами, о возможности для рабочего класса добиться улучшения своего положения и при капитализме. Рабочий класс нищает не только относительно (по сравнению с безудержным ростом прибылей буржуазии), но и абсолютно. Рабочим даже в самых богатых странах капитализма приходится хуже питаться, жить в большой тесноте, испытывать все возрастающую нужду. При этом непрестанно возрастает интенсивность труда рабочего. Рабо-

чему приходится в течение одного часа затрачивать гораздо больше энергии, чем в прошедшие годы. Чересчур интенсивный труд, постоянное подстегивание изматывают быстро организм рабочего. Поэтому не только нельзя говорить о смягчении классовых противоречий, — наоборот, происходит неизбежное *обострение* этих *противоречий*, неизбежный их рост.

Безработица и резервная армия труда

С ростом капитализма увеличивается *безработица*, растет так называемая «резервная (т. е. запасная) армия труда», которая поставляет капиталистам свободные рабочие руки в тот момент, когда надо расширить производство, или в тот момент, когда старые рабочие отказываются работать на прежних условиях. Посмотрим, как это происходит.

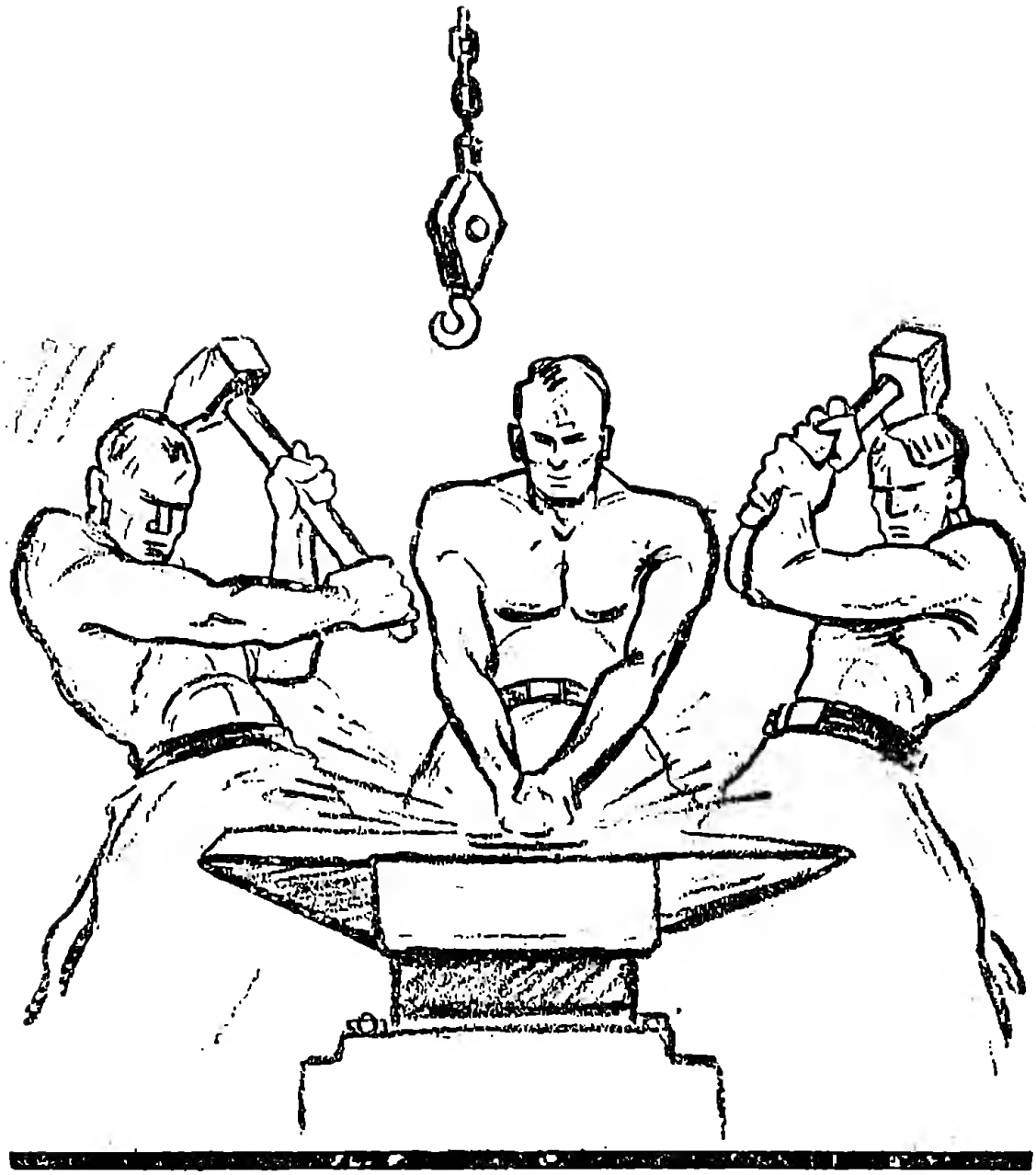
При своем *возникновении* капитализм находит на рынке достаточное количество свободных наемных рабочих. Это разоренные крестьяне, кустари и ремесленники, потерявшие свои средства производства. Они готовы работать на капиталиста, лишь бы он им давал возможность поддержать свое существование. Определенный запас свободных рабочих рук должен быть налицо. Лишь при этом условии может возникнуть капиталистическое производство, основанное на эксплоатации наемного труда.

К чему приводит дальнейшее *развитие* капитализма?

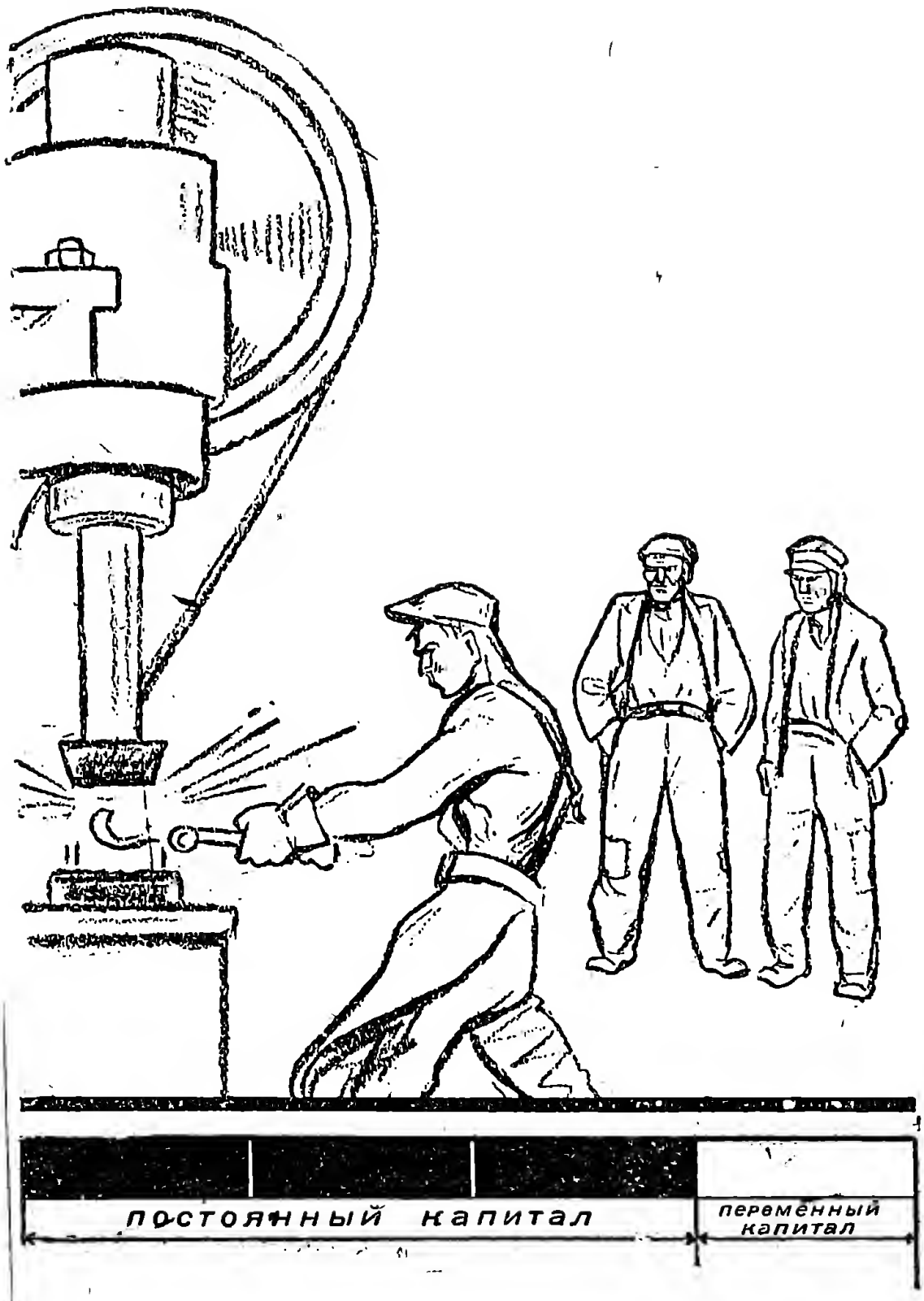
Мы уже видели, что развивающийся капитализм своей конкуренцией душит мелкое производство кустарей и ремесленников. Разоряются и крестьяне, которым волей-неволей приходится бросать свои насиженные места, итти в кабалу к капиталу. Капиталистическое производство растет, открываются новые фабрики и заводы, поглощающие новые массы рабочих рук. Разоряя мелких производителей, капитал притягивает их к себе в качестве наемных рабочих.

Вытеснение рабочих машиной

Но наряду с этим происходит другое явление. При капитализме беспрерывно совершенствуется и улучшается *техника производства*. А в чем заключается улучшение техники, в чем смысл всякого нового изобретения? В том, что оно удешевляет продукт, *заменяя труд* человека работой *машины*. Таким образом развитием техники для производства того же количества товара требуется гораздо меньше рабочих. Машины *вытесняют* рабочего. Машины заставляют рабочих трудиться *интенсивнее*. Это также ведет к вытеснению части рабочих из производства. Поэтому на заре капитализма, когда рабочие еще не догадались, где находится их действительный враг, они часто всю свою злобу на существующие порядки обращали на машины. Рабочие при стачках и волнениях прежде всего разру-



постоянный капитал	переменный капитал		


ПОСТОЯННЫЙ КАПИТАЛ
ПЕРЕМЕННЫЙ КАПИТАЛ

шали машины, считая их главными виновниками своего ужасного положения.

Вводя новые машины и выбрасывая на улицу рабочих, которых эти машины заменяют, капиталисты снова и снова создают безработицу.

Усиливая интенсивность труда, они также умножают число безработных. Определенное количество рабочих становится *излишним*. Эти рабочие не могут найти применение своему труду. Они составляют промышленную резервную армию. Значение этой армии огромно. Постоянное существование свободных кадров безработных дает капиталистам сильнейшее оружие в борьбе с рабочим классом. Безработные обычно согласны работать на любых условиях: перед угрозой голодной смерти им выбирать не приходится. Безработные давят таким образом на уровень жизни работающих пролетариев. Другое значение резервной рабочей армии заключается в том, что она поставляет свободные руки в любой момент, когда условия рынка потребуют расширения производства, — тогда многие тысячи безработных снова находят себе работу, фабрики и заводы увеличивают число своих рабочих. Безработица временно сокращается. А затем опять введение более совершенных способов производства, — и снова тысячи рабочих оказываются на улицах.

Таким образом капитализм одной рукой дает работу массам новых рабочих, притекающих из числа разоряемых мелких производителей, а другой рукой оставляет без куска хлеба многие тысячи и десятки тысяч рабочих, заменяемых машинами по мере прогресса капиталистической техники.

Всеобщий закон капиталистического накопления

Это постоянное вытеснение рабочих машиной, которое является следствием развития капитализма, создает в капиталистических странах так называемое «относительное перенаселение». Сотни тысяч людей вынуждены ежегодно уезжать из своих стран, так как они там оказываются «лишними» и не имеют никакой надежды на получение работы. В послевоенные годы положение еще ухудшилось. Те страны, куда прежде уезжали переселенцы, теперь запретили въезд.

Существование и рост промышленной резервной армии оказывают огромное, решающее влияние на все положение рабочего класса. Растут нищета, неуверенность в завтрашнем дне, снижается заработная плата. Своим трудом рабочий класс производит прибавочную стоимость, которая достается классу капиталистов. Часть прибавочной стоимости, получаемой от рабочего класса, капиталисты проедают и уничтожают; другую же часть они присоединяют к своему прежнему капиталу,

Если у капиталиста раньше был капитал в 100 тыс. руб. и он в течение года выжал из рабочих 20 тыс. руб. прибыли, то он, может быть, половину этой суммы на следующий год присоединит к своему первоначальному капиталу. В таком случае его капитал в следующем году будет составлять уже 110 тыс. руб. Он увеличил размеры своего капитала, он 10 тыс. руб. накопил. Накоплением капитала называется, следовательно, присоединение прибавочной стоимости к старому капиталу. Путем накопления прибавочной стоимости происходит гигантский рост капитала. По мере развития капитализма все возрастает масса прибавочной стоимости, выжимаемой из рабочего класса. Возрастает и та масса прибавочной стоимости, которая накопляется капиталистами, которая идет на увеличение их капитала.

Таким образом накопление капитала несет с собой рост богатства кучки капиталистов. Прибавочная стоимость, созданная трудом рабочего класса, становится источником все большего могущества его эксплоататоров. С накоплением капитала увеличиваются те размеры, в которых капитал эксплоатирует рабочих. Таким образом рабочий класс при капитализме своим собственным трудом создает во все растущих размерах условия своей эксплоатации.

Вместе с накоплением капитала ухудшаются условия жизни рабочего класса, растет степень его эксплоатации.

Все это — неизбежное следствие капиталистического накопления. По мере того как капиталисты накопляют капитал, расширяют производство, вводят все новые машины, среди рабочего класса растут нищета и безработица.

В этом заключается открытый Марксом *всеобщий закон капиталистического накопления*, имеющий огромнейшее значение для понимания капитализма, для определения того направления, в котором капитализм развивается.

Маркс следующим образом определяет всеобщий закон капиталистического накопления:

«Чем больше общественное богатство, функционирующий капитал, размеры и энергия его возрастания, а следовательно, чем больше абсолютная величина пролетариата и производительная сила его труда, тем больше относительное перенаселение или промышленная резервная армия. Свободная рабочая сила развивается вследствие тех же причин, как и сила расширения капитала. Следовательно относительная величина промышленной резервной армии возрастает параллельно возрастанию сил богатства. Но чем больше эта резервная армия по сравнению с активной рабочей армией, тем обширнее посто-

янное перенаселение, нищета которого обратно пропорциональна мукам его труда. Наконец, чем больше нищенские слои рабочего класса и промышленная резервная армия, тем больше официальный, признанный властями пауперизм. *Это абсолютный всеобщий закон капиталистического накопления*».

По поводу этого закона Маркс говорит далее:

«При капиталистической системе все методы повышения общественной производительной силы труда развиваются за счет индивидуального рабочего; все средства для развития производства превращаются в средства подчинения и эксплоатации производителя, уродуют рабочего, делая из него негодного человека, принижают его до роли придатка машины, с тяжестью труда отнимают и его содержательность, отчуждают от рабочего духовные силы процесса труда в той мере, в какой наука соединяется с последним как самостоятельная сила; они извращают условия, при которых рабочий работает, подчиняют его во время процесса труда самому мелочному отвратительному деспотизму, все время его жизни превращают в рабочее время, бросают его жену и детей под джаггернаутову колесницу капитала.[1] Но все методы производства прибавочной стоимости являются в то же время методами накопления, и всякое расширение накопления, наоборот, становится средством развития этих методов. Из этого следует, что, по мере того как капитал накопляется, положение рабочего должно ухудшаться, какова бы ни была — высока или низка — его оплата. Наконец тот закон, что относительное перенаселение, или промышленная резервная армия, постоянно поддерживается в состоянии равновесия с размерами и энергией накопления, приковывает рабочего к капиталу крепче, чем молот Гефеста[2] приковал Прометея[3] к скале. Он обусловливает накопление нищеты, соответственное накоплению капитала. Следовательно накопление богатства на одном полюсе есть в то же время накопление нищеты, мук, труда, рабства, невежества, одичания и моральной деградации на противоположном полюсе, т. е. на стороне класса, который производит свой собственный продукт как капитал».

Обнищание рабочего класса

Итак мы видим, что по мере того как капитал накопляется, положение рабочего класса должно *ухудшаться*. Это общее ухудшение положения пролетариата происходит не только путем снижения зарплаты. Растет и учащается безработица, которая все чаще поражает каждого отдельного рабочего, каждого члена отдельной рабочей семьи. Возрастает интенсивность труда, вследствие чего рабочий преждевременно дряхлеет и становится инвалидом. Снижается тот возраст, по достижении которого рабочий выбрасывается из капиталистического предприятия, подобно тому как отработанный пар выпускается паровой машиной.

---

[1] Джаггернаут — название храма божества Вишну в Индии. Во время празднества в честь этого божества, посвященного «шествию колесницы Джаггернаута», под эту колесницу бросается много фанатических богомольцев, погибающих под нею.

[2] Гефест — бог огня и металлических изделий у древних греков.

[3] Прометей — один из героев древнегреческих сказок, в наказание за похищение огня был прикован к скале.

Капитал подкупает лишь небольшие группы рабочих, которые он превращает в своих верных слуг. Создается привилегированная верхушка пролетариата (т. е. поставленная в лучшие условия) — рабочая аристократия (знать). Капиталисты оплачивают определенные слои высококвалифицированных рабочих сравнительно высоко за счет своих огромных колониальных барышей, за счет еще более зверской эксплоатации подавляющего большинства рабочего класса. Эта подкупленная и развращенная капиталом верхушка поставляет основные силы для предательских социал-фашистских партий, являющихся вернейшим оплотом капиталистического владычества.

Однако даже значительная часть высокооплачиваемых слоев рабочих испытывает постоянную неуверенность в своем положении, неуверенность в завтрашнем дне. Капитализм неизбежно ведет к ухудшению их положения.

Об этом свидетельствуют например следующие характерные разговоры жен рабочих, приводимые одним буржуазным экономистом. В данном случае речь идет о женах сравнительно хорошо оплачиваемого и вообще привилегированного слоя рабочих в Соединенных штатах в самом начале кризиса (необходимо иметь в виду, что с развитием кризиса положение рабочих неслыханно ухудшилось):

«Он не знает, когда его сократят. Один день придет домой и думает, что работы уже больше не будет, а другой день думает, что еще несколько недель проработает».

«Как бы он был счастлив, если бы работа продолжилась. Он живет изо дня в день и никогда не знает, будет у него работа или нет».

«Я знаю людей, которые с июня сидели без работы, они совсем ослабели».

«Мы все копили деньги, чтобы купить дом, а потом все свои сбережения истратили, чтоб расплатиться за квартиру, пока он был без работы».

«Мы потеряли и автомобиль и дом».

«Мы себя урезали, как могли, в еде, а теперь надо снимать телефон. У меня сейчас сил не хватает самой стирать, как я это делала, когда он был безработным. Он слушать не хотел о том, чтобы снять телефон. Ведь это единственная наша связь с детьми».

«Теперь в бакалейной новый торговец, и мы боимся, что он не позволит нам так долго не платить. Когда он в последний раз стал снова на работу, у нас в лавке был долг в 60 долл.».

«В этом году мы совсем не покупали свежего молока, а брали только консервированное (у нас два мальчика, 7 и 9 лет)».

«Ему сейчас около 40, и через десять лет он сядет на мель. Закройщики старше 45 не очень-то нужны. Они все набирают молодежь».

«Что мы будем делать, прямо не знаю. Мы ведь ни гроша не скопили».

Обнищание пролетариата и безработица в условиях кризиса

Самых крайних пределов достигает обнищание рабочего класса в период *кризиса*. Кризис обнажает и *обостряет* все *противоречия* капитализма. Обостряется до последней степени и нищета пролетариата. Каждый кризис, вызывая сокращение производства, выбрасы-

вает на улицу миллионы рабочих. Остающимся на производстве понижается заработная плата.

Современный кризис — самый глубокий и острый из всех кризисов, когда-либо пережитых капитализмом. Умирающий и заживо гниющий капиталистический строй обрекает десятки миллионов людей на неслыханные мучения. *Безработица* в настоящее время достигла размеров, прежде небывалых. В основных странах капитализма чуть ли не каждый третий пролетарий — без работы. В Германии число безработных доходит по официальным данным до 6 млн., причем действительное число безработных значительно выше. В Соединенных штатах заведомо преуменьшенные данные говорят о 12—15 млн. безработных. К этому присоединяется колоссальная армия частично безработных, работающих неполное рабочее время и соответственно этому получающих совершенно ничтожную оплату.

Современный кризис принес колоссальное сокращение зарплаты во всех без исключения капиталистических странах. Стремясь переложить все тяготы кризиса на плечи рабочего класса, капиталисты разных стран наперегонки сокращают зарплату, доводя ее до самого нищенского предела, при котором рабочий не в состоянии удовлетворить даже самых насущных потребностей. Уровень жизни рабочего класса даже в самых богатых странах капитализма снизился за время кризиса самым невероятным образом.

Об этом свидетельствует огромное количество фактов. Один журналист, обследовавший положение шахтеров в *Англии*, приводит следующие данные. Средний заработок шахтера составляет в настоящее время около 30 шиллингов (немного более 10 руб.) в неделю. Из этой суммы на квартирную плату и на обязательные отчисления уходит 10 шиллингов. На пропитание, одежду и все прочее остается только 20 шиллингов (около 7 руб.) в неделю. Это — полная нищета.

«Если вы посетите, — пишет этот журналист, — жилище шахтера в Южном Уэльсе или в Дэргеме, то вы увидите, что вся мебель, которая была приобретена в лучшие годы, продана. В квартиру взят жилец, чтобы иметь возможность справиться с квартирной платой. Но весьма вероятно, что этот жилец стал безработным и теперь не в состоянии платить ни гроша. Если в семье работает отец, то сын наверняка без работы; наоборот; если зарабатывает сын, то лишился работы отец. Все, что можно было заложить, заложено. Едва ли есть хоть один шахтер, который может позволить себе роскошь приобрести одежду для себя или для своей жены и детей. Дети бегают по улицам без обуви. Сменить им одежду можно лишь тогда, если удастся купить несколько старых тряпок, которые мать в состоянии заштопать или починить». Прежде в шахтерских поселках на средства самих шахтеров основывались библиотеки и открывались театры. Теперь библиотеки не в состоянии приобретать книги, а театры закрыты.

В еще худшем положении находятся рабочие в других отраслях промышленности Англии. В текстильной промышленности Ланкашира, в которой заняты сотни тысяч рабочих, положение еще более безотрадное.

Даже при полной нагрузке (т. е. если на каждого рабочего ткача приходится 4 станка) средний заработок ткача в последние годы не превышал 31½ шиллинга (около 11 руб.) в неделю. Но в большинстве случаев ткачи работают теперь лишь на двух станках каждый, и например в Бэрнли недельный заработок ткача колеблется от 15 до 20 шиллингов (от 5 до 7 руб. по нынешнему курсу). Этот заработок возможен однако лишь при работе над доброкачественным сырьем. В условиях же нынешнего кризиса предприниматели применяют в качестве сырья всякую дрянь. Заработок ткача из-за этого еще более падает. О нищете ланкаширских текстильщиков красноречиво говорят данные многих официальных обследований. Так например обследование 1931 года в Виган показало, что сотни рабочих живут в домах, которые признаны городской строительной комиссией «непригодными для человеческого жилья». В Вольтоне такая же комиссия установила, что большинство населенных рабочими домов находится «в непосредственном соседстве с городскими свалками, мусорными кучами, нечистотами или скотными дворами, перед которыми лежат горы навоза».

В условиях кризиса предприниматели выбрасывают на улицу взрослых рабочих и во многих случаях заменяют их подростками и детьми, которые подвергаются самой бесчеловечной эксплоатации. В Ноттингэмс на чулочных фабриках подростки в возрасте от 14 до 16 лет работают 74 часа в неделю, причем все время — в ночных сменах. В восточных районах Ланкашира на текстильных предприятиях женщины и девушки-подростки работают с 7 часов утра до 8 часов вечера. В Кенте на одной из фабрик 14-летние подростки долгое время работали 14 часов в день, пока у фабрики были заказы.

В одной газете приводится следующее описание условий жизни рабочих в одном из наиболее промышленных районов Англии — в Южном Уэльсе:

«Один из стачечников пошел со мной в Клидах-Вейль. Там два ряда домов, находящихся в почти неописуемых антисанитарных условиях. В домах нет водопровода, воду приходится брать из заржавленной железной трубы на горе. Уж много лет как санитарная инспекция запретила пользоваться этой водой. Уборных нет. Имеются только параши в деревянных навесах около домов. Параши опорожняются раз в неделю — меньше чем в 50 *м* расстояния от домов. В другом месте имеется один водопроводный кран на 25 домов».

В той же газете сообщается о городе Стивенстон (Шотландия):

«В домах нет воды помимо той, которая стекает по стенам, накопляется на крышах и протекает под пол. Ассенизационная канава находится не дальше чем на один метр от дверей... Здесь нет ни света, ни газа, за исключением того, который проникает через железнодорожный мост от находящейся вблизи насыпи шлака».

А вот как описывает положение рабочих редактор одной газеты, посетивший северо-восточный район Чехо-Словакии:

«Я говорил с рабочими, которые работают в каменоломне. Их заработок на этой тяжелой работе составлял 20 крон[1] в день. Я говорил со столярами, со старшими рабочими, которые работали на строительных работах и в мебельном производстве. Их дневная зарплата не превышала 30 крон. При этом и те и другие работали по 10 часов в день. 8-часовой рабочий день является до сих пор в северо-восточной Чехии лишь мечтою о лучшем будущем.

«Наша почасовая зарплата до того низка, что при 8-часовом рабочем дне мы не могли бы существовать», — отвечали они на мое изумление. Но

[1] Крона — около 6 коп.

и в самых богатых районах очень часто работа плохо оплачивается. Мы там находим женщин, которые службою в трех домах зарабатывают в месяц 500 крон, машинисток, которые работают в конторах за 400 крон, служащих, получающих месячное жалованье в 600 крон, чиновников, которые получают 1200 крон, но при этом они должны платить за квартиру 500 крон; приказчиков, которым их зарплаты хватает или на квартиру, или на питание, но не на то и другое вместе».

Об общих размерах обнищания рабочего класса в *Соединенных штатах* за время кризиса дают представление следующие данные. Если принять среднее число занятых в промышленности рабочих и общую сумму выплаченной им месячной зарплаты за 1923—1925 гг. за 100, то за годы кризиса мы получаем такую картину:

Месяц и год	Число занятых рабочих	Сумма зарплаты
Май 1929	102	111
Май 1930	91	94
Май 1931	77	72
Май 1932	72	46

Из этой маленькой таблички видно, что в мае 1929 г., т. е. перед наступлением нынешнего кризиса, число занятых в промышленности рабочих было почти такое же, как и в 1923—1925 гг., а их зарплата была несколько выше. Затем начинается катастрофическое падение, причем сумма зарплаты падает значительно быстрее числа занятых рабочих. Это значит, что сумма зарплаты падает одновременно от двух причин: 1) от безработицы и 2) от снижения зарплаты работающим. За три года кризиса число занятых рабочих понизилось на 30%, а сумма зарплаты — на 60%. Таким образом зарплата упала за это время вдвое.

В Соединенных штатах особенно жуткий характер носят условия жизни миллионных масс *безработных*, лишенных какой бы то ни было государственной помощи. Безработные, выброшенные из своих жилищ за невзнос квартирной платы, многими тысячами бродят по дорогам, располагаясь лагерями около городов. Эти лагери безработных в Америке называют «джунглями» («джунгли» — это непроходимые леса в Индии). В одном буржуазном журнале приводятся следующие описания одного из таких лагерей, расположенного на болоте около города Стоктона в Калифорнии. «Когда мы увидели лагерь, — пишут авторы статьи, — из палаток, сооруженных различными группами безработных, поднимался дым. Каждая маленькая группа старательно варила себе «пищу». Вся картина была фантастической: здесь, откуда был виден город с его лавками, с полным зерна элеватором на одном конце и сахарным заводом на другом, со складами продовольствия, выстроившимися вдоль верфей, эти люди, желающие работать, скоблили отбросы, выкинутые из складов, чистили полусгнившую

морковь, лук или бобы и варили их в какой-либо старой жестяной посуде, которую им удалось спасти». Свое описание картины нищеты авторы заканчивают следующими словами: «Нас всегда учили на добрый старый американский лад, что у нас свободная страна. Она действительно свободная; эти люди свободны выбрать между тремя возможностями: красть, умереть с голоду или превратиться в животных, питающихся отбросами». — Буржуазные журналисты не предусмотрели еще одной возможности: это революционная борьба пролетариата против власти капитала.

Неслыханный рост самоубийств, чрезвычайное распространение всякого рода болезней, многочисленные случаи голодной смерти — таковы следствия этих нечеловеческих условий жизни, в которые капитализм ставит миллионы людей. Особенно катастрофически растут детская заболеваемость и смертность.

Если такова степень обнищания пролетариата в условиях современного кризиса в наиболее богатых странах капитализма, то еще более невыносимы условия жизни трудящихся в более отсталых странах капитализма. В этом отношении одним из ярких примеров является *Польша*. Недавно опубликован результат обследования 204 семей безработных в Варшаве. Это обследование было проведено буржуазной организацией, далекой от сочувствия коммунизму. Обследованные семьи принадлежат к разряду квалифицированных рабочих. В отчете обследования говорится: «Надо констатировать, что питание в подавляющем большинстве случаев находится ниже голодного минимума. Вот примеры: семья формировщика (металлиста), состоящая из четырех человек, расходует на питание 12 злотых (около трех рублей) в неделю. Едят два раза в сутки картофель, капусту, хлеб. Мяса и молока не покупают вовсе. Семья портного, состоящая из 6 человек, в момент посещения ее представителем общества в течение трех дней не имела никакой пищи; не было также ни топлива, ни керосина. В другом случае семья, состоящая из 4 человек, в течение 3 недель не ела горячей пищи. Единственной пищей был хлеб с чаем. Семья безработного живет на заработок жены, продающей на улице бублики. Заработок составляет 1—1½ злотых (около 30 копеек) в день. И это — единственный источник дохода семьи, состоящей из 10 человек. Подводя итоги, отчет констатирует: «Основой питания безработных и их семейств являются картофель и капуста, реже хлеб, чай, иногда каша, совсем редко мучные изделия, овощи. Мясо 1 раз в неделю ест всего 20 семейств из числа 204 обследованных». Не лучше дело обстоит с одеждой. В отчете говорится: «Самый сильный недостаток ощущается в обуви и верхнем платье. Например семья безработного пекаря, состоящая из 6 человек, не имеет никакой обуви. Отец, выходя из дома, подвязывает подошву шпурком, дети вообще не выходят на улицу. В одном случае двое ребят имеют одно пальто. Мать отводит в школу младшего ребенка, снимает с него пальто, бежит домой и одевает старшего мальчика. Та же процедура повторяется по возвращении детей из школы». Об ужасающих жилищных условиях безработных отчет сообщает следующее: «Большинство обследованных жилищ не отвечает элементарным требованиям гигиены». Вот характерные примеры: «Квартира помещается в погребе. Со стен течет вода. Пол коридора, ведущего в жилище, постоянно залит водой на 3 сантиметра. В комнате живут трое взрослых, четверо детей. В ряде случаев в одной комнате живет свыше 10 человек. Из числа 929 опрошенных лиц только 193 спят отдельно на постели. Сюда входят 11 человек, спящих на полу, 14 ребят, спящих в колыбелях, 9 детей, спящих на сундуках, скамейках и стульях. Абсолютное большинство спит по 2—3 и больше человек на одной постели. В 9 случаях констатировано, что в одной кровати спят 5 человек, а в 3 случаях — даже по 6 человек».

ВОПРОСЫ

1. Чем отличается стоимость рабочей силы от стоимости других товаров?

2. Каким образом форма заработной платы способствует затемнению капиталистической эксплоатации?

3. Каково значение профессиональной борьбы рабочих при капитализме?

4. При каких условиях капиталисту выгоднее применять повременную плату и при каких условиях — сдельную?

5. Чем объясняется различие в уровне зарплаты в разных странах?

6. Чем вызывается существование резервной армии труда?

7. В чем заключается действие всеобщего закона капиталистического накопления?

8. Чем обусловлено обнищание рабочего класса при капитализме?

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Раздел прибавочной стоимости между капиталистами

Уравнение нормы прибыли

Мы уже знаем, что *прибавочная стоимость* создается только *трудом рабочих*. Но у различных фабрикантов занято неодинаковое число рабочих. Притом вовсе не всегда большее число рабочих занято у того, кто вкладывает больший капитал. Возьмем двух капиталистов с одинаковым капиталом — миллион рублей. Один соорудил электрическую станцию, оборудованную по последнему слову техники. Другой устроил каменоломни, где преобладает ручной труд. На электрической станции работает 50 человек, в каменоломнях — 500. Возникает вопрос: неужели владелец каменоломни получит в десять раз больше барыша, нежели владелец электростанции?

Мы знаем, что целью производства для капитализма является *извлечение прибыли*. Если каменоломня дает больше прибыли, нежели электростанция (при одинаковой затрате капитала разумеется), то много найдется охотников наживы, которые станут сооружать каменоломни. Напротив, мало найдется капиталистов, которые пожелали бы строить электростанции. Но мы уже знаем, к чему подобное положение должно привести; цена на камень будет падать, а цена на электрическую энергию будет повышаться. Спрашивается однако, до какого предела будет происходить это движение цен?

Допустим, что цены изменились настолько, что владельцы обоих предприятий получают совершенно одинаковый барыш. Будет тогда продолжаться дальнейшее движение цен? Очевидно нет. Тогда ни одному владельцу электростанции не бу-

дет смысла переходить на добычу камня: оба рода предприятий одинаково выгодны.

Капиталистическое хозяйство состоит не из двух лишь предприятий, а из огромного множества фабрик и заводов. В эти предприятия вложены разумеется капиталы неодинаковой величины. Но эти капиталы отличаются друг от друга своим *органическим составом*, т. е. тем отношением, в каком капитал распадается на постоянный и переменный. Чем больше постоянный капитал в сравнении с переменным, тем выше, как говорят, органическое строение капитала. Наоборот, о низком строении капитала говорят в тех случаях, когда переменный капитал велик сравнительно с постоянным.

Про электрическую станцию можно стало быть сказать, что она отличается *высоким* строением капитала. В других предприятиях мы обнаружим, напротив, низкий органический состав капитала. В каких случаях это будет иметь место? Ответить на этот вопрос не трудно. *Низкий* состав капитала мы встретим повсюду, где занято много рабочих при небольших затратах на здание, оборудование и пр. Скажем, ежели подрядчик выполняет земляные работы для железной дороги, то затраты на постоянный капитал у него очень невелики: закупка тачек, кирок и лопат — и баста. Зато он наймет массу рабочих-землекопов; на наем рабочей силы у него уйдет большая часть всего капитала.

Так как прибавочная стоимость создается лишь трудом рабочих, то предприятия с низким органическим составом капитала должны были бы получать больше барыша. Однако борьба между капиталистами приводит к тому, что размеры барыша на равные капиталы уравниваются. Отношение прибыли капиталиста к его капиталу называется нормой прибыли. Например, если капиталист, вложив в дело миллион, получил за год 100 тыс. барыша, то его норма прибыли — $^1/_{10}$ или 10%. Конкуренция между капиталистами ведет к тому, что господствует закон общей или средней нормы прибыли. Этот закон, как все законы капиталистического производства, осуществляется лишь стихийно, среди бесчисленных отклонений, в борьбе всех против всех.

Покажем на цифровом примере, каким образом происходит уравнение нормы прибыли в капиталистическом обществе. В целях упрощения предположим, что в обществе имеются лишь три капитала (или три группы капиталов) одинаковой величины, но различного органического состава. Величина каждого из капиталов (или каждой группы капиталов) равна 100 единицам (тысяч, миллионов — безразлично). Первый капитал состоит из 70 постоянного капитала и 30 переменного,

второй — из 80 постоянного и 20 переменного, и третий — из 90 постоянного и 10 переменного. Пусть норма прибавочной стоимости на всех трех предприятиях (или группах предприятий) будет одинакова и составляет 100%. Это означает, что каждый рабочий половину своего рабочего дня работает на возмещение своей заработной платы, а другую половину — на капиталиста. В таком случае прибавочная стоимость, выжатая из рабочих, будет на каждом предприятии равна по своей величине переменному капиталу, т. е. на первом предприятии будет произведено 30 прибавочной стоимости, на втором — 20 и на третьем — 10. Если бы товары, произведенные на капиталистических предприятиях, продавались по своим стоимостям, то первое предприятие получило бы 30 барыша, второе — 20 и третье — 10. Но ведь капиталы во всех трех предприятиях имеют одинаковую величину. Понятно, что такое положение оказалось бы весьма с руки первому капиталисту и было бы крайне невыгодно для третьего. Но в таком случае капиталам из третьей группы предприятий станет выгоднее перекочевать в первую группу. Между капиталистами развернется конкуренция, которая заставит капиталистов первой группы снизить цену их товаров и вместе с тем даст возможность капиталистам третьей группы повысить цену своего товара настолько, чтобы барыши у всех трех групп были примерно одинаковы.

Этот ход уравнения нормы прибыли можно нагляднее изобразить в виде следующей таблицы:

Капиталы	Постоянный капитал	Переменный капитал	Прибавочная стоимость	Стоимость произведенного товара	Продажная цена товара	Норма прибыли
I	70	30	30	130	120	20%
II	80	20	20	120	120	20%
III	90	10	10	110	120	20%
Итого	240	60	60	360	360	20%

Помимо различий в органическом строении капитала размер выжимаемой из рабочих прибавочной стоимости зависит еще от *скорости оборота капитала*. Если два капиталиста имеют одинаковый капитал и органическое строение капитала одинаково, то больше прибавочной стоимости сможет выжать тот,

у кого капитал оборачивается скорее. Пусть у одного из них капитал оборачивается раз в год, а у другого — три раза в год. Ясно, что второй капиталист сможет нанять в три раза больше рабочих и выжать в три раза больше прибавочной стоимости. Это различие также в общем и целом уравнивается законом средней нормы прибыли, который осуществляется путем конкуренции между капиталистами.

Но в таком случае товары в капиталистическом обществе продаются не по их стоимости, а по ценам, которые как-то отличаются от стоимостей. И действительно — при капитализме товары продаются по ценам, которые колеблются вокруг их цен производства. А *ценою производства* товара мы называем его издержки производства плюс средняя прибыль на капитал.

«Прибыль есть отношение прибавочной стоимости ко всему вложенному в предприятие капиталу. Капитал «высокого органического строения» (т. е. с преобладанием постоянного капитала над переменным в размерах выше среднего общественного) дает норму прибыли ниже среднего. Капитал «низкого органического строения» — выше среднего. Конкуренция между капиталами, свободный переход их из одной отрасли в другую сведут в обоих случаях норму прибыли к средней. Сумма стоимостей всех товаров данного общества совпадает с суммой цен товаров, но в отдельных предприятиях и отдельных отраслях производства товары под влиянием конкуренции продаются не по их стоимости, а по ценам производства (или производственным ценам), которые равняются затраченному капиталу плюс средняя прибыль» (*Ленин*).

Отдельные товары продаются при капитализме не по их стоимости, а по ценам производства. Означает ли это однако, что закон стоимости не имеет силы для капиталистического производства? Ни в коем случае. Ведь цены производства — лишь *видоизмененная форма стоимости.*

Одни капиталисты продают свои товары выше их стоимости, другие — ниже, но все капиталисты вместе взятые получают полную стоимость своих товаров, и прибыль всего капиталистического класса равняется прибавочной стоимости, произведенной всем неоплаченным в обществе трудом. В масштабе всего общества сумма цен производства равняется сумме стоимости товаров, а сумма прибыли равняется всей сумме неоплаченного труда рабочих. Снижение стоимости товаров ведет за собой понижение их цен производства, между тем как повышение стоимости приводит к повышению цен производства. Именно таким образом закон стоимости осуществляет свое действие через посредство цен производства.

«Таким образом общеизвестный и бесспорный факт отступления цен от стоимостей и равенства прибыли вполне объяснен Марксом на основе закона стоимости, ибо сумма стоимости всех товаров совпадает с суммой цен» (*Ленин*).

Тенденция к понижению нормы прибыли

Капиталист ведет производство ради извлечения прибыли. Прибыль — вот движущая сила капиталистического производства. Однако развитие капитализма с неизбежностью несет с собой тенденцию к снижению нормы прибыли.

Прибыль — это масса прибавочной стоимости, взятая в отношении ко всему вложенному в предприятие капиталу. Норма прибыли — это отношение барыша капиталиста ко всему его капиталу. Но мы знаем, что размер прибавочной стоимости определяется размерами переменного капитала, т. е. той частью капитала, которая идет на наем рабочей силы.

Однако органический состав капитала по мере развития капитализма непрерывно изменяется и притом изменяется в сторону повышения. С ростом техники все больше возрастает масса сырья, машин и оборудования на предприятиях, чрезвычайно сильно возрастает та часть капитала, которая идет на оплату *мертвого* труда, в то время как переменный капитал, идущий на оплату труда *живого*, возрастает несравненно медленнее.

Повышение органического состава капитала имеет своим неизбежным следствием при капитализме тенденцию (т. е. движение в определенном направлении) к понижению нормы прибыли. Каждый отдельный капиталист, заменяя рабочих машиной, удешевляет производство, расширяет сбыт своих товаров и добивается *для себя лично* повышения барыша. Это совершенно понятно, ибо иначе он не стал бы весь огород городить. Но развитие техники, выражающееся в росте органического состава капитала, вызывает следствия, лежащие *вне власти* отдельного капиталиста. Этим следствием является *тенденция к понижению общей (или средней) нормы прибыли.*

«Повышение производительности труда означает более быстрый рост постоянного капитала по сравнению с переменным. А так как прибавочная стоимость есть функция одного лишь переменного капитала, то понятно, что норма прибыли (отношение прибавочной стоимости ко всему капиталу, а не к его переменной только части) имеет тенденцию к падению. Маркс подробно анализирует эту тенденцию и ряд прикрывающих ее или противодействующих ей обстоятельств» (*Ленин*).

К числу этих *противодействующих* обстоятельств относится прежде всего *рост нормы эксплоатации* рабочих. Далее необ-

ходимо иметь в виду, что по мере роста производительности труда *стоимость* машин, оборудования и пр. *падает*. Если раньше рабочий работал на двух станках, а теперь на шестнадцати, то необходимо иметь в виду, что теперь стоимость станков ниже, чем прежде.

Шестнадцать станков стоят теперь не в восемь раз дороже, чем прежние два станка, а всего в пять или в четыре раза дороже. Поэтому доля постоянного капитала, которая приходится на одного рабочего, возрастает не в восемь, а лишь в четыре-пять раз. Есть и другие причины, задерживающие падение норм прибыли.

Далее следует иметь в виду, что понижение нормы прибыли не означает уменьшения массы прибыли, т. е. всего объема выжимаемой из рабочего класса прибавочной стоимости. Наоборот, масса капиталистической прибыли неуклонно растет, ибо происходит рост капиталов, растет масса рабочих, подвергающихся эксплоатации, возрастает степень эксплоатации.

Тем не менее тенденция к понижению нормы прибыли все же действует, и это оказывает огромное влияние на все развитие капитализма. Тенденция к понижению нормы прибыли *чрезвычайно обостряет капиталистические противоречия*. Падение нормы прибыли капиталисты пытаются сгладить за счет повышения эксплоатации рабочих, что ведет к ряду противоречий между пролетариатом и буржуазией. Падение нормы прибыли чрезвычайно обостряет борьбу внутри лагеря капиталистов. Спасаясь от этой тенденции, капиталисты основывают предприятия в отсталых странах, где рабочие руки дешевле, норма эксплоатации выше и органический состав капитала ниже, чем в высокопромышленных странах. Далее капиталисты объединяются в разного рода союзы для поддержания цен на высоком уровне, стремясь таким путем увеличить свою прибыль, не дать упасть норме прибыли.

Во время *кризисов*, когда обостряются все противоречия капитализма, особенно ярко выступают наружу все противоречия, обусловленные тенденцией к понижению нормы прибыли.

Торговый капитал и его доход

Как мы уже говорили, в капиталистическом хозяйстве всякого рода товары производятся не для собственного потребления, а для продажи. Поэтому заботы фабриканта или заводчика не кончаются, когда товар произведен: надо его еще продавать. Предприниматель должен продать изготовленный им товар, чтобы снова превратить свой капитал в деньги.

В развитом капиталистическом хозяйстве предприниматель не ждет, пока за его товаром явится непосредственный потре-

битель. В виде общего правила фабрикант продает свой товар *посреднику-торговцу*, а уже тот осуществляет дальнейшее продвижение товара к тем потребителям, которым товар будет продан.

Всякий знает, что для торговли необходим капитал. Не имея никаких средств, торговец не мог бы выполнить задачу доведения товара до покупателя, до потребителя. Если бы промышленнику приходилось самому продавать свой товар, ему пришлось бы затратить известную часть своего капитала на оборудование торгового помещения, на наем приказчиков и т. д. Поэтому промышленник предоставляет заниматься этим делом торговцу, уступая ему известную часть своей прибыли.

Прибыль торгового капитала представляет собой таким образом *часть прибавочной стоимости*, которую промышленник уступает торговцу. Затрачивая определенный капитал, торговец должен получить на свой капитал прибыль обычной высоты. Если его прибыль будет меньше обычной средней прибыли, занятие торговлей станет невыгодным, и торговец перейдет со своим капиталом в область промышленности.

Торговец служит посредником и проводником не только тех товаров, которые производятся на капиталистических фабриках и заводах. Торговец закупает товары у крестьян, у ремесленников, у кустарей.

В каком-нибудь селе издавна процветает замочный промысел. Самим кустарям трудно найти сбыт своим изделиям: вся округа уже имеет достаточно замков. Появляется скупщик, который собирает большую партию товара, везет ее в отдаленные губернии и там выгодно продает свой товар. Скупщик при продаже выручает за замки их стоимость, а у кустарей скупает их задешево. Часть разницы между покупной и продажной ценой идет на покрытие всякого рода расходов: по перевозке, упаковке и т. д. Остальная же часть этой разницы составляет прибыль, барыш скупщика. Таким образом торговый капитал эксплоатирует мелких самостоятельных товаропроизводителей, постепенно превращая их в своих рабочих, работающих на дому Таким способом он выколачивает себе прибыль из простого товарного производства

Виды торговли, спекуляции В современном капиталистическом хозяйстве торгуют не только предметами потребления. Наоборот, огромная масса торговых сделок приходится на такие товары, которые необходимы для дальнейшего производства.

Хлопчатобумажная фабрика закупает хлопок, уголь, машины, станки, краски. Машиностроительный завод закупает уголь, железо, опять-таки станки и машины. Железные дороги покупают огромную массу рельсов, шпал, вагонов, паровозов.

Во всех этих случаях предметом торговой сделки служат товары, которые необходимы не для личного потребления, а для дальнейшего производства (или для транспорта, т. е. перевозок) товаров.

Следует различать торговлю оптовую и розничную. Фабрикант обычно продает свой товар оптовому купцу. Оптовик же перепродает товар более мелким торговцам, которые в свою очередь сбывают товар в розницу потребителям.

В капиталистических странах устройство торгового механизма очень сложно. Крупнейшие сделки совершаются на товарных биржах. Иной товар несколько раз переходит из рук в руки, прежде чем дойдет до своего потребителя. Участники сделок и перепродаж зачастую товара в глаза не видали: продаются обычно лишь складские квитанции, удостоверяющие наличность товара и дающие право на его получение. Разумеется, не со всяким товаром можно такие сделки производить; для этого требуется, чтобы товар отличался большой однородностью, чтобы его качество легко могло быть обнаружено и отмечено в соответствующих складских документах.

Часто на товарной бирже торговцы покупают товар не для того, чтобы довести его до потребителя, а лишь потому, что они рассчитывают на повышение рыночных цен, благодаря чему можно будет сорвать барыш при перепродаже данного товара. Цены действительно часто колеблются в зависимости от целого ряда причин, которые заранее обнаружить чрезвычайно трудно или попросту невозможно. Скажем, при благоприятных видах на урожай хлебные цены в начале лета падают; если виды на урожай затем внезапно ухудшаются — обычно происходит резкое повышение хлебных цен.

Такое положение открывает возможность для спекулятивной торговли. Спекуляция неразрывно связана со всем характером капиталистической торговли. Тот барыш, который выпадает на долю спекулянта, представляет собою потери для сотен и тысяч людей, причастных к производству или торговле данным товаром, который сделался предметом спекуляции.

Ссудный капитал и кредит

В капиталистическом обществе нетрудовой доход получает не только тот капиталист, который имеет промышленное или торговое предприятие. При капитализме становится все больше паразитов, которые получают огромные доходы, не ударяя палец о палец, лишь на том основании, что они владеют большими капиталами, большими суммами денег.

При капитализме владельцы денежных капиталов дают деньги, как говорится, в рост. Каким же образом эти деньги возрастают? Ведь деньги — не какое-нибудь растение, которое растет под благотворными лучами солнца.

И действительно, рост денег ничего общего не имеет с обычным ростом в природе. Рост денег происходит лишь при определенном общественном укладе, позволяющем капиталистам присваивать неоплаченный труд рабочих.

Обычно владельцы денежных капиталов вносят свои деньги в *банк*. Банк выплачивает определенные *проценты* на вложенные суммы.

Но откуда банк берет средства для выплаты этих процентов? Ведь когда деньги лежат в виде золота или кредитных билетов в подвалах банка, они сами по себе не вырастают.

Капитализм знает лишь один источник возрастания капитала; этот источник — на производстве: на фабрике, заводе, руднике, в сельскохозяйственном предприятии и т. д.

Поэтому современный банк не станет прятать и задерживать у себя отданные ему на хранение деньги. В своей кассе он оставит только ровно такую сумму, чтобы хватило на обратную выдачу вкладов в тех случаях, когда владельцы этого потребуют. Опыт показывает, что в обычные времена лишь небольшая часть вкладчиков обращается в каждый данный момент в банк с требованием о возврате вкладов. Изъятие денег из банка, которое они производят, обычно быстро уравновешивается притоком новых вкладов. Разумеется, дело коренным образом изменяется в обстановке каких-либо потрясений, во время кризиса, войны и т. д. Тогда вся масса вкладчиков сразу бросается в банк, требуя обратной выдачи своих денег. Если банк не смог заранее подготовиться к этому натиску и собрать в своих кассах достаточное количество денег путем займа у других банков, у государства и т. п. и если не удается сократить и ввести в известные рамки натиск вкладчиков, то банк «лопается». Это значит, что он объявляет о невозможности обратной выплаты вкладов. Крах банка означает разорение многих капиталистов, уничтожение сбережений мелкой буржуазии и т. п. Банковские банкротства еще больше обостряют таким образом кризис.

Однако в обычных условиях банк может держать в своих кассах лишь сравнительно небольшие суммы денег и тем не менее быть в состоянии выплачивать обратно вклады всем, кто этого требует. Все же остальные деньги банк будет выдавать в виде ссуд тем капиталистам, которые в данный момент нуждаются в деньгах.

Мы уже знаем, для чего капиталисту нужны эти деньги. Они ему нужны для закупки сырья, для выплаты заработка рабочим и т. п. Они ему нужны, словом, для того, чтобы употребить их в качестве *капитала*. В виде капитала предприниматель пускает полученные от банка деньги в дело, в производство. Нужды нет, что деньги получены им не навсегда, а лишь на срок. При производстве и продаже производственных изделий у капиталистов в разные сроки появляются различные суммы денег. Из этих сумм промышленник может покрыть полученную в банке ссуду. Помимо того надо иметь в виду, что при развитом капитализме банки дают промышленникам не только ссуды на более или менее короткий срок,

но и вкладывают огромные средства в промышленность на очень продолжительные сроки.

Деньги, полученные из банка, промышленник применяет в виде капитала. При помощи этого капитала он расширяет свое производство по сравнению с теми размерами, которыми ему пришлось бы ограничиться в случае неполучения ссуды. Таким образом отличительная особенность ссудного капитала заключается в том, что он применяется в производстве не тем капиталистом, собственность которого он составляет. Благодаря применению в производстве полученной из банка ссуды у промышленника, получившего эту ссуду, возрастает количество занятых рабочих: возрастает стало быть также сумма произведенной прибавочной стоимости.

Часть этой прибавочной стоимости промышленник должен уплатить банку в виде вознаграждения за предоставление в его распоряжение капитала. Если промышленник взял в начале года в банке тысячу рублей и должен к концу года уплатить банку 1070 руб., то говорят, что банк берет за выданные ссуды 7%.

В таком случае банк будет платить владельцам денег, положившим их в банк, несколько меньший процент — допустим 5%. Это значит, что из 70 руб., полученных банком от промышленника, банк должен 50 руб. заплатить тем людям, которые вложили эту тысячу рублей в банк. Прибыль банка в таком случае будет составлять 20 руб. от всей этой сделки.

Всякий видит, что вся эта сделка чрезвычайно похожа на обыкновенную торговую сделку. Допустим, торговец купил лошадь за 50 руб., а продал ее за 70. Его барыш составляет 20 руб. Банк также уплатил 50 руб., а выручил 70 руб.; прибыль его равна 20 руб. Разница только в том, что предметом торговли банка была не лошадь и не какой-нибудь иной обыкновенный товар, а товар совсем особенного рода. Что это за товар, мы уже видели: это была тысяча рублей, превратившаяся в капитал, используемая в качестве капитала в течение одного года. Таким образом банк торгует капиталом; банк — это *торговец капиталом.*

Высота процента

Капитал таким образом превратился в товар, с которым производят различного рода сделки. В этих сделках появляется *цена капитала.* В нашем случае 70 руб. были той ценой, которую уплатил промышленник за пользование капиталом в тысячу рублей в течение года. Эта цена была уплачена предпринимателем торговцу капиталом — банку. Банк в свою очередь уплатил за то же право пользования в течение одного года владельцу капитала всего 50 руб.

Возникает вопрос, отчего зависит эта цена, от чего зависит *уровень процента,* уплачиваемого на капитал.

Этот уровень подвержен частым изменениям. Среди капиталистов часто говорят: теперь деньги дешевы, или: теперь деньги дороги. Это значит, что в первом случае можно достать деньги взаймы по небольшому проценту, а во втором, наоборот, приходится платить высокий процент. Как и в каждой торговой сделке, цена в этом случае устанавливается прежде всего в зависимости от спроса и предложения. Если в данном месяце очень многим капиталистам понадобились дополнительные средства и они решили их во что бы то ни стало раздобыть, тогда спрос на заемные деньги сильно повысится. Посмотрим однако, до каких пределов может дойти это повышение.

В нашем примере промышленник уплатил банку 70 руб. за годичное пользование капиталом в размере тысячи рублей. Почему такая сделка была для него выгодной? Да потому, что он вероятно в своем предприятии получал 10—11% прибыли на затраченный капитал. Это значит, что в течение года на каждую тысячу рублей предприниматель получит 150—160 руб. прибыли. Такой же барыш он получил и от банковской тысячи рублей. За уплатой 70 руб. банку он все же сохранил в своих руках разницу в размере 80—90 руб. Это — разница между уровнем прибыли, получаемой в промышленности, и уровнем процента, уплачиваемого банку.

Ежели под влиянием возросшего спроса на ссуды уровень процента будет повышаться, то этому повышению очевидно есть определенные границы. Банк может вместо 70 руб. потребовать 80, 90 руб. Промышленнику тогда все еще будет расчет взять ссуду. Но если банк потребует 150—160 руб., то промышленник от таких условий откажется. Ведь ему тогда никакой выгоды не останется, а возни и хлопот прибавится порядочно.

Таким образом уровень процента при повышении ограничен уровнем той средней прибыли, которую получает предприниматель. Обычно он бывает значительно ниже средней прибыли. Лишь в редких случаях (при кризисах) он достигает такой высоты. Наоборот, при превышении предложения денег над спросом на них уровень уплачиваемого процента будет падать.

В зависимости от условий уровень процента в этом случае может опуститься чрезвычайно низко, хотя конечно даром никто давать ссуды не станет.

ВОПРОСЫ

1. Чем объясняются различия в органическом составе капитала в различных отраслях?

2. Как происходит уравнение нормы прибыли?

3. Чем определяется цена производства?

4. Не противоречит ли продажа товаров по ценам производства марксову учению о стоимости?

5. Каковы причины тенденции к понижению нормы прибыли?

6. Откуда берется прибыль торговых капиталистов?

7. Как банк торгует капиталом?

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Капитализм в сельском хозяйстве

Противоположность между городом и деревней

До распространения капитализма современной промышленности вовсе не существовало. Не было гигантских металлургических заводов, на которых работают тысячи рабочих, не было нефтяных вышек и угольных копей, не было текстильных фабрик с сотнями тысяч жужжащих веретен и тысячами ткацких станков. Не было до капитализма ни железных дорог, ни пароходов. Крупная промышленность создана капитализмом: в прежнее время на ее место можно было найти лишь кустаря да ремесленника.

Совсем не то в отношении сельского хозяйства. Задолго до возникновения капитализма люди занимались хлебопашеством, скотоводством, разведением всякого рода полезных человеку животных и растений. Сельское хозяйство жило крепостным строем, когда появился капитализм. Развитие капитализма стало быстро разрушать прежние устои сельского хозяйства, но все же почти во всех странах многие пережитки помещичье-крепостного хозяйства оказались чрезвычайно живучими и сохранились и после победы капитализма. Самым важным пережитком является сохранение земли в руках помещиков, в руках частных собственников вообще.

Капитализм завершает *отделение промышленности от сельского хозяйства*. При прежних, докапиталистических отношениях одежда, обувь, ряд предметов обихода производились в крестьянской семье или крестьянами-кустарями. Капитализм создает текстильную и обувную промышленность: ее изделия вытесняют крестьянское производство своей дешевизной, своим качеством.

Но капитализм не только отделяет все новые отрасли промышленности от сельского хозяйства. Капитализм вырывает

пропасть между городом и деревней, создает и все углубляет *противоположность* между промышленностью и сельским хозяйством. В промышленности развитие капитализма несет с собой быстрый рост техники; каждое десятилетие, иногда каждый год приносит с собой новые методы производства, новые усовершенствования, новые машины. Сельское хозяйство даже в самых передовых капиталистических странах отстает от этого бурного развития промышленности; вырывая сельское хозяйство из прежних узких рамок натурального хозяйства и освобождая его от пут крепостничества, капитализм в то же время несет с собой все растущий гнет эксплоатации для широких масс сельского населения, обрекая их на темноту, отсталость, нищету. Многомиллионные массы деревенского населения, крестьянство, даже в самых передовых странах отрезаны от городской культуры, живут в невежестве и дикости.

Бурное развитие промышленности и чрезвычайная отсталость сельского хозяйства — таково одно из самых *глубоких противоречий* капиталистического строя, приводящих ко всякого рода потрясениям и кризисам, предвещающим и подготовляющим неизбежную *гибель капитализма*.

«Земледелие отстает в своем развитии от промышленности — явление, свойственное *всем* капиталистическим странам и составляющее одну из наиболее глубоких причин нарушения пропорциональности между разными отраслями народного хозяйства, кризисов и дороговизны.

Капитал освободил земледелие от феодализма, втянул его в торговый оборот, а вместе с ним в мировое экономическое развитие, вырвал его из застоя и заскорузлости средневековья и патриархальности. Но капитал не только не устранил задавленности, эксплоатации, нищеты масс, а, напротив, он создает эти бедствия в новом виде и восстанавливает на «современной» базе их старые формы. Противоречие между промышленностью и земледелием не только не устранено капитализмом, а, напротив, расширяется и обостряется им все более. Над земледелием все сильнее и сильнее тяготеет гнет капитала, который образуется главным образом в сфере торговли и промышленности» *(Ленин)*.

Земельная рента

В сельском хозяйстве основное условие производства — *земля*. У нас в Советском Союзе земля национализирована. Она отобрана у помещиков и всех прочих ее владельцев и передана в собственность пролетарского государства. Во всех капиталистических странах земля находится в *частной собственности* отдельных землевладельцев. Почти во всех странах огромное количество земли находится в руках *помещиков* — крупных землевладельцев, ко-

торые сами ее не обрабатывают, а сдают в *аренду*. Помещики сохранили свои обширные имения еще со времени крепостничества. Попрежнему они живут припеваючи за счет чужого труда. Изменилась лишь та форма, в которой они эксплоатируют крестьян, выжимая из них свои доходы.

При капитализме собственник земли получает *ренту*. Это — та дань, которую он берет за право пользования землей. При капитализме вся земля находится в руках частных собственников: нет «ничьей» или «божьей» земли. И вот всякий желающий заниматься сельским хозяйством и имеющий необходимые для этого средства должен прежде всего нанять за определенную плату и на определенный срок облюбованный им участок земли у того, кому этот участок земли принадлежит. Ясно, что собственник земли пользуется своим правом собственности на землю, для того чтобы получить дань с тех, кто в этой земле нуждается. Эта дань, получаемая землевладельцами, называется земельной рентой.

Следует различать ренту *дифференциальную* (т. е. в переводе на русский язык — разностную) и *абсолютную*. Разберем сначала дифференциальную ренту. Мы знаем, что в промышленности стоимость товара и ее цена производства определяются средними условиями производства. Не то в сельском хозяйстве. Общая земельная площадь ограничена, ее нельзя увеличить по мере надобности. Среди земель встречаются, как всякий знает, участки различного плодородия. Большую роль играет также расстояние от крупных городов, от рек и морей или от железных дорог. Хозяйство, которое ведется на более плодородном участке, получает лучший урожай при тех же затратах труда. Хозяйство, которое ведется на благоприятно расположенном участке, сберегает те расходы, которые требуются для перевозки продуктов из медвежьих углов. Цена производства земледельческих продуктов определяется условиями производства на худших землях — иначе капиталистические предприниматели не стали бы вести хозяйство на худших землях и перешли бы в промышленность. Но в таком случае хозяйства, ведущиеся на лучших угодьях, получают излишек дохода. Кому достается этот доход? Ясно, что он попадет в руки тому, кто является владельцем земли.

Но кроме дифференцированной ренты собственник земли получает еще и абсолютную ренту. Земля находится в монопольном владении частных собственников. Эта монополия земельной собственности ставит препятствия свободному переходу капиталов из промышленности в сельское хозяйство. Для ведения хозяйства на земле необходимо разрешение землевладельца. В земледелии техника находится на более низком

уровне, нежели в промышленности. Стало быть органический состав капитала в сельском хозяйстве ниже, чем в промышленности. Это значит, что на одинаковый капитал в земледелии производится больше прибавочной стоимости, чем в промышленности. Если бы существовала полная свобода перелива капитала между промышленностью и сельским хозяйством, норма прибыли тут и там выравнялась бы путем конкуренции. Но дело в том, что этой свободы не существует из-за наличия частной собственности на землю. Поэтому сельскохозяйственные продукты продаются по ценам, которые выше цены производства. Излишек, получаемый при этом, идет в карман землевладельцу и называется абсолютной земельной рентой. «Абсолютная земельная рента — дань земельному собственнику»-*(Маркс)*.

Маркс следующим образом определяет различие между абсолютной и дифференциальной рентой:

«Абсолютная рента есть излишек стоимости над ценой производства продукта почвы. Дифференциальная рента есть излишек рыночной цены продукта почв, находящихся в более благоприятном положении, над стоимостью их собственного продукта».

Ленин дает следующую сжатую характеристику условий создания дифференциальной и абсолютной ренты: «Во-первых, мы имеем монополию хозяйства (капиталистического) на земле. Эта монополия вытекает из ограниченности земли, являясь поэтому необходимой во всяком капиталистическом обществе. Ведет *эта* монополия к тому, что цену хлеба определяют условия производства на худшей земле, а избыточная, прибавочная прибыль, приносимая затратой капитала на лучшей земле или более производительной затратой капитала, образует дифференциальную ренту. Рента эта возникает совершенно независимо от частной поземельной собственности, которая только дает возможность землевладельцу отобрать ее у фермера. Во-вторых, мы имеем монополию частной собственности на землю. Ни логически, ни исторически эта монополия с предыдущей неразрывно не связана. Ничего *необходимого* для капиталистического общества и для капиталистической организации земледелия эта монополия из себя не представляет. С одной стороны, мы вполне можем мыслить капиталистическое земледелие без частной собственности на землю, и многие последовательные буржуазные экономисты требовали национализации земли. С другой стороны, мы и в действительности встречаем капиталистическую организацию земледелия при отсутствии частной поземельной собственности, напр., на землях государственных и общинных. Поэтому различать эти двоякого рода монополии безусловно необходимо, а следовательно, необходимо наряду с дифференциальной рентой признать и существование абсолютной ренты, которую *порождает* частная собственность на землю».

Источник земельной ренты

Теория ренты Маркса, изложенная выше, исходит из следующих положений. Землевладелец сдает свою землю в аренду. Арендатором является капиталист, который ведет хозяйство при

помощи наемных рабочих. В таком случае не трудно понять, откуда берется земельная рента, притекающая в карман землевладельца. Наемные рабочие производят своим неоплаченным трудом прибавочную стоимость. Эта прибавочная стоимость попадает прежде всего в руки арендатора-капиталиста, который делит ее на две части: одну часть он оставляет себе — это его предпринимательская прибыль, прибыль на его капитал, а другую часть, определенный излишек сверх этой прибыли, он вынужден отдать землевладельцу. Эта часть прибавочной стоимости и составляет ренту. Совершенно ясно, что абсолютная и дифференциальная рента, как и всякий другой нетрудовой доход при капитализме, может иметь лишь один источник — *прибавочную стоимость*, производимую трудом рабочего класса. «Всякая земельная рента есть прибавочная стоимость, продукт прибавочного труда» — говорит Маркс.

«Теория ренты предполагает, что все земледельческое население вполне раскололось на землевладельцев, капиталистов и наемных рабочих. Это — идеал капитализма, но отнюдь не его действительность» (*Ленин*).

В действительности дело обстоит гораздо сложнее. Тем не менее теория ренты сохраняет полностью свою силу и в более сложной обстановке. В капиталистических странах часто бывает, что землевладелец не сдает земли в аренду, а сам нанимает рабочих и ведет хозяйство. Тогда он является одновременно и землевладельцем и капиталистом-предпринимателем. Как землевладелец он получает ренту, а как капиталист — прибыль на капитал. В этом случае рента и прибыль соединяются в одном кармане.

Очень часто у помещиков-землевладельцев землю арендуют не капиталистические предприниматели, а крестьяне, возделывающие землю собственным трудом и не применяющие наемной рабочей силы. Стоит вспомнить, как помещики высасывали все соки из крестьян в дореволюционной России. Крестьяне, которых душило малоземелье, вынуждены были арендовать землю у помещиков на самых кабальных условиях. И в этом случае ясно, что помещик получал ренту в виде арендной платы, в виде всякого рода отработков, в виде платежей натурой, которыми он закабалял крестьян. Откуда рента берется в таком случае? Ведь здесь нет наемного труда, создающего прибавочную стоимость?

Совершенно ясно, что в этом случае источником земельной ренты служит *эксплоатация труда крестьянина*. Крестьянин отдает помещику в виде ренты часть продуктов своего труда.

Зачастую эта часть, отдаваемая помещику, так велика, что крестьянин обречен на полуголодное существование при непосильном, изнуряющем труде. Поэтому Маркс говорит, что при капитализме «эксплоатация крестьян отличается от эксплоатации промышленного пролетариата лишь по форме».

Покупка-продажа земли

Однако нередко крестьяне в капиталистических странах работают на собственных клочках земли. Как тогда обстоит дело с рентой?

Земля при капитализме находится в частной собственности. Земля при капитализме является предметом *покупки и продажи*. В условиях капитализма крестьянин, чтобы овладеть клочком земли, должен купить его. Посмотрим, как определяется цена земли.

Землевладелец имеет участок земли, который он сдает в аренду. Арендатор платит ему в год 10 тыс. руб. Арендатор разбогател и предлагает землевладельцу продать ему этот участок земли. Какую цену заломит землевладелец? Он будет рассуждать так: если я не продам земли, она мне будет давать ежегодно 10 тыс. руб. ренты. Я должен во всяком случае не прогадать. Мне нужно получить такую сумму денег, которая будет мне приносить ежегодно 10 тыс. руб. в виде процентов, если я ее положу в банк. Предположим, что банк платит за положенные туда деньги (за «вклады») 4%. Тогда наш землевладелец без большого труда вычислит, что ему нужно получить 250 тыс. руб. за свою землю. Действительно, если положить 250 тыс. руб. в банк при условии, что он будет платить 4%, то ежегодно будет получаться 10 тыс. руб. В этом случае цена земли будет примерно 250 тыс. руб.

Иногда говорят о стоимости земли. Это неверно. Если не считать искусственных, созданных трудом сооружений и улучшений (например построек, водопроводов и орошения), то земля сама по себе никакой стоимости не имеет и не может иметь. Земля не является продуктом человеческого труда. Но земля, не имея стоимости, может иметь (и при капитализме всегда имеет) цену. Эта цена земли проистекает из того, что она захвачена землевладельцами в частную собственность.

Мы видим таким образом, что цена земли определяется, исходя из ежегодного дохода, приносимого землей. Рассчитывают, какая сумма денег, положенная в банк при существующем уровне процента, будет давать такой же доход. Такой расчет называется *капитализацией*. Поэтому Маркс говорит, что «цена земли есть не что иное, как капитализированная

рента». Таким образом, покупая клочок земли, крестьянин уплачивает вперед земельную ренту за целый ряд лет.

Земельная рента и отсталость сельского хозяйства

Земельная рента является тяжелой гирей, мешающей развитию сельского хозяйства при капитализме. Масса прибавочной стоимости, производимой в сельском хозяйстве, попадает в руки крупных землевладельцев, которые не употребляют этих средств для улучшения производства, а растрачивают их в городах. Дело ничуть не улучшается в случае покупки земли. Тогда сельскохозяйственный производитель затрачивает львиную долю своих средств на покупку земли, и у него остается очень мало для закупки машин, инвентаря и т. п. Земельная рента служит тем насосом, который перекачивает огромные средства из земледелия в карман помещиков-паразитов. Тем самым земельная рента способствует сохранению вековой *отсталости* и варварства в сельском хозяйстве. Таким образом земельная рента, являющаяся следствием частной собственности на землю при капитализме, способствует все большему *углублению противоположности* между городом и деревней.

С развитием капитализма происходит очень быстрый *рост размеров земельной ренты.* Это и понятно. Абсолютная рента растет так, как увеличивается количество земель, идущих в обработку. Диференциальная же рента совершает очень быстрый рост, так как с вовлечением все новых земель в хозяйственный оборот чрезвычайно возрастает различие в плодородии и выгодном расположении различных участков земли, а также различие в производительности различных затрат капитала на одном и том же участке. Далее чрезвычайно повышает земельную ренту то обстоятельство, что качество долго возделываемых земельных участков повышается вследствие вложения огромного количества труда в различные сооружения (орошение, удобрение, прокладка дорог, выкорчевывание пней и т. п.). Плоды от всех этих трудов в конце концов попадают в руки землевладельцев.

Беспрерывным ростом земельной ренты вызывается также постоянный рост цен на землю. Не говоря уже о больших капиталистических городах и пригородных местностях, где каждый гектар земли дает сплошь и рядом сумасшедшие деньги, сильно растет также цена земли в сельских местностях. Цена земли составляет возрастающую долю всех затрат, производимых сельским хозяйством при капитализме. Так стоимость всей фермерской собственности в САСШ возросла за 10 лет с 1900 по 1910 гг. более чем на 20 млрд. долл. Из этой суммы увеличение стоимости инвентаря строений и т. п. составляет лишь 5 млрд. долл., а остальные 15 млрд. долл. падают на повышение цены земли.

Рост размеров земельной ренты, идущей вместе с развитием капитализма, означает повышение той дани, которую об-

щество платит паразитам-землевладельцам. Рост размеров земельной ренты еще больше затрудняет развитие сельского хозяйства при капитализме; еще больше увековечивает его отсталость, еще больше углубляет пропасть между промышленностью и сельским хозяйством.

Однако развитие сельского хозяйства страдает при капитализме не от одной лишь земельной ренты. Производство ради прибыли, общая бесплановость и анархия капиталистического производства ведут к хищническому истощению земли. Капиталистические кризисы, потрясающие все хозяйство, нередко имеют особенно гибельные последствия в области сельского хозяйства. Рост капиталистических противоречий охватывает как промышленность, так и сельское хозяйство.

Крупное и мелкое производство в сельском хозяйстве

Капитализм несет с собой *победу крупного производства* над мелким. Крупное производство имеет ряд огромных преимуществ перед мелким. Крупное производство открывает возможность применения машин в широких размерах. Крупное производство может чрезвычайно повышать производительность труда по сравнению с мелким. Капиталистическая промышленность поэтому неуклонно вытесняет ремесленника и кустаря. Среди капиталистических предприятий также идет беспрерывная борьба, которая ведет к победе немногих крупных и крупнейших предприятий в каждой отдельной отрасли.

Победа крупного производства над мелким в области промышленности — бесспорное явление. Даже отъявленные защитники капитализма сравнительно редко рискуют отрицать этот факт. Но победа крупного капитала над мелким производителем, победный ход концентрации и централизации капитала вызывают гигантский *рост классовых противоречий.* Размывается средняя прослойка, исчезает тот промежуточный слой между буржуазией и пролетариатом, который представляет собой массу самостоятельных мелких производителей, ремесленников, торговцев и т. д. Мелкая буржуазия все больше размывается, выделяя отдельные единицы наверх, к капиталистам, и многие тысячи вниз, в ряды рабочего класса. Два противоположных класса — небольшая кучка буржуазии и огромные массы пролетариата, стоящих грозно друг против друга, — таков результат победного хода крупного капиталистического производства.

Не будучи в силах отрицать вытеснение и уничтожение мелкого производства крупным в области промышленности, защитники капитализма с надеждой обращают свои взоры в сторону сельского хозяйства. Здесь, говорят они, мелкое

хозяйство прочно стоит на своих ногах. В сельском хозяйстве, по их мнению, крупное производство не имеет тех решающих преимуществ, как в промышленности.

Подобного рода утверждения повторяются всеми защитниками капитализма. На самом же деле и в сельском хозяйстве крупное производство неизмеримо выгоднее мелкого. У нас в Советском Союзе рост крупных совхозов и колхозов, имеющих значительно более высокую производительность по сравнению с распыленным мелким производством, доказывает это лучше всяких слов. Но и в капиталистическом мире *выгоды крупного производства* в земледелии совершенно неоспоримы.

Само собой разумеется, что выгодность крупного производства в условиях капитализма и в условиях СССР носит совершенно различный характер. У нас в советских условиях преимущества крупного производства колхозов и совхозов заключаются в том, что в них хозяйство ведется на социалистических началах и приносит огромные выгоды широким трудящимся массам, являясь для них столбовой дорогой к социализму. В условиях же капитализма крупное производство дает капиталистам преимущества в борьбе с мелким производством, в закабалении трудящихся масс.

Только крупное производство имеет возможность применять дорогостоящие машины, во много раз превышающие производительность труда: тракторы, комбайны и т. п. Только крупное производство может легко получить кредит в капиталистическом банке, притом на условиях неизмеримо более выгодных, нежели мелкое хозяйство. Крупное предприятие может несравненно выгоднее организовать сбыт своей продукции и закупку нужных материалов. Лишь в крупном предприятии возможно применение науки к ведению сельского хозяйства. Огромные преимущества крупного производства в сельском хозяйстве совершенно очевидны.

Несмотря на отставание сельского хозяйства от промышленности, применение машин и искусственных удобрений прокладывает себе путь в капиталистических странах. Применение сложных машин, приносящих большую выгоду, под силу лишь крупным хозяйствам. Количество тракторов в САСШ выросло с 80 тыс. в 1918 г. до 1 млн. в 1930 г., число комбайнов — с 3,5 тыс. в 1920 г. до 50 тыс. в 1930 г. В Германии с 1913 по 1928/29 г. применение азотных удобрений возросло в 2½ раза, калийных солей — в 1½ раза, во Франции азотные удобрения — в 2 раза, калий — в 5 раз, суперфосфат — более чем вдвое. В Германии значительная часть работ в крупных предприятиях механизирована; мелким хозяйствам разумеется никакая механизация недоступна. Мелкое хозяйство не в состоянии обзавестись трактором, грузовиком или электромотором. Значительная часть крупных хозяйств имеет эти машины. Так, в Германии в 1925 г. из числа хозяйств с площадью свыше 200 га электромоторы

использовались в 70% хозяйств, тракторы — в 14,5%, паровые машины — в 60%, грузовики — в 8%. Однако капиталистическая частная собственность ставит непреодолимые преграды такому укрупнению размеров хозяйств, при котором действительно можно было бы использовать разумно все завоевания современной техники. Даже сравнительно крупные хозяйства при капитализме чаще всего не достигают размеров, которые нужны для полного использования современных мощных тракторов или комбайнов. Даже в крупных хозяйствах эти машины используются далеко не полностью. Только социалистическая революция, срывающая все рогатки частной собственности, создает все необходимые условия для полного использования современной техники в сельском хозяйстве.

Поэтому капитализм ведет в сельском хозяйстве, как и в промышленности, к *победе крупного производства* над мелким и вытеснению мелкого производства крупным. Однако вследствие отсталости сельского хозяйства этот общий закон капиталистического развития в области сельского хозяйства отличается некоторыми особенностями. Вследствие *отсталости* сельского хозяйства крупное машинное производство распространяется в земледелии медленно. Поэтому даже в передовых странах капитализма сохраняется огромная масса *мелких крестьянских хозяйств*, представляющих собой небывало *хищническое* использование сил человека и природы. Мелкий крестьянин при капитализме готов принять на себя всякие лишения, лишь бы отстоять свой клочок земли, свою кажущуюся самостоятельность. Мелкое хозяйство в земледелии держится лишь путем невероятного хищнического расточения жизненных сил земледельца и всей его семьи. Мелкое хозяйство ведет также к расхищению производительных сил земли: земля плохо удобряется, недостаточно обрабатывается. Качество скота ухудшается. Мелкий крестьянин со своей семьей *живет впроголодь* при нечеловечески тяжелом труде. Он постоянно дрожит перед завтрашним днем. Каждое повышение налогов, падение цен на его продукты, повышение цен на промышленные товары ставит под вопрос его дальнейшую самостоятельность. Масса мелких хозяйств ежегодно *разоряется*, несмотря на все нечеловеческое напряжение, которое крестьянин употребляет для спасения своей самостоятельности.

Нередко крупный помещик сам заинтересован в сохранении мельчайшего хозяйства у окрестных крестьян. Имея крохотный клочок земли, крестьянин не может прокормиться. Он вынужден задешево продавать свою рабочую силу ближайшему владельцу крупного поместья. Не будь этого клочка земли, привязывающего его к данному месту, крестьянин вероятно ушел бы на заработки в город, и помещик лишился бы необыкновенно *дешевой рабочей силы*. Крестьянин превра-

щается в «батрака с наделом», как называл таких крестьян Ленин.

«Мы видим таким образом, что основная и главная тенденция капитализма состоит в вытеснении мелкого производства крупным и в промышленности и в земледелии. Но это вытеснение нельзя понимать только в смысле немедленной экспроприации; к вытеснению относятся также могущие тянуться годами и десятилетиями разорения, ухудшения в условиях хозяйства мелких землевладельцев. Это ухудшение проявляется в чрезмерном труде, и в ухудшенном питании мелкого землевладельца, и в обременении его долгами, и в ухудшении корма и вообще содержания скота, и в ухудшении условий ухода за землей, обработки, удобрения ее и т. п., в застое техники хозяйства и т. д.» *(Ленин)*.

Все эти обстоятельства сознательно замазывают защитники капитализма, когда они утверждают о преимуществах мелкого хозяйства перед крупным. Они до небес превозносят терпение и выносливость мелкого землевладельца. Они однако сознательно замазывают при этом все те лишения, которые приходятся на его долю.

Распределение земли и положение крестьян в капиталистических странах

Мы уже упоминали, что при капитализме подавляющая часть земли находится в руках небольших кучек крупных помещиков и капиталистов. Обычно в капиталистических странах огромное большинство мелких крестьян имеет меньше земли, нежели небольшая кучка крупных землевладельцев. В России до революции подавляющая часть земель была в руках помещиков, царской семьи, монастырей и кулаков. Тридцать тысяч крупнейших помещиков имели в дореволюционной России около 70 млн. десятин земли. 10 млн. беднейших крестьянских хозяйств имели также около 70 млн. десятин. Таким образом в среднем на одно помещичье крупное хозяйство приходилось 324 хозяйства крестьян-бедняков. Одно помещичье хозяйство имело в среднем 2300 десятин, а один крестьянский двор — 7 десятин земли. Малоземелье или полное безземелье — таков был удел деревенской бедноты. Лишь Октябрьская революция прогнала с земли паразитов и передала землю в пользование трудящемуся крестьянству.

В странах капитала и в настоящее время земля сосредоточена преимущественно у *крупных землевладельцев*. В Германии по переписи 1925 г. 60% всех хозяйств с площадью до 2 га имеют только 6,5% всей земли, зато 11,5% всех хозяйств с площадью свыше 10 га держат в своих руках 67% всей земли. Это значит, что небольшая кучка крупных хо-

зяйств (около десятой части всех хозяйств) имеет две трети всей земли, в то время как большая половина мелких крестьян — две пятых всех хозяйств — имеют только одну шестнадцатую часть земли. Во Франции хозяйства, имеющие до 1 га, составляли в 1908 г. 38% всех хозяйств; в их руках было всего лишь 2,5% всей земли. Таким образом две пятых всех хозяйств имели только одну сороковую часть земли. Зато хозяйства с площадью свыше 10 га, составляющие 16% всех хозяйств, имели 74,5%, т. е. три четверти всей земли. В Польше в 1921 г. хозяйства с площадью до 2 га составляли 34% всех хозяйств; в их руках было всего лишь 3,5% всей земли. Зато хозяйства свыше 100 га, составляющие всего полпроцента числа хозяйств, владеют почти половиной (44%) земли. В Венгрии половина земли находится у 99% всех хозяйств (мелкие и средние хозяйства), другая же половина — в руках 1% крупных помещиков. Иными словами, 10 тыс. помещиков имеют столько же земли, сколько имеет почти миллион крестьянских хозяйств.

Такое распределение земельной собственности ведет к *закабалению* и *обнищанию* крестьянина. Крестьянин-труженик вынужден арендовать землю у помещика на самых кабальных условиях. Помимо невыгоды мелкого хозяйства с его отсталой техникой на крестьянина давит еще ряд обстоятельств. Он должен отдавать львиную долю своего продукта помещику в виде арендной платы. Государство облагает его налогами. В Америке например налоги съедают $^2/_3$ всего дохода фермера (так называются американские крестьяне). Взяв при неурожае или при каком-либо семейном несчастьи ссуду в банке, крестьянин потом никак не вылезет из уплаты процентов. Скупщик также надувает мелкого производителя, опутывая его всякими кабальными условиями.

Данные сельскохозяйственной переписи 1930 г. в САСШ очень наглядно рисуют картину обнищания американского крестьянства — фермерства. За последние десять лет, с 1920 по 1930 гг., общая стоимость фермерских земель упала с 55 млрд. долл. до 35 млрд. Средняя стоимость земли и строений фермерского хозяйства упала с 10 тыс. долл. до 7,5 тыс. Число фермерских владений уменьшилось с 6,4 млн. в 1920 г. до 6,3 млн. в 1930 г. Число мелких арендаторов за этот же период увеличилось с 2455 тыс. до 2664 тыс. Посевная площадь фермеров-собственников сократилась с 637 млн. до 618 млн. акров; в то же время посевная площадь фермеров-арендаторов увеличилась с 225 млн. до 306 млн. Эти цифры весьма красноречиво свидетельствуют об обнищании основных

масс американского фермерства, об уменьшении земельной собственности фермеров, о росте аренды чужой земли, о падении фермерского хозяйства.

В Японии, по официальным данным министерства земледелия за 1932 г., на 5576 тыс. крестьянских дворов 1478 тыс. совершенно не имеют земли и арендуют ее у помещиков; 2500 тыс. хозяйств имеют меньше ½ га собственной земли; 1240 тыс. — от ½ до 1 га. Из обеих этих категорий «собственников» 2360 тыс. дворов вынуждены прирендовывать землю для поддержания своего жалкого существования.

Помещики, как общее правило, сдают свою землю мелкими участками в аренду крестьянам, ибо самая хищническая эксплоатация дешевой рабочей силы все же приносит меньше доходов, чем аренда. За эти мелкие клочки земли, находящиеся в пользовании крестьянских дворов (около 70% крестьянских хозяйств обрабатывают меньше 1 га на двор), помещики взимают в виде аренды от 50% и выше валового сбора урожая риса.

Расслоение крестьянства при капитализме

Крестьянин при капитализме обречен на тяжелую борьбу за существование. Он из сил выбивается, лишь бы сохранить свое «самостоятельное» хозяйство. Земля истощается, ухудшается уход за скотом; самому крестьянину и его семье живется все хуже. Одолевают налоги, приходится арендную плату платить за землю. Крестьянин легко попадает в кабалу к ростовщику, высасывающему из него все соки. Свой хлеб и скот он продает обычно скупщику: где же ему ехать за тридевять земель продавать свои товары. Ростовщик и торговец цепко держат крестьянина в своих лапах. Над деревней все сильней растет гнет капитала.

В нашей деревне капитализм стал быстро развиваться лишь после отмены крепостной зависимости. С этого времени среди крестьянства стало происходить примерно то же самое, что и среди ремесленников, либо кустарей. Небольшая часть крестьян стала пролезать в кулаки-мироеды. Эти «крепкие мужички» прикупали себе земельку, давали деньги в рост за «божеские» проценты; многие открывали трактиры и спаивали народ; другие наживались на торговле. Масса крестьян разорялась и беднела; как ни крепись, а приходилось продавать корову, затем лошаденку. Безлошадный попадал сразу в цепкие лапы кулака-«благодетеля». Приходилось итти либо в батраки, либо в город на заработки.

Так одна часть крестьян превращалась в буржуазию (*кулаки*), а другая часть — в наемных рабочих (*батраки*).

В этом заключается *расслоение деревни* при капитализме.

Между этими двумя крайними группами оставался однако еще обширный промежуточный слой — *среднее крестьянство.*

«Оно отличается наименьшим развитием товарного хозяйства. Самостоятельный земледельческий труд разве лишь в лучший год при особо благоприятных условиях покрывает содержание такого крестьянства, и потому оно находится в крайне неустойчивом положении. В большинстве случаев средний крестьянин не может свести концов с концами без того, чтобы не прибегать к займам по отработке и т. п., без того, чтобы не искать «подсобных» сторонних заработков, состоящих тоже отчасти из продажи рабочей силы и т. д. Каждый неурожай выбрасывает массы среднего крестьянства в ряды пролетариата» *(Ленин).*

Во многих странах еще существуют большие массы среднего крестьянства.

Капитализм имеет для большинства середняков лишь один путь: сползание в ряды деревенской бедноты и далее превращение в рабочих-батраков. Меньшинство подымается вверх, становится кулаками-эксплоататорами. О вымывании средних слоев крестьянства свидетельствуют итоги сельскохозяйственной переписи 1930 г. в САСШ. Данные переписи показывают рост мелких (менее 20 акров) и крупных (свыше 500 акров) фермерских хозяйств. Сильно сократилось число средних фермерских хозяйств (от 20 до 500 акров).

Обнищание крестьянства в странах капитализма

Капитализм несет бесчисленные бедствия широким трудящимся массам деревни. Капитализм вырывает пропасть между промышленностью и сельским хозяйством. На долю деревни достается вековая отсталость. Мелкое крестьянское хозяйство обрекается на жалкое существование. Крестьянин стонет под бременем налогов, от малоземелья, от разорительных цен на продукты сельского хозяйства. Концентрация земельной собственности в руках небольших групп крупных землевладельцев обрекает крестьянские массы на вечную кабалу и зависимость, пока существует капитализм. Конкуренция более выгодного крупного производства заставляет крестьянина-бедняка выбиваться из сил, чтобы сохранить свое карликовое хозяйство. Расслоение крестьянства бросает огромные массы бедняков в ряды сельскохозяйственных рабочих, подвергающихся особенно бесчеловечной эксплоатации.

Кризисы до крайности обостряют все противоречия капита-

лизма. Современный кризис, самый глубокий и острый из всех кризисов, когда-либо потрясавших капиталистический мир, крайне обостряет нужду и нищету широких масс крестьянства. Нынешний кризис ведет к дальнейшему углублению противоречия между городом и деревней. Кризис же усиливает отсталость и дикость в деревне. Невероятно низкие цены на сельскохозяйственные продукты разоряют массы мелких крестьян. В то же время рабочий потребитель платит попрежнему высокие цены за средства существования.

В одной варшавской буржуазной газете в середине 1932 г. положение польской деревни было обрисовано в следующем виде:

«В деревнях царит мрак, какого не бывало даже во времена москалей и австрийцев. Крестьяне жгут лучину, потому что им давно уже не на что купить керосина. Были случаи, когда конфискация скота за недоимки производилась при свете... погребальных свечей. Последняя корова и свинья давно проданы с молотка. Лошади продаются по 10 злотых. Большая часть крестьян ходит круглый год босиком, питается гнилым картофелем и прокисшей капустой. Белый хлеб — редкая роскошь. В некоторых деревнях дети получают пищу не каждый день».

Особенно невероятных размеров достигает обнищание широких масс крестьянства на восточных окраинах Польши — в тех частях Белоруссии и Западной Украины, которые захвачены панскими насильниками. В одной польской газете следующим образом описывается нищета в волынской деревне:

«Во многих деревнях Волыни уже в январе крестьяне не имели хлеба. Сейчас у них нет даже картофеля. Попрошайничество становится массовым явлением. Скот хронически недокормлен. Сплошь и рядом на корм скоту идут солома с крыш и древесная кора. Вследствие недостатка семян большая часть полей осталась незасеянной. Деревня все больше возвращается к средневековью. Огниво все чаще заменяет спичку... В ряде деревень дети уже несколько месяцев не ели хлеба. При виде его они умоляют дать им хоть маленький кусочек...»

О положении широких крестьянских масс в панской Польше дает известное представление статья очень известного буржуазного писателя Свентоховского, появившаяся летом в 1931 г. в одной польской буржуазной газете. Свентоховский пишет в этой статье:

«Кто хочет видеть нищету, нагую, исхудалую, полную страданий и отчаяния, пусть присмотрится к ней в деревне. Здесь он увидит темные, грязные, вонючие норы, в которых живут люди вместе со скотом, здесь лохмотья на телах, испепеленных голодом, здесь лица, полные тоски, с которых быстро исчезает редкая улыбка, здесь гробовая тишина, которую изредка прерывают голоса злобы, но почти никогда голоса радости. Уже два года не слыхал я среди людей труда песен, которые когда-то разносились по полям и избам.

В 10-километровом радиусе от известной мне местности нет и 20 крестьян, имеющих сбережения в 50 злотых.[1] Огромное большинство, это — бедняки и должники, дорого оплачивающие свои кредиты (3—5% в месяц)... Большинство населения ест всего два или один раз в день, преимущественно картошку. Я знаю семьи, где уже 2—3 месяца нет даже печеного хлеба, который здесь употребляется почти исключительно с примесью картошки. В деревнях, где ликвидирована чересполосица и прове-

[1] Злотый = 22 коп.

дено землеустройство, даже зажиточные хозяева не имеют средств на перенесение своих старых строений или строительство новых и укрываются в норах, как лисицы. Если кто-либо из них получит кредит, он строит только одно помещение для своей семьи, скота, коров, свиней и птиц. Над этой обедневшей массой кружатся, как ястребы, взыскатели налогов, которых эта масса ненавидит и боится пуще смерти, пожара, града, кражи и всякого несчастья. Для своих нужд, очень редко полностью удовлетворяемых, крестьяне, желающие избежать распродажи с торгов, продают не только излишки, но и то, без чего они не могут обойтись, — лошадей, коров, телят и разные хозяйственные принадлежности... Не все однако добровольно распродают свое хозяйство. У многих имущество продается с торгов, которые доводят их до полного разорения.

Деревня также имеет свою безработицу, не подсчитанную, не зарегистрированную и все-таки очень большую, не спасаемую общественным фондом и потому более тяжелую. По дороге около дома, в котором я живу, происходит тоскливый поход людей бездомных, ищущих работы».

Вот как описывает один товарищ положение крестьянских масс в *Румынии*:

«Крестьянин, которому своей земли и своего хлеба не хватает, должен итти в кабалу к соседу-кулаку или помещику: за какую-нибудь меру муки или какую-нибудь сотню лей,[1] взятых зимой взаймы у помещика-кулака, румынский крестьянин должен летом отработать десятину или две, свезти помещику бесплатно воз — другой дров, скосить, высушить и убрать копен 15—20 сена, принести боярину за лето пару — другую кур, несколько десятков яиц и т. д.

Но кроме помещичьей кабалы румынскому крестьянину приходится терпеть много от ростовщика и жандарма. Сборщик налогов (перчептор) является к нему чуть ли не каждый день. А так как крестьянину нечем платить, то перчептор забирает у него не только корову, но и последний кухонный горшок. У бессарабских крестьян перчептор особенно любит отбирать старые молдавские ковры, которые очень ценятся бухарестскими дамами «высшего общества». Дома бухарестских бояр и биржевиков сплошь украшены бессарабскими крестьянскими коврами. В последние годы налоги и банковские проценты особенно сильно давят на трудовое крестьянство, потому что сборщики отказываются брать в уплату зерно: «Оно ничего не стоит» — говорят они и требуют денег».

В *Японии* крестьянские массы стонут под двойным ярмом помещичьего гнета и эксплоатации со стороны монополистического капитала.

Земля в Японии без удобрений не родит, а цены на удобрения очень высокие, так как их производство и сбыт почти полностью монополизированы всесильными концернами Мицуй и Мицубиси. С другой стороны, цены на сельскохозяйственные продукты крайне упали. Налоги выросли по сравнению с довоенным уровнем в 4—5 раз.

Разоренные крестьяне уходят в поисках работы в город или становятся батраками, а чаще всего пополняют группу, именующуюся в Японии «мидзуноми хиякусио», что по-русски значит «крестьяне, питающиеся водой» т. е. попросту голодающие.

Японское крестьянство опутано ростовщиками, жульническими «обществами взаимопомощи». К настоящему времени сумма задолженности составляет приблизительно 6,5 млрд. иен при годовом проценте от 10 до 40. Проценты по задолженности крестьянства составляют не меньшую сумму, чем стоимость товарной продукции всего сельского хозяйства Японии.

---

[1] Лея = 80—90 коп.

Крестьянство как союзник пролетариата и революции

Отсюда ясно, что пролетариат находит себе в деревне друзей и союзников в своей революционной борьбе против капиталистического владычества. Деревенский *батрак* — тот же пролетарий. Разница вся в том, что один стоит за станком фабриканта, а другой ходит за плугом помещика или кулака. Разоряющаяся деревенская *беднота* является надежной опорой и прочным союзником рабочего класса. Ей нечего терять от крушения капитализма, ибо ей нечего ждать при его сохранении. Наконец *среднее крестьянство*, играющее часто довольно видную роль, может оказать пролетариату помощь при его правильной политике. В момент борьбы за власть крайне важно нейтрализовать середняка, т. е. предотвратить его переход на сторону врагов пролетариата. После победы пролетариат заключает прочный *союз со средним крестьянством*. Твердой рукой рабочий класс ведет середняка за собой в строительстве новой жизни.

Решительная непримиримая борьба с кулачеством — деревенской буржуазией — вот та основа, на которой только и может быть создан прочный союз пролетариата с основными массами среднего крестьянства. Лишь пролетарская революция открывает перед крестьянином бедняком и середняком выход из того обреченного положения, в котором он находится при капитализме. При капитализме лишь отдельные единицы из среднего крестьянства подымаются вверх и переходят в ряды эксплоататоров-кулаков. Огромная же масса бьется, как рыба об лед, затрачивает нечеловеческий труд для того, чтобы как-либо удержаться на поверхности. Грозная опасность разорения, обнищания, утери своей призрачной хозяйственной самостоятельности, скатывания в ряды бедноты и пролетариата — вот что неотступно стоит перед глазами середняка-крестьянина при капитализме. Лишь пролетарская революция открывает перед ним совершенно новый путь, дает ему надежный выход из беспросветного состояния.

Пролетарская революция подрезает корни капиталистической эксплоатации как в городе, так и в деревне. Уничтожая паразитическую собственность банкиров, помещиков, фабрикантов, революция пролетариата сразу освобождает крестьянина бедняка и середняка от долголетних пут, связывавших его по рукам и по ногам; уничтожается кабальная аренда, долги банкам и ростовщикам и т. д. Пролетарская революция далее открывает перед средним крестьянством путь к крупному обобществленному хозяйству, минуя мучительный процесс разорения и обнищания, неизбежный при капитализме.

ВОПРОСЫ

1. В чем заключается противоречие между городом и деревней при капитализме?

2. Каков источник абсолютной и дифференциальной ренты?

3. Чем определяется цена земли?

4. Каковы преимущества крупного производства перед мелким в сельском хозяйстве?

5. Как распределяется земельная собственность в капиталистических странах?

6. Как происходит расслоение крестьянства при капитализме?

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Воспроизводство и кризисы при капитализме

Средства производства и средства потребления

Если мы приглядимся к какой-нибудь стране, мы увидим, что она из года в год производит определенные массы самых различных продуктов: хлеба, ситца, паровозов, плугов, жилых домов, машин, угля, сахара, галош и т. д.

Дальнейшая судьба этих продуктов человеческого труда различна. Хлеб, сахар, мясо съедаются людьми, ситец и прочие ткани служат людям в качестве одежды, дома служат жилищем. Совершенно иная судьба ожидает целый ряд других предметов, произведенных человеческим трудом: плуг служит для обработки земли; машины, станки, фабричные здания служат для дальнейшего производства всякого рода товаров; паровозы и вагоны служат для перевозок товаров и людей на большие или малые расстояния.

Те продукты человеческого труда, которые служат непосредственно для удовлетворения потребностей человека, его личных нужд в пище, одежде, увеселении, жилище и т. д., мы называем *средствами потребления;* наоборот, все то, что служит для дальнейшего производства, называем, как мы уже видели, *средствами производства.* Необходимо помнить, что в *конечном счете* все продукты человеческого труда призваны служить для удовлетворения тех или иных потребностей отдельного человека или целых общественных групп. Разница заключается однако в том, что одни предметы служат этому делу непосредственно, это — предметы личного потребления, другие же служат лишь для *производства* этих предметов потребления: сюда относятся средства производства.

Наконец целый ряд продуктов человеческого труда может служить как в качестве предметов потребления, так и в качестве средств производства. Простейшим примером может служить каменный уголь, который сжигается в топках па-

ровых котлов или на заводских электрических станциях в качестве средства производства, а в топках домовых печей, служащих для согревания жилища, в качестве предметов потребления. Каждый легко вспомнит ряд других товаров, могущих исполнять такую же двоякую службу.

При капитализме руководство всем производством находится в руках отдельных предпринимателей или их групп. Фабрикант или заводчик ведет производство, как мы уже видели, имея перед собой лишь одну цель — прибыль, личную наживу. Поэтому капиталисту в сущности безразлично, будут ли на его заводе производиться паровозы или зажигалки, простой ситец или тонкие духи. Ему важно лишь одно: получить побольше прибыли. Совершенно понятно, что капиталисты не делают также различия между изготовлением средств производства и изготовлением предметов потребления человека. Будет ли фабрикант изготовлять галоши или приводные ремни для машин — зависит исключительно от того, какой товар дает ему больше прибыли.

Что такое воспроизводство?

Масса товаров, изготовляемых в какой-либо стране, беспрерывно находится в движении. Предметы потребления проходят путь от фабрик к потребителю. Здесь они исчезают: одни из них могут служить для удовлетворения человеческих потребностей довольно долго (например платье, книги и др.), другие предметы, наоборот, исчезают весьма быстро (например пища). Средства производства, изготовленные на заводах и фабриках или добытые в недрах земли, также поступают в дело. Здесь также некоторые крайне недолговечны (например уголь, нефть), другие, напротив, изнашиваются лишь постепенно и требуют замены лишь через довольно долгий срок времени (например машины, станки).

Одно лишь ясно. Для того, чтобы общество могло существовать, чтобы хозяйство могло сохраняться, необходимо, чтобы определенные массы товаров не только были произведены один раз, но чтобы они производились непрерывно, чтобы они производились *все снова и снова*. И действительно всякий знает, что так оно и есть.

Ситцевые рубахи изнашиваются и истлевают, но взамен на фабриках производится все новый и новый ситец. Хлеб исчезает в человеческих желудках, но в то же время новый хлеб созревает на полях. Уголь сжигается в печах и топках, но одновременно с этим все новые массы угля извлекаются из недр земли на ее поверхность. Паровозы изнашиваются, станки приходят в ветхость, но человеческий труд изготовляет все новые станки, строит все новые паровозы.

Во всех этих случаях, несмотря на большие различия между ними, можно заметить одно *общее обстоятельство*. Различного рода товары здесь производятся, потребляются и производятся вновь. Происходит постоянное воспроизводство товаров.

Маркс говорит: «Какова бы ни была общественная форма процесса производства, он во всяком случае должен быть непрерывным, т. е. должен периодически все снова и снова пробегать одни и те же стадии. Общество не может перестать производить, как не может оно перестать потреблять. Поэтому всякий процесс общественного производства, рассматриваемый в непрерывном потоке своего возобновления, является в то же время процессом воспроизводства».

Простое и расширенное воспроизводство

Следует различать воспроизводство простое и расширенное. Если в обществе из года в год производится одно и то же количество продуктов—мы имеем *простое воспроизводство*. В этом случае ежегодно потребляется все то, что произведено. Однако развитие капитализма несет с собой бурный рост производства. С каждым годом производится все большее количество всякого рода продуктов. Происходит *расширенное воспроизводство;* воспроизводство совершается на расширенной основе. Именно капитализм ведет к смене прежнего неподвижного, застойного состояния общества бурным развитием. Поэтому для капитализма характерно как раз расширенное воспроизводство.

Необходимо иметь в виду, что при расширенном воспроизводстве простое воспроизводство не исчезает, а входит в него как составная часть. Например пусть в первом году было произведено 50 млн. тонн хлеба, в следующем — 75 млн. тонн. Совершенно ясно, что эти 75 млн. тонн можно представить таким образом: 50 млн. тонн (простое воспроизводство) + 25 млн. тонн.

Воспроизводство при капитализме

Воспроизводство происходит в любом обществе, при всяком общественном строе. Но воспроизводство протекает совершенно *различным* образом при различных укладах общества. Например при социализме воспроизводство происходит совершенно *иным* порядком, нежели при капитализме. «Если производство имеет капиталистическую форму, то и воспроизводство имеет такую же форму» — говорит Маркс.

В процессе воспроизводства постоянно воспроизводятся не только различные продукты человеческого труда, но воспроизводятся также общественные отношения производства, *производственные отношения* между людьми. В самом деле, при капитализме воспроизводство заключается не только в том, что на рынок выбрасываются все новые массы хлеба, угля, машин взамен потребленных ранее. Воспроизводство заключается еще в том, что постоянно восстанавливается и сохраняется капиталистический тип отношений между людьми. Из

года в год рабочие продолжают трудиться на капиталистических фабриках и заводах, из года в год владельцы этих предприятий кладут в свой карман прибавочную стоимость, созданную трудом рабочего класса. Таким образом мы видим, что при капитализме воспроизводится не только масса товаров — хлеба, мяса, металла, угля и т. д., но *воспроизводятся* также и определенные *отношения* между людьми *в процессе производства*. Воспроизводится также отношение между рабочим классом и буржуазией. Воспроизводятся также и другие отношения производства, например отношения между различными группами капиталистов и т. п.

Но *воспроизводство капиталистических отношений* означает в то же время *воспроизводство* тех глубочайших *противоречий*, которыми чреват капиталистический строй. При капитализме *расширенное* воспроизводство означает не только рост количества разного рода товаров, производимых из года в год. *Расширенное воспроизводство* при капитализме означает также рост числа и размеров капиталистических фабрик и заводов, *рост эксплоатации* рабочих на этих предприятиях. При капитализме расширенное воспроизводство означает распространение капиталистических отношений, основанных на эксплоатации наемных рабочих, распространение капитализма из одной страны в другую, захват капитализмом одной отрасли производства за другой. Таким образом расширенное воспроизводство означает при капитализме неуклонный рост зияющих противоречий капиталистического строя, которые приводят к гибели этого строя, к его замене новым социалистическим строем. Таким образом *рост капитализма* несет с собою и *его гибель*.

Капиталистическое накопление

Чтобы добыть больше угля или железной руды, надо проложить новые рудники и шахты. Чтобы произвести больше ситца, необходимо поставить на работу новые веретена и станки. Вообще для расширенного воспроизводства товаров, как это каждому понятно, необходимо либо расширение уже имеющихся предприятий, либо постройка новых. Каким образом это происходит в капиталистическом хозяйстве?

В капиталистических странах средства производства находятся в руках небольшой кучки людей: фабрики и заводы, шахты и рудники — все это составляет частную собственность класса капиталистов. В одной из предыдущих глав, где мы ознакомились с первоначальным накоплением, мы уже видели, что происхождение капиталистической частной собственности восходит к грабежу и разбою, насилию и беззакониям. Однако, раз возникнув, капиталистическая собственность на средства

производства сохраняется и распространяется с каждым годом все шире и шире.

Капитал приносит своему владельцу прибавочную стоимость. Мы уже раньше рассмотрели, что лежит в основе прибавочной стоимости. Мы видели также, в каких формах, в каком виде эта прибавочная стоимость распределяется между различными слоями господствующих классов.

На первый взгляд кажется, что предприниматель со своей прибылью волен делать все, что ему угодно. Действительно капитализм не знает каких-либо определенных предписаний на этот счет. Если фабрикант сукна получил за год 100 тыс. руб. прибыли, то он может распоряжаться этой суммой по своему свободному усмотрению. Если он обжора — он может эти деньги проесть, если он пропойца — может их пропить. И действительно среди капиталистов можно встретить людей, тратящих свои барыши на самые различные цели. Не в этом однако суть.

Несмотря на отсутствие каких-либо писанных законов на этот счет, капиталист всегда, за очень редкими исключениями, употребляет определенную часть своего барыша на увеличение и расширение своего предприятия. Вот это присоединение части прибавочной стоимости к капиталу мы называем *капиталистическим накоплением.*

Из своей стотысячной прибыли наш фабрикант сукна отложит 60 или 80 тыс. руб. на расширение своей фабрики, на приобретение новых, более усовершенствованных машин. Его заставляют это сделать две силы: жажда наживы и страх перед конкуренцией. Капитализм как раз тем и отличается, что жажда наживы при нем не знает никаких пределов. Как велик ни был бы капитал предпринимателя, какую бы большую прибыль он ни получал, он всегда будет стремиться увеличить размеры своего богатства и своего барыша. А путь к этому один: прикапливать барыши, увеличивать таким образом свои капиталы. Глядя на своих конкурентов, наш фабрикант не может со спокойной душой употребить весь барыш на свои личные нужды, на всякого рода непроизводительные затраты. Он видит, что каждый из конкурентов из кожи лезет вон, стараясь получше поставить производство, расширить его размеры и улучшить технику, чтобы производить дешевле и лучше и задавить таким путем своих соперников. Если наш фабрикант не хочет, чтобы его растоптали, он должен, он вынужден значительную долю своих барышей вложить в свое предприятие.

Таким образом если при капитализме не существует никаких законов насчет обязательного накопления, то в нем зато

действуют такие стихийные силы, которые заставляют подавляющее большинство капиталистов накапливать известную долю получаемых ими доходов. Накоплепие производимой пролетариатом прибавочной стоимости является необходимым условием капиталистического расширенного воспроизводства.

Концентрация и централизация капитала

Накопляя ежегодно часть своих прибылей, фабрикант становится обладателем все большего капитала. Если в начале его предприятие оценивалось в миллион рублей, то, накопляя по 50—70 тыс. руб. ежегодно, наш фабрикант через десяток лет будет обладать уже состоянием в 1500—1700 тыс руб., т. е. увеличит свой капитал в полтора раза или даже более. Возрастание капитала, которое происходит путем накопления прибавочной ценности, мы называем *концентрацией капитала.*

Есть еще другой способ, при помощи которого происходит возрастание размеров отдельных капиталов. Мы уже видели, каким образом сильный душит слабого, крупный капиталист пожирает и поглощает своих мелких и более слабых соперников. Скупив за бесценок предприятия своего разоренного конкурента или присоединив их к своему предприятию каким-нибудь иным путем (например за долги), крупный фабрикант увеличивает размеры капитала, который находится в его руках. В подобных случаях соединение нескольких капиталов в один совершается при помощи борьбы, несущей победу одним и разгром другим. Нередко однако объединение многих капиталов в один происходит мирным путем: при организации паевого товарищества, акционерного общества и т. д. Об этом у нас дальше еще будет итти речь подробно. Во всех случаях, когда рост капитала происходит путем объединения нескольких капиталов в один, мы говорим о *централизации капитала.*

Концентрация и централизация капитала приводят к тому, что все большие капиталы сосредоточиваются в руках очень небольшой кучки богачей. Горсть миллиардеров, владельцев огромных состояний, держит в своих руках небывалые массы богатства. В их руках судьба многих десятков и сотен тысяч людей. Концентрация и централизация капитала ведут таким образом ко все большему обострению классовых противоречий, ко все более резкому распределению капиталистического общества на два противоположенных класса: на горсть крупнейших капиталистов и на массу эксплоатируемых пролетариев.

Концентрация и централизация капитала, сосредоточивая огромные ценности в руках очень немногих лиц, открывают широкие возможности к созданию огромных предприятий.

Как мы уже видели, крупное производство во многих отношениях выгоднее мелкого. Немудрено поэтому, что капитализм выдвигает на первое место все более крупные предприятия, на которых работают огромные массы рабочих. Вот например как изменилось соотношение между крупными, средними и мелкими предприятиями в России за 20 лет перед революцией.

Из 100 рабочих приходилось на долю:

Размер предприятий	1895 г.	1915 г.
Крупных (с числом рабочих свыше 500)	45,2	61,2
Средних (от 50 до 500)	38,9	30,6
Мелких (от 10 до 50)	15,9	8,2

В среднем на одно предприятие в 1895 г. приходилось 98,5 рабочих, а в 1915 г. — уже 173,4.

Вот более подробная таблица, рисующая процесс концентрации в фабрично-заводской промышленности России на протяжении одного лишь десятилетия с 1901 по 1910 г.:

Группы предприятий	Число предприятий		Число рабочих (в тыс.)	
	1901 г.	1910 г.	1901 г.	1910 г.
До 50 рабочих	12 740	9 909	244	220
От 51 до 100 рабочих	2 428	2 201	171	159
» 101 до 500 »	2 288	2 213	492	508
» 500 до 1000 »	403	433	269	303
Свыше 1000 рабочих	243	324	526	713
Всего	18 102	15 080	1 702	1 903

Приведя эту таблицу в одной из своих статей в дореволюционной «Правде», Ленин писал: «Такова обычная картина во всех капиталистических странах. Число мелких заведений *уменьшается:* мелкая буржуазия, мелкие хозяйчики разоряются и гибнут, переходят в ряды служащих, иногда пролетариев. Число крупнейших предприятий быстро растет, и еще больше растет их доля во всем производстве. С 1901 по 1910 г. число крупнейших фабрик, имеющих более 1000 рабочих, выросло почти в полтора раза: с 243 до 324. В них было рабочих в 1901 г. около полумиллиона (526 тыс.), т. е. меньше трети общего числа, а в 1910 г. стало *больше 700 тыс.*, больше трети общего числа. Крупнейшие фабрики душат мелкие

и все больше сосредоточивают производство. Все более крупные массы рабочих собираются в небольшом числе предприятий, но вся прибыль от труда объединенных миллионов рабочих достается горстке миллионеров».

Или вот например данные по САСШ. Там на одно предприятие приходилось:

	1889 г.	1899 г.	1909 г.	1919 г.
Рабочих	8,1	13,8	24,1	39
Капиталов (тыс. долл.)	6,7	19,0	68,7	154,1
Продукции (тыс. долл.).	13,4	28,1	77,2	210,9

Историческая тенденция капиталистического накопления

В своем развитии капитализм неизбежно ведет ко все возрастающему обобществлению труда. В неслыханной степени возрастают всевозможные связи между отдельными предприятиями, районами, целыми странами. Происходит дробление отдельных, прежде более или менее самостоятельных отраслей промышленности на целый ряд взаимно связанных и зависимых друг от друга отраслей. Капитализм объединяет труд различных людей, связывая их бесчисленными невидимыми нитями. Но обобществление производства происходит при капитализме не в интересах всего общества, не в интересах трудящихся масс, а в интересах небольшой кучки капиталистов, стремящихся к увеличению своих барышей. Одновременно с ростом общественного характера труда растет также и раздробление труда между предприятиями, борьба и конкуренция между капиталистами. Лишь уничтожение частной собственности на средства производства и передача их в собственность всего общества, лишь экспроприация буржуазии и организация социалистического производства уничтожают это противоречие.

Укрупнение размеров предприятий, идущее одновременно с концентрацией и централизацией капитала, *подготовляет* все условия для *обобществления* средств производства, для переустройства хозяйственной жизни на социалистических началах. Крупное предприятие, на котором работают тысячи рабочих, это не то, что ремесленная мастерская. Если общество не могло бы взять в свои руки бесчисленное множество мелких мастерских, то обобществить производство, сосредоточенное на небольшом числе гигантских фабрик и заводов, вполне возможно.

Маркс следующим образом определяет историческую тенденцию (т. е. линию, направление развития) капиталистического накопления:

«Частная собственность, добываемая личным трудом, покоящаяся, так сказать, на естественном сращении отдельного независимого рабочего с условиями его труда, вытесняется капиталистической частной собственностью, которая покоится на эксплоатации чужого, хотя формально и свободного, труда.

Когда этот процесс превращения достаточно разложил старое общество в глубину и ширину, когда рабочие уже превращены в пролетариев, а условия их труда — в капитал, когда капиталистический способ производства становится на собственные ноги, тогда дальнейшее обобществление труда, дальнейшее превращение земли и других средств производства в общественно-эксплоатируемые и, следовательно, общие средства производства и связанная с этим дальнейшая экспроприация частных собственников приобретают новую форму. Экспроприации подлежит теперь не самостоятельно хозяйствующий рабочий, а эксплоатирующий многих рабочих капиталист.

Эта экспроприация осуществляется действием имманентных (внутренне присущих) законов самого капиталистического производства, централизацией капиталов. Один капиталист убивает многих. Рука об руку с этой централизацией, или экспроприацией многих капиталистов немногими, развивается все в более широком масштабе кооперативная форма процесса труда, сознательное техническое применение науки, планомерная эксплоатация земли, выработка таких средств производства, которые допускают лишь совместное применение, экономизация всех средств производства путем применения их как средств производства комбинированного общественного труда, вовлечение всех народов в сеть мирового рынка и, следовательно, интернациональный характер капиталистического режима. На ряду с постоянным уменьшением числа магнатов капитала, которые узурпируют и монополизируют все выгоды этого процесса переворота, растет масса нищеты, гнета, порабощения, вырождения и эксплоатации, но вместе с тем растет и возмущение рабочего класса, непрерывно увеличивающегося, вышколенного, объединенного и организованного самим механизмом капиталистического процесса производства. Монополия капитала становится оковами того способа производства, который вместе с ней и благодаря ей достиг расцвета. Централизация средств производства и обобществление труда достигают уровня, при котором они становятся несовместимыми

с их капиталистической оболочкой. Последняя разрывается. Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют».

Воспроизводство и реализация товаров

Мы уже видели, что каждый капиталист, приступая к производству, закупает на рынке средства производства (машины, сырье, топливо) и нанимает рабочих (т. е. покупает рабочую силу). Но вот фабрикант закончил свое годовое производство. Сырье и топливо израсходованы, рабочие уже затратили свой годовой труд, на складе у фабриканта лежит куча готового товара, скажем сапог. Что требуется для *возобновления* производства? Что необходимо для того, чтобы производство сапог совершалось *непрерывно?*

Совершенно очевидно, что для этого нужно, чтобы фабрикант закупил *новую партию* сырья и топлива, чтобы он *снова* нанял рабочих на следующий год. Но для этого нужны деньги? Откуда фабрикант возьмет деньги? Он может взять их взаймы, но это не избавит его от необходимости уплатить в конце концов свой долг. Деньги фабрикант должен получить *от продажи* (или, как говорят, от *реализации)* своего готового товара. Продав свой товар, фабрикант снова закупает рабочую силу и средства производства и начинает следующий круг своего производства. Таким образом *реализация* готового товара является *необходимым условием* возобновления производства, необходимым условием воспроизводства. Мы видим, следовательно, что в ходе воспроизводства капитал отдельного капиталиста проходит через три ступени: 1) закупка средств производства и рабочей силы; 2) самый процесс производства и 3) продажа готового товара. Легко заметить, что из этих трех ступеней средняя (вторая) — это *непосредственный процесс производства*, в котором рабочие производят прибавочную стоимость для капиталиста. Две крайние ступени относятся к *процессу обращения:* на первой ступени капиталист превращает свои деньги в товар, на третьей, наоборот, он продает свой товар и выручает за него деньги. Однако деньги эти нужны ему прежде всего для того, чтобы снова закупить на них все то, что необходимо для продолжения производства, для непрерывного производства, для воспроизводства. Таким образом капитал проходит свой кругообразный путь.

Известно, что в капиталистическом обществе существует не один, а целое множество борющихся между собой капиталистов. Каждый капиталист поступает со своим капиталом так, как это ему наиболее выгодно. Действия отдельных капиталистов и, следовательно, движения отдельных капиталов сталкиваются и переплетаются между собой. Вся масса отдельных

(индивидуальных) капиталов в своей совокупности составляет общественный капитал в целом. Именно в этом переплетении движения отдельных самостоятельных капиталов, составляющих в то же время части всего общественного капитала, и протекает воспроизводство при капитализме. Чтобы воспроизводство могло осуществиться, необходимо, чтобы не только единичный капиталист, но и *вся масса капиталистов* могла реализовать произведенные на их фабриках и заводах товары.

«Научная ценность теории Маркса состоит в том, что она разъяснила процесс воспроизводства и обращения всего общественного капитала» — писал Ленин. Разъясняя процесс воспроизводства и обращения всего общественного капитала, марксистско-ленинская теория вместе с тем вскрывает те глубочайшие *противоречия*, которые обнаруживаются в ходе капиталистического *воспроизводства*. Теория воспроизводства выясняет те сложные *условия*, которые необходимы для реализации всей массы производимых при капитализме товаров. Теория воспроизводства показывает, как самый ход развития капитализма неизбежно постоянно *нарушает* эти условия и вызывает нарушения всего хода воспроизводства, приводит к потрясениям, к кризисам.

Условия реализации при простом и расширенном воспроизводстве

Присмотримся поближе, каковы условия реализации при капиталистическом воспроизводстве. Весь продукт капиталистической страны, подобно единичному товару, произведенному на капиталистическом предприятии, по своей стоимости состоит из следующих трех частей: 1) постоянный капитал; 2) переменный капитал и 3) прибавочная стоимость. Далее мы знаем, что всю массу различных предприятий можно разделить на две большие группы: 1) предприятия, изготовляющие средства производства (машины, сырье, уголь и т. д.) и 2) предприятия, изготовляющие предметы потребления.

«Вопрос о реализации состоит в том, каким образом для каждой части капиталистического продукта по стоимости (постоянный капитал, переменный капитал и прибавочная стоимость) и по его материальной форме (средства производства, средства потребления, в частности предметы необходимости и предметы роскоши) найти замещающую ее на рынке другую часть продукта» *(Ленин)*.

Для простоты мы можем предположить, что все хозяйство страны ведется на капиталистических началах. На самом деле этого нигде в мире нет; даже в самых развитых капиталистических странах еще сохранилась некоторая доля ремесленного и крестьянского производства, не носящего капиталисти-

ческого характера. Однако если представить себе такое совершенно беспримесное, или, как говорят, чисто капиталистическое хозяйство, то при простом воспроизводстве будет следующее положение. Вся масса товаров, изготовляемая в первой группе предприятий, должна быть равна той массе средств производства, которая за год была потреблена в предприятиях обеих групп. Например, если за год было сожжено около 20 млн. т угля, то необходимо, чтобы годичная добыча также составляла примерно 20 млн. т. Если за год оказались изношенными около 100 тыс. веретен, то производство новых прядильных машин должно составлять такую же цифру. Что же касается второй группы предприятий, то вся масса произведенных там товаров, предметов потребления должна быть по своей ценности равна тому, что составляет доход рабочих и капиталистов обеих групп предприятий. В самом деле, ведь все изготовленные предметы потребления должны быть потреблены капиталистами и рабочими, ибо других классов, по нашему предположению, в стране не существует. Но капиталисты и рабочие могут потребить лишь столько, сколько они могут купить на получаемый ими доход: рабочие — на свою заработную плату, капиталисты — на свою прибавочную стоимость.

Как будет протекать реализация отдельных частей годового продукта? Постоянный капитал первой группы предприятия будет реализован внутри той же группы, ибо он существует в виде средств производства. Переменный капитал и прибавочная стоимость второй группы могут быть реализованы опять-таки в пределах той же группы, ибо они существуют в виде средств потребления. Какие же части поступят в обмен между двумя группами? На этот вопрос ответить не трудно. Переменный капитал и прибавочная стоимость первой группы должны быть обменены на средства потребления, а постоянный капитал второй группы должен быть обменен на средства производства. Очевидно, что эти части должны быть равны между собой, чтобы обмен мог состояться беспрепятственно. Таким образом, условием простого воспроизводства является следующее равенство: переменный капитал и прибавочная стоимость первой группы должны быть равны постоянному капиталу второй группы.

Маркс обозначает постоянный капитал буквой c, переменный капитал буквой v и прибавочную стоимость буквой m. Подразделения обозначаются римскими цифрами. Тогда формула простого воспроизводства принимает следующий вид: $I\ (v + m) = II\ c$.

Теперь посмотрим, каковы условия реализации при расши-

ренном воспроизводстве. Мы уже знаем, что простое воспроизводство — это лишь предположительный случай, а на самом деле развитие капиталистического строя идет путем расширенного воспроизводства. Как изменяются условия реализации при переходе к расширенному воспроизводству? Расширенное воспроизводство означает накопление. Чтобы расширить производство, нужно расширить предприятие или выстроить новые. И в том и в другом случае необходимо пустить в ход некоторое количество новых средств производства. Но эти средства производства должны быть созданы предыдущим трудом, с неба они не могут упасть. Значит в первой группе предприятий, изготовляющей средства производства, должен быть налицо некоторый излишек средств производства, необходимый для расширения производства. А это означает, что сумма переменного капитала и прибавочной стоимости первой группы должна быть *больше*, нежели постоянный капитал второй группы. Лишь при этом условии появляется тот излишек в средствах производства, который должен быть пущен в ход для расширенного воспроизводства.

Это означает, что I $(v + m)$ должно быть больше чем II c.

Мы знаем, что при капитализме постоянный капитал растет быстрее, нежели переменный. Происходит рост органического состава капитала, увеличивается машинное вооружение, которое приходится на одного рабочего. Мы видим, что при расширенном воспроизводстве переменный капитал (вместе с прибавочной стоимостью) первой группы должен расти быстрее постоянного капитала второй группы. Отсюда ясно, что постоянный капитал первой группы должен еще более обгонять рост постоянного капитала второй группы. А это означает, что при расширенном воспроизводстве то подразделение общественного производства, которое изготовляет средства производства, должно расти быстрее, чем то, которое изготовляет средства потребления.

Посмотрим, каковы более усложненные условия реализации при расширенном воспроизводстве. При простом воспроизводстве вся прибавочная стоимость потребляется капиталистами. При расширенном воспроизводстве прибавочная стоимость в каждой группе распадается на две части: 1) часть потребляемая и 2) часть накопляемая. Накопляемая часть прибавочной стоимости присоединяется к капиталу. Так как капитал каждой группы состоит из постоянного капитала и переменного капитала, то и накопляемая прибавочная стоимость должна в каждой группе распасться на две части: постоянную и переменную. Вся прибавочная стоимость у нас обозначается буквой m. Обозначим ее часть, потребляемую капиталистами, буквой a, а накопляемую часть буквой b. Ту часть накопляемой прибавочной стоимости, которая присоединяется к постоянному капиталу, обозначим bc, а ту часть, которая присоединяется к переменному капиталу — bv. Тогда ход реализации при расширенном воспроизводстве

примет следующий вид. Как и при простом воспроизводстве, вторая группа должна обменять с первой свой постоянный капитал c: он существует в конце года в виде средств потребления, а для производства он должен быть в виде машин, сырья и т. д., т. е. в виде средств производства. Со своей стороны, первая группа должна обменять со второй группой свой переменный капитал, предназначенный для потребления рабочих, но существующий в виде средств производства. Потребляемая часть прибавочной стоимости второй группы имеется в виде средств потребления; стало быть, она обмену с первой группой не подлежит. Потребляемая часть прибавочной стоимости первой группы, обозначенная через a, имеется в виде средств производства; стало быть, она должна быть предварительно обменена на предметы потребления, изготовленные второй группой. Накопляемая часть прибавочной стоимости первой группы распадается на bc — это средства производства, и bv — это средства потребления для рабочих. Очевидно, bv должно быть обменено со второй группой, в руках которой все средства потребления. Зато вторая группа должна свою часть накопляемой прибавочной стоимости, предназначенную к присоединению к основному капиталу bc, — обменять с первой группой, между тем как bv второй группы обмену с первой группой не подлежит; это должны быть средства потребления для рабочих, и в таком именно виде эта часть и существует во второй группе. Посмотрим теперь, какой обмен должен происходить между обеими группами при расширенном воспроизводстве. Первая группа должна обменять a, v и bv; вторая группа должна обменять c и bc. Совершенно очевидно, что этот обмен сможет состояться лишь в случае равенства этих величин. Стало быть, I $(v + a + bv) =$ II $(c + bc)$. Это и есть условие реализации при расширенном воспроизводстве.

Противоречия капиталистического воспроизводства

Теория Маркса выясняет те условия, которые необходимы для реализации товаров при простом и расширенном капиталистическом воспроизводстве. Но она отнюдь не утверждает, что при капитализме эти условия имеются налицо. Наоборот, все движение капиталистического строя происходит путем беспрерывных *колебаний* и *отклонений*, путем постоянного *нарушения* тех соотношений, которые должны существовать между отдельными отраслями. Именно поэтому Ленин говорит: «как и всякий другой закон капитализма, закон реализации осуществляется лишь путем неосуществления».

Капиталистическое воспроизводство обнаруживает все те противоречия, которые свойственны капиталистическому строю. В ходе воспроизводства ярко выступает *основное противоречие капитализма* — противоречие между общественным характером производства и частнокапиталистическим характером присвоения. Капиталистические фабрики и заводы объединяют в своих стенах труд многих тысяч людей. Работа каждого из этих предприятий жизненно необходима для всего общества в целом. Эти заводы и фабрики используют все силы общественного развития, все силы науки и техники, силы объединенного общественного труда многих сотен и тысяч людей.

А принадлежат они небольшой кучке капиталистов, которая ведет дело с целью наживы, с целью выколачивания прибыли.

Развитие капитализма ведет к *росту противоречия между буржуазией и пролетариатом.* Воспроизводство и накопление капитала ведет, как мы уже видели, к росту несметных богатств в руках небольшой кучки капиталистов, с одной стороны, и к росту эксплоатации, угнетения, нищеты, но вместе с тем и к росту возмущения и воли к борьбе широких масс пролетариата — с другой стороны.

Основное противоречие капитализма — противоречие между общественным характером производства и частнокапиталистическим характером присвоения ярко обнаруживается в *анархии производства (т. е. в беспланомерности).* Энгельс следующим образом характеризует эту анархию общественного производства, свойственную капитализму: «Особенность каждого общества, основанного на производстве товаров, заключается в том, что в нем производители теряют власть над своими собственными общественными отношениями. Каждый производит сам по себе, сколько позволяют случайно имеющиеся в его распоряжении средства производства, для удовлетворения своих потребностей при посредстве обмена. Никто не знает, сколько появится на рынке того продукта, который он производит, и в каком количестве он может найти потребителей; никто не знает, найдет ли потребителя его товар, окупит ли он издержки производства, да и вообще будет ли он продан. В общественном производстве господствует анархия. Но товарное производство, как и всякая другая форма производства, имеет свои, присущие ему и не отделимые от него законы, которые проявляются, несмотря на анархию, в анархии и посредством анархии. Эти законы проявляются в единственно сохранившейся форме общественной связи — в обмене — и подчиняют себе производителей как принудительные законы конкуренции. Они неизвестны вначале самим производителям и открываются ими лишь постепенно, путем долгого опыта. Следовательно, они действуют без участия производителей и против них столь же неотразимо и слепо, как законы природы. Продукт господствует над производителем».

Мы видели, какой сложностью отличаются условия капиталистической реализации. Кто заботится, однако, о строгом сохранении этих условий? Совершенно ясно, что при беспланомерном анархическом строе, каким является капиталистическое производство, эти условия реализации осуществляются лишь путем действия *слепых сил рынка.* Среди бесчисленных колебаний и отклонений, среди непрестанных нарушений прокладывают себе путь те соотношения между отраслями,

которые необходимы для реализации товаров при капитализме.

Капитализму присуще, с одной стороны, *стремление к безграничному расширению производства.* В погоне за наживой каждый фабрикант стремится выбросить на рынок возможно больше товаров. Он стремится расширить свое предприятие, увеличить объем производства. Однако произведенные товары должны быть кому-то проданы. Но в то же время капитализму свойственно стремление *низвести потребление* широких народных масс *до самого жалкого уровня.* Расширение капиталистического рынка идет в известной мере за счет роста рынка средств производства, которые находят себе сбыт вследствие расширения предприятий. Однако предприятия, применяющие эти средства производства, в конце концов выбрасывают все возрастающие массы товаров, которые служат для потребления. А рынок средств потребления ограничен и сжат вследствие обнищания пролетарских масс. В ходе воспроизводства обнаруживается таким образом свойственное капитализму *противоречие между производством и потреблением*, которое является лишь одной из форм выражения основного противоречия капитализма — противоречия между общественным характером производства и частнокапиталистическим характером присвоения.

Однако было бы в корне неправильно, разбирая эти противоречия капитализма, делать отсюда вывод о том, что капитализм вообще не может существовать. В настоящее время капитализм переживает уже эпоху своего упадка, своей гибели. Однако в течение определенного периода капиталистический строй знаменовал собой развитие производительных сил общества, необходимое для подготовки более высокого социалистического строя. «Развитие капитализма не может происходить иначе, как в целом ряде противоречий, и указание на эти противоречия лишь выясняет нам исторически преходящий характер капитализма, выясняет условия и причины его стремления перейти в высшую форму» *(Ленин).*

Марксистско-ленинская теория воспроизводства разбивает на-голову всякие ухищрения защитников капитализма. Она обнаруживает полнейшую несостоятельность той выдумки наемных писак капитализма, будто капиталистическое воспроизводство может протекать гладко и плавно, без сучка и задоринки, без всяких кризисов и потрясений. Она в то же время решительно разоблачает несостоятельность того мнения, будто капиталистическое воспроизводство из-за свойственных ему противоречий вообще не может происходить. Сторонники этого мнения в те времена, когда капитализм еще только делал свои первые шаги, заявляли о «невозможности капитализма». В современных условиях наследники этой ошибочной теории делают предательский вывод о том, будто капитализм в силу разди-

рающих его противоречий должен неминуемо погибнуть сам собой («автоматически») без всякой революционной борьбы рабочего класса.

Маркс раскрыл законы капиталистического производства. Маркс показал, каким образом происходит воспроизводство при капитализме. Некоторые критики Маркса, и в их числе Роза Люксембург, пытались показать, что при капитализме воспроизводство возможно лишь до тех пор, пока капитализм не вытеснил и не уничтожил всех остатков прежнего строя — мелкого товарного производства. Сторонники этой ошибочной теории Р. Люксембург нередко делают из этой теории вреднейшие выводы. Они рассуждают примерно таким образом: так как капитализм обречен на гибель вследствие невозможности воспроизводства после уничтожения остатков простого товарного хозяйства, то можно прекратить борьбу за свержение власти капитала и спокойно дожидаться того момента, когда капитализм сам по себе пойдет ко дну. Совершенно ясно, что такая позиция глубоко враждебна революционному марксизму-ленинизму. Капитализм погибает не в порядке самотека, не стихийным автоматическим путем. Лишь революционная самоотверженная борьба пролетариата, требующая огромных жертв, ведет к гибели капитализма, рабства и угнетения.

Капиталистические кризисы перепроизводства

В одной книжке, описывающей жизнь углекопов в Америке, приводится следующий разговор.

«Сын углекопа спросил мать:

— Почему ты не топишь печь? Ведь так холодно.

— Потому, что у нас нет угля, — ответила мать. — Твой отец безработный, и у нас нет денег на покупку угля.

— Но почему он безработный, мать?

— Потому что угля слишком много».

Этот разговор прекрасно передает то кричащее противоречие, которое выступает наружу во время каждого кризиса при капитализме. Семья углекопа мерзнет, потому что из недр земли добыто «слишком много» угля. Миллионные массы голодают, так как произведено «слишком много» хлеба, и пшеница идет поэтому на отопление паровозов. Безработные и их семьи остаются без крова, так как построено «слишком много» домов, которые поэтому стоят пустыми.

Однако действительно ли «слишком много» производится хлеба, одежды, жилищ, угля и т. д.? Совершенно ясно, что огромные массы во время кризиса испытывают отчаянную нужду в самых необходимых средствах жизни. Однако у них нет *денег*, чтобы *купить* эти товары. А при капитализме потребность в каком-либо товаре имеет значение лишь тогда, когда это — *платежеспособная* потребность. Спрос на хлеб, уголь и т. д. во время кризиса огромен, однако *платежеспособный* спрос — мал, вследствие обнищания народных масс, вследствие отчаянной нищеты безработных... В этом заключается то вопиющее противоречие, которое достигает гигантского размаха во время кризисов.

Капиталистические кризисы, это — кризисы перепроизвод-

ства. Товаров произведено так много, что они не находят себе сбыта в условиях эксплоататорского строя, ограничивающего покупательную способность широких масс. В чем коренятся причины кризисов при капитализме?

Почему при капитализме неизбежны кризисы?

При товарном производстве отдельные производители связаны между собой. Однако эта связь носит чисто стихийный характер. Слепые силы рынка властвуют над каждым отдельным производителем. При таком строе всегда возможно полнейшее несоответствие между тем, что произведено, и тем, что требуется. Производство товаров уже само по себе открывает *возможность* для наступления кризисов, для полнейшего расстройства и нарушения хода воспроизводства.

Однако при простом товарном производстве кризисы хотя и возможны, но вовсе не являются еще неизбежными. *Неизбежность* кризисов возникает лишь при капитализме. Лишь свойственные капитализму противоречия делают неизбежными повторяющиеся (периодические) кризисы перепроизводства.

Как мы уже видели, капитализм ведет к расширению общественного характера труда, сливая в единый поток различные работы отдельных рабочих. В то же время продукты этого объединенного труда многих тысяч и миллионов рабочих поступают в полное распоряжение небольшой группки капиталистов, которые распоряжаются всеми судьбами производства.

«Все производства сливаются таким образом в один общественный производительный процесс, а между тем каждое производство ведется отдельным капиталистом, завися от его произвола, отдавая общественные продукты в его частную собственность. Неужели же не ясно, что форма производства становится в непримиримое противоречие с формой присвоения» *(Ленин)*.

Именно это *основное противоречие капитализма* — противоречие между общественным характером производства и частным характером присвоения — делает *неизбежными* кризисы при капитализме. Именно это противоречие проявляется наиболее резко и ярко в кризисах.

Это противоречие неизбежно ведет к тому, что наступает момент, когда произведенные массы товаров не находят себе *сбыта*. Они не находят себе сбыта не потому, что нет нуждающихся в хлебе, мясе, одежде, обуви. Наоборот, нуждающихся в самых необходимых вещах при капитализме огромное количество. Беда, однако, в том, что миллионные массы трудящихся, нуждаясь в самом необходимом, не имеют средств для

приобретения необходимых им товаров. Сбыт сокращается, фабрики и заводы не могут сбывать своей продукции, перепроизводство охватывает одну отрасль за другой. Склады готовых товаров переполнены, фабрики сокращают производство, многие предприятия вовсе останавливаются, рабочие выбрасываются на улицу. Рост *безработицы* еще больше сокращает потребление рабочего класса, еще больше сокращает спрос на товары. Голод огромных масс трудящихся при переполненных складах — такова картина капиталистического кризиса.

Характеризуя опустошительный кризис 1906 г., Ленин писал по поводу капиталистических кризисов следующее:

«Капиталистическое производство не может развиваться иначе, как скачками, два шага вперед и шаг (а иногда и целых два) назад. Как мы уже заметили, капиталистическое производство есть производство на продажу, производство товаров на рынок. А распоряжаются производством отдельные капиталисты, каждый поодиночке, и никто не может в точности знать, сколько именно и каких именно продуктов требуется на рынке. Производят наугад, заботясь только о том, чтобы перегнать друг друга. Вполне естественно, что количество произведенного может не соответствовать потребности рынка. И эта возможность особенно велика, когда громадный рынок внезапно расширяется на новые, неизведанные и громадные области».

В поисках наживы буржуазия развивает бешеным образом производство самых различных товаров. При капитализме один вид товаров так же хорош, как и другой, лишь бы он давал предпринимателю побольше барыша. Каждый предприниматель стремится к возможно большему расширению производства; бóльший размах сулит ему больше наживы. Совершенно ясно, что в этой погоне за прибылью, в этой борьбе всех против всех неизбежно нарушаются те сложные условия, которые необходимы для сохранения соответствия между различными отраслями.

«Гигантские крахи только потому и стали возможны и неизбежны, что в подчинении у шайки богачей, ищущих одной наживы, оказались могучие *общественные* производительные силы» *(Ленин)*.

При капитализме производство растет *стихийным* путем. Производство ведется беспланово, анархично. Погоня за прибылью вызывает стремление к безграничному расширению производства. Это стремление наталкивается однако на непреодолимые препятствия, которые ставятся капиталистическими отношениями. Эти препятствия коренятся в ограниченном по-

треблении широких пролетарских масс, эксплоатируемых капиталом.

«Чтобы получилась прибыль от предприятия, — пишет Ленин. — надо продать товары, найти покупателей. И покупателем должна быть вся масса населения, потому что громадные предприятия производят горы продуктов. А во всех капиталистических странах девять десятых населения состоит из нищих: из рабочих, получающих самую скудную заработную плату, из крестьян, живущих в массе еще хуже рабочих. И вот, когда крупная промышленность во время процветания размахивается произвести как можно больше, она выбрасывает на рынок такую массу продуктов, что за них не в состоянии заплатить неимущее большинство народа. Количество машин, орудий, складов, железных дорог и пр. все возрастает, но это возрастание от времени до времени прерывается, потому что масса народа, для которого в конце концов предназначены все эти улучшенные способы производства, остается в бедности, доходящей до нищенства».

Таким образом капитализму свойственно глубочайшее противоречие между колоссальным ростом производственных возможностей и относительным сокращением платежеспособного спроса со стороны трудящихся масс. Производительные силы рвутся к безграничному росту. Чтобы получить побольше прибыли, капиталисты расширяют производство, улучшают технику, усиливают эксплоатацию рабочих Развитие кредита предоставляет отдельным капиталистам возможность расширить производство далеко за рамки их собственных капиталов. Постоянная тенденция к понижению нормы прибыли, присущая капитализму, еще больше подгоняет каждого предпринимателя к расширению производства. Но это стремление к *безграничному расширению производства* неизбежно наталкивается на *ограниченные рамки потребления* широких масс трудящихся. Рост эксплоатации означает не только рост производства. Рост эксплоатации означает также относительное сокращение платежеспособного спроса масс, сокращение возможностей сбыта товаров. Покупательная способность рабочих и крестьянских масс остается на низком уровне. Отсюда *неизбежность кризисов перепроизводства* при капитализме.

Периодичность кризисов

В настоящее время весь капиталистический мир задыхается в объятиях небывалого по своей остроте кризиса. Нынешний кризис свидетельствует о глубокой болезни обреченного на гибель капиталистического строя. Однако кризисы сопровождают капитализм с самого раннего периода его развития. Начиная с возникновения капиталистической промышленности, кри-

зисы потрясают капитализм, повторяясь через определенные промежутки времени. Кризисы родились вместе с капиталистическим строем. На протяжении более чем сотни лет они через каждые 8—12 лет потрясают капиталистический мир.

Первый общий кризис разразился в 1825 г. Затем кризисы повторялись в 1836, 1847, 1857, 1873, 1890, 1900, 1907 гг. Начиная с 1847 г., кризисы стали захватывать уже не одну страну, а все страны с развитым капитализмом.

Как видно из этого перечисления кризисных годов, кризисы повторялись на протяжении всего развития капитализма через определенные промежутки времени. Кризисы при капитализме отличаются периодичностью (т. е. они через определенные промежутки повторяются). Между одним кризисом и другим капиталистическая промышленность проделывает известный круг (или, как говорят, цикл). В период до-империалистической войны кризис обычно сменялся затишьем (депрессия), затем постепенно это затишье переходило в умеренное оживление; оживление в свою очередь сменялось расцветом, когда погоня за прибылью и расширение производства достигали высших пределов. Тогда наступал кризис, и весь круг начинался сначала.

Энгельс следующим образом характеризует ход развития капиталистического хозяйства от кризиса к кризису:

«Начиная с 1825 г., когда разразился первый общий кризис, весь промышленный и торговый мир, производство и обмен всех цивилизованных народов, равно как и их более или менее варварских соседей, приблизительно раз в десять лет сходят с рельсов. Торговля останавливается, рынки переполняются массой не находящих сбыта продуктов, наличные деньги исчезают из обращения, кредит уничтожается, фабрики останавливаются, рабочие лишаются всяких средств к существованию именно по той причине, что они произвели эти средства в слишком большом количестве; банкротства следуют за банкротствами, аукцион сменяется аукционом. Застой длится целые годы, массы производительных сил и продуктов уничтожаются и расточаются, пока накопившиеся товары не разойдутся наконец по более или менее пониженной цене и не возобновится движение производства и обмена. Мало-помалу движение это ускоряется, шаг сменяется рысью, промышленная рысь переходит в галоп, уступающий свое место безумному карьеру, настоящей скачке с препятствиями промышленности, торговли, кредита и спекуляции, чтобы после отчаянных скачков снова свалиться в ров краха. И так каждый раз сначала.

Во время кризисов противоречие между общественным про-

изводством и капиталистическим присвоением переходит в жесточайшее столкновение двух враждебных сил. Обращение товаров на время прекращается; деньги из орудия обращения становятся его препятствием; все законы производства и обращения товаров действуют навыворот. Экономические противоречия доходят до своего апогея, — *способ производства восстает против способа обмена*».

Причины регулярного (т. е. правильного) наступления кризисов коренятся, как мы уже видели, в основном противоречии капитализма — в противоречии между общественным характером труда и частной формой присвоения. После того, как кризис разразился и внес опустошение в хозяйственную жизнь, требуется известный толчок для перехода от упадка к оживлению. Таким толчком к оживлению основных отраслей промышленности, производящих средства производства, является *переоборудование предприятий*. Фабрики, заводы нуждаются после кризиса в новом, улучшенном оборудовании. Они заказывают машины, и этим создается волна спроса, докатывающаяся до самых отдаленных закоулков промышленности. Между тем можно считать, что *оборудование* предприятий *служит в среднем около 10 лет*. Таким образом именно через десятилетние примерно промежутки должен быть обновлен основной капитал в промышленности. Именно через десятилетние промежутки промышленность получает тот толчок, который дается обновлением оборудования предприятий.

В послевоенный период капитализма эта картина меняется. Капитализм теперь переживает упадок, он заживо гниет. Теперь кризис несравненно сильнее потрясает его устои, чем когда бы то ни было раньше. Прежнее кругообразное развитие промышленности нарушено. Подъема промышленности во многих странах вовсе не было, в других он был слаб и очень непродолжителен. Зато тем более глубоко падение во время нынешнего кризиса.

Значение кризисов Кризисы имеют огромное значение для всего хода развития капитализма. В момент кризиса особенно ясно проявляется неспособность капитализма справиться с силами, которые вызваны к жизни самим же капитализмом. Особенно ярко обнаруживается *анархичность*, беспорядочность капиталистического *производства и воспроизводства*. Далее кризис обнаруживает *хищнический характер* капитализма, при котором бесполезно гибнут величайшие богатства, в то время когда не удовлетворяются полностью даже насущнейшие потребности широких народных масс.

«Кризис показывает, что современное общество могло бы

производить несравненно больше продуктов, идущих на улучшение жизни всего трудящегося народа, если бы земля, фабрики, машины и пр. не были захвачены кучкой частных собственников, извлекающих миллионы из народной нищеты», — писал Ленин.

Кризис *обостряет классовые противоречия*, ухудшая положение рабочих, увеличивая до огромных размеров безработицу. Кризис заставляет многих и многих рабочих, которые были раньше настроены мирно или безразлично по отношению к капитализму, теперь выступить активно на борьбу против капитализма. Кризис оголяет все *противоречия* капитализма и показывает *неизбежность его гибели*.

В обстановке современного кризиса социал-фашисты усиленно развивают предательскую теорию о том, будто кризис мешает революционной борьбе пролетариата и заранее обрекает ее на неуспех. К этому хору социал-фашистских голосов присоединился, естественно, также Троцкий. «Левые» социал-фашисты выдумали специальную теорию насчет того, что обстановка кризиса создает не революционную, а наоборот, контрреволюционную ситуацию. Поэтому, дескать, рабочий класс может вести лишь оборонительные, но не наступательные бои.

Легко понять всю предательскую роль подобных контрреволюционных измышлений. Кризис обостряет все противоречия капитализма до крайности. Именно в этой обстановке социал-фашисты выступают в качестве «лекарей» у постели смертельно больного капитализма. Своей задачей они объявляют не способствовать гибели капитализма, а содействовать его «излечению». Парализуя революционную энергию рабочих, они тем самым широко открывают двери для победы фашизма, как это ярко показывает пример Германии.

Кризис воочию показывает то глубочайшее противоречие между производительными силами и производственными отношениями, которое свойственно капитализму и которое влечет его к неминуемой гибели.

Энгельс следующим образом характеризует эту роль кризисов:

«Тот несомненный факт, что общественная организация производства внутри фабрик достигла такой степени развития, на которой она становится несовместимой с существующей рядом с нею и над нею анархией производства в обществе, — этот факт становится осязательным для самих капиталистов благодаря совершающейся во время кризисов насильственной концентрации капиталов путем разорения многих крупных и несравненно большего числа мелких капиталистов. Весь механизм капиталистического производства надламывается под тяжестью им же созданных производительных сил. Он не может уже превращать в капитал всю массу производительных средств: они остаются без употребления, а потому должна бездействовать и резервная армия рабочих. Средства производства,

жизненные припасы, рабочие руки, все элементы производства и общего благосостояния находятся в избытке. Но, как говорит Фурье, этот «избыток становится источником нужды и лишений», потому что именно он-то и препятствует превращению в капитал средств производства и потребления, ибо в капиталистическом обществе средства производства не могут функционировать иначе, как превратившись в капитал, т. е. в орудие эксплоатации человеческой рабочей силы. Как привидение стоит между рабочими и средствами производства и потребления необходимость превращения этих средств производства в капитал. Она одна препятствует соединению вещественных и личных двигателей производства; она одна мешает средствам производства превращаться в продукты, а рабочим жить и трудиться. Следовательно, с одной стороны, капиталистический способ производства сам обнаруживает свою неспособность к дальнейшему управлению производительными силами, с другой стороны — сами производительные силы с возрастающей силой стремятся к уничтожению этого противоречия, к освобождению себя от своих капиталистических свойств, к *фактическому признанию их характера: характера общественных производительных сил*».

В «Коммунистическом манифесте» дается следующая яркая характеристика роли кризисов при капиталистическом производстве.

«Современное буржуазное общество, как бы волшебством создавшее такие могущественные средства производства и сообщения, походит на волшебника, который не в состоянии справиться с вызванными его заклинаниями подземными силами. Вот уже несколько десятилетий история промышленности и торговли представляет собой историю возмущения современных производительных сил против современной организации производства, против имущественных отношений, являющихся условиями существования буржуазии и ее господства. Достаточно назвать торговые кризисы, которые, возвращаясь периодически, все более и более угрожают существованию всего буржуазного общества. Во время кризисов постоянно уничтожается значительная часть не только готовых уже продуктов, но и находящихся в распоряжении общества производительных сил. Во время кризисов появляется эпидемия, которая во все предшествовавшие эпохи показалась бы нелепостью, — эпидемия излишнего производства. Общество вдруг возвращается на некоторое время в варварское состояние; можно подумать, что голод или всеобщая истребительная война лишила его всех жизненных средств; промышленность и торговля как бы уничтожаются, — почему? Потому, что общество слишком цивилизованно, потому, что оно имеет слишком много жизненных средств, потому, что торговля и промышленность его развиты слишком высоко. Находящиеся в его распоряжении производительные силы не способствуют уже развитию буржуазной цивилизации и буржуазных имущественных отношений; напротив, они стали слишком велики для этих отношений, они встречают в них препятствия, а ко-

гда им удается одолеть эти последние, они приводят в расстройство все буржуазное общество, угрожают существованию буржуазной собственности. Буржуазные отношения оказываются слишком узкими, чтобы вместить созданное ими богатство. Каким путем преодолевает буржуазия кризисы? С одной стороны, путем вынужденного уничтожения целой массы производительных сил; с другой стороны, посредством завоевания новых и более широкой эксплоатации старых рынков. Следовательно, не чем другим, как подготовлением более широких и сильных кризисов и уменьшением средств противодействия им».

ВОПРОСЫ

1. Что такое воспроизводство?

2. Каковы условия простого воспроизводства?

3. Каковы условия расширенного воспроизводства?

4. Чем объясняются концентрация и централизация капитала?

5. Чем отличается концентрация капитала от централизации капитала?

6. Каковы причины кризисов при капитализме?

7. Каково значение кризисов для рабочего класса?

8. Как объяснить периодическое повторение кризисов?

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Империализм — канун социальной революции пролетариата

От промышленного капитализма к империализму

В течение XIX в. капитализм развивался, охватывая одну страну за другой, распространяясь по всему миру. Вместе с ростом капитализма неуклонно росли и усиливались раздирающие его противоречия. В этот период во главе капиталистического развития идет промышленный капитал. Поэтому мы называем этот период эпохой промышленного капитала или *промышленным капитализмом.*

Рост и развитие основных противоречий промышленного капитализма приводят к новой ступени в развитии капитализма — к *империализму.* Империализм как новая и высшая ступень (или стадия) в развитии капитализма сложился к началу XX в. При империализме все основные *противоречия* капитализма достигают крайнего *обострения.* Империализм является *последней ступенью* в развитии капитализма. Империализм является *умирающим капитализмом.* При империализме капиталистический строй становится помехой для дальнейшего развития общества.

Учение Ленина об империализме — оружие революционной борьбы пролетариата

Учение Ленина об империализме является острейшим оружием в руках пролетариата в его революционной борьбе за социализм. Учение Ленина представляет собою дальнейшее развитие марксизма. Ленин показал, что империализм является умирающим капитализмом, что империализм представляет собою *канун социалистической революции пролетариата.* Ленинизм есть *марксизм эпохи империализма и пролетарской революции.*

В своей работе об основах ленинизма т. Сталин указывает,

что Маркс и Энгельс жили и боролись в период, когда не было еще развитого империализма, в период подготовки пролетариата к революции, между тем как Ленин свою революционную деятельность осуществлял в период развитого империализма, в период развертывающейся пролетарской революции. Уже отсюда должно быть ясно, какое огромное значение имеет ленинская теория империализма.

Ленинизм есть *дальнейшее развитие марксизма* в новой обстановке, в обстановке эпохи империализма и пролетарской революции. Отсюда ясно, что в эту эпоху нельзя быть марксистом, не будучи ленинцем. Отсюда понятно, что отрицание ленинской теории империализма означает полнейший разрыв с марксизмом. Отсюда ясно, что всякого рода извращения и ошибки в области теории империализма неминуемо приводят к разрыву с революционным марксизмом-ленинизмом. Борьба за чистоту ленинской теории империализма есть неотъемлемая часть всей борьбы за генеральную линию партии.

Ленин анализирует империализм как *особую стадию* в развитии капитализма, как *новую ступень* капиталистического развития, как особую историческую эпоху, обусловленную коренными сдвигами в области экономики. Ленин ставит во главу угла те *сдвиги*, которые произошли в области *капиталистического производства* и которые отличают эпоху империализма от предыдущей эпохи промышленного капитализма. Ленин исходит при этом из тех законов развития капитализма, которые были открыты Марксом, и показывает, как эти законы действуют в новую эпоху.

Ленин показывает при этом все *особенности*, все *отличия* этой новой эпохи, которая является эпохой загнивающего и умирающего капитализма и кануном социалистической революции. Империализм неизбежно приводит к *опустошительнейшим войнам* и ко *всеобщему кризису* всей капиталистической системы.

«Империализм вырос как развитие и прямое продолжение основных свойств капитализма вообще» — писал Ленин. Империализм является новой ступенью в развитии капитализма, но эта новая ступень является *прямым продолжением* предыдущей ступени — эпохи промышленного капитализма. Основные и решающие противоречия, свойственные промышленному капитализму, — противоречие между буржуазией и пролетариатом, борьба в лагере капиталистов, анархия производства, кризисы, — не только не исчезают при империализме, но, наоборот, достигают наивысшей остроты.

Чрезвычайно ошибочным является представление о том, будто империализм не имеет решительно ничего общего с предыдущей эпохой про-

мышленного капитализма. Такого рода взгляд (так называемая «теория чистого империализма») был выдвинут еще в годы империалистической войны Бухариным и некоторыми другими товарищами. Несмотря на внешнюю кажущуюся «левизну» этой теории (всячески подчеркивается особый характер империализма), она на деле ведет к совершенно оппортунистическим выводам как в отношении современного капитализма, так и в отношении перехода к социализму.

Свое учение об империализме Ленин разработал в процессе беспрерывной непримиримой *борьбы* со всевозможными буржуазными и меньшевистскими взглядами по этому вопросу. Ленинское учение об империализме разрабатывалось и оттачивалось в беспощадной борьбе со всяческими *оппортунистическими* искажениями и извращениями марксизма в вопросах империализма. Ленинская теория империализма неразрывнейшим образом связана с ленинским учением о *пролетарской революции*. С другой стороны, антиленинские взгляды по вопросам империализма теснейшим образом связаны с контрреволюционными политическими позициями. Всякие извращения и ошибки в понимании ленинской теории империализма неминуемо ведут к оппортунистическим политическим взглядам.

Ленинская теория империализма ярким светом освещает все явления нынешней эпохи гибнущего капитализма и победоносной пролетарской революции. В настоящее время, когда весь мир расколот на два лагеря — лагерь гнющего капитализма и лагерь невиданной доселе социалистической стройки, — ленинская теория империализма служит мощнейшим оружием в руках борющегося пролетариата всех стран.

Ленин начинает свой анализ империализма с рассмотрения процесса *концентрации производства*, приводящего к *господству монополий*. Тщательно прослеживая ход капиталистического развития последней эпохи, Ленин приходит к выводу, что эта эпоха характеризуется прежде всего тем, что прежнее господство свободной конкуренции сменяется господством капиталистической монополии, обостряющей до чрезвычайности противоречия капитализма.

Пять признаков империализма

Господство монополий, пронизывающее всю экономическую и политическую жизнь капиталистических стран, является основной особенностью империализма. Именно господство монополий накладывает свою неизгладимую печать на все стороны экономического развития в эпоху империализма. Ленин дает следующее определение империализма, охватывающее его пять основных признаков:

1) концентрация производства и капитала, дошедшая до та-

кой высокой ступени развития, что она создала монополии, играющие решающую роль в хозяйственной жизни;

2) слияние банкового капитала с промышленным и создание на базе этого «финансового капитала» финансовой олигархии;

3) вывоз капитала, в отличие от вывоза товаров, приобретает особо важное значение;

4) образуются международные монополистические союзы капиталистов, делящие мир, и

5) закончен территориальный раздел земли крупнейшими капиталистическими державами.

«Империализм, — говорит Ленин, — есть капитализм на той стадии развития, когда сложилось господство монополий и финансового капитала, приобрел выдающееся значение вывоз капитала, начался раздел мира международными трестами и закончился раздел всей территории земли крупнейшими капиталистическими странами».

Те же важнейшие особенности новой эпохи Ленин перечисляет в характеристике империализма, которую он дает в своей другой работе «Империализм и раскол социализма». В этой работе, указав, что необходимо дать возможно более точное и полное определение империализма, Ленин пишет следующее:

«Империализм есть особая историческая стадия капитализма. Особенность эта тройкая: империализм есть (1) монополистический капитализм; (2) — паразитический, или загнивающий капитализм; (3) — умирающий капитализм. Смена свободной конкуренции монополией есть коренная экономическая черта, суть империализма. Монополизм проявляется в 5 главных видах: 1) картели, синдикаты и тресты; концентрация производства достигла той ступени, что породила эти монополистические союзы капиталистов; 2) монопольное положение крупных банков; 3—5 гигантских банков ворочают всей экономической жизнью Америки, Франции, Германии; 3) захват источников сырья трестами и финансовой олигархией (финансовый капитал есть монополистический промышленный капитал, слившийся с банковым капиталом); 4) раздел мира (экономический) международными картелями начался. Таких международных картелей, владеющих всем мировым рынком и делящих его «полюбовно», — пока война не переделила его, — насчитывают уже свыше ста. Вывоз капитала, как особенно характерное явление, в отличие от вывоза товаров при немонополистическом капитализме, стоит в тесной связи с экономиче-

ским и политическим территориальным разделом мира. 5) Раздел мира территориальный (колонии) *закончился*».

Господство монополий

Мы уже знаем, что одним из важнейших законов капитализма является закон *концентрации и централизации капитала*. Развитие капитализма ведет к гибели мелкого производства и к победе крупнейших предприятий. В ходе конкуренции сильный душит слабого. В конкурентной борьбе на стороне крупных и крупнейших предприятий все преимущества. Крупнейшие предприятия используют в своих целях все завоевания науки и техники, недоступные их более слабым соперникам.

Победа крупного производства, концентрация и централизация капитала на определенной ступени развития неминуемо ведут к *монополии*. Монополия — это сговор или объединение капиталистов, в руках которых находится подавляющая часть производства тех или иных товаров. Легко понять, какие громадные *выгоды* дает такой сговор капиталистам. Так как все производство (или подавляющая часть производства) данного товара находится исключительно в их руках, то они могут сильно увеличить свои *барыши*, повышая цены на свой товар. Понятно также, что такой сговор может состояться лишь тогда, когда огромная часть производства сосредоточена в руках небольшого числа крупнейших капиталистов.

Уже к началу нынешнего XIX в. концентрация производства на сравнительно небольшом числе крупных и крупнейших предприятий в большинстве капиталистических стран зашла очень далеко. Разумеется, в каждой стране еще и сейчас имеются предприятия средние и мелкие, занимающие небольшое число рабочих, дающие небольшие количества продуктов. Но решающую роль играют *крупнейшие фабрики и заводы*, эксплоатирующие тысячи рабочих, имеющие большую часть механических двигателей, съедающие огромные количества электрической энергии. Именно крупнейшие предприятия, выбрасывающие гигантские массы товаров, занимают господствующее положение. Так, например, в САСШ уже к началу нынешнего века почти половина всего производства промышленности была сосредоточена в руках примерно трех тысяч крупнейших предприятий. Эти три тысячи предприятий-гигантов составляли численно лишь одну сотую часть всего числа промышленных предприятий. Ясно, что остальные 99 сотых падают на мелкое разрозненное производство, которое совершенно не в состоянии противостоять небольшому числу крупнейших предприятий.

Победному шествию крупного капитала чрезвычайно способствует *акционерная форма предприятий*. В прежние вре-

мена фабрики и заводы основывались единоличными предпринимателями. Отдельные капиталисты владели предприятиями, руководили ими, клали себе в карман их прибыль. Однако некоторые дела, требующие особенно крупных затрат капитала, — например постройка железных дорог — оказывались не под силу отдельным капиталистам; для таких целей стали создаваться акционерные общества. В акционерном обществе объединяется капитал многочисленных владельцев. Каждый капиталист получает определенное число *акций* соответственно сумме вложенного им капитала. Формально решение основных вопросов находится в руках общего собрания владельцев акций, но на деле полным хозяином является кучка *крупнейших акционеров*. Так как голоса на общем собрании акционеров распределяются в зависимости от числа акций, принадлежащих тому или другому капиталисту, то мелкие акционеры не могут оказать никакого влияния на ход дела. Достаточно владеть 30—40% всех акций, чтобы быть полным хозяином акционерного предприятия. Таким образом акционерное общество — это форма, в которой крупный капитал подчиняет себе и использует в своих целях средства, накопленные мелкими и средними капиталистами, в некоторой части даже сбережения верхушки служащих и рабочих.

В современных капиталистических странах огромное большинство крупных предприятий имеет форму акционерных обществ. Акционерные общества сильнейшим образом ускоряют и усиливают централизацию капитала и укрупнение производства. Акционерные компании строят гигантские предприятия, которые оказались бы не под силу отдельным капиталистам. Современные железные дороги, угольные копи, металлургические заводы, крупнейшие автомобильные заводы, пароходные линии, — все это было бы немыслимо без акционерных обществ.

Способствуя укрупнению производства, акционерные общества всячески подготовляют почву для создания монополистических объединений. Монополистические организации возникают прежде всего в решающих и ведущих отраслях промышленности — *в тяжелой индустрии*. В этих отраслях особенно быстро происходит победа крупного производства, здесь всего быстрее происходит концентрация. Добыча нефти, угля, железной руды, выплавка чугуна, железа и стали сосредоточивается в руках нескольких десятков крупнейших предприятий в каждой стране. Конкуренция между этими гигантами принимает особенно ожесточенный характер. Свободный уход капитала из этих отраслей чрезвычайно затруднен. Каждое из этих предприятий требует огромных затрат капитала на

здания, сооружения, гигантские машины. Использовать этот капитал для производства других товаров при невыгодных ценах невозможно. Кризисы особенно больно ударяют по тяжелой индустрии. Во время кризисов спрос на машины, на железо и уголь падает сильнее, чем спрос на предметы личного потребления. Каждое сокращение производства особенно тяжело ударяет по тяжелой индустрии: без дела стоят миллионные сооружения из-за недогрузки, сильно возрастает себестоимость продукции. Тяжелая промышленность прежде всего подпадает под власть монополий. Однако, охватив тяжелую индустрию, монополии распространяются также и на отрасли легкой индустрии, подчиняя себе эти отрасли одну за другой.

Картели, синдикаты, тресты

По форме капиталистические объединения бывают различных родов. Кратковременные соглашения между отдельными предприятиями насчет цен носят на первых порах случайный характер. Они лишь подготовляют почву для более длительных соглашений разного рода.

Бывают случаи, когда между отдельными предприятиями заключается соглашение относительно цен, по которым будут сбываться товары. Каждое предприятие сохраняет за собой полную самостоятельность. Оно лишь обязуется не снижать своих цен ниже определенного уровня, чтобы своей конкуренцией не повредить интересам других предприятий той же отрасли. Такое соглашение называется *картелью*.

Более тесная связь между предприятиями устанавливается, когда они объединяются в *синдикат*. Здесь предприятия теряют свою коммерческую самостоятельность: *продажа* готовых изделий, а иногда и закупка сырья для производства *переходит в руки общей конторы синдиката*. Каждое предприятие продолжает самостоятельно вести производство, но теперь оно уже имеет определенную норму, количество товаров, больше которого оно не может произвести. Это количество (его называют квотой) устанавливается синдикатом.

Еще большая степень объединения достигается в *тресте*. Здесь отдельные предприятия *полностью сливаются*. Владельцы прежних предприятий становятся пайщиками треста. Все предприятия, входящие в трест, теперь имеют одно общее управление.

Комбинаты

Все возрастающую роль играют *объединения различных предприятий, связанных между собой в процессе производства*. Так, например, объединяется металлургическое предприятие с каменноугольным, которое доставляет ему уголь и кокс. Далее такое угольно-металлургическое предприятие нередко объединяется с машиностроительным заводом, на котором из металлов строятся паровозы, машины и т. д. Такое объединение называется *комбинатом, комбинированным предприятием*.

Развитие монополий толкает многих предпринимателей на путь создания комбинированных предприятий. Допустим, углепромышленники объединились в синдикат и значительно повысили цены на уголь и кокс. В металлургии необходимы большие количества того и другого. Многие владельцы металлургических заводов в подобном случае постараются обзавестись своими собственными угольными рудниками и коксовальными печами. Тогда они избавляются от переплат объединившимся углепромышленникам и получают в свою очередь возможность получать огромные сверхприбыли.

Концерны

Распространение акционерной формы предприятий ведет зачастую к установлению тесной связи между отдельными предприятиями. Создается сложное переплетение интересов различных предприятий, когда одно предприятие в свою очередь связано с каким-нибудь третьим и т. д. Активное участие и вмешательство *банков* в деле промышленности особенно усиливают распространение подобных финансовых связей между целыми группами предприятий.

Особенного внимания заслуживают те случаи, когда какие-нибудь сильные капиталистические группы скупают значительную долю акций какого-либо предприятия. Мы уже указывали, что достаточно обладать примерно одной третью всех акций, чтобы иметь возможность полновластно распоряжаться в акционерном предприятии. Обладая таким количеством акций (или, как принято говорить, *контрольным пакетом акций*), группа крупнейших капиталистов подчиняет своему влиянию одно акционерное общество за другим. Это втягивание отдельных предприятий в область влияния и воздействия королей крупнейшего капитала происходит повсюду, причем формы этого процесса бывают весьма разнообразны.

Обычно всякого рода формы более тесной связи, объединения и спайки отдельных предприятий на почве их *финансовой* взаимозависимости называют концернированием, а создающиеся таким образом группы — *концернами*.

Монополия и конкуренция

Смена свободной конкуренции капиталистическими монополиями — основная черта империалистической эпохи. Еще Маркс указывал, что свободная конкуренция неминуемо ведет к возникновению и господству монополий. Но монополия стремится уничтожить свободную конкуренцию. Монополисты стараются забрать в свои руки производство какого-либо товара целиком и полностью. Монопольное положение открывает перед кучками крупнейших капиталистов возможность неслыханного обогащения за счет повышения эксплоатации широких масс трудящихся.

Создание и рост монополий *не устраняет* конкуренции между капиталистами, а наоборот, делает ее еще более *острой* и *ожесточенной*. Если раньше, при господстве свободной конкуренции, боролись между собою многочисленные разрозненные предприниматели, то теперь в борьбу вступают мощные объединения капиталистов. Монополисты ведут отчаянную борьбу против тех предприятий, которые не желают вступить в союз с ними (против так называемых «диких»). Эта борьба ведется всеми способами, вплоть до организации взрывов на враждебных предприятиях, до лишения их, что называется, огня и воды. Далее, когда монополисты вздувают цену на свой товар, — это вызывает ожесточенное сопротивление тех отраслей промышленности, которые являются потребителями и покупателями этого товара. Когда угольный синдикат поднимает цену на уголь, это вызывает сопротивление всех фабрикантов и заводчиков, которым уголь ну-

жен для их предприятий. Многие из них попытаются перейти с угля на другие виды топлива, например на торф, нефть или на электрическую энергию. Металлургические заводы, которым нужно особенно большое количество угля и кокса, постараются обзавестись собственными копями. Разворачивается борьба не на жизнь, а на смерть между целыми отраслями промышленности. Чем *концентрированнее* промышленность, чем бо́льшую роль в ней играют монополии — тем *ожесточеннее* эта борьба.

Отчаянная борьба разворачивается *внутри монополистических объединений*. Вчерашние конкуренты и соперники, объединившиеся в картель, синдикат или трест, продолжают бороться между собой иными способами. Каждый стремится урвать себе возможно большую долю совместной монопольной наживы. Борьба внутри монополий чаще всего ведется весьма скрытым образом, и лишь в особо острых случаях она прорывается наружу.

Мы видим таким образом, что не только конкуренция рождает монополию, но и *монополия* в свою очередь *рождает конкуренцию, усиливая* и *обостряя* ее до крайних пределов.

«Свободная конкуренция есть основное свойство капитализма и товарного производства вообще; монополия есть прямая противоположность свободной конкуренции, по эта последняя на наших глазах стала превращаться в монополию, создавая крупное производство, вытесняя мелкое, заменяя крупное крупнейшим, доводя концентрацию производства и капитала до того, что из нее вырастала и вырастает монополия: картели, синдикаты, тресты, сливающийся с ними капитал какого-нибудь десятка ворочающих миллардами банков. И в то же время монополии, вырастая из свободной конкуренции, не устраняют ее, а существуют над нею и рядом с нею, порождая этим ряд особенно острых и крупных противоречий, трений, конфликтов» *(Ленин)*.

Империализм как монополистический капитализм

Ленин неоднократно подчеркивает, что смена свободной конкуренции господством монополий, не означающая уничтожения конкуренции, а наоборот — обусловливающая ее крайнее обострение, является *важнейшей особенностью* эпохи империализма. Ленин постоянно указывает, что империализм — это монополистический капитализм. Монополия — вот, по словам Ленина, последнее слово новейшей фазы в развитии капитализма. Смена *свободной конкуренции монополией* есть коренная экономическая черта, *суть* империализма, — говорит Ленин. В своей работе об империализме Ленин, характеризуя

империализм как особую стадию капитализма, пишет следующее:

«Если бы необходимо было дать как можно более короткое определение империализма, то следовало бы сказать, что империализм есть монополистическая стадия капитализма. Такое определение включало бы самое главное, ибо, с одной стороны, финансовый капитал есть банковый капитал монополистически немногих крупнейших банков, слившийся с капиталом монополистических союзов промышленников; а с другой стороны, раздел мира есть переход от колониальной политики, беспрепятственно расширяемой на незахваченные ни одной капиталистической державой области, к колониальной политике монопольного обладания территорией земли, поделенной до конца».

В другом месте Ленин указывает:

«Экономически империализм (или «эпоха» финансового капитала — дело не в слове) есть высшая ступень развития капитализма, именно такая, когда производство стало настолько крупным и крупнейшим, что свободу конкуренции сменяет монополия. В этом экономическая сущность империализма. Монополия проявляется и в трестах, синдикатах, и пр., и в всесилии гигантских банков, и в скупке источников сырья и пр., и в концентрации банкового капитала и т. д. В экономической монополии все дело».

Здесь обнаруживается коренное различие в подходе к изучению империализма у Ленина, с одной стороны, и у социал-фашистского теоретика империализма — Гильфердинга — с другой. Гильфердинг ставит во главу угла не те сдвиги, которые произошли в области производственной структуры новейшего капитализма, а те изменения, которые происходят в области обращения, в первую очередь в области кредита, в банковской сфере. В этом обнаруживается меновая концепция, характерная для гильфердинговской фальсификации марксизма. На место примата производства выступает примат (т. е. преобладающее, решающее значение) обращения. Меновая концепция чрезвычайно характерна для социал-фашистских теоретиков. В советских условиях меновая концепция, базирующаяся на идеалистической фальсификации марксизма, проповедывалась меньшевиком Рубиным, одним из участников контрреволюционной организации меньшевиков — агентов интервенции. Меновая концепция, вместе с рядом связанных с нею ошибок в теории стоимости, денег, кризисов, еще в довоенное время вела у Гильфердинга к оппортунистическим выводам, отмеченным Лениным. В довоенное время Гильфердинг изображал дело так, что достаточно завладеть шестью крупнейшими берлинскими банками, чтобы быть полным хозяином всей страны. Такая постановка вопроса замазывала необходимость длительной революционной борьбы пролетариата за власть, за установление и укрепление своей диктатуры, за овладение производством, за организацию производства как в промышленности, так и в сельском хозяйстве. Такая постановка вопроса замазывала необходимость преодоления жесточайшего сопротивления, которое оказывает буржуазия победившему пролетариату на каждом шагу. В послевоенный пе-

риод Гильфердинг, являющийся одним из самых беззастенчивых вожаков контрреволюционного социал-фашизма, развил предательскую теорию организованного капитализма. Эта теория организованного капитализма является официальным учением современного социал-фашизма. Она представляет собою дальнейшее развитие тех же идей, которые заключаются в меновой концепции. Об этой теории организованного капитализма нам придется подробней говорить дальше.

Монополистические союзы в важнейших странах

Быстрее всего распространялись монополистические союзы в *Америке:* ее поэтому называют «страной трестов». Уже к началу нынешнего века *американские тресты* сосредоточили в своих руках подавляющую часть производства. Так нефтяной трест имеет в своих руках 95% всей добычи нефти; пользуясь своей монополией, нефтяной трест поднял свои барыши с 5% в 1882 г. до 42% в начале нынешнего столетия. Химический трест объединяет 81% производства; свинцовый — 85% и т. д. Американский стальной трест является одной из самых могущественных организаций капитала во всем мире. Он увеличил свой капитал с 1½ млрд. долл. в 1902 г. до 2½ млрд. в 1929 г. (доллар равняется примерно двум золотым рублям) и имеет 147 заводов. Он производил до кризиса 16 млн. т чугуна и 20 млн. т стали, что составляло 40% всего производства САСШ. На предприятиях этого треста работало 276 тыс. человек. Примерно столько же человек работало на предприятиях другого треста — американской телеграфной и телефонной компании, которая держит в своих руках 80—85% всех телеграфных и телефонных сообщений в стране. Три четверти всей стальной продукции САСШ сосредоточено в руках трех крупнейших трестов. В электротехнической промышленности господствующее положение занимает электрический трест (Всеобщая электрическая компания). В сахарной и табачной промышленности до 80% продукции объединено в руках соответствующих трестов.

Американский нефтяной трест обладает капиталом свыше миллиарда долларов. В автомобильной промышленности имеется всего десятка два компаний, из них пять крупнейших сосредоточивают в своих руках три четверти производства. Из них в свою очередь выделяются две фирмы, ожесточенно борющиеся между собою.

Это известная фирма Форда и ее соперник — Всеобщая автомобильная компания. Форд обладает капиталом свыше миллиарда долларов. Всеобщая автомобильная компания — полутора миллиардами. Ее выручка от продажи автомобилей составила в 1926 г. миллиард долларов, у Форда — три четверти миллиарда. Ее чистая прибыль составила 180 млн. долл., а при-

быль Форда — около 100 млн. Огромная железнодорожная сеть Америки находится в руках небольшой кучки миллиардеров. Банкирская группа Моргана в 1927 г. держала в своих руках 35 тыс. км железнодорожных путей стоимостью в 3,5 млрд. долл.

Американские банки теснейшим образом связаны с промышленностью. Банковские воротилы держат под своим влиянием и контролем огромные массы предприятий. Так, по примерным подсчетам, банкирская группа Моргана контролирует массу предприятий, капитал которых достигает 74 млрд. долл.

Под ударами кризиса даже крупнейшие монополистические гиганты трещат по всем швам. Достаточно указать, что на предприятиях Форда, на которых до кризиса работало 120 тыс. человек, осенью 1932 г. осталось не более 15 тыс. Заводы Форда работают на 6% своей производственной мощности. Примерно так же обстоят дела и у других гигантов монополистического капитала. Ряд крупнейших трестов потерпел полный крах, как, например, спичечный трест Крейгера. Большие затруднения испытывает нефтяной король Англии Детердинг — один из постоянных вдохновителей интервенции против Советского Союза.

В *Германии* «Стальной союз» имел до войны в своих руках $^9/_{10}$ всего производства стали; в каменноугольной промышленности Рейнско-вестфальский синдикат объединил уже при своем основании 87% (а в дальнейшем 95%) всей добычи угля в этом богатейшем угольном районе Германии.

В послевоенные годы в Германии особенно прогремело огромнейшее предприятие (концерн) Стиннеса. Этот промышленник сильно пажился на поставках во время войны. После войны он стал скупать за бесценок, пользуясь обесценением марки, всякого рода предприятия: угольные шахты и электрические предприятия, телеграфные агентства и банки, бумажные фабрики и пароходные компании, металлургические заводы и газеты. После стабилизации марки это гигантское предприятие, которое занимало сотни тысяч рабочих и служащих, лопнуло и распалось.

В послевоенный период в Германии проходит новая волна концентрации и создания крупнейших монополистических объединений. К концу 1928 г. в концернах было объединено $^2/_3$ всех акционерных обществ (по величине капиталов). К тому же времени путем слияния ряда предприятий создаются два крупнейшие треста современной Германии—химический и стальной. Химический трест имеет капитал в 1,2 млрд. марок. Он сосредоточил в своих руках производство красок на 80%, производство азота — на 75%. Стальной трест Германии

обладает капиталом в 800 млн. марок, занимал (до кризиса) свыше 150 тыс. рабочих и сосредоточивает в своих руках около половины всей германской продукции чугуна и стали.

В других капиталистических странах наблюдается та же картина. В Англии и Японии, во Франции и Италии, даже в небольших странах, как Бельгия или Швеция, — везде основные командные высоты находятся в руках крайне незначительного количества крупнейших монополистических предприятий, управляемых небольшой кучкой трестовских воротил.

В *царской России* также существовал ряд крупных монополистических союзов капиталистов. Синдикат «Продуголь» объединял больше половины добычи донецкого угля. Другой синдикат «Продамет» держал в своих руках продажу до 95% всего железа, поступавшего на рынок. Одним из старейших был синдикат сахарозаводчиков.

Финансовый капитал

Сила и значение монополий особенно возрастают в связи с той новой ролью, которую при империализме играют *банки*.

Банки первоначально являются посредниками в платежах. По мере развития капитализма расширяется кредитная деятельность банков. Банк торгует капиталом. Он берет капитал у тех капиталистов, кто не может его в данное время использовать, и дает капитал тем предпринимателям, кто в нем в данный момент нуждается. Банк собирает всяческие денежные доходы и предоставляет их в распоряжение капиталистов.

С развитием капитализма банковские предприятия, как и промышленные, объединяются, их размеры и обороты все увеличиваются, в их руках скопляются огромные массы капиталов. Эти капиталы — большей частью чужие, но размер собственных капиталов банка растет также быстро. Число банков уменьшается, мелкие банки закрываются или пожираются своими крупными конкурентами. Зато увеличиваются размеры банков, величина их капиталов. Достаточно привести такой пример. С 1890 по 1912 г. число банков в Англии уменьшилось со 104 до 44, а капиталы в них возросли с 4½ до 8½ млрд. руб. Теперь банк уже не может ограничиваться тем, чтобы давать краткосрочные ссуды отдельным промышленникам в моменты, когда они нуждаются в деньгах. Чтобы использовать скопленные огромные капиталы, *банк теснее связывается с промышленностью*. Известную часть своих капиталов банк уже вкладывает в производство, выдавая промышленникам ссуды на долгий срок на расширение производства и т. п.

Акционерные общества дают банку наиболее подходящую форму, для того чтобы помещать свой капиталы в промыш-

ленные предприятия. Для этого банку достаточно приобрести известное количество акций того или иного предприятия. А приобретя хотя бы треть всех акций, банк получает в свои руки полную и неограниченную власть над всем предприятием.

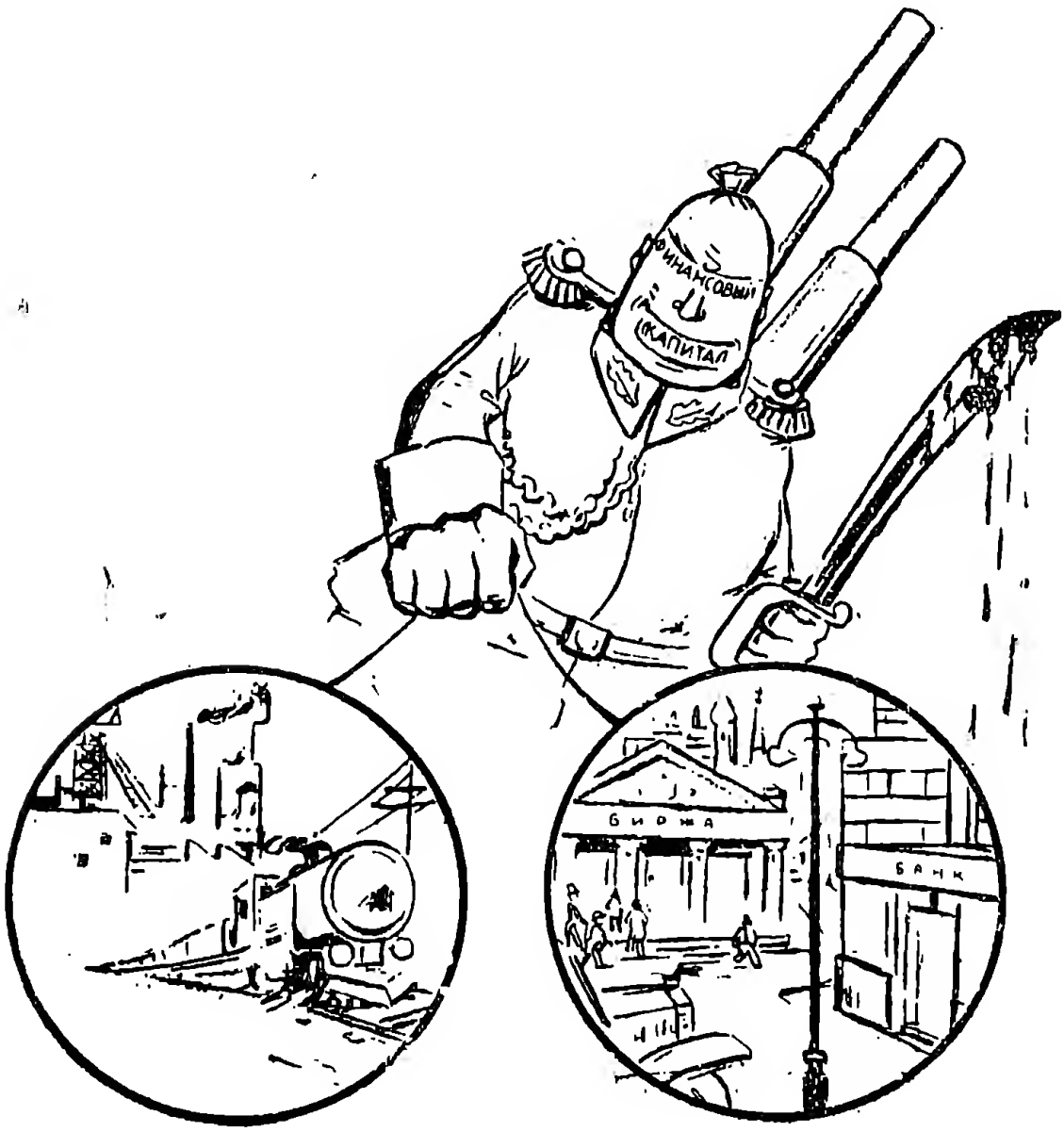
Таким образом акционерные общества способствуют связи, спайке банков с промышленностью. В свою очередь банки способствуют росту акционерных предприятий, беря на себя реорганизацию (переустройство на новых началах) единоличных предприятий в акционерные; а также в особенности занимаются учредительством новых акционерных обществ. Продажа и покупка акций также происходит все больше при посредничестве банков.

В банковском деле закон концентрации и централизации проявляется с особенной силой. В крупнейших капиталистических странах в настоящее время имеется по *3—5 крупнейших* банков, которые держат в своих руках всю банковскую сеть. Остальные банки либо находятся в фактическом подчинении у этих гигантов, оставаясь самостоятельными лишь по внешности, либо играют совершенно ничтожную роль. Эти банки-гиганты теснейшим образом спаяны с монополистическими союзами в промышленности. Происходит слияние или *сращивание банкового и промышленного капиталов.* Банковый капитал, сросшийся с промышленным капиталом, называется *финансовым капиталом.* Сращивание банкового капитала с промышленными монополиями — один из отличительных признаков империализма. Поэтому империализм называют эпохой финансового капитала.

Рост монополий и рост финансового капитала приводят к тому, что в руках небольшой *кучки крупнейших воротил* капитала сосредоточивается судьба всего капиталистического мира. Сращивание банкового капитала с промышленным приводит к тому, что банковские воротилы становятся активными руководителями промышленности, а с другой стороны — крупнейшие промышленники включаются в руководящие органы банков. В каждой капиталистической стране судьба всей хозяйственной жизни находится в руках ничтожной кучки банкиров и монополистов-промышленников. А кто распоряжается хозяйственной жизнью, тот распоряжается всей страной. Какова бы ни была форма правления в буржуазном государстве в эпоху империализма, — на самом деле *вся полнота власти* находится в руках некоронованных королей финансово-монополистического капитала. Официальные правители являются лишь простыми приказчиками этих магнатов капитала. В руках ничтожной кучки крупнейших капиталистов находится решение всех жизненных вопросов в каждой капиталистиче-

ской стране. В своих алчных интересах магнаты капитала вызывают грандиозные столкновения между целыми странами, разжигают войны, подавляют рабочее движение и восстания в колониях.

При господстве монополий небольшая кучка людей держит в своих руках ключи от всех областей народной жизни. Один из вождей капиталистической Германии — директор электротехнического треста Ратенау однажды заявил откровенно: «Триста человек, знающих друг друга, руководят хозяйственными судьбами мира и назначают своих преемников из своего же круга». Подсчитано, например, что во Франции 50—60 крупных финансовых воротил являются господами в 108 банках, 105 крупнейших



предприятиях тяжелой промышленности (т. е. угольной, металлической и т. п.), 101 железнодорожном обществе и 107 других важнейших предприятиях, а всего вместе в 431 предприятии, из которых каждое распоряжается сотнями миллионов рублей. Необычайно ускоряется сосредоточение подавляющей массы богатства в руках ничтожной кучки людей. Так в Англии в руках ⅛% собственников сосредоточено 38% всех богатств страны, а менее 2% собственников владеет 64% богатства страны. В Америке около 1% собственников держит в своих руках 59% всего богатства страны.

Вывоз капитала

В эпоху свободной конкуренции развивается мировая торговля. Колоссальные массы *товаров* перевозятся из одних стран в другие. В эпоху монополистического капитализма огромное значение приобретает *вывоз капитала*.

То обстоятельство, что типичным для империализма является вывоз капитала, теснейшим образом связано с господством монополий. Монополии создают огромные «излишки» капитала в старых капиталистических странах, рано вступивших на путь капиталистического развития. Монополии ведут в то же время к ограничению возможности приложения капитала внутри страны. Накапливаемые монополистические барыши устремляются за границу в поисках выгодного применения. Такое выгодное применение они находят в более отсталых странах. Там заработная плата чрезвычайно низка. Рабочий день необычайно длинен. Источники сырья еще не расхищены капиталистами. Рынок сбыта велик — капиталистические товары усиленно вытесняют продукты мелкого ремесленного производства, обрекая на голод и вымирание миллионы мелких производителей. Монополии захватывают внутренний рынок страны в свои руки. Иностранным капиталистам становится все труднее сбывать на нем товары. Ввоз товаров облагается высокими таможенными пошлинами. Но в то же время организация монополий ведет к тому, что внутренний рынок все менее удовлетворяет потребности гигантских предприятий в сбыте своих товаров. Монополии вздувают цены — это ведет к сокращению сбыта товаров внутри страны. Монополиям приходится все больше товаров выбрасывать на внешние рынки. Но как их сбывать там, когда эти рынки ограждены таможенными стенами?

Здесь на помощь приходит вывоз капитала. Крупнейшие капиталистические предприятия вывозят за границу часть своих капиталов. Они организуют там свои отделения. Они строят там фабрики и заводы, которые выбрасывают массы товаров, сбываемых внутри данной страны.

Однако капитал вывозится не только для организации предприятий. Капитал вывозится также в виде всякого рода зай-

мов, при помощи которых богатые страны капитализма закабаляют и подчиняют себе отсталые страны.

Перед войной вложенный за границей капитал трех главных европейских стран (Англия, Франция, Германия) достигал колоссальной цифры: около 100 млрд. фр. Доход с этого капитала достигал приблизительно 8—10 млрд. фр. в год.

Какое значение имеет вывоз капитала для современных держав, показывает следующий расчет. В 1925 г. Англия вывезла товаров — изделий своей промышленности — на сумму 7 млрд. руб., прибыль от этого вывоза составляет примерно 1 млрд. И в том же 1925 г. Англия получила одних барышей от своих капиталов, вложенных в других странах, на круглую сумму 4200 млн. руб. Этот доход превышает, стало быть, доход от вывоза промышленных товаров более нежели в четыре раза.

Капиталы устремляются преимущественно в отсталые страны, где дешевле рабочая сила, где слаба промышленность, где еще велик вследствие этого рынок сбыта. Всякому известна роль иностранных капиталов в дореволюционной России. К началу мировой войны в промышленных предприятиях России было вложено иностранных капиталов, как считают, на сумму более 2 млрд. руб.

Участие французского и бельгийского капиталов в нашей например каменноугольной промышленности было настолько велико, что правление синдиката «Продуголь», распоряжавшееся очень значительной долей русского угля (до 65%), помещалось постоянно в Париже. В русской электрической и электротехнической промышленности почти безраздельно господствовали немецкие фирмы: «Всеобщая компания электричества» и «Сименс и Шуккерт». В нефтяной промышленности России были вложены огромные капиталы английского, американского и голландского происхождения.

При вывозе капиталов устанавливается *тесная связь* между той страной, которая ввозит капитал, и той, куда этот вывоз направляется. Страна, ввозящая капитал, заинтересована в сохранении прежних порядков в той стране, куда капитал направляется. Французские банкиры были заинтересованы в сохранении царского режима в России; пришла революция — и их предприятия национализированы, их капиталы пропали. Поэтому французские ростовщики дали царю заем в 1906 г., чем сильно помогли ему в подавлении первой русской революции.

По мере развития монополистического капитализма вывоз капиталов принимает все более широкие размеры и приобретает все большее значение.

«Для старого капитализма, — писал Ленин, — с полным господством свободной конкуренции типичен был вывоз *товаров*. Для новейшего капитализма, с господством монополии, типичным стал вывоз *капитала*».

Вывоз капитала при империализме выдвигается на первый план. Это не означает, конечно, что вывоз товаров сокращается или теряет свое значение. Дело в том, что вывоз капитала тесно связан с переброской огромных товарных масс. Если Англия вывозит капитал, допустим, в Аргентину, то это означает, что в Аргентине организуются предприятия, акции которых раскуплены английскими капиталистами. Значительная часть оборудования, машин для этих предприятий, можно наверняка сказать, будет ввезена из той же Англии. Или вывоз капитала может иметь такую форму. Та же Англия предоставляет какой-нибудь стране заем, и эта страна закупает на полученные деньги в Англии целый ряд товаров: железнодорожные материалы, военное снаряжение и т. п. Стало быть, мы видим, что вывоз капитала не только не суживает рамок вывоза товаров, но наоборот, становится новым могущественным оружием в борьбе за внешние рынки, в борьбе за расширение сбыта товаров.

Раздел мира между союзами капиталистов

Синдикаты и тресты искусственно держат цены на высоком уровне, обеспечивающем им колоссальные сверхприбыли. Для *сохранения высоких цен* монополистические организации стараются оградить свои страны от иностранной конкуренции. С этой целью империалистические государства вводят у себя высокие *таможенные пошлины* для ввозимых товаров. Нередко размер пошлины на товар превосходит в несколько раз стоимость товара.

Уже в 1927 г. таможенные пошлины в среднем составляли (в процентах к стоимости товаров) в САСШ — 37%, Германии — 20%, Франции — 21%, Бельгии — 15%, Аргентино 29%, Испании — 41%, Австрии — 16%, Чехо-Словакии — 27%, Югославии — 23%, Венгрии — 27%, Польше — 32%, Италии — 22%, Швеции — 16%. Таков средний процент. Так как на целый ряд товаров (сырье для промышленности, не имеющееся в данной стране) пошлины не могут быть велики, то на другие товары (прежде всего изделия промышленности, отчасти предметы питания) пошлины достигают гораздо больших размеров. Именно в последние годы большинство стран провело новые повышения пошлин. Летом 1930 г. в Америке введен новый тариф, означающий фактически запрет ввоза целого ряда товаров. В том же 1930 г. Германия повысила до небывалых размеров пошлины на сельскохозяйственные продукты. Этим путем восточнопрусские помещики получили возможность вздувать цены на свои продукты. Оплачивать все это приходится рабочему классу — основному массовому потребителю.

Таким способом внутренний рынок попадает в кабальную зависимость от монополий. Но внутренний рынок ограничен. При империализме классовые противоположности обостряются, нищета масс возрастает. Внутренний рынок не в состоянии поглотить те огромные массы товаров, которые выбрасывают гигантские предприятия. Борьба за *внешние рынки сбыта* вы-

ступает на первый план. Эта борьба ведется между вооруженными до зубов государствами монополистического капитала. В этой борьбе участвуют монополистические организации колоссальной силы. Ясно, что эта борьба становится все более острой и ожесточенной. Ясно, что борьба за рынки сбыта на ряду с борьбой за *рынки сырья*, за *рынки вывоза капитала*, *за раздел мира* вообще становится одной из причин неминуемых при империализме вооруженных столкновений, опустошительных войн.

Рост монополий ведет к попыткам монополистических организаций разных стран сговориться между собой насчет разделения рынков. Когда в производстве определенного товара решающую роль во всем мире начинают играть два-три крупнейших треста разных стран, борьба между ними становится особенно опустошительной. Тогда неминуемо появляются попытки сговора. Соглашение обычно предусматривает распределение рынков сбыта: каждый участник соглашения получает ряд стран, в которых он может продавать свои товары, не опасаясь конкуренции со стороны других участников соглашения. Такого рода *международные картели* существовали в некоторых областях еще до войны. Еще до войны все производство электрического оборудования было сосредоточено в руках двух крупнейших трестов — американского и германского, тесно связанных с банками. В 1907 г. между ними состоялось соглашение о разделе мира: каждый из них получил ряд стран в свое «распоряжение». Существовал до войны сговор между американскими и германскими судоходными трестами. Существовал рельсовый и цинковый синдикат. Подготовлялся сговор между нефтяными трестами.

В послевоенный период образовался целый ряд картелей, охватывающих несколько европейских стран. Это прежде всего европейский стальной картель, далее — картели, охватывающие производство камня, химических продуктов, меди, алюминия, радио, проволоки, искусственного шелка, цинка, текстиля, эмалированной посуды. В большинстве этих картелей участвуют Франция, Германия, Бельгия, Чехо-Словакия, Австрия, в некоторых также Польша, Швейцария, Венгрия, Испания, Скандинавские страны. Мировой кризис, разразившийся в 1929 г., оказал огромное влияние на большинство этих картелей. Внутренние противоречия в них весьма усилились, и многие из картелей либо уже распались, либо находятся накануне распада.

Ошибочнее всего было бы полагать, будто международные монополистические соглашения представляют собой мирный способ улажения противоречий. Как раз наоборот,

«Международные картели показывают, — говорил Ленин, — до какой степени выросли теперь капиталистические монополии и из-за чего идет борьба между союзами капиталистов. Международные соглашения отличаются непрочностью и таят в себе источник самых ожесточенных столкновений. При разделе рынков каждая сторона получает долю в зависимости от своей силы и мощи. Но сила отдельных трестов меняется. Каждый из них непрестанно ведет глухую борьбу за повышение своей доли. Изменения в соотношении сил влекут за собой неминуемый передел рынков, а каждый передел ведет к самой ожесточенной борьбе. Таким образом международные монополии не только не ослабляют противоречий между империалистическими странами, а напротив, способствуют их крайнему обострению».

Захват колоний и раздел мира

В эпоху монополий и финансового капитала сильно возрастает *захватническая* деятельность капиталистических стран.

Еще с давних времен европейцы привозили в колонии и отсталые страны свои товары, драли с туземцев втридорога за всякую дрянь, вывозили из колоний ценные вещи. Могущественные страны постепенно захватывали в свои руки массу земель с огромным населением. Английские империалисты любят хвастать, что «во владениях английского короля никогда не заходит солнце». И действительно, владения английского империализма разбросаны по всей земле, так что в каждый момент где-нибудь солнце светит. Из 1¾ млрд. населения земного шара около 600 млн. живет в угнетенных колониях, а 400 млн. — в полуколониях (Китай, Персия и т. д.). Таким образом более половины человечества, около миллиарда человек, находится под властью крупнейших стран-хищников.

Особенно быстро пошел раздел мира в течение последних десятков лет перед мировой войной. С 1876 по 1914 г. так называемые «великие державы» нахватали около 25 млн. кв. км; они награбили таким образом чужих земель общей площадью вдвое больше, чем вся Европа. Больше всего земель досталось старым хищникам — Англии и Франции. Более молодые хищники — Германия, Италия и др. пришли уже к шапочному разбору. Все сколько-нибудь пригодные для эксплоатации страны оказались захваченными другими; приходилось удовлетворяться объедками с чужого стола, либо попытаться зубами вырвать лакомые куски из пасти других хищников.

Ожесточенная борьба за рынки сбыта, за рынки сырья, за рынки приложения капитала приводит к разделу всего мира между немногими хищниками.

«Свободных» земель больше нет. Империалисты могут получить что-нибудь новое лишь одним путем: отняв часть добычи у своих противников. Раздел мира *закончен*. Теперь неизбежные драки между империалистами из-за новых *переделов* земного шара. А подобная борьба неизбежно приводит к вооруженным столкновениям, *к войнам*.

Демпинг

Для завоевания внешних рынков сбыта монополистические организации обычно широко применяют демпинг. Демпинг, или *бросовый экспорт*, — это продажа товаров на внешнем рынке по ценам, которые значительно ниже цен внутреннего рынка и во многих случаях даже ниже себестоимости товара. Продажа товаров за границей по бросовым ценам необходима трестам по ряду причин. Прежде всего бросовый вывоз ведет к завоевыванию внешнего рынка. Далее сбыт товаров за границу дает возможность сильно ограничить сбыт внутри страны, а это необходимо для поднятия и удержания высоких монопольных цен. Бросовый сбыт за границу дает возможность сократить сбыт внутри страны без сокращения производства, которое подняло бы сильно издержки производства.

Бросовый экспорт — обычное явление при империализме. В Германии стальной трест ежемесячно объявляет в газетах цены на свои изделия; по каждому виду изделий объявляются две цены — одна для внутреннего рынка, а другая, примерно на одну треть ниже, — для внешнего рынка. В царской России самый настоящий демпинг проводил упомянутый уже нами синдикат сахарозаводчиков. Замечательно, что тогда ни одна капиталистическая страна не возражала против этого демпинга.

В настоящее время капиталисты и их газеты во многих странах кричат о «советском демпинге». Эти крики составляют лишь часть той травли Советского Союза, которая имеет своей целью подготовить почву для новой интервенции, для нового нападения империалистов на первое в мире государство строящегося социализма. Крики о том, будто «советский демпинг» обостряет кризис в капиталистических странах, особенно смехотворны. Дело в том, что наш ввоз товаров в капиталистические страны весьма невелик по своим размерам. К сожалению, наш вывоз не достиг еще даже довоенных размеров, когда вывоз России составлял около 3,5% всего мирового вывоза. В таких странах, как Англия, Франция и Италия, наш ввоз составляет всего 0,5%, в Германии — 2,6%. Мы не продаем своих товаров за границей по бросовым ценам. Мы вывозим товары не для завоевания внешних рынков, а для оплаты необходимых нам иностранных машин и обору-

дования. Преимущества социалистического хозяйства дают нам возможность производить ряд товаров с гораздо более низкими издержками, чем у капиталистов. Октябрьская революция уничтожила паразитов — помещиков и капиталистов, уничтожила и их доходы — земельную ренту и капиталистическую прибыль. Таким образом совершенно ясно, что толки о советском демпинге представляют собой измышления наших врагов, особенно нелепые потому, что советское хозяйство освободилось от капиталистических пут и связанных с ними методов борьбы.

Закон неравномерного развития при империализме

При капиталистическом строе отдельные предприятия, отдельные отрасли промышленности и отдельные страны развиваются *неравномерно и скачкообразно.* Понятно, что при капитализме, с его анархией производства и бешеной борьбой между капиталистами из-за барышей иначе и быть не может.

Неравномерность развития особенно *обостряется в эпоху империализма*, становится *решающей силой, решающим законом.*

«Финансовый капитал и тресты, — пишет Ленин, — не ослабляют, а усиливают различия между быстротой роста разных частей всемирного хозяйства».

Империализм есть монополистический капитализм. Господство монополий усиливает неравномерность и скачкообразность развития отдельных стран. Монополистические объединения, с одной стороны, открывают возможность более молодым странам догонять и опережать старые капиталистические государства, с другой стороны, монополии свойственна тенденция к паразитизму, к загниванию, к задержке технического прогресса: в определенных условиях монополии задерживают развитие одних стран и тем самым открывают возможность другим странам выдвинуться вперед.

«*Равномерного* развития отдельных предприятий, трестов, отраслей промышленности, стран при капитализме быть не может — писал Ленин. — Полвека тому назад Германия была жалким ничтожеством, если сравнить ее капиталистическую силу с силой тогдашней Англии; то же Япония по сравнению с Россией. Через десяток-другой лет мыслимо ли предположить, чтобы осталось неизменным соотношение сил между империалистическими державами? Абсолютно немыслимо».

Вывоз капитала также чрезвычайно ускоряет развитие одних стран, задерживая дальнейший рост других государств. Современная техника, современный уровень развития производительных сил открывают широкие возможности перед более

молодыми странами: они могут опередить своих более старых соперников, перепрыгивая в короткий срок через ряд ступеней технического развития, которые отняли у старых стран ряд десятилетий.

Раздел мира при империализме закончен. Идет борьба за его передел. Это толкает каждую империалистическую державу на путь лихорадочного укрепления своей мощи. Каждая страна стремится обогнать своих соперников.

Неравномерность и скачкообразность в развитии отдельных стран, возрастающие при империализме, обостряют противоречия между странами. Закон неравномерного развития делает невозможными длительные и прочные международные объединения империалистических государств. *Соотношения сил* между различными странами беспрерывно *меняются*, а изменения в соотношении сил неизбежно ведут ко всякого рода *столкновениям* и *конфликтам*.

Ленинский закон неравномерности развития при империализме блестяще развит в ряде работ т. Сталина. В борьбе с троцкизмом, отрицающим ленинский закон неравномерности развития, т. Сталин дал дальнейшее развитие учения Ленина. Тов. Сталин следующим образом подытоживает рассмотрение этого вопроса:

«Закон неравномерности развития в период империализма означает скачкообразное развитие одних стран в отношении других, быстрое оттеснение с мирового рынка одних стран другими, периодические переделы *уже поделенного мира* в порядке военных столкновений и военных катастроф, углубление и обострение конфликтов в лагере империализма, ослабление фронта мирового капитализма, возможность прорыва этого фронта пролетариями отдельных стран, возможность победы социализма в отдельных странах.

В чем состоят основные элементы закона неравномерности развития при империализме?

Во-первых, в том факте, что мир уже поделен между империалистическими группами; «свободных», не занятых территорий нет больше в мире, и для того, чтобы занять новые рынки и источники сырья, для того, чтобы расшириться, — надо взять у других эту территорию силой.

Во-вторых, в том, что небывалое развитие техники и усиливающаяся нивеллировка в уровне развития капиталистических стран создали возможность и облегчили дело скачкообразного опережения одних стран другими, дело вытеснения более могучих стран менее могучими, но быстро развивающимися странами.

В третьих, в том, что старое распределение сфер влияния

между отдельными империалистическими группами приходит каждый раз в столкновение с новым соотношением сил на мировом рынке, что для установления «равновесия» между старым распределением сфер влияния и между новым соотношением сил необходимы периодические переделы мира путем империалистических войн».

Неизбежные при империализме захватнические войны вносят огромные изменения в соотношения сил между отдельными странами. Империалистическая война 1914—1918 гг. привела к разгрому Германии, разделу Австро-Венгрии и образованию на ее развалинах целого ряда новых государств. В послевоенные годы неравномерность развития отдельных стран проступает с особой яркостью и наглядностью. Больше всего выиграла от войны Америка. Она больше всех нажилась на чужой драке. Раньше она была в долгу у других стран, главным образом у Англии. Теперь почти весь мир ей должен, в том числе и Англия. Ряд промышленных отраслей в Америке стал после войны производить в полтора-два раза больше товаров, чем до войны.

В САСШ живет менее 7% населения земного шара; они занимают около 6% поверхности земли. В то же время в этой стране добывалось до нынешнего кризиса 40% мировой добычи угля, 35% гидроэлектрической энергии, 70% нефти, производилось 60% мирового сбора пшеницы и хлопка, 55% строевого леса, около 50% железа и меди, около 40% свинца и фосфатов. Америка до кризиса потребляла 42% мировой продукции железа, 47% меди, 69% нефти, 56% каучука, 53% олова, 48% кофе, 21% сахара, 72% шелка и 80% автомобилей.

Зато сильно пошла под гору Англия, которая до войны занимала первое место в мировом хозяйстве. Англия после войны все более становится страной-ростовщиком, а ряд важнейших отраслей промышленности — в особенности угольная промышленность — стоит на том же месте, в то время как страны-соперники идут все вперед.

Огромные изменения в соотношении сил между отдельными хищниками капитала вносит современный кризис. Нынешний кризис ударил по разным странам с неодинаковой силой. Кризис поэтому еще более усиливает неравномерность развития. С наибольшей силой он обрушился на Соединенные штаты. Поэтому Америка уже не занимает в настоящее время того места, которое она занимала еще несколько лет назад. Тогда Америка была безраздельным «властителем дум» европейской буржуазии и ее социал-фашистских прислужников. Теперь кризис беспощадно обнаружил все глубочайшие противоречия американского капитализма. От пресловутого американского «процветания» не осталось и следа.

Разумеется, Америка и сейчас остается крупнейшим и сильнейшим хищником капитализма. Однако ее ослабление усиливает те противоречия, которые раздирают капиталистический мир.

Закон неравномерного развития и пролетарская революция

Закон неравномерного развития, обостряемый империалистической эпохой, опрокидывает всякие утопические теории насчет возможности прочного мирного сговора между монополистами разных стран. Рост *противоречий* между хищниками империализма и неизбежность военных столкновений ведут ко взаимному ослаблению империалистов, ведут к тому, что мировой фронт империализма становится легко уязвимым со стороны пролетарской революции. На этой основе происходит *прорыв этого фронта* в том пункте, где цепь империалистического фронта слабее всего, где существуют наиболее благоприятные условия для победы пролетариата. С этим законом неравномерного развития капитализма, достигающим своей наибольшей остроты в эпоху империализма, неразрывно связано ленинское учение о победе пролетарской революции и *о строительстве социализма в одной стране*, — учение, подвергающееся ожесточенным атакам со стороны троцкизма. Ленин писал по этому поводу следующее:

«Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма. Отсюда следует, что возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране. Победивший пролетариат этой страны, экспроприировав капиталистов и организовав у себя социалистическое производство, встал бы против остального капиталистического мира, привлекая к себе угнетенные классы других стран, поднимая в них восстание против капиталистов, выступая в случае необходимости даже с военной силой против эксплоататорских классов и их государств».

Таким образом, ленинский закон неравномерного развития имеет огромное значение для *революционной практики*. Тов. Сталин указывает, что Ленин еще во время войны, опираясь на закон неравномерного развития империалистических государств, противопоставляет оппортунистам свою теорию пролетарской революции, учение о победе социализма в одной стране, «если даже эта страна является капиталистически менее развитой».

Между тем оппортунисты всех стран нередко пытались свою измену революции прикрывать ссылкой на то, что, дескать, пролетарская революция должна начаться во всем мире одновременно. Изменники революции создавали для себя таким образом своего рода *круговую поруку*. Этот закон неравно-

мерного развития подвергается бешеным атакам со стороны заклятых врагов пролетарской революции — меньшевиков и, в первую очередь, со стороны контрреволюционного троцкизма, являющегося одним из наиболее оголтелых отрядов меньшевизма, являющегося передовым отрядом контрреволюционной буржуазии. Троцкий и его сторонники утверждают, что при империализме неравномерность развития отдельных стран не увеличивается, а уменьшается. Троцкизм не видит тех решающих противоречий, которые обусловливают рост неравномерности в эпоху империализма. Борясь против ленинского закона неравномерного развития, троцкизм приходит к *меньшевистскому* выводу о невозможности построения социализма в одной стране. Троцкистское отрицание возможности победы социализма в нашей стране теснейшим образом связано с троцкистской теорией перманентной революции, с неверием в возможность прочного союза между пролетариатом и середняцкими массами крестьянства, с неверием в силы и творческие способности пролетариата, строящего социализм.

Троцкизм ведет бешеную борьбу против ленинской политики партии, направленной на построение социализма в нашей стране. В деле разоблачения контрреволюционного характера троцкизма особо выдающаяся роль принадлежит вождю нашей партии и рабочего класса т. Сталину. На протяжении ряда лет борьбы партии с троцкизмом т. Сталин блестяще вскрыл контрреволюционное меньшевистское существо троцкистских установок, какими бы «левыми» фразами они ни маскировались.

Полнейший крах троцкистских установок блестяще подтвержден всемирно-историческими победами пятилетки. Подводя итоги первой пятилетки, т. Сталин сказал:

«Итоги пятилетки разбили тезис социал-демократов о том, что невозможно построить социализм в одной, отдельно взятой стране. Итоги пятилетки показали, что вполне возможно построить в одной стране социалистическое общество, ибо экономический фундамент такого общества уже построен в СССР».

Теория ультраимпериализма

Мировой меньшевизм противопоставил ленинскому учению об империализме насквозь предательскую и лживую теорию ультраимпериализма, автором которой является Каутский, имеющий огромный стаж по части искажения и фальсификации марксизма и выступающий в настоящее время в качестве одного из самых оголтелых клеветников и проповедников интервенции против Советского Союза.

Взгляды Каутского, против которых так решительно боролся Ленин, сводятся в общем к следующему: Каутский отрицает то обстоятельство, что империализм является особой стадией, фазой, новой ступенью в развитии капитализма, отличающейся прежде всего глубокими экономическими особенностями. По Каутскому, империализм — это не экономическая система, а лишь определенная политика капиталистов некоторых стран. Главное определение Каутского, против которого решительно борется Ленин, гласит:

«Империализм есть продукт высокоразвитого промышленного капитализма. Он состоит в стремлении каждой промышленной капиталистической нации присоединять к себе или подчинять все большие аграрные области, без отношения к тому, какими нациями они населены».

«Это определение Каутского теоретически насквозь фальшиво», — говорит Ленин. В чем фальшь этого определения? Ленин следующим образом разоблачает Каутского:

«Особенность империализма — господство как раз не промышленного, а финансового капитала, стремление к аннексиям как раз не только аграрных, а всяких стран. Каутский отрывает политику империализма от его экономики, отрывает монополизм в политике от монополизма в экономике, чтобы очистить дорогу для своего пошлого буржуазного реформизма вроде «разоружения», «ультраимпериализма» и тому подобного вздора. Смысл и цель этой теоретической фальши всецело сводятся к тому, чтобы затушевать самые глубокие противоречия империализма и оправдать таким образом теорию «единства» с апологетами империализма, откровенными социал-шовинистами и оппортунистами».

Ленин подчеркивает, что определение Каутского не только неверное и не-марксистское. Это определение является основой целой системы взглядов, разрывающих целиком и полностью с марксизмом как в теории, так и на практике. Отрывая политику от экономики, изображая империализм лишь как политику, предпочитаемую капиталистическими странами, Каутский целиком и полностью становится на позицию буржуазных реформистов, считающих возможным добиться более «мирной» политики, не посягая на неприкосновенность экономической системы империализма. Поэтому у Каутского, как со всей остротой подчеркивает Ленин, «получается затушевывание, притупление самых коренных противоречий новейшей ступени капитализма вместо раскрытия глубины их, получается буржуазный реформизм вместо марксизма».

Насквозь буржуазная, контрреволюционная позиция Каутского с особенной яркостью проявляется в его рассуждениях насчет так называемого «ультраимпериализма» (т. е. сверхимпериализма), основывающихся непосредственно на его в корне антимарксистском определении империализма.

Теория сверхимпериализма утверждает, что в результате роста монополистических объединений в отдельных странах противоречия и борьба между отдельными странами исчезают, капиталисты разных стран объединяются между собой; империалистические войны отходят в область прошлого, создается единое мировое организованное хозяйство. Эта теория «мирного» сверхимпериализма насквозь враждебна революционному марксизму. Она совершенно извращает картину империалистической действительности. Опровергая эту выдумку Каутского, Ленин писал:

«Сопоставьте с этой действительностью — с гигантским разнообразием экономических и политических условий, с крайним несоответствием в быстроте роста разных стран и пр. с бешеной борьбой между империалистическими государствами — глупенькую побасенку Каутского о «мирном» ультраимпериализме.

Разве это не реакционная попытка запуганного мещанина спрятаться от грозной действительности? Разве интернациональные картели, которые кажутся Каутскому зародышами ультраимпериализма, не показывают нам примера раздела и передела мира, перехода от мирного раздела к не-мирному и обратно? Разве американский и пр. финансовый капитал, мирно деливший весь мир при участии Германии, скажем, в международном рельсовом синдикате или в международном тресте торгового судоходства, не переделяет теперь мир на основе новых соотношений сил, изменяющихся совсем немирным путем?»

Неравномерное развитие отдельных стран, которое усиливается при империализме, *опрокидывает целиком* теорию сверхимпериализма. По этому поводу Ленин писал:

«Разговоры Каутского об ультраимпериализме поощряют между прочим ту глубоко ошибочную и льющую воду на мельницу апологетов империализма мысль, будто господство финансового капитала ослабляет неравномерность и противоречия внутри всемирного хозяйства, тогда как на деле оно усиливает их».

Будучи буржуазным реформистом и защитником империализма, Каутский всячески *замазывает* его острейшие *противоречия*. Он отрицает то положение, что империализм есть особая фаза в развитии капитализма. Это отрицание необходимо ему для того, чтобы затушевать все основные особенности этой новейшей фазы, благодаря которым империализм является кануном социалистической революции. Теория ультраимпериализма, как и ряд ее дальнейших разновидностей, своим острием направлена против ленинского закона неравномерного развития, достигающего наибольшего обострения при империализме. Теория ультраимпериализма отрицает усиление неравномерности развития капитализма в эпоху империализма и закрывает глаза на самые очевидные факты, ярко свидетельствующие об этой неравномерности. Каутский отрицает значение господства монополий как основного отличительного признака новой эпохи в развитии капитализма. Он отрицает связанную с монополиями тенденцию к загниванию. Он тщательно замазывает паразитический характер империализма. Он отрицает то положение, что империализм есть уми-

рающий капитализм. Напротив, его теория сверхимпериализма исходит из того, что империализм отнюдь не является последней ступенью капитализма, что капитализм отнюдь не исчерпывает своих возможностей в эпоху империализма. Каутский разделяет здесь позицию всех ученых лакеев буржуазии, распинающихся в том, что капитализм еще долго будет существовать, что он лишь теперь вступает в зрелый возраст.

Позиция Каутского в вопросах империализма характерна для идеологии *международного меньшевизма*. Р. Люксембург, на ошибки которой цепляются троцкистские контрабандисты, пытающиеся протащить свою контрабанду под флагом идеализации люксембургианства, совершила в понимании империализма *ошибки* явно каутскианского типа. Р. Люксембург трактовала империализм не как особую стадию в развитии капитализма, а лишь как определенную политику новой эпохи. В своей основной теоретической работе «Накопление капитала» Р. Люксембург выводит неизбежность краха не из внутренних противоречий капитализма, достигающих своего крайнего обострения в эпоху империализма, а из столкновения капитализма с внешней средой, из невозможности реализации прибавочной стоимости в так называемом «чистом» капитализме (т. е. в капиталистическом обществе, состоящем только из капиталистов и рабочих и не имеющем «не капиталистической среды» в виде масс мелких товаропроизводителей). Оставаясь на полуменьшевистских позициях, Р. Люксембург не могла подняться до ленинского понимания империализма, до правильного понимания его основных особенностей и отличий. Теоретические ошибки Р. Люксембург в понимании империализма теснейшим образом связаны с ее ошибочной позицией в ряде важнейших основных политических вопросов: в вопросе о расколе социал-демократии, в аграрном и национальном вопросе, в вопросе о роли партии и стихийных моментов в движении и т. п. Теория *автоматического краха капитализма*, вытекающая из ошибочной теории воспроизводства Р. Люксембург, охотно используемая в настоящее время «левыми» социал-фашистами, стремящимися при помощи якобы революционных фраз удержать рабочие массы от революционных действий, — на деле разоружает рабочий класс, распространяя в его среде настроение *пассивности* и *фатализма*, угашая его волю к ожесточенной борьбе. Совершенно очевидно, что ошибки каутскианского типа, допущенные Р. Люксембург в понимании империализма, удерживали ее от разрыва с Каутским и каутскианством, служили как бы мостом, связывающим ее с каутскианским центром даже во время империалистической войны, когда полное предательство Каутского и его

окончательный переход в контрреволюционный лагерь империализма были очевидны.

Позиция *троцкизма* в области теории империализма представляет собою лишь *одну из разновидностей каутскианства*. Ленин во время войны неоднократно констатировал факт, что Троцкий является каутскианцем, что он разделяет позицию Каутского, прикрывая и защищая извращение марксизма Каутским. Защищая позиции Каутского, троцкизм с особенной яростью выступает против ленинского закона неравномерного развития. Да это и немудрено. Мы уже видели, что ленинский закон неравномерного развития камня на камне не оставляет от предательской и контрреволюционной побасенки Каутского насчет «ультраимпериализма». На отрицании ленинского закона неравномерного развития троцкизм основывает свой контрреволюционный вывод о невозможности построения социализма в одной стране.

Теория организованного капитализма

Предатели рабочего класса, из социал-фашистского лагеря изображают дело таким образом, будто рост монополий ведет к смене капиталистической анархии новым строем — *организованного капитализма*.

В особенности в послевоенные годы, в годы частичной стабилизации, социал-фашисты стали распространять легенду насчет организованного капитализма. Виднейшим проповедником этой теории является один из самых оголтелых вожаков социал-фашизма — Гильфердинг. Социал-фашисты пытаются утверждать, что с ростом монополий наступает конец власти слепых сил рынка. Капитализм будто бы *организуется*, исчезает конкуренция, *устраняется анархия* производства, *кризисы* отходят в прошлое, начинает господствовать *планомерная* сознательная *организация*. Отсюда социал-фашисты делают предательский вывод о том, что тресты и картели мирно *перерастают в плановое* социалистическое *хозяйство;* остается, дескать, лишь помогать трестовикам и банкирам налаживать хозяйство, и тогда нынешний капитализм совершенно незаметно, без всякой борьбы и революции «врастет» в социализм.

Совершенно очевидно, что теория организованного капитализма является дальнейшим развитием теории сверхимпериализма Каутского. Социал-фашистская теория организованного капитализма точно так же *затушевывает* и *прикрывает* все зияющие противоречия империализма, как и теория сверхимпериализма Каутского. Предатели из лагеря социал-фашистов всячески замазывают тот факт, что при империализме капитализм становится загнивающим, паразитическим строем. Ленин указывал, что Гильфердинг еще до войны, отрицая

паразитизм и загнивание, свойственные империализму, стоял в этом отношении ниже даже по сравнению с некоторыми буржуазными учеными, которые не могли не заметить этих явлений, резко бросающихся в глаза при рассмотрении империализма.

Отрицая загнивающий, паразитический характер империализма, социал-фашисты становятся на позицию *защиты капиталистического строя* всеми мерами и всеми средствами. И они действительно не отказываются ни от каких средств для подавления революционной борьбы рабочего класса против империализма. Теория организованного капитализма, которая возвещает совершенно мирный и безболезненный переход к социализму, служит в их руках лишь шарлатанским средством одурачения наиболее отсталых слоев рабочих, отвлечения их от революционной борьбы.

Эта контрреволюционная теория на каждом шагу *опроки-*

дывается современной капиталистической *действительностью*. Эта теория вдребезги разбивается при первом же ее сопоставлении с тем анализом империализма, который дан Лениным.

Мы уже раньше видели, что *империализм* не устраняет, а, напротив, невероятно усиливает и *обостряет* все основные *противоречия* капиталистического строя. *Анархия производства* не только не исчезает при капитализме, но, наоборот, принимает особенно *чудовищные размеры* и вызывает особенно опустошительные последствия. *Конкуренция* между монополистическими объединениями во много раз *ожесточеннее*, нежели между отдельными капиталистами в прежнюю пору. *Кризисы* при империализме становятся *острее* и *опустошительнее;* и последствия еще больнее ударяют по рабочему классу. Об этом свидетельствовал уже кризис 1907 г., который с особой силой разразился в стране с наибольшим ростом монополий — в САСШ. *Современный мировой кризис* капитализма целиком и полностью разоблачает легенду об организованном капитализме, распространяемую лакеями буржуазии.

Сказка об организованном капитализме служит социал-фашистам для обмана рабочих масс, для отвлечения их от непримиримой классовой борьбы, для оправдания предательской тактики классового мира с буржуазией, для борьбы с революционным рабочим движением.

Легенда об организованном капитализме была подхвачена *правыми оппортунистами* в рядах нашей партии и других партий Коммунистического интернационала. Тов. Бухарин утверждал, будто «проблемы рынка, цен, конкуренции, кризисов становятся все более проблемами мирового хозяйства, заменяясь внутри страны проблемой организации».

Отсюда правые оппортунисты делали вывод, будто внутренние противоречия в капиталистических странах ослабевают; капитализм укрепляется, и говорить о революционном подъеме можно будет лишь после того, как разразится новая империалистическая война.

Тов. Бухарин не случайно допустил эту грубейшую ошибку в отношении теории организованного капитализма. Эта антиленинская установка была у него тесно связана со всей цепью ошибок в области теории империализма, которые он делал, начиная с начала войны. Ленин боролся против ошибок т. Бухарина по вопросам империализма в течение целого ряда лет, с 1915 по 1920 г. Бухарин противопоставлял Ленину свою теорию так называемого «чистого империализма». Увлекаясь «левыми» фразами и прикрываясь ими, сторонники этой теории на деле смыкались с оппортунистическими социал-демократическими взглядами по вопросу об империализме.

Основной грех теории «чистого» империализма Бухарина заключается в том, что она чрезвычайно упрощенно и неверно изображала империали-

стическую действительность. Сторонники этой теории смазывали глубочайшие противоречия, свойственные империализму. Они закрывали глаза на то обстоятельство, что империализм вырастает и развивается на основе старого капитализма, что империализм вследствие этого не уничтожает основных противоречий капитализма, а, наоборот, обостряет их до крайней степени.

В своем докладе о партийной программе на VIII съезде партии в 1919 г. Ленин, говоря о своих разногласиях с Бухариным, указывал, что «чистый империализм, без основной базы капитализма, никогда не существовал, никогда не существует и никогда не будет существовать».

В той же своей речи Ленин далее говорил: «Конкретность Бухарина — это книжное изложение финансового капитализма. Нигде в мире монополистический капитализм без свободной конкуренции в целом ряде отраслей не существовал и не будет существовать».

И Ленин продолжает:

«Если бы перед нами был цельный империализм, который насквозь переделал капитализм, наша задача была бы во сто тысяч раз легче. Это давало бы такую систему, когда все подчинялось бы одному финансовому капиталу. Тогда оставалось бы только снять верхушку и передать остальное в руки пролетариата. Это было бы чрезвычайно приятно, но этого нет в действительности. Развитие в действительности таково, что приходится поступать совершенно иначе. Империализм есть надстройка над капитализмом ... Есть старый капитализм, который в целом ряде областей дорос до империализма».

Ошибочная теория «чистого» империализма, защищавшаяся Бухариным в годы, когда он был одним из лидеров группы так называемых «левых коммунистов», послужила непосредственной основой для теории организованного капитализма.

Современный кризис капитализма блестяще раскрывает всю несостоятельность этой теории. Совершенно очевидно, что эта оппортунистическая побасенка об организованном капитализме, взятая напрокат у социал-фашистов, не имеет ничего общего с марксизмом-ленинизмом. Ленин неоднократно подчеркивал, что монополии, вырастая из конкуренции, не устраняют ее, а существуют над нею и рядом с нею, порождая этим особое обострение всех противоречий и конфликтов. Ленин писал. «Империализм усложняет и обостряет противоречия капитализма, спутывает со свободной конкуренцией монополии, но устранить рынка, конкуренции, кризисов и т. д. империализм не может.

Империализм есть отживающий, но не отживший капитализм, умирающий, но не умерший. Не чистые монополии, а монополии рядом с обменом, рынком, конкуренцией, кризисами — вот существеннейшая особенность империализма вообще».

Ленин поэтому подчеркивал, «что именно это соединение противоречащих друг другу «начал» — конкуренции и монополии — и существенно для империализма, именно оно и подготовляет крах, т. е. социалистическую революцию».

Паразитизм и загнивание капитализма

Империализм есть *паразитический* или *загнивающий капитализм.* Капиталистические монополии неизбежно порождают стремление к застою и загниванию. Они стремятся установить монопольные цены и удержать их на высоком уровне. При свободной конкуренции каждый капиталист старается повысить свой барыш за счет сокращения издержек производства, а для сокращения издержек производства вводятся всякие технические усовершенствования. Монополии, поскольку им удается удержать высокие монопольные цены, не заинтересованы в применении технических новшеств. Наоборот, они зачастую больше всего на свете опасаются технических изобретений, которые могли бы подорвать их монопольное положение или обесценить вложенные ими в производство огромные капиталы. Монополии нередко искусственно *задерживают технический прогресс.* Империалистическая эпоха знает бесчисленное количество подобных случаев.

Ленин в своей работе об империализме приводит случай с бутылочной машиной Оуэнса, которая была изобретена еще до войны в Америке. Немецкий бутылочный картель скупил патенты Оуэнса и задержал их применение. Послевоенный период знает массу таких случаев. Совсем недавно была изобретена неперегорающая электрическая лампа, «вечная лампочка». Это изобретение до сих пор не применяется, так как оно грозит сократить сбыт монополистических трестов электротехнической промышленности. Шведский спичечный трест Крейгера, опутавший своими щупальцами почти весь мир и работающий с помощью американских банков, был немало обеспокоен изобретением «вечной спички», сделанной одним венским химиком. Способ добычи нефти из угля (так называемая гидрогенизация угля), найденный проф. Бергиусом в Германии, закуплен американским нефтяным трестом, который задерживает его применение. Железные дороги Америки не электрифицируются, так как это невыгодно монополистам.

Следует иметь в виду, что стремление к повышению барышей с помощью технических улучшений продолжает все же в известной мере действовать. Поэтому крупнейшие тресты обзаводятся хорошо поставленными лабораториями и научно-техническими институтами, в которых работают тысячи инженеров, химиков, физиков. Однако благодаря монополиям лишь небольшая часть достижений научно-технической мысли находит себе применение. В определенных условиях берет верх то одна тенденция, то другая: то тенденция к застою, свойственная монополии, то стремление к техническим улучшениям.

Полным непониманием действительного характера противоречий империализма как паразитического и загнивающего строя отличается *троцкизм.* Троцкизм не видит *борьбы* двух

тенденций, действующих при империализме: тенденции к развитию производительных сил, с одной стороны, и тенденции к задержке технического прогресса — с другой стороны. Именно *борьба*, постоянное *столкновение* этих тенденций и вызывают то *обострение противоречий*, которое характерно для империализма. Троцкизм пытается изобразить дело таким образом, будто при империализме имеет место полнейший застой (стагнация) в развитии техники, полнейшая «закупорка» развития производительных сил. Такая точка зрения прямиком ведет к предательской теории «автоматического краха капитализма», с которой мы познакомились в предыдущей главе. Эта позиция неразрывно связана также с троцкистским отрицанием ленинского закона неравномерного развития при империализме.

В империалистическую эпоху особенно ярко выступает паразитический характер буржуазии. Подавляющее большинство буржуазии не имеет совершенно никакого касательства к процессу производства. Большинство капиталистов — это люди, живущие, как принято говорить, «стрижкой купонов». Капиталисты превратились во владельцев акций, облигаций, государственных займов и других ценных бумаг, которые приносят им доход. Управление предприятиями находится в руках наемного технического персонала. Буржуазия и ее многочисленные прихлебатели (политические деятели буржуазии, буржуазная интеллигенция, духовенство, проститутки и т. д.) уничтожают плоды каторжного труда миллионов наемных рабов капитала. Целые страны (как Швейцария) или обширные районы (в Южной Франции, Италии, отчасти в Англии) превращаются в места, где международная буржуазия в безумной роскоши проживает свои не-трудовые доходы.

Эпоха империализма несет с собой чрезвычайный рост *разложения* всей капиталистической культуры. Чрезвычайно растет *продажность*, проникающая во все сферы политики, общественной жизни, искусства и т. д. Крупнейшие монополистические объединения открыто имеют на своем содержании определенные группы депутатов парламента, высших правительственных чиновников и т. д. Главы правительств обычно теснейшим образом связаны с крупнейшими банками, концернами, трестами. Миллионные «подарки» высшим правительственным чиновникам дают возможность трестам и банкам творить в стране все, что им заблагорассудится. Печать пребывает на содержании у крупного капитала. Наиболее старые и «заслуженные» буржуазные газеты сразу меняют свою политическую физиономию при смене владельца. В руках отдельных воротил капитала оказывается подавляю-

шая масса буржуазной бульварной печати. Так в послевоенные годы в Германии большинство бульварной печати, а также значительная часть «серьезных» газет была прибрана к рукам крупнейшим капиталистом Стиннесом, разбогатевшим во время войны и в особенности после войны путем самой безудержной спекуляции. После распада концерна Стиннеса, объединявшего в своих руках уголь и руду, океанские пароходы и кинематографы, значительная часть его газетного «наследства» перешли в руки другого крупнейшего воротилы тяжелой промышленности — Гугенберга (это — один из тех вожаков германской буржуазии, которые всего больше способствовали приходу к власти оголтелой фашистской диктатуры Гитлера).

Прямые мошенничества, подлоги, обман и надувательство все более становятся обычным способом возвышения крупнейших хозяйственных и политических деятелей буржуазии. Эти преступления раскрывают лишь в редких случаях неудачи — тогда получаются громкие скандалы. Так в 1932 г. на весь мир прогремел скандал с Иваром Крейгером — главой шведского спичечного треста, одного из яростных вдохновителей антисоветской интервенции. На пороге банкротства он покончил с собой. После его самоубийства выяснилась целая цепь подлогов и мошенничеств, при помощи которых он пытался спастись от грозившего ему краха в обстановке кризиса. Во Франции в том же 1932 г. прогремел скандал с акционерным обществом Устрик, которое оказалось делом рук небольшой кучки аферистов, связанных с виднейшими деятелями правительства и банков. При помощи всяких дутых обещаний эта теплая компания вытянула не один десяток миллионов франков из карманов доверчивой мелкой буржуазии. В 1933 г. в Америке много шуму наделало раскрытие ряда темных дел, совершенных одним из крупнейших капиталистов этой страны — Морганом.

В Америке особой известностью и даже почетом пользуются хорошо организованные шайки бандитов-грабителей. Они объединены в свои тресты, поддерживающие наилучшие отношения с полицией и правительством. Особой популярностью пользуется главарь чикагских бандитов — Аль-Капоне. О нем пишутся специальные книги, его похождениями полна бульварная печать.

В передовых странах империализм *подкупает верхушку рабочего класса.* За счет гигантских доходов от колоний, за счет сверхприбылей, выколачиваемых в отсталых странах, и за счет угнетения и обнищания основных масс пролетариата трестовский капитал повышает заработную плату и вообще улучшает условия жизни для небольшого слоя привилегиро-

ванных рабочих. Эта подкупленная империализмом верхушка пролетариата становится оплотом буржуазного строя. На эту верхушку опирается *социал-фашистский II Интернационал.* Эта верхушка поставляет контрреволюционные кадры, наносящие удар в спину борющимся рабочим в самый решительный момент. Однако империализм в состоянии подкупить лишь самое незначительное меньшинство рабочего класса. Этот подкуп достигается за счет все растущей эксплоатации основных пролетарских масс. Это ведет в конечном счете к еще большему росту классовых противоречий, к еще большему углублению пропасти между классами.

Империализм — эпоха гибели капитализма

Империализм есть особая историческая стадия капитализма. *Особенность* эта, как мы видели, *троякая:* империализм есть, во-первых, *монополистический* капитализм, во-вторых — *паразитический* или загнивающий капитализм и, в-третьих, *умирающий* капитализм. Эта характеристика эпохи империализма, эпохи монополии как эпохи паразитического, загнивающего и умирающего капитализма, является водоразделом, отделяющим революционный марксизм-ленинизм от всех и всяческих извращений и фальсификаций марксизма. В эпоху империализма все основные противоречия капитализма доходят до последних пределов, обостряются до крайней степени. Наиболее важными из этих противоречий являются, как указывает т. Сталин в своей работе об основах ленинизма, *три противоречия.*

Это, во-первых, *противоречие между трудом и капиталом.* Империализм несет с собой неограниченную власть небольшой кучки воротил капиталистических монополий и банков. Гнет финансовой олигархии так силен, что прежние методы борьбы рабочего класса — его профсоюзы старого типа, парламентские партии — оказываются совершенно недостаточными. Империализм, повышая до небывалых пределов степень обнищания рабочего класса, увеличивая его эксплоатацию кучкой монополистических и банковских акул, ставит перед ним ребром вопрос о новых революционных методах борьбы. Империализм подводит пролетариат вплотную к революции.

Это, во-вторых, *противоречия между различными кликами* финансовых акул и *империалистическими державами* в их постоянной борьбе за захват чужих территорий, за захват рынков сырья, рынков сбыта, рынков приложения капитала. Эта бешеная борьба между отдельными империалистическими кликами неизбежно ведет к войнам, когда крупнейшие империалистические державы и целые группы стран проливают моря

крови и нагромождают горы трупов в борьбе за передел уже поделенного мира, в борьбе за новые источники обогащения для небольших кучек крупнейших миллиардеров. Борьба между империалистами неминуемо ведет к взаимному их ослаблению, к ослаблению позиций капитализма вообще и тем самым приближает момент пролетарской революции, делает ее совершенно необходимой для того, чтобы спасти общество от гибели.

Это, в-третьих, *противоречие между небольшим числом* так называемых *«цивилизованных» стран* и огромной массой населения *колониальных и зависимых стран*. Сотни миллионов людей изнывают в колониальном и полуколониальном мире под владычеством империалистических хищников. «Империализм, — говорит т. Сталин, — есть самая подлая эксплоатация и самое бесчеловечное угнетение сотен миллионов населения обширнейших колоний и зависимых стран». Гоняясь за сверхприбылью, империалисты строят в колониях и полуколониях фабрики и заводы, прокладывают железные дороги, ломают старый уклад, огнем и мечом прокладывают дорогу новым капиталистическим отношениям. Рост империалистической эксплоатации ведет к усилению освободительного и революционного движения в колониальном мире. Революционное движение в колониях и зависимых странах ослабляет позиции капитализма во всем мире, подрывает его корни и ведет к превращению этих стран, как указывает т. Сталин, «из резервов империализма в резервы пролетарской революции». Национально-освободительное движение в колониях становится угрозой для империализма, поддержкой для революционного пролетариата.

Чрезвычайное обострение всех противоречий ведет к тому, что империализм является *канупом социалистической революции*. Капиталистические противоречия обостряются до такой степени, что дальнейшее сохранение капиталистических отношений становится невыносимой помехой на пути развития человеческого общества. Капиталистические отношения задерживают дальнейший рост производительных сил; капитализм вследствие этого загнивает и начинает заживо разлагаться. Эта тенденция к загниванию не исключает конечно того, что отдельные страны, отдельные отрасли даже в период общего кризиса капитализма могут развиваться. Огромные массы ценностей растрачиваются при империализме непроизводительно; капиталистический класс со всеми своими прихлебателями окончательно становится вреднейшим паразитическим наростом, который все более невыносимо давит на огромные массы трудящихся и обездоленных. Монополисти-

ческий капитализм создает в то же время все необходимые предпосылки для осуществления социализма.

«И чрезвычайно высокая степень развития мирового капитализма вообще, и смена свободной конкуренции государственно-монополистическим капитализмом, и подготовка банками, а равно союзами капиталистов, аппарата для общественного регулирования процесса производства и распределения продуктов, и стоящий в связи с ростом капиталистических монополий рост дороговизны и гнета синдикатов над рабочим классом, закрепощение его империалистическим государством, гигантское затруднение экономической и политической борьбы пролетариата, и ужасы, бедствия, разорения, порождаемые империалистической войной, — все это сделало неизбежным крах капитализма и переход к высшему типу общественного хозяйства» [Программа ВКП(б)].

Империализм неизбежно приводит к опустошительнейшим империалистическим войнам. Мировая война 1914—1918 гг. привела ко всеобщему кризису всей капиталистической системы, который характеризуется крайним обострением и напряжением всех противоречий империализма. Установки нашей партии и Коминтерна по вопросу о всеобщем кризисе капитализма, который означает период распада и краха капитализма, непосредственно основаны на ленинской теории империализма и составляют ее неотъемлемую часть, неразрывное звено. Утверждения всякого рода троцкистских контрабандистов — например Преображенского в его книге «Закат капитализма», — отрицающих установку партии и Коминтерна по вопросу о всеобщем кризисе капитализма, означают полнейший разрыв с марксизмом-ленинизмом, полнейший разрыв с ленинской теорией империализма.

Империализм есть эпоха крушения и гибели капитализма, эпоха победоносной революции пролетариата. Ленин указывает не раз:

«Империализм есть высшая стадия развития капитализма. Капитал в передовых странах перерос рамки национальных государств, поставил монополию на место конкуренции, создав все объективные предпосылки осуществимости социализма».

В другом месте Ленин говорит по этому поводу следующее:

«Эпоха капиталистического империализма является эпохой созревшего и перезревшего капитализма, стоящего накануне своего крушения, созревшего настолько, чтобы уступить место социализму».

Эпоха империализма является, стало быть, эпохой крушения и гибели капитализма, эпохой пролетарских революций.

ВОПРОСЫ

1. Каким образом конкуренция ведет к образованию монополий?

2. Уничтожает ли монополия конкуренцию?

3. Откуда берутся барыши монополистов?

4. Как изменяется роль банков в эпоху империализма?

5. Чем вызывается вывоз капитала?

6. Для чего служат таможенные пошлины?

7. В чем заключается закон неравномерного развития?

8. В чем предательская сущность теории организованного капитализма?

9. В чем связь теории организованного капитализма с теорией ультраимпериализма?

10. В чем заключается загнивание при империализме?

11. Каковы пять основных признаков империализма?

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Война и общий кризис капитализма

Империализм и крушение капитализма

Основные противоречия капиталистического порядка достигают своего *наивысшего развития* в эпоху империализма. На одной стороне — кучка вырождающихся тузов капитала, на другой — огромное большинство обездоленного человечества. Такова картина капиталистического общества при господстве империализма.

В эпоху империализма происходит *загнивание*, упадок капиталистического строя. Существующие порядки становятся помехой для дальнейшего развития. Человеческая мысль, наука и техника празднуют все новые победы над природой. Человек подчиняет себе одну за другой все наиболее грозные ее силы. Плоды этих побед пожинает однако лишь кучка избранных. Более того, капиталистические отношения суживают поле применения множества блестящих открытий и изобретений.

Человечество в целом стало достаточно богатым, чтобы людям могло быть обеспечено достойное существование. Помехой являются опять-таки капиталистические отношения. Огромные богатства употребляются не с пользой для широких масс, а во вред им. Опустошительные войны, неизбежные при империализме, уносят миллионы человеческих жертв, уничтожают плоды тяжелого труда многих поколений.

Социализм или гибель, социализм или неизбежное вырождение — так ставится вопрос в эпоху империализма. Мировой пролетариат должен выполнить огромной важности задачу — вырвать человечество из тисков империализма. В борьбе за свержение империалистического господства пролетариат находит себе многочисленных *союзников* среди обездоленных всего мира. Трудящиеся массы колониальных стран, испыты-

вающие на своей спине все прелести империалистического хозяйничания, разоряющиеся крестьянские массы и промежуточные слои трудящихся — вот откуда пролетариат черпает помощь в своей борьбе за свержение капитализма. Несмотря на временные поражения в той или иной стране, окончательная победа пролетариата неизбежна.

Таким образом империализм приводит к чрезвычайному обострению классовых противоречий и классовой борьбы. В этой борьбе решается *судьба* капиталистического строя. Поэтому борьба эта отличается величайшим упорством.

Неравномерность капиталистического развития, усиливающаяся в эпоху империализма, создает неодинаковые условия

для победы пролетариата в разных странах. Естественно, что пролетариат захватывает власть и приступает к строительству социализма раньше всего в тех странах и в тех случаях, когда складывается благоприятная обстановка.

«Гигантский прогресс техники вообще, путей сообщения особенно, колоссальный рост капитала и банков сделали то, что капитализм дозрел и перезрел. Он пережил себя, он стал реакционнейшей задержкой человеческого развития. Он свелся к всевластию горстки миллиардеров и миллионеров, толкающих народы на бойню для решения вопроса о том, германской или англо-французской группе хищников должна достаться империалистическая добыча; власть над колониями, финансовые «сферы влияния» или «мандаты на управление» и т. п.

Во время войны 1914—1918 гг. десятки миллионов людей убиты и искалечены именно из-за этого, только из-за этого. Сознание этой истины с неудержимой силой и быстротой распространяется среди массы трудящихся во всех странах, — и это тем более, что война вызвала повсюду неслыханное разорение, а за войну надо везде, в том числе и народам-«победителям», платить проценты по долгам.

Крах капитализма неизбежен. Революционное сознание масс растет везде. Об этом говорят тысячи признаков.

Капиталисты, буржуазия могут в «лучшем» для них случае оттянуть победу социализма в той или другой отдельной стране ценой истребления еще сотен тысяч рабочих и крестьян. Но спасти капитализм они не могут» *(Ленин)*.

Мировая империалистическая война

Борьба между империалистическими державами за передел мира привела к мировой войне 1914—1918 гг. Война потрясла до основания капиталистический строй, принесла с собой неисчислимые страдания народным массам. Во всех воевавших странах было призвано под ружье 62 млн. человек. Число *убитых* в этой войне превосходит 10 млн., число *раненых*, изувеченных людей, оставшихся калеками на всю жизнь, доходило до 24 млн. Огромные богатства самых цветущих стран земли безрассудно расстреливались в воздух. Подсчитано, что *расходы* на эту войну составляли 1200 млрд. марок. Для сравнения следует указать, что все богатство воевавших стран накануне войны составляло 2400 млрд. марок. Война поглотила таким образом сумму, которая равняется половине того, что накопили народы Европы ценой тяжелого подневольного труда многих поколений.

Война нанесла небывалые разрушения мировому капиталистическому хозяйству. Война разорвала те связи, которые существовали между отдельными государствами. Некоторые

из воевавших стран оказались совершенно отрезанными от всего мира (Германия). Прекратился привоз сырья и продовольствия. Огромные массы производительного населения, рабочих и крестьян, были отвлечены от своего труда вследствие призыва в армию. В некоторых странах до одной трети всего количества работников промышленности и сельского хозяйства стояло под ружьем. Притом не надо забывать, что на войну шел лучший производительный слой населения — мужчины цветущего возраста. Дома оставались старики, подростки, женщины, труд которых был конечно гораздо хуже.

Огромные области были разрушены и разорены до тла в процессе военных действий. Фронты мировой войны пролегали не только по сельскохозяйственным местностям, но часто и по важнейшим промышленным. Губительный огонь артиллерии сносил с лица земли фабрики, заводы. Затоплялись шахты, рудники, уничтожались целые города и промышленные районы, как например в Северной Франции, где проходил важнейший фронт мировой войны — западный фронт.

Наконец самое большое значение в хозяйственном развале, вызванном войной, имело то перерождение всего народного хозяйства, изменение характера производства, которое было продиктовано требованиями войны.

С наступлением войны характер производства коренным образом изменился. К прежним трем видам товаров — средствам производства, средствам потребления и предметам роскоши — прибавился теперь четвертый вид, занимавший все более видное место: орудия разрушения и истребления — пушки, снаряды, аэропланы, подводные лодки, винтовки, танки, ядовитые газы и пр.

Расходы на империалистическую войну составили, как указано выше, около 1200 млрд. марок, в то время как все богатство стран, участвовавших в войне, равнялось 2400 млрд. Ежегодный народный доход этих стран составлял 340 млрд. марок. Если мы примем в расчет, что народный доход каждой страны во время войны уменьшился хотя бы на одну треть вследствие огромного отвлечения рабочих рук и, стало быть, стал равен 225 млрд. марок, если мы далее примем, что все невоенные расходы поглощали 55%, то мы придем к выводу, что из текущих национальных доходов можно было бы покрывать военные расходы не больше как на 100 млрд. золотых марок в год. За четыре года войны это составит 400 млрд. марок. Следовательно, недостающие 800 млрд. марок должны были быть взяты из основного капитала воевавших наций. Отсюда вытекает, что общее достояние воевавших стран после войны уже составляло не

2400 млрд. золотых марок, а всего лишь 1600, т. е. на одну треть меньше.

Война произвела неслыханные разрушения в области людской рабочей силы.

В 1913 г. по всей Европе было 401 млн. человек, к середине 1919 г., если бы не было войны, при обычном естественном приросте населения должно было бы оказаться 424,5 млн., а на самом деле оказалось 389 млн. Стало быть, Европа вследствие войны потеряла 35,5 млн. человек, или около 9% своего населения. Влияние войны на сокращение населения Европы выразилось, во-первых, в прямой убыли людей на фронте в сражениях или в тылу от эпидемий, во-вторых, в сокращении числа рождений, в силу того, что мужчины были почти все мобилизованы, и, в-третьих, вследствие увеличения смертности из-за ухудшившихся условий жизни (голод, лишения и т. д.).

Если принять во внимание, что это огромное истребление, в невиданных в истории размерах, приходится главным образом на долю лучшей рабочей силы воевавших стран, то картина разрушения людского аппарата производства станет ясна.

К этому надо прибавить, что обширные слои квалифицированных рабочих были во время войны заменены малообученными. Произошла таким образом «расквалификация» рабочей силы, принесшая народному хозяйству большой урон.

Война принесла небывалые мучения широким массам трудящихся. Рабочие и крестьяне, одетые в солдатские шинели, поставлялись в качестве пушечного мяса на фронт, где их ожидала смерть или нечеловеческие страдания. Остающиеся в тылу работали на заводах до изнеможения за нищенскую плату. В условиях военной диктатуры всякое проявление недовольства со стороны рабочих беспощадно подавлялось самым зверским образом. Рабочие на предприятиях все время находились под угрозой отсылки на фронт, где их ожидала смерть или тяжелое увечье. Во время войны рабочие массы были обречены на голод.

Война *обострила* до крайности все *противоречия* капиталистического строя. Война углубила пропасть между рабочими и капиталистами. Война принесла разорение широким массам крестьянства. Война способствовала размыванию слоя служащих и мелкой буржуазии, вызывая обнищание этих кругов.

«Война эта была чисто империалистическая война, которую вела и германская и англо-французская буржуазия из-за грабежа чужих стран, из-за удушения малых народов, из-за

финансового господства над миром, из-за раздела и передела колоний, из-за спасения гибнущего капиталистического строя путем одурачения и разъединения рабочих разных стран» *(Ленин)*.

Последствия мировой войны и общий кризис капитализма

Война явилась неизбежным результатом всего развития империализма. Война показала, что капитализм окончательно стал помехой для дальнейшего развития человеческого общества. Война обнаружила, какую огромную опасность и угрозу для дальнейшей судьбы человеческого общества несет с собой капитализм.

Мировая империалистическая война положила начало общему кризису капитализма. Всемирная история открыла новую страницу. Октябрьская революция прорвала фронт империализма в России. На месте царской России — оплота самой черной реакции — возникло Советское государство. Одна шестая мира была вырвана из-под власти капитала и стала страной строящегося победоносного социализма. Октябрьская революция положила начало международной социалистической революции пролетариата. Она разделила весь мир на *два лагеря* — лагерь капитализма и лагерь строящегося социализма. Она пробила первую зияющую брешь в здании капитализма. Вместо прежнего единого мирового капитализма теперь в мире борются две в корне враждебные друг другу системы: система капитализма и система социализма.

Со времени Октябрьской революции капитализм перестал быть единственным строем общества, господствовавшим на земле. Рядом с ним возник новый строй, выросла новая система — социализм. Советский Союз является отечеством мирового пролетариата. Нынешняя эпоха — это эпоха *крушения и гибели* капитализма, эпоха мировой пролетарской революции и *победы социализма*.

Мировая война перекроила всю карту мира. Она в корне изменила *соотношение сил* между отдельными капиталистическими странами. Пролетарская революция победила в одной шестой части мира и вырвала ее из-под власти капитала. Но и в остальном мире, который остался под властью капитала, произошли очень важные изменения.

Война основательно подорвала народное хозяйство всех воевавших стран. Конечно победители — страны Антанты (т. е. союзные страны) — постарались переложить всю тяжесть военных издержек на побежденных. Однако среди побежденных можно было что-либо взять лишь с одной Германии, ибо

союзники Германии (Австро-Венгрия, Турция, Болгария) были в весьма плачевном состоянии. Германия была главным врагом стран Антанты. Именно конкуренция с германским империализмом привела империалистических владык Англии и Франции к войне. Поэтому первым делом победителей было покончить с Германией, вычеркнуть ее из числа возможных конкурентов, обезопасить себя от ее конкуренции, надолго остановить или задержать ход ее хозяйственного развития. В то же время надо было возложить на Германию возможно большую часть военных издержек. Мирный договор, заключенный в 1919 г. в Версале (вследствие чего принято называть его «Версальским миром»), предусматривает целый ряд мероприятий по ограблению Германии. Ряд областей был отторгнут от Германии; Франция получила области, богатые углем и железом; далее, Германия должна была отдать союзникам весь свой торговый флот; Германия отказалась от своих колоний, от всех своих владений за границей. Наконец — это самое важное — на Германию возложена дань под видом *платежей*, которые должны пойти на возмещение *(репарацию)* военных разрушений в союзных странах. Эти платежи были в Версале определены в сумме 132 млрд. марок; они должны быть внесены в течение ряда лет.

Ограбление Германии разбойничьим Версальским миром привело к тому, что из всех воевавших стран она оказалась после войны наиболее разоренной (если не считать маленькой Австрии, которую американские благотворители должны были при помощи милостыни спасти от самого настоящего голода).

Война коренным образом изменила соотношение сил в лагере стран-победителей. Больше всего выиграла от войны Америка, принимавшая очень незначительное участие в военных действиях, но чрезвычайно нажившаяся на военных поставках всякого рода. В итоге войны закатилась звезда английского капитализма. Англия потеряла свое первенство на мировом рынке. Она оказалась вынужденной уступить свое первенство молодому сопернику — САСШ. Противоречие и борьба между САСШ и Англией являются основной осью империалистических противоречий всего периода после мировой войны.

Америка оказалась достаточно сильной, чтобы извлечь массу выгод из войны, в которой ее старые конкуренты (в первую очередь Англия и Германия) перегрызали друг другу глотку.

Воюющие страны не могли удовлетворять своими силами все растущие военные потребности на бесконечные горы угля, чугуна, стали, хлеба, нефти, ткани. Этот огромный спрос на-

правлялся к Америке. В то же время освободился рынок сбыта промышленных изделий в земледельческих странах Южной Америки, Азии и т. д. Раньше туда ввозили свои промышленные товары Англия, Германия и другие европейские страны. Теперь о вывозе из этих стран не могло быть и речи. Все это вызвало невиданное развитие промышленности и сельского хозяйства САСШ. Америка сделалась богатейшей страной в мире. Центр тяжести мирового капитализма благодаря войне переместился из Европы в Америку.

До войны промышленность не занимала господствующего места в хозяйстве САСШ. В 1905 г. САСШ вывезли на 1 млрд. долл. продуктов сельского хозяйства и сырых материалов и только на 460 млн. промышленных изделий. Во время войны промышленность развивается неслыханно быстро. В 1914 г. промышленность САСШ произвела всего продуктов на сумму 24 246 млн. долл., а в 1915 г. — уже на 62 580 млн.

За время войны производство текстильных товаров выросло на 40%, производство стали — на 40%, добыча угля и производство меди — на 20%, производство цинка — на 80%, добыча нефти — на 45%. Постройка морских судов с 1913 по 1918 г. увеличилась более чем в десять раз, производство автомобилей — более чем в два раза. За время войны САСШ превратились в промышленную страну, вывозящую промышленные изделия. В 1919 г. из САСШ было вывезено на 2072 млн. долл. готовых фабрикатов и только на 1408 млн. — средств потребления и сырья.

Но и сельское хозяйство САСШ за время войны шагнуло вперед. Урожай увеличился за время с 1913 по 1918 г. примерно на 12%, количество скота возросло еще более.

Война сделала САСШ *богатейшей страной* в мире. Раньше богатейшей страной была Англия: она играла руководящую роль в капиталистическом мире, она владела капиталами во всех странах, в том числе и в Америке, — все были в долгу у Англии. Английские деньги — фунт стерлингов — считались самыми устойчивыми в мире; нельзя было себе представить, чтобы английский фунт обесценился. Война все переменила: Англия потеряла значительную часть своих богатств на войне и отступила на второй план, а САСШ чудовищно разбогатели.

За время с 1915 по 1920 г. САСШ вывезли на 18 млрд. долл. более, чем ввезли, иначе говоря, они отдали воюющим странам Европы на 18 млрд. долл. больше, чем получили от них взамен в виде ввозимых товаров. Чем была покрыта эта огромная сумма? Что получили за нее САСШ?

Прежде всего предприятия в САСШ, принадлежавшие европейским буржуа, перешли в собственность американцев. На это ушла изрядная сумма — от 3 до 5 млрд. долл. Затем более половины всего мирового запаса золота сконцентрировалось (собралось) в Америке; воюющие страны отдавали свои золотые запасы Америке взамен поставляемых ею масс военного снаряжения и средств потребления для войск и для населения. Наконец союзники остались после войны в долгу у Америки на огромную сумму, около 10 млрд. долл., или около 2 млрд. ф. ст. Таким образом после войны союзники остались должны САСШ около 2 млрд. ф. ст. Англия, задолжавшая САСШ около 900 млн. ф. ст., имела получить со своих должников 1,6 млрд. ф. ст. В результате заключенных в 1923—1927 гг. согла-

шений об урегулировании военных долгов задолженность бывших союзников и других государств САСШ определена (с процентами) в 2,4 млрд. ф. ст. Долги бывших союзников Англии сокращены настолько, что в конечном счете их платежи Англии должны сбалансировать английские платежи САСШ.

Что касается германских репараций, то их общая сумма была первоначально определена в 132 млрд. марок. План Дауэса, принятый в 1924 г., оставил вопрос о сумме репараций открытым, но обязал Германию делать до 1929 г. ежегодные взносы, которые должны были достичь в последние годы 2,5 млрд. марок. План Юнга, сменивший план Дауэса в 1929 г., обязал Германию платить в течение 59 лет взносы в среднем по 1,0 млрд. марок в год. План Юнга действовал всего лишь год и 10 месяцев. С 1 июля 1931 г. был введен так называемый мораторий Гувера, приостановивший на год все платежи по долгам и репарациям.

Состояние расчетов по долгам и репарациям между бывшими союзниками видно из следующей таблицы:

	Задолженность по отношению		Получили (по долгам)	Уплатили по репарациям
	к САСШ	к Англии		
САСШ	—	433,4	10,7	—
Англия	947	71,3	121,2	326
Франция	1 421	0,5	273,8	111
Италия	971	0,1	60,2	82,2
Бельгия	89,5	—	126,3	7,5
Югославия	38,5	—	36,5	1,5
Румыния	27	—	5,8	1,8
Португалия	28	—	4,0	1,5
Греция	24,7	—	4,1	1,7
Япония	—	—	4,0	—

Сумма репараций, уплаченная Германией наличными, составила за все время 645 млн. ф. ст.

Германские репарации и межсоюзные долги, оставшиеся в наследство от мировой войны, составляют одно из наиболее больных мест послевоенной капиталистической системы, один из узлов наиболее ожесточенной борьбы в лагере капиталистических стран, один из клубков острейших противоречий. САСШ занимают позицию невмешательства в репарационные дела: это, дескать, внутриевропейское дело, до которого Америке дела нет. Зато с тем большим остервенением они требуют уплаты военных долгов от своих союзников по войне. С другой стороны, должники Америки — Англия и Франция — всячески связывают вопрос о долгах с вопросом о репарациях. Они говорят Америке: мы будем платить долги, если получим от Германии оледуемые нам по Версальскому миру репарационные платежи. В середине 1932 г. в обстановке глубочайшего кризиса и финансового краха, когда уплата долгов фактически приостановилась и на ее возобновление особых надежд не было, Германия заключила так называемое Лозаннское соглашение со странами, которым она должна платить репарации. По этому соглашению репарационный вопрос разрешается таким образом, что Германия уплачивает союзникам около 3 млрд. марок в определенные сроки. Это соглашение не освобождает однако Германии от уплаты тех ростовщических займов, которые она вынуждена была заключить с целью уплаты репараций в течение ряда предыдущих лет, а также и от целого ряда других платежей, оставшихся в наследство от войны. Дальнейшая судьба Лозаннского соглашения зависит от поведения Америки.

Три периода общего кризиса капитализма

Гибель капитализма заполняет собою целую историческую эпоху. Это — полоса революционной борьбы международного пролетариата за свою диктатуру, за социализм.

Прошедшие после империалистической войны годы распадаются на *три периода*. Первые годы после войны (1918—1921) были периодом острейшего распада всей капиталистической системы и ожесточеннейшей борьбы между пролетариатом и буржуазией, переходившей в ряде стран в открытую гражданскую войну. В итоге военных разрушений, неслыханных потерь людьми и материальными ценностями, хозяйственная разруха достигла невероятных размеров. Все противоречия капитализма были обострены до крайности. Недовольство масс, очутившихся у разбитого корыта, росло. Страны Средней Европы пылали в огне гражданской войны. Советская республика просуществовала в 1919 г. несколько месяцев в Венгрии, несколько недель в Баварии. В 1920—1921 гг. капиталистические страны охватил глубокий хозяйственный кризис, еще больше обострivший противоречия.

Советский Союз в эти годы отбивал атаки объединенных сил русских белогвардейцев и международной буржуазии. Гражданская война закончилась победой и укреплением советской власти, все попытки интервенции разбились о железную несокрушимость пролетарской революции. Был создан Коммунистический интернационал — боевой штаб мировой революции. В ряде важнейших капиталистических стран впервые возникли коммунистические партии, поднявшие знамя революционного социализма, затоптанное в грязь и кровь предателями социализма из II Интернационала.

Однако буржуазии в ряде стран удалось с помощью предательской социал-демократии отбить атаки революционного пролетариата и сломить его сопротивление. В 1923 г. германской буржуазии удалось снова нанести поражение революционному пролетариату. Первый период таким образом закончился победой советской власти в СССР, с одной стороны, и временным поражением западноевропейского пролетариата — с другой.

Нанеся поражение рабочему классу, западноевропейская буржуазия переходит в общее наступление. Наступает *второй* период — период постепенно складывающейся частичной стабилизации в капиталистических странах. В лагере капитализма происходит известное «восстановление» части тех разрушений, которые оставила после себя мировая война. С другой стороны, этот период был периодом чрезвычайно бы-

строго восстановления народного хозяйства в СССР и серьезнейших успехов социалистического строительства.

Отбив атаки рабочих масс, буржуазия принялась залечивать наиболее зияющие раны, оставленные мировой войной. Способ этого лечения заключался в том, чтобы возложить всё бремя, оставленнсе империалистической бойней, на плечи рабочего класса. За счет невероятного снижения жизненного уровня рабочих буржуазия добилась временной и частичной стабилизации капитализма. В ряде стран было восстановлено денежное обращение, вконец расстроенное войной и послевоенной разрухой. Буржуазия принялась проводить капиталистическую рационализацию. Рационализация при капитализме означает чрезвычайный рост степени эксплоатации рабочего. Этой цели служат технические новшества, вводимые рационализаторами. Рационализация при капитализме сокращает число рабочих на предприятиях при росте их выработки. Часть рабочих попадает на улицу без всякой надежды на обратное возвращение на производство. Остающиеся пролетарии работают с удвоенной и утроенной интенсивностью, выматывая все силы на потребу капитала.

Частичная стабилизация капитализма могла быть только временной, шаткой, гнилой. Она могла только на самое короткое время приглушить некоторые из противоречий современного капитализма, но разрешить эти противоречия она была не в состоянии. Напротив, с каждым годом эти противоречия давали себя знать с возрастающей силой.

Стабилизация проходила под знаком усиления неравномерности в развитии отдельных стран. Одним странам удалось быстрее оправиться от тех или иных последствий войны, другие отставали в этом отношении. В разных странах денежное обращение было приведено в относительный порядок в разное время. Временное оживление производственного аппарата также началось в разных странах в различное время. Неравномерность развития в годы стабилизации была одним из источников тех противоречий, которые ярко обнаружились в скором времени.

На ряду с временной стабилизацией в капиталистических странах быстрыми шагами шло восстановление хозяйства в Советском Союзе, который самостоятельно, без иностранной помощи в очень короткий срок залечил глубочайшие раны, нанесенные хозяйственной жизни империалистической и гражданскими войнами. Укрепление и рост мощи Советского Союза углубляют и обостряют всеобщий кризис капитализма. Эксплоатируемые империалистами колониальные страны поднимаются на борьбу против эксплоататоров. Революция в Ки-

тае, несмотря на временные поражения, не даст покоя империалистам. Растет революционное движение в Индии, в ряде других колоний английского и французского капитала. Возрастают и обостряются противоречия между империалистическими странами. Перемещение экономического центра мира в Америку, превращение САСШ в мирового эксплоататора чрезвычайно обострили отношения между американской и европейской, в первую очередь английской, буржуазией. Противоречия между Америкой и Англией становятся осью мировой империалистической борьбы. По мере того как капиталистическая промышленность в ряде стран достигает довоенных размеров производства (примерно к 1927/28 г.), чрезвычайно обостряется борьба за рынки.

Наступает *третий период* послевоенного общего кризиса капитализма. Этот период характеризуется *обострением* основных *противоречий* современного капитализма. В 1927 г. в мировом хозяйстве было добыто по сравнению с 1913 г. нефти 300%, выплавлено чугуна — 102%, стали — 127%, собрано хлопка — 125%, пшеницы — 110%, ржи — 95%. Следующий 1928 г. дал дальнейший рост производства по многим товарам. *Капитализм* примерно через десяток лет после окончания войны *выходит за довоенные рамки.* Одновременно с этим происходит небывалый *рост* капиталистических *противоречий* как внутри отдельных стран, так и между ними. Третий период в развитии общего кризиса капитализма — это период расшатывания частичной и временной стабилизации капитализма; в обстановке мирового экономического кризиса, начавшегося в 1929 г. и потрясшего всю экономику капиталистических стран самым глубоким образом, наступает конец капиталистической стабилизации, о чем указал в своей резолюции XII пленум ИККИ осенью 1932 г.

Капиталистическая рационализация несет с собой невиданное усиление эксплоатации рабочего класса буржуазией. Рационализация до крайности обостряет классовые противоречия. Рационализация в условиях капитализма приводит к закрытию ряда устаревших предприятий, к сокращению числа рабочих на остальных фабриках и заводах. Получается *хроническая* (т. е. постоянная, непрекращающаяся) *безработица.* Даже в ряде развитых капиталистических стран положение рабочего класса ухудшается.

Так например даже в самой богатой капиталистической стране, которую соглашатели изображают чуть ли не как «рай земной», — в САСШ — с 1919 по 1925 г. произошли в этом отношении следующие изменения. Количество рабочих, занятых в промышленности, сельском хозяйстве, на железных дорогах, сократилось на 7%; продукция возросла на 20%; производительность труда рабочего поднялась на 29%. Число занятых в этих

областях рабочих уменьшилось за эти годы примерно на 2 млн. человек. Часть из них нашла себе работу в торговле, в качестве шоферов и т. п. Но значительная часть осталась без работы,

В Германии на пороге 1929 г. общее количество безработных было повидимому не менее 3 млн. человек. За последние годы капиталистической рационализации образовалась постоянная резервная армия, которая даже в моменты промышленного оживления не спускалась ниже 1—1,5 млн. человек. Из этого количества от полумиллиона до миллиона человек приходится на долю безработных, положение которых совершенно безнадежно. Это — подлинные жертвы капиталистической рационализации, которая вымотала все их силы и выбросила на улицу как негодную тряпку.

Общее число безработных, вытолкнутых в важнейших странах капиталистической рационализацией последних лет, достигает 10 млн. Как раз та же цифра, что и число убитых в мировой войне! Как и те жертвы, эти 10 млн. обречены капитализмом на конечную гибель; разница однако в том, что в «мирное» время жертвы капитализма умирают медленно.

Обнищание рабочего класса идет в ногу с ростом техники, выбрасывающим рабочих с заводов и в то же время увеличивающим в чрезвычайных размерах количество товаров, выходящих с этих же предприятий. *На ряду с ростом огромных количеств товаров суживается внутренний рынок*, зависящий от благосостояния широких масс. Увеличенное производство сталкивается с сократившимся потреблением масс. Трудности сбыта усиливаются и заставляют капиталистов разных стран *вести ожесточенную борьбу за внешние рынки.*

В третий период особенно резко обостряются противоречия между развитием производительных сил и суженными рынками. Растут как внутренние, так и внешние противоречия, раздирающие капиталистические страны в обстановке общего кризиса капиталистической системы. Третий период несет с собой опустошительнейшие кризисы и все возрастающую опасность новых империалистических войн.

В то же время в СССР происходит переход от восстановительного периода к реконструктивному. Начинает осуществляться план великих работ — пятилетка. Реконструкция народного хозяйства, гигантский рост социалистической промышленности, коренная переделка сельского хозяйства на основе коллективизации, — все это означает победное шествие социализма на огромной территории шестой части мира. Третий период обостряет борьбу двух систем — умирающего капитализма и бурно растущего социализма. Вся гибельность капиталистического строя, все преимущества социализма особенно ярко выступают в нынешний период, когда гигантский рост социализма в СССР происходит на фоне небывалого по своей глубине кризиса, потрясающего до основания капиталистические страны.

В годы частичной стабилизации капитализма буржуазные писаки и социал-фашистские лакеи капитала из кожи лезли

вон, чтобы доказать, что капиталистический строй полностью излечил раны, нанесенные войной, и окончательно преодолел послевоенный кризис. Защитники денежного мешка утверждали, что капитализм полон здоровья и сил, что ему предстоит блестящее будущее. Социал-фашисты в своей беспредельной лакейской угодливости буржуазии утверждали, что теперь наступила пора капиталистического процветания и благоденствия, тысячелетнее царство организованного капитализма, который не знает никаких потрясений, войн и кризисов.

Оппортунисты внутри коммунистической партии повторяли эти измышления защитников буржуазии в несколько более прикрытой форме. *Правые оппортунисты* повторяли социал-фашистские рассуждения насчет организованного капитализма. При переходе от второго периода к третьему правые оппортунисты попытались изобразить третий период не как период конца капиталистической стабилизации, а как период ее дальнейшего укрепления. Правые оппортунисты поддерживали сказку об американском процветании, создав теорию о том, будто Америка представляет собой «исключение», не затронутое общим кризисом капитала. Стабилизация капитализма в глазах правых оппортунистов была прочной и непоколебимой. Троцкисты попытались было первоначально отрицать всякое значение капиталистической стабилизации, отделываясь «левыми» фразами, но вскоре они полностью включились в общий хор голосов, славословящих прочность и устойчивость капиталистической стабилизации. Правые оппортунисты и троцкисты не хотели признать наступление нынешнего мирового кризиса даже тогда, когда большая часть буржуазных политиков была вынуждена признать наличие кризиса.

Наша партия и Коминтерн уже в период частичной стабилизации предвидели *неизбежность наступления нового кризиса*. Наша партия исходила из революционного, марксистско-ленинского анализа тех внутренних противоречий, которые неизбежно развиваются в современном капитализме. Тов. Сталин в своем докладе на XV съезде партии в декабре 1927 г. подчеркивал, что «из стабилизации рождается нарастание кризиса капитализма». Он говорил:

«Еще на XIV съезде говорилось в докладе, что капитализм может дойти до довоенной нормы, может перевалить через эту довоенную норму, может рационализировать свое производство, но что это еще не значит, — далеко еще не значит, — что стабилизация капитализма может от этого стать прочной,

что капитализм может вернуть себе былую довоенную устойчивость. Наоборот, из самой стабилизации, из того, что производство растет, из того, что торговля растет, из того, что технический прогресс и производственные возможности возрастают, в то время как мировой рынок, пределы этого рынка и сферы влияния отдельных империалистических групп остаются более или менее стабильными, — именно из этого вырастает самый глубокий и самый острый кризис мирового капитализма, чреватый новыми войнами и угрожающий существованию какой бы то ни было стабилизации. Из частичной стабилизации вырастает усиление кризиса капитализма, нарастающий кризис разваливает стабилизацию — такова диалектика развития капитализма в данный исторический момент».

Дальнейшее развитие показало полнейшую правильность этой оценки, данной т. Сталиным. Уже в конце 1929 г. наступил *«самый глубокий и самый острый кризис мирового капитализма»*. Этот кризис опрокинул все измышления буржуазных и социал-фашистских защитников капитализма, все оппортунистические теории. Этот кризис показал полную правильность той оценки третьего периода, которую дают наша партия и Коминтерн. Современный кризис в своем развитии привел к тому, что наступил *конец относительной стабилизации капитализма*, как указал в своей резолюции XII пленум ИККИ в сентябре 1932 г.

Фашизм и социал-фашизм

В условиях общего кризиса капиталистической системы происходит небывалое обострение классовых противоречий. В новой обстановке буржуазия, чувствуя приближение своей гибели, переходит к наиболее острым и жестоким методам подавления рабочего класса. В ряде стран буржуазия, отбив первые атаки рабочего класса в первые же послевоенные годы, устанавливает фашистскую диктатуру (Италия, Венгрия). В Германии буржуазия приходит к фашистской диктатуре через ряд промежуточных ступеней лишь в феврале 1933 г., когда к власти приходит правительство Гитлера.

Буржуазии все труднее становится удержаться у власти при помощи более прикрытых форм буржуазной диктатуры. Она переходит к открытой фашистской диктатуре. Она подавляет рабочее движение самыми кровавыми методами. Она устанавливает неприкрытый террор против рабочего класса и его организаций. Все это ярко свидетельствует о неустой-

чивости капитализма, о неуверенности буржуазии в ее завтрашнем дне.

Фашистская форма открытой диктатуры буржуазии чрезвычайно характерна для капитализма эпохи его загнивания и гибели. Фашизм пытается создать для буржуазии оплот против рабочего класса. Он обращается к широким слоям мелкой буржуазии, к крестьянству, служащим, мелким торговцам, интеллигенции. Он проникает в ряды наиболее отсталых групп рабочего класса. Он широко мобилизует всякого рода деклассированные элементы. Свою оголтелую защиту капитализма он проводит во всяком случае на первых порах под маской агитации против капитализма. Туманная демагогия против капитализма служит фашизму удочкой для уловления сторонников из среды обездоленных, но в то же время политически отсталых слоев мелкой буржуазии.

«Главной задачей фашизма является разгром революционного рабочего авангарда, т. е. коммунистических слоев пролетариата и их кадрового состава. Комбинация социальной демагогии, коррупции и активного белого террора, на ряду с крайней империалистической агрессивностью в сфере внешней политики, являются характерными чертами фашизма. Используя в особо критические для буржуазии периоды антикапиталистическую фразеологию, фашизм, упрочившись у руля государственной власти, все более обнаруживает себя как террористическая диктатура крупного капитала, теряя по дороге свои антикапиталистические побрякушки» (Программа Коминтерна).

В условиях общего кризиса капиталистической системы социал-демократия завершает свой путь предательства и измены, становясь партией социал-фашизма. Оппортунистическое перерождение пустило глубокие корни в партиях II Интернационала еще в довоенную эпоху. Мировая война привела к ярким проявлениям полнейшего предательства интересов рабочего класса со стороны международного меньшевизма. Социал-патриоты и социал-шовинисты в каждой стране поддерживали «свою», «отечественную» буржуазию в ее захватнической политике. После войны социал-демократия была той силой, которая сыграла наиболее крупную и ведущую роль в подавлении рабочих восстаний. Во всех странах социал-демократы не за страх, а за совесть спасали «свой» капитализм, не останавливаясь перед самыми подлыми приемами борьбы против революционного авангарда рабочего класса. В обстановке, когда буржуазия все более переходит к фашистским методам диктатуры, социал-демократия превращается в социал-фашистскую партию. Как для фашистов, так и для

социал-фашистов самым страшным врагом является революционный пролетариат. Стоя у власти, социал-фашисты в борьбе против революционных сил пролетариата все более применяют методы, характерные для фашизма. Вместе с тем социал-фашизм расчищает путь для прихода к власти фашизма. В наиболее яркой форме это произошло в Германии.

«Основная роль социал-демократии заключается теперь в подрыве необходимого боевого единства пролетариата в его борьбе с империализмом. Раскалывая и разлагая единый фронт пролетарской борьбы с капиталом, социал-демократия является

главной опорой империализма в рабочем классе» (Программа Коминтерна).

Заботясь о спасении обанкротившегося капиталистического строя, буржуазия переходит от одного метода борьбы против революционного пролетариата к другому. То она правит при помощи открытой фашистской диктатуры, то она предпочитает ставить ставку на социал-фашизм, обладающий огромным опытом по части обмана и предательства рабочего класса.

«Фашизм есть боевая организация буржуазии, опирающаяся на активную поддержку социал-демократии. Социал-демократия есть объективно умеренное крыло фашизма. Нет оснований предположить, что боевая организация буржуазии может добиться решающих успехов в боях или управлении страной без активной поддержки социал-демократии. Столь же мало оснований думать, что социал-демократия может добиться решающих успехов в боях или управлении страной без активной поддержки боевой организации буржуазии. Эти организации не отрицают, а дополняют друг друга. Это не антиподы, а близнецы» *(Сталин)*.

ВОПРОСЫ

1. Какие причины вызвали мировую империалистическую войну?

2. В чем заключались разрушения, произведенные войной?

3. Какая страна больше всего выиграла от войны?

4. Каким образом изменилось соотношение сил между державами в итоге войны?

5. В чем заключается общий кризис капитализма?

6. Чем отличается первый период общего кризиса капитализма?

7. Почему стабилизация капитализма могла быть лишь временной, частичной и непрочной?

8. В чем основные отличия третьего периода?

9. Какова роль фашизма и социал-фашизма?

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Современный мировой кризис капитализма

Самый глубокий и острый из всех кризисов

Кризис, который в настоящее время потрясает весь капиталистический мир, отличается небывалой силой. В истории капитализма много было кризисов, но никогда еще не было кризиса подобной остроты и глубины. По своему размаху, по своей силе и длительности, по глубине своего воздействия на все стороны капиталистического хозяйства нынешний кризис оставляет далеко позади все доселе бывавшие кризисы. Да это и не удивительно. Ведь современный кризис развернулся *на почве всеобщего кризиса капитализма*, наступившего вместе с империалистической войной. Современный кризис происходит в эпоху упадка и гибели капитализма, в эпоху войн и пролетарской революции.

Современный кризис отличается от всех предыдущих капиталистических кризисов весьма существенным обстоятельством. На ряду с капиталистической системой в настоящее время существует страна строящегося и победившего социализма — СССР. Мир стоит ныне под знаком *борьбы и соревнования двух систем* — умирающего капитализма и идущего от победы к победе социализма. Кризис небывалой силы потрясает капиталистические страны в то самое время, как в нашей стране идет небывалая стройка, происходит невиданный подъем социалистического хозяйства. Борьба двух систем чрезвычайно обостряет кризис капитализма. Существование СССР постоянно напоминает о неизбежной гибели капиталистического строя. Победоносное строительство социализма в СССР показывает обездоленным и порабощенным массам трудящихся капиталистических стран един-

ственный выход из царства рабства и угнетения, нищеты и разрухи.

«Это означает прежде всего, что империалистическая война и ее последствия усилили загнивание капитализма и подорвали его равновесие, что мы живем теперь в эпоху войн и революций, что капитализм уже не представляет единственной и всеохватывающей системы, системы мирового хозяйства, что на ряду с капиталистической системой хозяйства существует социалистическая система, которая растет, которая преуспевает, которая противостоит капиталистической системе и которая самым фактом своего существования демонстрирует гнилость капитализма, расшатывает его основы» *(Сталин)*.

Современный кризис является первым после войны *мировым* экономическим кризисом. Нынешний кризис развивался в разных странах *неравномерно*: одни страны были охвачены кризисом раньше, другие — позже. Кризис охватил разные страны с различной силой. Тем не менее он охватил *весь* капиталистический мир, и нет ни одной капиталистической страны, которая была бы пощажена кризисом. Таким образом, несмотря на неравномерность охвата кризисом отдельных стран, современный кризис является *всеобщим* кризисом, сжимающим в своих железных объятиях все капиталистические страны.

В прежние эпохи, когда капитализм еще не пришел в упадок, кризисы обычно следовали за довольно длительными периодами оживления, подъема и роста народного хозяйства капиталистических стран. Современный кризис в этом отношении коренным образом отличается от предыдущих «обычных» кризисов. Нынешнему кризису предшествовали лишь кратковременные вспышки оживления в разных странах.

Эти вспышки оживления имели место в различных странах в разное время и продолжались очень недолго. В Германии под знаком оживления прошел 1927 г. В следующем 1928 г. уже началось падение конъюнктуры. В Польше известное оживление имело место в 1927/28 г. В Японии 1928 г. и начало 1929 г. также прошли под знаком оживления. Напротив, в таких странах, как Англия, Австралия, Бразилия, оживления перед кризисом вовсе не было. Период, предшествовавший кризису, отличался большим застоем в хозяйственной жизни.

С наибольшей силой кризис охватил сильнейшую ведущую страну современного капитализма — САСШ. В течение долгих лет все лакеи буржуазии, все ее ученые приказчики и холопы из числа социал-фашистов прославляли «процветание» Америки и уверяли, что этому процветанию конца-края не будет. Кризис безжалостно развенчал и опрокинул эти предательские рассуждения. Мировой кризис почти одновременно начался осенью 1929 г. в двух противоположных очагах: в отсталых странах восточной и южной Европы (Польша, Румыния) и в самой передовой, самой могуще-

ственной стране современного капитализма — в САСШ. Из этих очагов кризис распространился по всему капиталистическому миру.

Кризис охватил как промышленные, так и аграрные страны; промышленный кризис совпал с сельскохозяйственным кризисом.

Все это делает современный кризис самым глубоким и острым из всех кризисов, которые когда-либо переживал капитализм.

Об этом свидетельствуют все основные показатели, характеризующие глубину и остроту кризиса. По всем основным показателям, рисующим падение производства, размеры безработицы и снижение зарплаты, падение товарных цен, падение внешней торговли, падение биржевых курсов акций и т. д., современный кризис оставляет далеко позади все предыдущие кризисы, имевшие место в истории капитализма.

Вот таблица, дающая сравнение современного кризиса с предыдущими в процентах падения:

Годы кризиса	Мировая выплавка чугуна	Строительная промышленность Соединенных штатов	Мировая внешняя торговля	Курс акций		Падение мировых товарных цен
				Соединенные штаты	Франция	
1873—1874 . .	8,9	—	5	30	—	20,2
1883—1885 . .	10,0	—	4	29	—	20,4
1890—1892 . .	6,5	—	1	—	21	—
1907—1908 . .	23,0	20,0	7	37	5	0,8
1920—1921 . .	43,5	11,0	—	41	25	21,0
1929—1932 . .	66,8	85,2	60	75	50	47,0

Небывалое до сих пор в мире падение производства теснейшим образом связано с гигантской безработицей. По размерам безработицы нынешний кризис оставил далеко позади все доселе бывшие кризисы. Достаточно сказать, что во время кризиса 1921 г., когда безработица достигла огромных по тому времени размеров, число безработных доходило примерно до 10 млн. человек, в то время как в настоящее время число безработных в важнейших странах капитализма составляет 40—50 млн. человек.

Все это блестяще подтверждает ту оценку, которую дал кризису т. Сталин в своем докладе на XVI съезде партии:

«Нынешний экономический кризис является самым

серьезным и самым глубоким кризисом из всех существовавших до сих пор мировых экономических кризисов».

Буржуазные политики и ученые, равно как их социал-фашистские лакеи, в первые месяцы кризиса старались всячески затушевать и скрыть от масс размеры и глубину кризиса. Они пытались убедить массы, что ничего особенного не случилось, что произошла лишь кратковременная заминка в делах, которая вскоре уступит место новому «процветанию». Своими неудачными пророчествами нового «процветания», которые проваливались одно за другим, особенно прославился прежний президент САСШ Гувер, который вследствие этого стал предметом насмешек даже в буржуазных кругах. Однако по мере затягивания и углубления кризиса буржуазия, ее печать, ее ученые и политики оказались вынуждены признать доселе небывалый охват и глубину кризиса.

Под ударами кризиса рухнули все социал-фашистские теории насчет бескризисного развития капитализма. Социал-фашисты со своей теорией «организованного капитализма» и после начала кризиса долго пытались замазать и приукрасить глубокие противоречия современного капитализма. Развитие кризиса заставило их утверждать теперь прямо противоположное тому, что они утверждали в начале кризиса. Они вынуждены теперь говорить об анархии капиталистического производства. Они вынуждены теперь признать кризис перепроизводства.

Кризис перепроизводства

Как и все кризисы при капиталистическом строе, современный кризис является кризисом перепроизводства. Товаров произведено больше, чем может принять рынок.

«Это значит, что произведено мануфактуры, топлива, фабрично-заводских изделий, предметов питания больше, чем могут купить на наличные деньги основные потребители, т. е. народные массы, доходы которых остаются на низком уровне. А так как покупательная способность народных масс в условиях капитализма остается на минимально-низком уровне, то излишек товаров, мануфактуры, хлеба и т. д. капиталисты оставляют на складах или даже уничтожают, чтобы удержать высокие цены, производство сокращают, рабочих рассчитывают, и народные массы вынуждены бедствовать из-за того, что произведено слишком много товара» *(Сталин)*.

Кризис перепроизводства означает отсутствие сбыта, сжатие рынков, закрытие фабрик, заводов, сокращение производства. Огромные массы произведенных товаров не находят *сбыта*. Это ведет к *накоплению запасов* всякого рода товаров. Образуются гигантские запасы сырья, промышленных товаров, сельскохозяйственных продуктов. Эти запасы давят на рынок. Значительную часть товарных запасов капиталисты уничтожают, чтобы сдержать снижение цен. Капиталисты с этой целью сокращают производство. Все эти меры помогают капиталистам удержать на короткое время цены на некоторые товары на сравнительно высоком уровне, но действие кризиса оказывается сильнее, чем все мероприятия капиталистов. Сокращение сбыта, сжатие рынков, накопление товарных запасов неизбежно ведут к колоссальному *падению цен*. При современном монополистическом капитализме наиболее могущественные монополистические объединения используют всю свою силу для того, чтобы удержать цены на свои товары на высоком уровне. Отсюда крайняя неравномерность в падении цен. В то время как наиболее сильные тресты и картели удерживают на довольно высоком уровне цены на свои товары, цены всех других отраслей неудержимо падают вниз.

Отсутствие сбыта, накопление запасов и падение цен ведут к *сокращению производства*. Падение производства имеет целый ряд последствий. Катастрофически растет армия *безработных*. Падает *степень нагрузки* предприятий. Вследствие этого себестоимость продукции возрастает, в то время как товарные цены летят вниз. Более слабые звенья капиталистического хозяйства лопаются. Множатся *банкротства*. Разражается *кредитный и финансовый* кризис.

Капиталисты выбрасывают на улицу миллионы рабочих. Безработные лишены всяких средств или получают нищенское пособие. Остающиеся на работе получают сильно пониженную зарплату. Заработок рабочих все сокращается. Но все это еще более сокращает покупательную способность рабочих масс. В то же время кризис в сельском хозяйстве сокращает доходы земледельческого населения. Крестьянские массы разоряются. Падение покупательной способности трудящихся масс *еще более обостряет* кризис перепроизводства, еще более сокращает сбыт.

Сокращение внутреннего рынка заставляет капиталистов вести отчаянную борьбу за *внешние рынки*. Но внешние рынки — это либо другие промышленные капиталистические страны, либо аграрные колониальные и полуколониальные государства. Буржуазия каждой промышленной страны стре-

мится оградить свой рынок от вторжения иностранной конкуренции. С этой целью вводятся неслыханно высокие пошлины, прямой запрет ввоза товаров и т. п. А рынки колониальных и полуколониальных земледельческих стран разорены и сокращены до чрезвычайности благодаря разрушительному действию аграрного кризиса, благодаря росту колониального гнета и эксплоатации. Все это ведет к катастрофическому падению внешней торговли, к крайнему обострению борьбы за рынки, к *гигантскому росту противоречий* в капиталистическом мире.

Вот например как описывалась картина кризиса в Америке в одном английском буржуазном журнале в 1931 г.:

«Европеец даже не может себе представить всю глубину паники, которая охватила в последние месяцы большинство американцев. Жители Америки питались годами доктринами непрерывно растущего процветания. Все верили в то, что акции будут вечно подниматься и все будут богатеть. Не приходится удивляться, если многие американцы начали думать, что пришел конец мира, когда произошло катастрофическое падение биржевых ценностей. Кризис является особенно тяжелым потому, что в Америке нет страхования от безработицы. Безработные должны жить благотворительными подачками. В Нью-Йорке и Чикаго находится около 1400 тыс. человек, живущих исключительно благотворительными подачками. Такие же огромные массы находятся и в других городах Америки.

Сельскохозяйственные районы также глубоко поражены кризисом. Хлопок, пшеница и другие сельскохозяйственные товары продаются по ценам ниже себестоимости. В одном лишь штате Миссисипи разоренные фермеры продали четверть всей своей земли для того, чтобы получить возможность внести налоги. Сотни тысяч служащих и интеллигентов также страдают от безработицы и умирают от голода. Тысячи студентов принуждены бросить учение в виду полного отсутствия средств. Если широкие массы теряют работу, то торговцы банкротятся и не могут уплатить своим кредиторам, и таким образом волна банкротств поднимается все выше. Другой причиной истерии в САСШ является вполне обоснованное недоверие по отношению к банкам. С начала кризиса обанкротилось около 4 тыс. банков, и в очень многих случаях вкладчики превратились в нищих. Люди, оставляющие свои деньги в банках, не уверены в том, что они их получат. Банки весьма часто буквально осаждаются вкладчиками, требующими выдачи своих денег. В связи с этим банки принуждены держать в своих кассах огромные суммы денег без движения исключительно для того, чтобы иметь возможность вернуть вкладчикам их деньги в любой момент.

Можно сказать, что прекратилось всякое строительство. Новые небоскребы стали редкостью. Большинство небоскребов, построенных после 1929 г., заселено лишь на 10—20%. Автомобильное движение сильно сократилось. Некоторые железнодорожные линии перестали работать. В магазинах, которые несколько лет назад были всегда переполнены покупателями, встречают теперь покупателя буквально как отца родного».

Таким образом развитие кризиса ведет к его дальнейшему углублению. Буржуазия пытается найти выход из кризиса путем неслыханного *нажима на рабочий класс*, путем организации новых империалистических *войн* и *интервенции* про-

тив СССР. Рабочий класс борется за *революционный выход из кризиса*, за свержение капиталистического гнета.

Мы уже знаем, что капитализм сам собой не сойдет со сцены, что он не погибнет автоматическим путем. Мы знаем, что всякие теории автоматического краха капитализма лишь наносят величайший вред делу рабочего класса, угашая в пролетариате волю к длительной и упорной борьбе, создавая и питая среди рабочих иллюзии о возможности прихода к социализму без жесточайшей борьбы, без гигантских жертв. Никакое углубление и обострение кризиса не делает положения совершенно безвыходным для буржуазии; *лишь борьба* между пролетариатом и буржуазией, борьба не на жизнь, а на смерть, *решает* вопрос о том, какой выход из кризиса победит: буржуазный или пролетарский.

Падение производства

Кризис перепроизводства ведет к колоссальному падению производства во всех отраслях хозяйства. Начиная с осени 1929 г., в капиталистических странах происходит *свертывание* и *сокращение производства* в небывалых доселе размерах.

В то время как в Советском Союзе каждый год дает новый значительный прирост производства, капиталистический мир, сжимаемый железными тисками кризиса, сворачивает производство в небывалых доселе размерах. В 1932 г. объем производства всех капиталистических стран мира вместе взятых дал сокращение более чем на одну треть по сравнению с тем высшим уровнем, который был достигнут в 1929 г. Это означает, что в 1932 г. в капиталистическом мире было произведено всяких ценностей на одну треть меньше, чем в 1929 г.

Падение производства всего сильнее в *основных*, *решающих* странах капитализма. Именно *крупнейшие* капиталистические страны, играющие *решающую* роль во всем капиталистическом мире, сильнее всего сократили свое производство под ударами кризиса.

Вот таблица, показывающая, как из года в год сокращалось производство в капиталистическом мире в целом и в важнейших странах капитализма в отдельности. Цифры означают процент изменения объема производства по сравнению с предыдущим годом.

Годы	Капиталистический мир	В том числе			
		Соединенные штаты	Англия	Германия	Франция
1930	—14	—19,3	—10,9	—17,5	+ 0,7
1931	—13	—15,6	—14,4	—17,5	—11,4
1932	—17	—20,7	+ 0,7	—17,8	—22,6

Из этой таблички мы видим, что кризис вызвал огромное снижение производства в наиболее передовых странах капитализма. Падение производства сильнее всего поразило *САСШ* и *Германию*. В этих двух странах промышленность за годы кризиса сократила свое производство более чем наполовину. Во *Франции*, охваченной мировым кризисом со значительным опозданием, объем производства в 1930 г. остался почти неизменным по сравнению с 1929 г., но, начиная с 1931 г., производство быстро сворачивается: к концу 1931 г. оно уже на 20%, т. е. на одну пятую, ниже 1929 г., а к середине 1932 г. падение производства составляет уже больше трети.

Падение производства в обстановке современного кризиса достигает размеров, беспримерных в истории кризисов с самого начала существования капитализма. В периоды прошлых кризисов падение производства считалось чрезвычайно глубоким, если оно достигало 10—15%. В настоящее время сокращение производства в капиталистическом мире в целом достигает огромных размеров — от одной трети до двух пятых. А в отдельных важнейших странах оно доходит, как мы видели, до половины.

Такое невиданное доселе сокращение производства отбрасывает страны капитализма далеко назад. Почти все страны капиталистического мира производят в настоящее время значительно меньше, чем они производили до войны. Если принять индекс производства в 1913 г. за 100, то САСШ еще держатся на уровне 1913 г., индекс производства Франции составляет 95, Англии — 83, Германии — 63, Польши — 46. САСШ еще не спустились ниже довоенного уровня, но они потеряли весь тот огромный прирост объема производства, который они имели за период войны и послевоенного развития. Зато европейские страны отброшены далеко назад по сравнению с довоенным временем. Польша, например, в настоящее время производит наполовину меньше, чем производила накануне войны, Германия — около двух третей, Англия — около четырех пятых.

Еще интереснее данные об уровне производства по отдельным отраслям промышленности капиталистических стран. Нижеследующая таблица показывает, на уровне какого года находилось производство в конце 1932 г. (см. таблицу на след. стр.).

Таким образом основные отрасли капиталистической промышленности отброшены на 25—40 лет назад.

Необходимо иметь в виду, что удары кризиса с особенной силой поражают ведущие, решающие, *важнейшие от-*

Страны	Уголь	Чугун	Сталь	Потребление хлопка
Соединенные штаты	1906	1898	1905	1893
Англия	1900	1860	1897	1872
Германия	1899	1891	1895	1889

расли производства. Кризис вызвал особенно глубокое падение в отраслях, производящих средства производства. Кризис, вызывая огромную безработицу и уменьшение зарплаты, сильнейшим образом сокращает потребление населения. Однако еще быстрее сокращается всякое промышленное строительство, переоборудование предприятий и т. д. Поэтому отрасли средств производства испытывают еще более глубокое падение, нежели отрасли средств потребления.

Падение загрузки промышленности и разрушение производственного аппарата

Катастрофическое сокращение производства в капиталистических странах означает неслыханное расхищение производительных сил.

Производственный аппарат, созданный потом и кровью трудящихся масс, используется в весьма малой степени. Значительное количество доменных печей и мартенов, шахт и рудников, машиностроительных заводов и текстильных фабрик стоит без движения. Предприятия, оборудованные по последнему слову техники, бездействуют. Огромные средства, вложенные в эти предприятия, пропадают без всякой пользы; сами предприятия от бездействия разрушаются. Подавляющее большинство действующих предприятий работает с неполной нагрузкой.

Степень недогрузки предприятий и степень неиспользования производственных возможностей промышленности значительно выше, чем сокращение производства. Дело в том, что и до кризиса промышленность важнейших стран работала далеко не с полной нагрузкой. Тов. Сталин в своем докладе на XVI партсъезде указывал, что «война оставила большинству капиталистических стран тяжелое наследство в виде хронической недогрузки предприятий и наличия миллионных армий безработных, превратившихся из резервных в постоянные армии безработных, что создавало для капитализма массу трудностей еще до нынешнего экономического кризиса и что должно еще больше осложнить дело во время кризиса».

Так, например, в САСШ хроническая недогрузка предприятий выражалась в том, что даже до наступления кризиса в 1929 г. там использовалось по углю всего 68% производственной мощности, по сырой нефти — 67, по нефтеперегонке — 76, по черной металлургии — от 60 до 80, в автомобильной промышленности — не выше 50, в станкостроении — 55, в хлопчатобумажной промышленности — 72, а в некоторых отраслях и того ниже, например в полиграфической — 50, в мукомольной — 40, в шерстяной — 36. Таким образом основные отрасли промышленности и до кризиса не могли полностью использовать свои огромные производственные возможности. Поэтому в настоящее время степень использования производственных возможностей особенно низка. В *Германии* производственный аппарат промышленности используется примерно лишь на одну треть своей мощности. Вот цифры, изображающие степень загрузки германской промышленности в процентах к ее мощности:

	Апрель 1931 г.	Январь 1932 г.	Апрель 1932 г.
Угольная промышленность (последняя цифра за март с. г.)	61,5	52,1	49,7
Металлургия	53,1	34,9	34,5
Машиностроение	42,9	27,4	26,2
Строительная промышленность .	28,3	10,2	16,5
Текстильная	59,4	50,3	4 ,9
Пищевая	55,8	51,5	48,7
Вся промышленность в целом .	47,7	33,6	35,3

Обычно весна ведет к некоторому оживлению за счет так называемых сезонных отраслей, т. е. тех производств, которые работают лишь в летние месяцы (строительство и т. п.). В 1932 г. весеннее оживление было почти незаметно. Некоторый рост нагрузки строительной промышленности был почти сведен на-нет дальнейшим падением нагрузки других отраслей. Важно заметить, что машиностроение, являющееся одной из основных и самых мощных отраслей германской промышленности, работает с нагрузкой всего лишь в одну четверть своей производственной способности.

Во всех важнейших странах капитализма чрезвычайно низка нагрузка *тяжелой индустрии* и в частности черной металлургии. Это выражается в огромном количестве потушенных домен. Так число действующих домен сокращалось следующим образом:

	Март 1929 г.	Март 1931 г.	Март 1932 г.	Ноябрь 1932 г.
Англия	145	81	69	59
Германия	98	56	40	40
Франция	157	132	79	82
Бельгия	56	47	43	35
САСШ	212	116	60	51

Только 13% сталелитейного оборудования, только 11% машин, производящих автомобили, осталось в работе в САСШ в декабре 1932 г. В Германии нагрузка всей промышленности упала в декабре 1932 г. до 36%, в тяжелой индустрии нагрузка еще меньше.

В САСШ за четыре года снесено на слом 60 доменных печей. В 1931 г. было полностью ликвидировано 12 мартеновских цехов — годовой производительностью в 710 тыс. т, снесено 13 прокатных станов. В Германии ликвидированы 23 домны и 38 мартеновских агрегатов.

В буржуазных газетах можно найти десятки описаний огромных кладбищ машин, выросших во всех капиталистических странах. Заколоченные ворота заводов и складов, мощные подъемные краны, стоящие без действия, заброшенные, заросшие травой заводские рельсовые пути, целые караваны великолепных грузовых и пассажирских пароходов, леса потухших фабричных труб растянулись на десятки километров в индустриальных районах самых богатых капиталистических стран.

Буржуазные экономисты признают, что, не говоря уже о капитальном строительстве, даже обычный ремонт и обновление, необходимые для восстановления изношенного оборудования, становятся невыгодными для предпринимателя. За годы кризиса появилась даже новая отрасль в капиталистическом хозяйстве — разрушение машин, уничтожение оборудования, сплошь и рядом вполне еще пригодного для работы. Для скупки на слом машинного оборудования создаются специальные конторы, не редко получающие заказы на снос целых предприятий. И это делается не только «кустарным порядком». Для дела разрушения изобретаются новейшие усовершенствованные способы, изыскиваются подлинные чудеса техники. Вот пример. Крупнейшие автомобильные заводы в САСШ обзавелись специальными машинами, очень сложной конструкции, которые в несколько минут уничтожают целый автомобиль, автоматически сплющивают его в кусок металла.

Прошло то время, когда ученые буржуазии прославляли век машин, хвастливо уверяя, что машина избавляет предпринимателя от неприятности иметь дело с рабочими. «Конвейер не бастует, не просит прибавки, не знает утомления» — кричали американские рекламы. Не то сейчас. Ученые лакеи буржуазии начинают сейчас всячески поносить машины. Они жалуются, что «машины начали плодиться и размножаться по своим собственным законам; человеческие существа, столь заботливо вскормившие их, проснулись и нашли

себя в окружении новой расы диких и опасных зверей, господствующих над ними». Они пытаются свалить на машины вину за всю бессмыслицу и хищность капиталистического строя. Модными стали рассуждения о том, что в кризисе виноват излишек машин, что машины избаловали народную массу, что нужно возвратиться назад, отказаться от технического прогресса. В передовых капиталистических странах, располагающих великолепными машинами, изобретаются специальные законы для возврата к ручному труду. «Назад к земле, к ручному труду», — вопят буржуазные мракобесы. В этих криках отражается гниение капиталистического строя. Этот строй способен только на реакцию и расхищение.

Нередко представители буржуазии высказывают надежды на то, что мелким, раздробленным предприятиям легче удастся приспособиться к сокращенному спросу, сэкономить расходы на содержание дорогого и неполностью загруженного оборудования, а главное легче наступать на рабочих, снижать заработную плату, удлинять рабочий день. Знаменитый Форд, которого буржуазные писаки прославили по всему миру, как изобретателя конвейера и массового производства, сейчас выступает в роли сторонника мелкого производства. «Генрих Форд, идеалом которого был комбинат РУЖ в Дирборне с нормальным количеством рабочих в 200 тыс человек, сейчас предвидит раздробление крупных промышленных предприятий в маленькие единицы, разбросанные среди ферм» — сообщает один американский журнал. В капиталистическом мире ведутся разговоры о «каникулах» ... для науки и техники. Только одна отрасль не нуждается в каникулах, она работает бешеными темпами. Это — производство орудий смерти и разрушения — военная промышленность, имеющая заказы в связи с бешеной подготовкой империалистов к новой войне.

Безработица и положение рабочего класса

Мировой кризис капитализма всей своей тяжестью обрушивается на рабочий класс. Кризис ведет к небывалому ухудшению положения рабочего класса, к неслыханному росту безработицы и эксплоатации пролетариата.

«Обнажились и обострились противоречия между буржуазией и пролетариатом в капиталистических странах. Кризис уже успел усилить нажим капиталистов на рабочий класс. Кризис уже успел вызвать новую волну капиталистической рационализации, новое ухудшение положения рабочего класса, рост безработицы, расширение постоянной армии безработ-

ных, снижение заработной платы. Не удивительно, что эти обстоятельства революционизируют обстановку, обостряют борьбу классов и толкают рабочих на новые классовые бои» *(Сталин)*.

Всеобщий кризис капитализма, наступивший с мировой войной, вызвал значительный *рост безработицы*. Со времени окончания войны в главнейших странах капитализма безработица достигает очень больших размеров. Промышленная резервная армия, исчезавшая в прежнюю эпоху в периоды высокой конъюнктуры, в послевоенную эпоху превращается в постоянную армию безработных. Размеры этой постоянной армии безработных были довольно велики еще до начала нынешнего кризиса. Так в Англии число безработных с 1920 г. не спускалось ниже миллиона. Безработица вырастает с волной капиталистической рационализации, распространившейся в 1925—1927 гг. За счет бешеного роста интенсивности труда капиталисты достигают «экономии» в расходовании рабочей силы. Сотни тысяч рабочих оказываются вследствие этого «излишними».

В июне 1927 г. в Англии было 8,8%, в феврале 1929 г. — уже 12,2% безработных, в Германии за то же время — 6,3 и 22,3%, или 2622 тыс. безработных, в САСШ в 1927 г. — 2,1 млн. и в конце 1928 г. и в начало 1929 г. — 3,4 млн. безработных.

Кризис вызывает колоссальный рост безработицы. Сокращение производства выбрасывает миллионы рабочих на улицу. Под ударами кризиса проводится дальнейшая интенсификация труда, повышается эксплоатация рабочих, остающихся на производстве. Таким образом масса рабочих опять-таки оказывается «излишней».

В период нынешнего кризиса безработица достигает размеров, доселе небывалых во всей истории капитализма. Число безработных в основных странах капитализма доходит в настоящее время по самым осторожным подсчетам до 45 млн. человек. Это составляет, если считать вместе с семьями, население такой страны, как САСШ. К этому числу следует присоединить огромные массы рабочих, которые частично безработны, т. е. работают 1-2 дня в неделю. Наконец сюда не входят огромные массы трудящихся колониального мира, которых кризис лишает последнего куска хлеба. За время кризиса мировая безработица выросла в 4-5 раз, а в ряде стран она выросла еще больше.

Надо иметь в виду, что важнейшие капиталистические страны не имеют сколько-нибудь упорядоченной и надежной

статистики безработных. Обычно статистические данные *сильно преуменьшены.*

В такой стране, как САСШ, вообще не ведется официального учета безработицы. Но даже буржуазные газеты не в состоянии скрыть тот факт, что сейчас в САСШ имеется около 17 млн. безработных. Это почти половина рабочего класса этой богатейшей индустриальной страны. В Англии есть данные о количестве безработных по спискам социального страхования. Эти списки показывают около 3 млн. безработных. Но за последний год с социального страхования было снято несколько сот тысяч рабочих. Сотни тысяч вообще не состояли на страховании. Можно считать, что в Англии армия безработных составляет не меньше 4 млн. человек. В Германии официальные данные о безработице сильно преуменьшены, количество безработных там, в особенности после прихода к власти фашистского правительства Гитлера, фактически больше 7 млн. человек. В Польше без работы свыше половины всего рабочего класса. За первую половину 1933 г. количество безработных во всем мире снова возросло.

Редко встретишь сейчас в любой капиталистической стране семью рабочего, в которой если не глава семьи, то дети, родственники не были бы безработными. Это значит, что скудный заработок работающего должен прокормить большее количество едоков. Это значит, что и работающий на производстве никогда не может быть уверен в своем завтрашнем дне, не может быть спокоен за свою судьбу, над ним постоянно висит угроза также оказаться выброшенным на улицу.

Капитал ведет отчаянное наступление на ту нищенскую помощь, которая оказывается безработным в капиталистических странах. Под предлогом «экономии» государственных расходов во всех странах значительно ухудшены условия помощи безработным. В таких странах, как Франция и САСШ, обязательного страхования от безработицы нет, и безработные могут умирать с голода или полагаться на частную благотворительность. Но и в тех странах, где существует обязательное страхование от безработицы, ведется отчаянный поход против пособий безработным. В Германии и Англии значительно снижен размер пособий. Помимо того очень значительная часть безработных вовсе лишена пособий.

В условиях кризиса буржуазия ведет наступление на условия жизни рабочего класса. Во всех странах *растет степень эксплоатации* тех рабочих, которые еще остаются на производстве. В ряде случаев имеет место удлинение рабо-

чего дня. Растет интенсивность труда. Частично безработные оплачиваются невероятно низко. Условия труда ухудшаются во всех отношениях.

Буржуазия пользуется обстановкой кризиса для организованного похода на уровень зарплаты рабочих *Снижение зарплаты* происходит во всех странах, во всех отраслях народного хозяйства. По мере углубления и обострения кризиса поход буржуазии за снижение уровня жизни пролетариата становится все сильнее. Все сильнее снижается зарплата, все более широкие слои рабочих обрекаются на полуголодное существование, связанное с изнурительным трудом.

За годы кризиса та сумма заработной платы, которую получает рабочий класс в целом, сильнейшим образом сократилась. В САСШ капиталисты сейчас выплачивают 33%, $^1/_3$ прежней общей суммы заработной платы. Заработная плата германского рабочего класса за годы кризиса сократилась на 26 млрд. марок, — в то же время в стране социализма, в СССР, за годы пятилетки фонд заработной платы вырос с 8 до 30 млрд. руб.

Все меньше и меньше становится получка, с которой рабочий возвращается с капиталистической фабрики в день выдачи зарплаты. Средняя заработная плата за 1932 г. пала на $^1/_3$. Германский рабочий зарабатывал в среднем в 1929 г. 42 марки в неделю. Сейчас недельный заработок —20—21 марка. Падают тарифные ставки, официально снижаются расценки, капиталисты просто перестают считаться с заключенными ранее тарифными соглашениями.

Один германский экономист подсчитал, как изменялся уровень реального заработка рабочих в главнейших странах капитала за последние десятилетия. На основе изучения этого вопроса он пришел к такому выводу: «Если сравнить уровень реальной зарплаты в настоящее время с реальной зарплатой предыдущих десятилетий, то получается следующее: В *Германии* и *САСШ* уровень реальной платы ниже, чем когда-либо в течение последнего полувека; в *Англии* реальная зарплата находится приблизительно на уровне конца XIX и начала XX столетий».

Эти выводы полностью подтверждаются данными по отдельным странам.

Германия. Средний размер зарплаты изменялся в течение последних десятилетий следующим образом (1900 г. берется за 100):

1887—1894 гг.	96
1900 г.	100
1894—1902 гг.	98
1903—1909 гг.	102
1909—1914 гг.	101
1924—1932 гг.	86

Уровень реальной зарплаты за последний период испытывает непрерывное снижение. Так, если взять 1913—1914 гг. за 100, то мы имеем

следующую картину: в 1928 г. уровень зарплаты в результате медленного повышения достиг 100, следующие годы дают непрерывное снижение:

1925 г.	98
1930 г.	89
1931 г.	79
1932 г.	64

В 1933 г. происходит дальнейшее снижение материального уровня жизни германского рабочего класса.

Еще больше ухудшается положение безработных. Не говоря уже о тех массах безработных, которые, главным образом по политическим соображениям, вовсе лишены пособий, фашистские органы власти производят снижение пособия для всех остальных категорий. Снижение пособия безработным за время фашистского режима происходило следующим образом: в феврале оно составляло в среднем в неделю (в марках) 3,75, в марте — 3,65, в апреле — 3,60 и в мае — 3,50. Нечего и говорить о том, насколько ничтожна эта сумма сама по себе, особенно если принять во внимание рост цен.

Англия. Средний размер зарплаты английских рабочих также показывает в течение последних десятилетий снижение.

Беря 1895—1903 гг. за 100, мы имеем следующее: от 1904 до 1908 г. — 97, от 1909 до 1914 г. — 96. В годы относительной стабилизации английского капитализма происходило повышение зарплаты. Начиная же с 1927 г., происходит снижение: в 1927 г. — 98, в 1929 г. — 97, в 1932 г. — 94.

В *САСШ* зарплата всего рабочего класса, повышаясь с 1922 г., в 1929 г. достигла самого высокого уровня. Так, беря 1898—1908 гг. за 100, мы имели в 1929 г. — 125. Но с этого момента начинается непрерывное снижение, отбросившее материальный уровень рабочего класса далеко назад. В 1930 г. индекс был равен 105, в 1931 г. — 91, в 1932 г. — 71.

В нынешнем 1933 г. чрезвычайное обострение кризиса, особенно в марте, по словам этого экономиста, «привело к огромному ухудшению положения рабочих».

Безработные на свалках в поисках отбросов пищи, бесконечные очереди у дверей благотворительных столовых, раздающих жалкое подаяние, — это сейчас обычная картина в любом капиталистическом городе. В Америке получило широкое распространение бродяжничество по большим дорогам. На любом шоссе можно встретить целые вереницы людей, передвигающихся, нередко целыми семьями, с детьми и со всем скарбом, в тщетных поисках работы. Обследование, произведенное одной благотворительной комиссией, показало, что в САСШ армия безработных, бродяжничающих по дорогам, больше полутора миллионов человек.

Голод доводит людей до отчаяния. По всему капиталистическому миру все время растет число самоубийств. В одном только Берлине кончает самоубийством на почве голода 60 человек ежедневно. В САСШ, в стране, обладающей половиной золотых запасов всего мира, беспризорные дети стали массовым явлением. Так называемая помощь безработным превращается в способ принуждения к рабскому, каторжному труду. Принудительный труд для безработных сейчас очень в ходу во многих капиталистических странах. Под угрозой лишения всякого пособия безработные сгоняются на так называемые «общеполезные работы» (большей частью это — либо черная работа у крупных помещиков, либо всякие военные сооружения) в различные лагери и поселки, в которых царит дисциплина тюрьмы. И оплата за труд, которого ли-

шаются работающие индустриальные и сельскохозяйственные пролетарии, такая же тюремная. Такие лагери принудительного труда для безработной молодежи сейчас строит усиленными темпами фашистское правительство в Германии. Этот пример очень соблазняет и другие капиталистические страны, так нагло кричавшие на весь мир о «принудительном труде» в СССР, в стране, где труд действительно превращается в дело чести, доблести и геройства.

Наступление капитала на жизненные интересы рабочего класса вызывает *сопротивление* со стороны широких слоев пролетариата. Стачечная волна прокатывается то по одной, то по другой из капиталистических стран. В условиях современного кризиса забастовочная борьба отличается особенным упорством. Она помогает рабочей массе разобраться в действительном положении вещей. Она ярко обнаруживает, где друг, где враг. Стачки в условиях современного кризиса быстро принимают характер вызова буржуазному строю, преступно осуждающему миллионы людей на беспросветную нужду.

Вот например одна из крупнейших стачек за последнее время — в угольном районе Бельгии, Боринаже. Год тому назад, 21 июля, 7 тыс. горняков в бассейне Боринажа прекратили работу. Четыре дня спустя стачка охватила уже весь район. Забастовало 25 тыс. рабочих. А к 12 июля к бастующим горнякам присоединились огромные отряды металлистов, стекольщиков, трамвайщиков и др. Армия забастовщиков выросла до 220 тыс. За время кризиса заработная плата бельгийских рабочих уменьшилась в среднем на 35—40%. Но положение горняков было наиболее тяжелым. Их заработная плата снижалась 7 раз и упала почти до половины прежнего. И на этот раз предприниматели попытались провести очередное сокращение заработной платы на 5%. Несмотря на все сопротивление реформистского профсоюза, упорно срывавшего стачку, бастующие рабочие развернули широкую массовую работу. Стачечные пикеты поднимали на ноги целые районы, передвигаясь на велосипедах. Делегации женщин останавливали шахты и заводы, собирали массы на грандиозные демонстрации. Кровавые схватки с отрядами жандармов, посланных на усмирение, доходили до подлинных уличных боев на баррикадах, опутанных колючей проволокой. Замечателен тот факт, что во все время забастовки нельзя было оставлять отряды солдат в стачечных районах больше 10—15 дней. Солдаты делили свои пайки со стачечниками, затягивали погрузочные работы, отвечали на призывы к братанию. До сих пор еще в очаге этой грандиозной стачки, имевшей огромное политическое значение, в районе Боринажа, непрерывно вспыхивают отдельные выступления рабочих.

Или вот другой пример — крупнейшая забастовка ланкаширских ткачей в Англии продолжалась с 29 августа по 27 сентября 1932 г. Около 160 тыс. рабочих выступили в ответ на требование фабрикантов снизить заработную плату на 3 шиллинга с каждого выплачиваемого фунта стерлингов зарплаты. Предательская тактика профсоюзов фактически сорвала забастовку, но рабочие извлекли из нее серьезные уроки.

Переплетение промышленного кризиса с сельскохозяйственным

Особенная острота и глубина современного кризиса обусловлены тем, что кризис захватил как промышленные, так и сельскохозяйственные страны. Промышленность и сельское хозяйство капиталистических стран охвачены до сих

пор небывалым кризисом. Нынешний кризис до крайности обострил и обнажил все основные противоречия капиталистического строя, в том числе противоречие между промышленностью и сельским хозяйством.

«В ходе развертывания экономического кризиса промышленный кризис главных капиталистических стран не просто совпал, а *переплелся* с сельскохозяйственным кризисом в аграрных странах, усугубив трудности и предопределив неизбежность общего упадка хозяйственной активности. Нечего и говорить, что промышленный кризис будет усиливать сельскохозяйственный, а сельскохозяйственный — затягивать промышленный, что не может не привести к углублению экономического кризиса в целом» *(Сталин)*.

Промышленный кризис ведет к неслыханному росту безработицы, к небывалому обнищанию рабочих масс. Нищета масс означает *сокращение сбыта* сельскохозяйственных продуктов. Помимо того сокращение производства означает сокращение спроса на сельскохозяйственное *сырье*: хлопок, шерсть и т. д. В свою очередь сельскохозяйственный кризис, разоряя крестьянские массы, лишает их возможности покупать промышленные товары, суживая таким образом рынок сбыта для промышленности.

Сельскохозяйственный кризис является ярким показателем неспособности капитализма справиться с современным развитием производительных сил Современная техника дает возможность применения совершенно новых способов труда, открывает возможность механизации, означающей гигантский рост производительности. Однако рамки капитализма чересчур узки для современных завоеваний техники. Обостряя противоположность между городом и деревней, капитализм обрекает сельское хозяйство на застой и прозябание. Капиталистические отношения стоят в качестве преграды на путях дальнейшего *развития* сельского хозяйства.

Упадок и застой сельского хозяйства в капиталистических странах особенно ярко обнаруживаются при сопоставлении с СССР. В то время как посевная площадь в Советском Союзе за один лишь 1931 г. выросла примерно на 10 млн. га, посевная площадь хлебных злаков во всех капиталистических странах выросла за последние 20 лет всего лишь на 30 млн. га. Мировая война вызвала тяжелый кризис сельского хозяйства капиталистических стран. Разорение крестьянских масс, сокращение производства в ряде стран были следствием этого

кризиса. Нынешний кризис, в котором промышленный и сельскохозяйственный кризисы друг с другом переплетаются, наносит удар существованию десятков миллионов крестьян.

Вызывая небывалое обнищание пролетариата и трудящихся масс, кризис резко сокращает спрос на продукты сельского хозяйства, сужает до крайних пределов рынок сбыта для этих продуктов. Чрезвычайное сужение рынка приводит к образованию огромных *запасов* сельскохозяйственных продуктов и к катастрофическому *снижению цен*. Образование запасов, сокращение сбыта, падение цен в свою очередь вызывают *сокращение производства* в сельском хозяйстве.

Посевные площади не засеваются, поля пустеют, доход огромной массы бедного и среднего крестьянства падает, происходит массовое разорение широких масс крестьянства.

Амбары и элеваторы в капиталистических странах забиты огромными запасами продуктов сельского хозяйства. Около 16 млн. т пшеницы, 10 млн. т сахара, 2 с лишним млн. т хлопка, 1½ млн. т кофе, несметные горы сельскохозяйственных продуктов тщетно ждут покупателей. Руководители буржуазии видят только один способ избавления от этого изобилия. Сжечь, сгноить, выбросить в море, уничтожить запасы и, главное, сократить обработку земли, заставить сельское хозяйство производить меньше товаров. И гноят и сжигают горы пшеницы и кукурузы, выливают в реки молоко, в Соединенных штатах мостят хлопком асфальтовые дороги, в Германии специально травят особой краской зерно, для того чтобы оно не годилось в пищу людям и могло быть только скормлено скоту. Нелегко согнать крестьянина с насиженного клочка земли. Тем не менее посевная площадь под пшеницей в САСШ уже упала в 1933 г. до 27 млн. акров против 38—39 млн. акров, которые засевались до кризиса.

Министерство земледелия САСШ разработало специальный проект уничтожения одной четверти урожая хлопка текущего года. Намечено введение налога на прядильные предприятия, с тем чтобы собранными путем этого налога средствами оплатить по крайней мере 10 млн. акров хлопковых плантаций, владельцы которых изъявят желание сдать в аренду свои участки для уничтожения посевов.

Буржуазные газеты, захлебываясь от восторга, рассказывают сейчас о повреждениях, нанесенных засухой и вредителями осенним и яровым посевам САСШ. Одна из газет пишет: «Не приходит ли природа нам на выручку? Не собирается ли она повторить историю Египта в дни фараона? Не последуют ли за семью годами обилия семь лет плохих урожаев?» Восторженно сообщается, что «плохие климатические условия грозят довести американский урожай в текущем году до самого низкого уровня за 40 лет». Передаются оптимистические слухи о сокращении посевной площади под хлопком.

Цены на сельскохозяйственные товары за годы кризиса пали очень сильно. Например оптовая цена пшеницы на мировом рынке сейчас пала на 70%, вдвое с лишним подешевели хлопок, сахар, кофе, шерсть. Казалось бы, что от этого должен был выиграть городской потребитель, масса населения. На деле же получается не так. Пока товар дойдет до потребителя, он переходит через руки десятков перекупщиков, оптовых торговцев, которые объединены в крупнейшие монополии и не допускают падения розничных цен. Розничные цены в большинстве капиталистических стран за годы кризиса пали незначительно, а в некоторых странах

даже выросли (например в Германии). Но фермер, масса трудящегося крестьянства имеет дело с оптовым покупателем и вынуждена продавать свои товары по крайне низким оптовым ценам, сплошь и рядом не покрывающим даже расходов на семена и инвентарь, не говоря уже о затраченном труде. В одном районе САСШ инженеры подсчитали, что при нынешней цене кукурузы выгоднее топить ею печь, чем покупать уголь. 40 мер кукурузы дают столько же тепла, сколько тонна угля, а выручить за них можно гораздо меньше. Чтобы купить одну пачку папирос, фермер должен продать три меры кукурузы, а еще года два тому назад за одну меру можно было купить пять пачек папирос.

Но налоги государству, арендную плату помещику, долги банку крестьянин должен оплачивать попрежнему и даже в возросших размерах. Расходы бедняцких и середняцких хозяйств по оплате процентов за долги и налогов пожирают львиную долю всего, что крестьянское хозяйство может выручить на рынке. За долги и налоги крестьянское хозяйство со всем его скарбом продается с молотка. Сотни и тысячи хозяйств уже ликвидированы не только в европейских странах, но и в САСШ, в той стране, на которую капиталисты указывали всегда как на пример благополучия и процветания сельского хозяйства при капитализме. На этой почве неслыханного разорения растет сопротивление трудящегося крестьянства гнету капитала, помещиков, банков. Крестьяне пытаются объединяться, организовывать своего рода стачки против продажи их скарба за долги, отказываясь покупать распродаваемое имущество. Были случаи в Америке, когда фермеры со всего округа, собравшись на распродажу с аукциона имущества разорившихся хозяйств, все единогласно предлагали за целое хозяйство со всем оборудованием один доллар — два рубля на наши деньги. И представители банков были вынуждены отложить распродажу и отсрочить уплату долгов. В Румынии, Польше, в сельскохозяйственных странах Европы все учащаются случаи, когда крестьяне сжигают долговые книги, выгоняют налоговых инспекторов, приезжающих собирать поборы, заставляют чиновников целовать крест, стоящий на околице деревни, и клясться, что они больше не явятся в эту деревню за сбором налогов. Полиция и жандармы жестоко расправляются с этим стихийным возмущением крестьянства. Забрасывая свое хозяйство, разоренные крестьяне увеличивают армию нищих, тянущихся по большим дорогам. Еще более ужасно положение батрачества в капиталистических странах. Массовым явлением и в Европе и в Америке стал отказ помещиков и кулаков, нанимающих батрацкую силу, расплачиваться за труд деньгами. Ведь за горсть зерна, за кучку полусгнившего картофеля можно найти городского безработного на ту же работу. Буржуазные писаки кричат о возврате к земле. Создаются специальные организации, которые должны организовывать так называемые «поселения» для безработных. Но это означает, что еще больше растут ряды карликовых хозяйств, которые при отсутствии инвентаря, при беспросветном труде на своих жалких клочках земли едва могут прокормить себя. Кризис капиталистического сельского хозяйства показал, насколько безвыходно положение мелкого производства при капитализме.

Под ударами аграрного кризиса больше всего страдают массы *бедного* и *среднего* крестьянства. Кризис ведет к обнищанию широких масс крестьянства. Кризис *ускоряет расслоение* крестьянства, переход многих сотен крестьян в ряды пролетариата. Тяготы, которые приходится нести крестьянам в капиталистических странах, под влиянием кризиса становятся особенно невыносимыми. Налоги и арендная

плата, уплата процентов по долгам и всякие другие повинности, — все это в условиях кризиса особенно тяжело давит на основные массы крестьянства.

Аграрный кризис ведет к сокращению производства сельскохозяйственных продуктов. Буржуазные правительства в ряде стран совершенно открыто проповедуют сокращение производства, заявляя, что это, по их мнению, единственный способ как-либо смягчить аграрный кризис. Сокращение сельскохозяйственного производства, так же как и в области промышленности, означает огромное расхищение производительных сил. Пшеничные и кукурузные поля остаются недосеянными, хлопковые, каучуковые, кофейные плантации остаются невозделанными или вовсе вырубаются. И это происходит в то время, когда миллионы людей не имеют куска хлеба, не имеют крова над своей головой, не имеют самой необходимой одежды.

Аграрный кризис и разорение крестьянских масс приводят к упадку сельского хозяйства. Катастрофически падает сбыт сельскохозяйственных машин и искусственных удобрений. В передовых странах капитализма в ряде случаев сокращается применение тракторов: при сокращении рынка и общем упадке хозяйства применение тракторов оказывается сплошь и рядом не под силу.

Падение внешней торговли

Кризис перепроизводства и сужение рынков сбыта ведут к сокращению внешней торговли. Современный кризис в отношении падения внешней торговли оставляет далеко все те кризисы, которые были в истории капитализма.

Об этом свидетельствует следующая таблица, дающая сравнение падения мировой торговли за 1929—1931 гг. с падением внешней торговли во время ряда предшествующих кризисов.

Сокращение оборотов внешней торговли

(в процентах)

Кризисы	
1873—1874 гг.	5
1883—1884 „	4
1900—1901 „	1
1907—1908 „	7
1929—1932 „	65

Падение мировой торговли ослабляет, а отчасти и вовсе уничтожает те хозяйственные связи, без которых капиталистическое хозяйство не может существовать. Промышленные страны прекращают или сильно сокращают ввоз сырья. Аграрные страны сокращают до последней степени ввоз про-

мышленных изделий. Это ведет к еще большему сокращению как производства, так и потребления широких масс трудящихся.

Упадок мировой торговли с наибольшей силой затрагивает крупнейшие капиталистические страны, занимающие преобладающее положение на мировом рынке. Вот цифры, показывающие сокращение экспорта и импорта важнейших капиталистических держав (цифры 1929 г. приняты за 100)

Упадок внешней торговли важнейших империалистических стран

	1930 г.		1931 г.		1932 г.	
	Импорт	Экспорт	Импорт	Экспорт	Импорт	Экспорт
САСШ	70	73	48	50	30,1	30,8
Германия . .	77	90	50	73	34,7	42,6
Англия . . .	86	78	72	53	57,6	50,1
Франция . . .	90	85	72	61	51,2	39,3
Италия	80	79	51	66	38,7	45,6

Такое сокращение внешней торговли ведет к небывалому *обострению борьбы за рынок*. Конкуренция между отдельными странами за рынок сбыта обостряется до крайней степени. Конкурентная борьба принимает исключительно острые формы. В каждой стране капиталисты стараются обеспечить за собой прежде всего внутренний рынок, не допустить конкурентов из-за границы. Вводятся небывало высокие пошлины. Неслыханный рост протекционизма во всех капиталистических странах имеет своим последствием чрезвычайное *усиление демпинга*.

Весьма характерными в этом отношении являются данные о продажных ценах германской промышленности на внутреннем и внешнем рынке. Вот таблица, рисующая движение внутренних и экспортных цен на сырье и полуфабрикаты, изготовляемые германской промышленностью:

Годы	Внутренние цены	Экспортные цены
1929 (среднемесячное)	135,7	125,3
1930 „	131,2	101,2
1931 „	117,6	77,1
1932 январь	106,6	67,7
1932 сентябрь	103,3	64,3

Кризис привел к необычайному росту конкуренции и борьбы империалистов за рынки. Каждый капиталист старается всеми силами сбыть с рук накопившиеся у него товары, найти покупателя. Но чем больше растет нищета и голод, тем труднее найти сбыт для залежавшихся товаров. А так как кризис царит во всем капиталистическом мире, то все труднее найти покупателя за границей, вывезти товары на внешний рынок. Ведь в каждой капиталистической стране есть свои монополисты, которые не могут найти рынка. В каждой капиталистической стране монополисты бешено дерутся за то, чтобы не допустить конкурента удержать рынок в своих руках. Каждая капиталистическая страна старается как бы огородить свои границы колючей проволокой, преградить всеми мерами и всеми средствами доступ для конкурентов. Эти ограды строятся в виде особенно высоких пошлин, которые взимаются на таможнях с ввезенных из-за границы товаров. Но как бы ни были высоки пошлины, конкуренты все же ухитряются их обойти. Они продают свои товары по бросовым, смехотворно низким ценам, покрывая убытки за счет повышения цен у себя на родине, внутри страны. Поэтому сейчас оказывается мало таможенных барьеров. Каждая капиталистическая страна изобретает все новые средства для того, чтобы огородить свой собственный рынок. Мало того, что назначаются такие пошлины, которые должны сделать невыгодным ввоз товаров. Государство сплошь и рядом закрывает свои границы для ввоза отдельных товаров, запрещает ввоз, запрещает или ограничивает вывоз золота для оплаты товаров, купленных за границей. Но в ответ на такую меру конкуренты из другой капиталистической страны в свою очередь вводят новые запрещения, новые ограждения ввоза. Эта *торговая война* уже несколько лет ведется со времени возникновения кризиса капитализма во всем капиталистическом мире.

Падение народного дохода и уменьшение национального имущества

Сокращение производства в промышленности и сельском хозяйстве, сокращение масс производимых товаров, уменьшение перевозок означают уменьшение тех сумм ценностей, которые производятся ежегодно в капиталистических странах. Меньше производится продуктов сельского хозяйства, меньше изготовляется промышленных фабрикатов. Огромные массы работоспособных людей обречены на бездеятельность в качестве безработных. Ясно, что от этого уменьшается вся сумма тех ценностей, которые ежегодно производятся в капиталистических странах. Это означает, что *падает народный до-*

ход капиталистических стран, т. е. вся масса производимой в той или иной стране продукции.

Но под влиянием кризиса падает не только ежегодный народный доход капиталистических стран. Фабрики, стоящие без дела, разрушаются. Дома, которые не ремонтируются, приходят в негодность. Поля, которые не возделываются, зарастают сорняками. Машины, которые не употребляются в дело, ржавеют и приходят в негодность. Огромные массы готовых продуктов, которым нет сбыта, уничтожаются самыми различными способами. В самых разнообразных формах происходит неслыханное *расхищение* и *уничтожение* накопленного десятилетиями упорного тяжелого труда богатства, сосредоточенного в богатых капиталистических странах. Происходит невиданное *расточение производительных сил*, накопленных трудом многих поколений. Вся сумма имеющихся в той или иной стране ценностей, — фабрик и заводов, домов, машин и оборудования, готовых продуктов и сырых материалов, — вся сумма этих ценностей называется обыкновенно *национальным богатством* той или иной страны. Само собою разумеется, что это богатство в капиталистических странах вовсе не находится в руках народа. Напротив, оно сосредоточено при капитализме в руках небольшой кучки эксплоататоров и паразитов, точно так же как и народный доход в капиталистических странах вовсе не достается народным массам, а в своей львиной доле попадает во владение многочисленному меньшинству тунеядцев.

Вот таблица, показывающая падение национального богатства и народного дохода важнейших капиталистических стран за два года кризиса (цифры означают миллиарды долларов):

	Национальное богатство		Народный доход	
	1929 г.	1931 г.	1929 г.	1931 г.
САСШ	400	240	90	54
Англия	115	69	19	11,4
Германия	80	48	15,5	9,3
Франция	68	51	9	6,7
Италия	30	18	5	3

Эти цифры показывают, что за 2 года кризиса пять важнейших капиталистических держав потеряли почти 40%

своего национального богатства (267 млрд. долл. из 693 млрд. долл. к началу кризиса). Их народный доход упал за тот же период с 137,5 млрд. долл. в год до 84,4 млрд. долл., т. е. также почти на 40%.

Эти цифры дают наиболее обобщенное выражение тех небывалых опустошений, которые произвел кризис в капиталистическом мире. Эти цифры ярко иллюстрируют всю бессмысленность, всю преступность капиталистической системы, слепо уничтожающей несметные богатства и обрекающей десятки и сотни миллионов людей на неисчислимые мучения и гибель.

По степени падения народного дохода и уничтожения национального богатства современный кризис оставляет далеко позади все предыдущие кризисы. Для сравнения достаточно указать, что во время кризиса 1901 г. народный доход Германии сократился на 6%, во время кризиса 1907 г. народный доход Германии упал на 4%, а народный доход Англии — на 5%.

Кризис и монополии

Одно из важнейших отличий современного кризиса состоит в том, что он развивается на почве *монополистического* капитализма.

«Нынешний капитализм, в отличие от старого капитализма, является капитализмом монополистическим, а это предопределяет неизбежность борьбы капиталистических объединений за сохранение высоких монопольных цен на товары, несмотря на перепроизводство. Понятно, что это обстоятельство, делая кризис особенно мучительным и разорительным для народных масс, являющихся основными потребителями товаров, не может не повести к затягиванию кризиса, не может не затормозить его рассасывание» (*Сталин*).

Лакеи буржуазии в течение многих лет уверяли, что рост монополий означает переход к организованному капитализму. Защитники капитала рассказывали сказки о том, что при монополистическом капитализме кризисы отходят в область прошлого. Нынешний кризис достаточно ярко обнаружил всю лживость подобных измышлений. На самом деле монополистический характер современного капитализма ведет лишь к чрезвычайному *обострению* кризиса, к его углублению и затягиванию.

Монополистические владыки прежде всего пытаются переложить всю тяжесть кризиса на широкие массы потребителей. Они стремятся сохранить вздутые цены даже в обстановке перепроизводства. И мы действительно видим, что, несмотря на перепроизводство, цены на целый ряд продуктов монополизированных отраслей промышленности понижаются

гораздо медленнее, чем цены товаров, производимых другими отраслями.

Об этом чрезвычайно ярко свидетельствует движение цен монополистических и не-монополистических отраслей в Германии.

Годы	Монопольные цены	Свободные цены
1929 январь	104,6	104,9
1930 декабрь	97,1	68,3
1931 „	90,6	54,0
1932 октябрь	83,9	47,2
Падение (в проц.)	19,8	53,7

Тем не менее в целом ряде случаев давление кризиса оказывается сильнее, чем монополистические связи, и тогда цены летят стремглав вниз, и сама монополия трещит по всем швам. В особенности это имеет место в отраслях, производящих сырье. Чрезвычайное сокращение спроса на сырье, возникновение огромных запасов заставляют в конце концов производителей итти на весьма значительное снижение цен. В этих отраслях монополистические союзы оказались не в силах удержать цену на высоком уровне.

В обстановке кризиса необычайно возрастают все противоречия, заложенные в природе монополистического капитализма. Совершенно ясно, что стремление монополий к удержанию высокого уровня цен ведет к острейшему противоречию между немногими монополиями, с одной стороны, и всей массой потребителей их продукции — с другой. Обостряется противоречие между монополизированными отраслями и теми отраслями, в которых монополии играют незначительную роль. Далее чрезвычайно обостряются противоречия между монополиями. Резко усиливаются противоречия, раздирающие отдельные монополии, возрастает борьба внутри отдельных монополистических организаций. Ряд монополий не выдерживает ударов кризиса и распадается.

За время кризиса распались например следующие крупные монополистические объединения: Международный цинковый картель, Европейский чугунный картель, Международный оловянный картель. Под сильнейшими ударами находится все время Европейский стальной картель, который оказался вынужденным фактически допустить возврат к свободной конкуренции между своими участниками. В Германии распалась организация производителей искусственного шелка, лопнул Цинковый картель; во Франции распался Чугунный синдикат и т. д.

Монополистический характер современного капитализма ведет к затягиванию кризиса. В эпоху свободной конкуренции всеобщее снижение цен, крах наиболее слабых предприятий, сокращение производства вели к постепенному рассасыванию кризиса и к возобновлению кругообразного движения промышленности. При господстве монополий этот способ стихийного рассасывания кризиса чрезвычайно затрудняется. Господство монополий ведет к обострению кризиса и его дальнейшему углублению.

«Господство монополистического капитала, ныне подчинившего себе почти всю экономику капиталистического общества, в условиях общего кризиса капитализма чрезвычайно затрудняет изживание экономического кризиса обычным для капитализма времен свободной конкуренции путем. Чем больше удается верхушкам финансовой олигархии при уменьшающейся массе прибыли урвать себе за счет других, ограблять трудящихся, чем выше устанавливаемые ею таможенные барьеры, тем больше суживаются внутренние и внешние рынки, тем более углубляется кризис. Отсюда однако отнюдь не вытекает вывод об автоматическом крушении капитализма, а вытекает неизбежность дальнейшего роста революционного подъема и дальнейшего обострения основных противоречий, толкающих буржуазию на путь их насильственного разрешения как внутри страны, так и на международной арене» (из резолюции XII пленума ИККИ).

Кредитный и финансовый кризис

Монополистический характер современного капитализма наложил заметный отпечаток на весь ход развития. Одним из следствий монополистического характера современного капитализма является известное своеобразие в развертывании кредитного кризиса.

При прежних кризисах *область кредита* была одной из первых областей, в которых открыто и бурно проявлялся кризис. Заминка в сбыте довольно быстро вела к тому, что предприятия, не имевшие возможности распродать свои товары, вылетали в трубу: не имея денег для расплаты со своими кредиторами, они бывали вынуждены объявить себя банкротами, т. е. несостоятельными должниками. Банкротство предприятий в домонополистическом капитализме очень быстро вызывало банкротство банков, с которыми эти предприятия были связаны. В то же время банкротство предприятий вело

к тому, что сокращалось производство, с рынка уходили наиболее слабые предприятия, выживали наиболее приспособленные и крепкие предприятия. Таким образом кризис, губя мелкие и отчасти средние предприятия, еще более усиливает позиции некоторых групп крупного капитала.

Монополистический характер современного капитализма привел к тому, что кредитный кризис открыто разразился лишь в 1931 г., когда кризис уже чрезвычайно глубоко охватил всю хозяйственную жизнь капиталистических стран. Господство монополий не только не спасло капиталистические страны от бедствия кредитного кризиса, как надеялись защитники капитализма и в первую очередь социал-фашисты, но оно обусловило наиболее болезненное течение и наиболее глубокое влияние кредитного кризиса на все дальнейшее развитие мирового кризиса капитализма.

Господствующие в современном капитализме монополии с самого начала кризиса стали перекладывать потери от кризиса на плечи немонополизированных отраслей, где преобладают предприятия средней величины. И одновременно с тем монополиям приходилось сильнейшим образом сокращать производство, чтобы удержать на высоком уровне цены в обстановке сильного сокращения сбыта. Сокращение производства неминуемо ведет к *сокращению прибылей* и к огромным сдвигам в *распределении прибылей* между отдельными группами капиталистов. Сокращение производства ведет к небывалой недогрузке предприятий. Огромные производственные возможности не используются. Недогрузка означает рост себестоимости, который лишь в небольшой степени выравнивается за счет неслыханного нажима на рабочий класс, за счет сокращения зарплаты до нищенских пределов. Все это неизбежно ведет к тому, что крупнейшие монополистические предприятия, которые прежде загребали колоссальные прибыли, начинают *терпеть убытки.*

Так, например, в Америке доходы акционерных предприятий падают с начала кризиса. В первом квартале 1932 г. доходы акционерных обществ дали новое падение. Доходы 150 обследованных акционерных обществ составляли:

I квартал	1929 г.	430 млн.	долл.
I „	1930 „	382 „	„
I „	1931 „	169 „	„
I „	1932 „	69 „	„

Возрастает процент акционерных обществ, работающих с дефицитом. Так в первом квартале 1929 г. с дефицитом работало 2% этих 150 акционерных обществ, в первом квартале 1930 г. — 11%, в первом квартале 1931 г. — 30% и в первом квартале 1932 г. — 46%. Таким образом почти половина акционерных обществ работает с дефицитом. За первый

квартал 1932 г. дефицит этих обществ превысил 57 млн. долл. Огромные убытки терпит предприятие Форда. В то время как еще в 1930 г. Форд закончил год с прибылью в 44 млн. долл., в 1931 г. он потерпел убытки около 56 млн. долл. Американский стальной трест, одно из крупнейших промышленных предприятий САСШ, потерял в первом квартале 1932 г. 13 млн. долл. Крупнейшая железнодорожная линия Америки — Пенсильванская железная дорога — впервые за время с 1847 г. не смогла выплатить дивиденды своим акционерам.

Германский стальной трест закончил 1931 г. с убытком в 19 млн. марок, а «Всеобщая электрическая компания» — в 20 млн. марок.

Разумеется, надо иметь в виду, что крупнейшие капиталисты, возглавляющие монополистические объединения, предприятия или банки, в подавляющем большинстве случаев имеют массу способов переложить действительные потери на плечи широкого слоя держателей акций. Убытки оплачивает таким образом всякого рода мелкий люд, помещающий свои сбережения в акции предприятий, а также капиталисты помельче.

Кризис ведет к небывалому количеству *банкротств* всякого рода предприятий.

Движение числа банкротств в САСШ

	Общее число банкротств	В том числе банков
1929 г.	22,909	642
1930 „	26,355	1 345
1931 „	28,285	2 298
1932 „	31,822	1 453

Рост банкротств в не меньшей степени охватил и другие страны.

Кредитный кризис нарастал давно. Банкротства предприятий, связанных с банками, затруднения в государственных бюджетах капиталистических стран, сокращение прибылей и рост убытков, падение курсов акций, — все это подготовляло тот взрыв кредитного кризиса, который с особенной силой разразился в середине 1931 г. Промышленные банкротства, возникшие вследствие падения производства, невозможности реализации продукции, обесценения запасов и т. д., неизбежно привели к банкротству кредитных учреждений. В свою очередь банковские крахи создают затруднения для промышленности и вызывают новые промышленные банкротства.

Кредитный кризис разразился раньше всего в *Германии* и *Австрии*. Еще весной 1931 г. в Австрии лопнул крупнейший банк, державший в своих руках 75—80% всей промышленности страны. За этим после-

довал крах ряда крупнейших промышленных предприятий в Германии. В июне 1931 г. лопнул третий по величине банк Германии (Дармштадтский и Национальный банк), равно как другой крупнейший — Дрезденский банк. Из Центральной Европы волна кредитного кризиса перекинулась в *Англию*, где в сентябре 1931 г. был отменен размен фунта стерлингов на золото, захватив вскоре также *Францию*, *Америку* и другие капиталистические страны.

В 1931 г. банкротства стали захватывать не только мелкие и средние предприятия, но и крупнейшие промышленные предприятия, теснейшим образом связанные с банками и со всей системой финансового капитала.

Под ударами кризиса во второй половине 1931 г. и в течение 1932 г. лопнул ряд крупнейших предприятий, составляющих «красу и гордость» мирового монополистического капитала. Лопнул Шведский спичечный трест Крейгера. Работая на американские деньги, Крейгер стремился захватить спичечную монополию во всех странах. Он вел бешеную борьбу против Советского Союза: наш вывоз спичек был для него нежелательным препятствием. Накануне своего банкротства Крейгер застрелился. После его смерти обнаружилось, что он в течение последнего времени держался лишь на ряде подлогов и мошеннических проделок, при помощи которых он на время отодвинул момент своего краха. Обнаружилось также, что у спичечного короля на откупе были видные государственные деятели ряда стран. На его содержании были многие из социал-фашистских вожаков.

Таким же мошенником оказался один из крупнейших дельцов капиталистической Америки — Инсул. Весной 1932 г. обанкротился его концерн, которому принадлежали электростанции, газовые заводы и водопроводы в 60 городах Соединенных штатов, с капиталом в полмиллиарда долларов.

Кризис ведет к глубоким затруднениям в области *государственных финансов*. Крупнейшие капиталистические государства, несмотря на огромное повышение налогов и пошлин, не могут свести концы с концами. Расходы превышают доходы. Львиная доля расходов идет на подготовку к новой войне и на подавление пролетариата, и эти-то расходы буржуазия ни за что не снижает. В результате — бурный рост бюджетных *дефицитов*. В САСШ бюджет за 1931/32 г. был сведен с дефицитом около 4 млрд. долл. Финансовый кризис в настоящее время охватывает в той или иной степени почти все капиталистические страны. Финансовый кризис привел уже к *банкротству* ряда государств, которые оказались не в состоянии платить свои государственные долги. Особенно плохо обстоит с уплатой *внешних долгов*. Сокращение торговли означает сокращение иностранной ва-

люты, необходимой для уплаты внешних долгов. В результате в настоящее время Венгрия, Болгария, Австрия и Греция не платят своих внешних долгов. Точно в таком же положении почти все государства Южной и Центральной Америки: Мексика, Бразилия, Боливия, Чили, отчасти Аргентина и т. д.

Фактически перестала с июля 1931 г. платить большую часть своих внешних долгов Германия. Общая сумма долгов, которые таким образом повисли в воздухе, достигает 7-8 млрд. руб.

Обесценение валют и обострение борьбы за рынки

Кредитный и финансовый кризис неразрывно связан с *валютным* кризисом, т. е. с кризисом *денежной системы*.

В течение 1931—1933 гг. совершился *отказ* важнейших стран капитализма от *золотой валюты*. Самые богатые и могущественные страны капитализма одна за другой провели прекращение размена своей валюты на золото. К середине 1933 г. из крупных капиталистических стран золотую валюту сохранила одна лишь Франция.

В капиталистических странах бумажные деньги, находящиеся в обращении, обеспечиваются запасами золота, хранящимися в банках. Этими золотыми запасами капиталистические страны расплачиваются на мировом рынке по своим долгам, как за купленные товары, так и за займы, произведенные у других стран. Но в обстановке кризиса, когда капиталистическое хозяйство попятилось во всех странах, большинству государств становится все труднее сохранить свои золотые запасы для покрытия денег. Государственная казна сама терпит крупнейшие убытки, так как падают доходы от государственных предприятий, масса денег тратится на поддержку крупных капиталистов, вылетающих в трубу, падает цена государственных займов, все труднее выколотить из обнищавших народных масс налоги. Кроме того капиталистические страны тратят огромные деньги на вооружения, на содержание армии и флота, на содержание полиции и всевозможных вооруженных банд для кровавой расправы с рабочим классом. А ведь известно, что на этих расходах капиталисты не любят экономить. Наоборот, за годы кризиса во всех капиталистических странах расходы на содержание всего аппарата насилия и войны гигантски возросли. В результате бюджет капиталистических стран становится убыточным, доходы не покрывают возрастающих расходов. Все это вместе взятое приводит к тому, что буржуазные государства начинают покрывать свои расходы за счет выпуска бумажных денег, за счет печатного станка. Но раз начинают

выпускаться лишние массы денег, цена их падает, они обесцениваются. Такое обесценение денег называется инфляцией. В настоящее время инфляция, большая или меньшая, имеется уже в 60 с лишним капиталистических странах. Первыми, понятно, встали на путь инфляции более слабые страны, у которых особенно сильна задолженность за границей. Но вот уже около двух лет, как старая, могущественная капиталистическая страна, грабящая массу колониальных народов во всем мире, тоже встала на путь инфляции. Английские деньги (фунт стерлингов) перестали обмениваться на золото по прежней цене, их цена пала приблизительно на одну треть. Понятно, что капиталисты этой богатой страны, которые все время строят козни против СССР, пошли на то, чтобы обесценить свои деньги, не от хорошей жизни. Их заставило это сделать развитие кризиса и конкуренция противников на мировом рынке. Но как это ни странно кажется на первый взгляд, обесценение денег дает капиталистической стране преимущества против других стран на мировом рынке. Это получается потому, что ее товары в золоте стоят в таком случае дешевле. Цена в бумажных деньгах может даже вырасти, но если эти деньги выменять на золото, то окажется, что товары страны, обесценившей свои деньги, по отношению к золоту стали дешевле. А дешевой ценою легче побить конкурентов на мировом рынке. Те страны, у которых товары продаются по ценам в прежних, не подешевевших по сравнению с золотом, деньгах, оказываются в проигрыше. И они не хотят отставать от своих противников. Тем более, что, как мы уже видели, при кризисе удержать стоимость денег не легко. И вот мы видим, что и другая самая крупная капиталистическая страна в мире, САСШ, страна самая богатая из всех, также начала обесценивать свои деньги, свой доллар. Американский доллар и английский фунт стерлингов считались самыми прочными во всем капиталистическом мире. На них молились, в их твердость верили дельцы всех капиталистических стран, они ценились наравне с золотом, в них хранились накопленные средства других, менее богатых капиталистических стран. И эти две твердыни сейчас пошатнулись и потащили за собой деньги других, зависимых капиталистических стран. Третья крупная, разбогатевшая во время войны страна — Япония, обесценила свои деньги почти на две трети против прежней цены в золоте. Из этого падения цены денег наиболее крупных, наиболее могущественных капиталистических стран выросла новая драка, новая свалка между капиталистами. Ведь каждая страна, обесценившая свои

деньги, может, продавая дешевле свои товары на мировом рынке, бить конкурента. Но никто не собирается уступать друг другу, каждый старается урвать свое. Если Англия и Япония продают дешевле, то от них не хотят отставать и САСШ. И они стараются сбить цену своих денег на мировом рынке и сбить по возможности больше своих противников. Каждый хочет урвать свое, угробить конкурента. Так уж устроен капиталистический мир. Каждый за себя, а за всех бог, — говорит пословица, рожденная капиталистическими порядками соперничества и конкуренции. Таким образом в драке за рынки стало фигурировать новое оружие — обесценение денег. И этим оружием ведется *валютная война*.

В середине 1933 г. в Лондон съехалось со всех концов света полторы тысячи делегатов на мировую экономическую конференцию. Они судили и рядили о том, как наиболее выгодно поделить между собой рынки, как привести в порядок обесценивающиеся деньги, как прекратить торговлю-войну, подрывающую внешний торговый оборот. И только представитель СССР, т. Литвинов, в своей речи ясно и отчетливо доказал, что причиной драки и всеобщей свалки, царящей сейчас, является сам капиталистический строй, родивший нынешний кризис. Тов. Литвинов указал, что СССР, который не знает кризиса, хозяйство которого непрерывно идет в гору, мог бы приобрести дополнительно на миллиард долларов товаров на мировом рынке, если бы капиталисты согласились дать нам достаточно льготные условия кредита, если бы прекратилась борьба капиталистических стран против нашего вывоза и всякие враждебные вылазки против страны пролетарской диктатуры.

Обострение противоречий капитализма и конец капиталистической стабилизации

Кризис ведет к небывалому обострению и обнажению противоречий, раздирающих капитализм. Обострение общего кризиса капитализма создает новую обстановку, которая отличается чрезвычайной напряженностью. Происходит ряд сдвигов, обостряющих противоречия капитализма.

В результате кризиса капитализма, с одной стороны, и победоносного социалистического строительства в СССР, с другой стороны, происходит громадный сдвиг в соотношении сил между миром социализма и миром капитализма. Советский Союз окончательно закрепился на позициях социализма. Осуществление первой пятилетки дало в нашей стране всемирно-исторические победы социализма. Вторая пятилетка ставит перед страной гигантскую задачу окончательной ликвидации классов, превращения всего трудящегося населения СССР

в сознательных и активных строителей бесклассового социалистического общества. Успехи социалистического строительства обеспечивают экономическую самостоятельность СССР по отношению к капиталистическому миру. Революционизирующая роль СССР возрастает. Взоры миллионов обреченных на голод людей обращаются в сторону единственной страны, где нет кризиса, где успешно осуществляется построение социализма. Никогда еще с такой силой не обнаруживались противоречия между гибнущим капитализмом и социализмом, которому принадлежит будущее. На фоне гигантских побед социализма в СССР все отчетливее и ярче выступают несостоятельность и банкротство капиталистической системы, несущей с собой небывалое разрушение и возврат к варварству.

На ряду с ростом соцпализма в СССР происходит дальнейшее углубление кризиса в странах капитализма. Небывалых размеров достигает сокращение производства и рост безработицы. Более половины всего рабочего класса капиталистических стран в настоящее время — полностью или частью безработные. Усиливаются и обостряются *противоречия между классами*, в первую очередь основное противоречие — между буржуазией и пролетариатом. Ухудшение условий труда и жизни пролетариата, невиданных размеров безработица, полнейшая необеспеченность завтрашнего дня, — все это приводит к революционизированию широких рабочих масс. Усиливается отход рабочих масс от социал-демократии. Предательская политика социал-фашизма становится все очевиднее для широких масс пролетариата. Но тем успешнее и многообразнее становятся маневры, применяемые социал-фашистскими вожаками, для сохранения своего влияния в массах. Тем сильнее становится фашистский террор буржуазии.

Обострение кризиса ведет к *нарастанию революционного подъема* как в империалистических, так и в колониальных странах.

За годы кризиса в подавляющем большинстве капиталистических стран развернулась широкая стачечная борьба. За эти годы в капиталистических странах состоялось около 22 тысяч стачек. Свыше 10 миллионов рабочих участвовало в забастовках и немалая доля этих боев была выиграна рабочими. Кроме того многочисленные движения безработных, демонстрации протеста, голодные походы, антивоенные выступления, вплоть до отдельных бунтов на военных судах крупных морских держав (Англии, Голландии), говорят об огромном росте революционного возмущения пролетариата. Каждый день приходят все новые и новые сведения о росте револю-

ционного движения крестьянства в капиталистических странах. В колониях подымается революционная национально-освободительная война. В Индии уже ряд лет идет подлинная гражданская война английского империализма против стачек, против крестьянского движения борьбы с помещиками и ростовщиками. Английские аэропланы уничтожают целые деревни. В Китае, в провинциях, находящихся под властью контрреволюционной партии Гоминдана, стачечное движение, демонстрации рабочих и студентов, крестьянские выступления подавляются неслыханно кровавым террором. За эти годы выросли и окрепли советские районы в Китае, обладающие населением в несколько десятков миллионов человек.

Советская власть в Китае завоевывает себе симпатии трудящихся, освобождая крестьян от неимоверных налогов и генеральских поборов, организуя помощь голодающим районам, создавая профсоюзы, борясь с безработицей. В ряде стран на борьбу выступают широкие слои разоренного крестьянства. Борьба огромных масс населения колониального мира против империалистического порабощения принимает все более ожесточенные формы. Происходит укрепление коммунистических партий, успешно ведущих работу по завоеванию большинства рабочего класса, повышению его революционной активности.

Происходит дальнейшее обострение противоречий *между империалистическими странами.* Ожесточенная борьба за рынки сбыта товаров ведет к непрекращающейся таможенной и вообще торговой войне, ведущейся в небывало острых формах. Меняется соотношение сил между отдельными империалистическими хищниками и группами их. Кризис с особенной силой обостряет основное противоречие в современном капиталистическом мире — борьбу между Америкой и Англией за мировое господство. Америка и Англия ведут отчаянную борьбу за влияние на английские доминионы, за страны Южной Америки, за Китай.

САСШ хотят добиться передела мира в свою пользу, хотят ущемить колониальное могущество Англии, хотят изгнать ее с выгодных рынков заокеанских стран. Сейчас, в годы кризиса, борьба стала еще острее. Ко всему тому, что разжигает противоречия между английским и американским капитализмом, прибавилось: торговая война, драка вокруг обесценения денег, драка за рынки.

Здесь подтверждается указание т. Сталина, что каждый раз, когда капиталистические противоречия начинают обостряться, буржуазия обращает свои взоры в сторону СССР:

«нельзя ли разрешить то или иное противоречие капитализма за счет СССР, цитадели революции, революционизирующей одним своим существованием рабочий класс и колонии, мешающей наладить новую войну, мешающей переделить мир по-новому, мешающей хозяйничать на своем обширном внутреннем рынке, так необходимом капиталистам, особенно теперь, в связи с экономическим кризисом. Свои противоречия дряхлеющий и гниющий английский империализм пытается разрешить за счет СССР. Англия стала сейчас во главе антисоветского фронта. Англия пытается всяческими усилиями сколотить антисоветский блок. Одряхлевший английский империализм не брезгует никакими средствами в борьбе против СССР. Своей защитой шпионов и вредителей, разоблаченных советским судом перед лицом всего мира, своим запретом ввоза советских товаров Англия вдохновляет империалистических хищников на борьбу против СССР.

Второй узел империалистических противоречий завязан в борьбе вокруг того передела мира, который был произведен в Версале. Капиталистические страны, пострадавшие или неудовлетворенные в своих требованиях Версальским миром, ставят вопрос о пересмотре границ, установленных Версалем. Но мирного пересмотра поделенного при капитализме ожидать не приходится. Требования о пересмотре Версальского договора встречают в штыки те капиталистические страны, которые от него выиграли. Требования пересмотра Версальского мира наталкиваются на интересы Франции, которая больше всего ценит преимущества, выигранные от этого договора. Целая группа мелких, второстепенных стран также кровно заинтересована в сохранении условий Версальского договора. Это — Польша, Чехо-Словакия, Румыния, Югославия. Борьба за сохранение или пересмотр Версальского мира — новый очаг империалистической войны. И здесь находится империалистическая страна, которая хочет разрешить свои противоречия за счет СССР. Фашистские банды, стоящие сейчас у власти в Германии, ставят на это свою ставку. Они хотят захватить новые земли для обогащения своей буржуазии. Они прекрасно понимают однако, что добиться этого нелегко. Для этого пришлось бы вступить в драку с гораздо более могущественной, обладающей могущественным вооружением, Францией и ее союзниками. Поэтому план германских фашистов заключается в том, чтобы, добившись помощи и поддержки от главного вдохновителя антисоветского фронта — Англии, оторвать советские земли, в первую очередь Советскую Украину. Они всячески хотят разжечь войну против СССР, хотят купить себе помощь и

поддержку империалистов для интервенции и захвата советских земель.

Третий очаг новых войн и интервенций лежит на Дальнем Востоке. Прежнее соглашение между империалистами насчет грабежа Китая нарушено. Крайне обострились противоречия между Японией и САСШ. Японский империализм поставил в порядок дня вооруженную борьбу за раздел Китая. Уже идет захватническая война на Дальнем Востоке. Японский империализм уже вырвал из живого тела китайского народа огромную территорию и продолжает войну за дальнейшие захваты. Японский империализм не перестает провоцировать войну против СССР.

Весь капиталистический мир превратился в пороховой погреб. На каждом участке, где сталкиваются противоречия между империалистами, в любую минуту может вспыхнуть пожар новой войны.

Буржуазию сдерживает лишь страх перед превращением империалистической войны в войну гражданскую, лишь твердая политика мира, проводимая СССР.

Все это свидетельствует о том, что «наступил конец относительной стабилизации капитализма. Но еще нет непосредственной революционной ситуации в важнейших и решающих капиталистических странах. В настоящий момент совершается именно переход к новому туру крупных столкновений между классами и между государствами, к новому туру революций и войн» (из резолюции XII пленума ИККИ).

Борьба за выход из кризиса

Характеризуя современный кризис капитализма, в своем докладе на XVI съезде партии т. Сталин говорил:

«О чем говорят все эти факты? О том, что стабилизации капитализма приходит конец. О том, что подъем революционного движения масс будет нарастать с новой силой.

О том, что мировой экономический кризис будет перерастать в ряде стран в кризис политический.

Это значит, во-первых, что буржуазия будет искать выхода из положения в дальнейшей фашизации в области внутренней политики, используя для этого все реакционные силы, в том числе и социал-демократию.

Это значит, во-вторых, что буржуазия будет искать выхода в новой империалистической войне и интервенции в области внешней политики.

Это значит, наконец, что пролетариат, борясь с капитали-

стической эксплоатацией и военной опасностью, будет искать выхода в революции».

Буржуазия ведет бешеную борьбу за капиталистический выход из кризиса. Она использует для этой цели все силы реакции. Рабочий класс борется за революционный выход из кризиса путем свержения буржуазии, путем уничтожения всей капиталистической системы, неминуемо порождающей кризисы.

Буржуазия ищет выхода из кризиса путем дальнейшего нажима на пролетариат. Снизить заработную плату до самых крайних пределов, сильно поднять интенсивность труда, всячески сократить пособия безработным, а то и полностью отменить их, удлинить рабочий день, ввести принудительную трудовую повинность — такова *программа буржуазии*. Капиталисты надеются таким путем снизить издержки производства, поднять прибыльность предприятий за счет зверской эксплоатации рабочих, выкарабкаться из трясины кризиса. Для осуществления этой эксплоататорской программы, обрекающей десятки миллионов рабочих на муки непосильного труда при голодном существовании, на крайнее падение их жизненного уровня, буржуазия во всех странах идет по пути быстрой дальнейшей фашизации, по пути открытой фашистской диктатуры. В большинстве капиталистических стран организуются банды наемных громил, фашистские отряды. Раньше буржуазия прикрывалась «свободой слова», «свободой печати», парламентами. Сейчас все видимости «свободы» заменяются неприкрытым господством капитала. Идет *фашизация* буржуазной диктатуры.

Подвиги фашистов, захвативших сейчас власть в Германии, показывают, какими способами борется буржуазия против надвигающейся пролетарской революции.

Гражданская война против пролетариата и разжигание империалистической войны и интервенции против СССР — в этом суть политики германских фашистов. На это направлена вся их работа. Они начали с поджога здания парламента (рейхстага), использовав эту чудовищную провокацию для того, чтобы загнать в подполье коммунистическую партию, для того, чтобы бросить в тюрьму тысячи и десятки тысяч коммунистов и революционных рабочих. Они превратили страну в сплошной застенок, замучив в ужаснейших пытках и зверствах бесчисленные жертвы, залив кровью рабочие кварталы. Они показали, на что способна буржуазия перед своим смертным часом. Фашисты изобретают свои способы лжи и демагогии, с помощью которых они пытаются завоевать себе опору в массах. Фашисты подыгрываются под настроения отсталых масс, которые потеряли веру в капиталистический строй. Поэтому фашисты охотно прибегают к лживой «критике» недостатков капиталистической системы. Свой режим белого террора и насилия они называют «национальной революцией». Когда-то буржуазия и помещики в царской России

пытались отвлечь гнев народа национальной розней, еврейскими погромами, фашистские висельники и охранники делают то же грязное дело. Они организуют еврейские погромы под флагом борьбы с «засильем» еврейского капитала. В германских народных массах накопилась глубокая ненависть против Версальского мира, ограбившего страну, наложившего на трудящееся население огромные тяготы. Фашисты используют эти настроения для шовинистической пропаганды против «внешних врагов». В этой передовой и культурной стране фашисты устраивают поход на науку, сжигают на кострах книги, уничтожают культурные ценности.

В лагере буржуазии и помещиков идет ожесточенная драка за долю в уменьшающихся прибылях, за привилегии в грабеже трудящихся масс. Но фашисты ведут гражданскую войну против пролетариата, готовят империалистическую войну. Для этого им нужно полностью сосредоточить власть в своих руках. Поэтому фашисты устраняют от власти все другие партии буржуазии, заставляют их полностью подчиниться своему господству. Последняя буржуазная партия, с которой фашисты делили власть в правительстве, — партия националистов — сейчас уже самоликвидировалась. Фашистские банды различных оттенков и разновидностей сливаются воедино.

Фашистов в Германии привела к власти предательская политика социал-демократии. Когда фашисты стали у руля и начали свою расправу с революционными рабочими, социал-фашисты усердно стали пресмыкаться перед новыми господами. Они готовы были пойти на любое грязное дело, лишь бы продолжать свою линию раскола и обезоружения рабочего класса. Но для фашизма опасно оставлять любую организацию рабочих, даже если ею заправляют продажные, готовые на все социал-демократические лакеи. Они стремятся уничтожить всякую возможность доступа революционных элементов к рабочим массам, полностью забрать в свои руки все организации рабочего класса. Поэтому фашисты разогнали реформистские профсоюзы. Но даже прогнанные, отшвырнутые пинком ноги социал-фашистские холопы продолжают свою службу капиталу. Социал-демократическая партия сейчас в Германии объявлена нелегальной, изгнана из парламента. Но, уходя в подполье, социал-фашистские вожди ставят перед собой главной задачей борьбу с коммунизмом.

Буржуазия ищет выхода из кризиса по пути дальнейшего *ограбления колониальных стран*, широких масс трудящегося *крестьянства*, а также по пути усиления нажима на широкие слои *мелкой буржуазии* вообще. Этому служат высокие монопольные цены наряду с низкими ценами на продукты сельского хозяйства. Этому служит повышение пошлин на сельскохозяйственные товары и полное запрещение их ввоза в ряде стран. Эти мероприятия буржуазии вызывают дальнейшее обнищание мелкой буржуазии и крестьянства.

Буржуазия ищет выхода из кризиса на путях ожесточеннейшей *борьбы за рынки сбыта*. Между капиталистическими странами идет все обостряющаяся таможенная война. Высокие пошлины, ограничение импорта, бросовый экспорт (демпинг) — вот меры, при помощи которых эта война ведется уже во время мира. Но эта война, наряду с рядом острейших

МОСКВА

конфликтов между странами, должна неминуемо в ближайшем же будущем привести к новой империалистической войне.

Буржуазия открыто ищет выхода из кризиса в *новой империалистической войне и интервенции против Советского Союза.* Буржуазные политики все чаще открыто заявляют, что лучшим выходом из кризиса является война.

В своем докладе на XVI съезде т. Сталин говорил:

«Есть одна отрасль, которая не охвачена кризисом. Эта отрасль — военная промышленность. Она все время растет, несмотря на кризис. Буржуазные государства вооружаются и перевооружаются. Для чего? Конечно не для беседы, а для войны».

В условиях кризиса гигантский рост вооружений продолжается все возрастающим темпом. В то время как массы населения голодают, империалистические державы наперегонки развивают производство средств истребления. Лихорадочный рост вооружений, рост военной промышленности ярко свидетельствует о подготовке новых разрушительных империалистических войн.

Капиталистический выход из кризиса — это путь крови и железа, путь новых опустошительных войн, уничтожения миллионов человеческих жизней на потребу преступного строя эксплоатации и гнета. Капиталистический путь выхода из кризиса обрекает трудящиеся массы на роль пушечного мяса в новых войнах. Капиталистический выход из кризиса построен на костях целых поколений пролетариата.

Рабочий класс сплачивается в борьбе за революционный выход из кризиса, за поддержку и защиту первого в мире государства победившего социализма, за окончательное уничтожение капиталистического насмного рабства.

ВОПРОСЫ

1. Почему современный кризис капитализма является таким острым и глубоким?

2. В чем выражается характер нынешнего кризиса как кризиса перепроизводства?

3. Каково положение рабочего класса в условиях кризиса?

4. Каковы последствия переплетения промышленного кризиса с аграрным?

5. Каково влияние кризиса на положение крестьянства?

6. Какое значение имеет монополистический характер современного капитализма в условиях кризиса?

7. В чем заключается капиталистический и каков революционный выход из кризиса?

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 3

ГЛАВА ПЕРВАЯ

§ 1. Два мира — две системы

Меняется лицо нашей страны 5
Мы строим социализм 6
Повышается уровень жизни трудящихся 13
Капитализм в тисках кризиса 15
У нас и у них 21
Диктатура пролетариата — путь к социализму 24

§ 2. Что такое политическая экономия и чему она учит?

Марксизм-ленинизм — учение пролетариата 27
Противоположность между классами при капитализме . . . 29
Что такое классы? 31
Производительные силы и производственные отношения . . . 34
Что изучает политическая экономия? 36
Политическая экономия — боевая классовая, партийная наука 40

ГЛАВА ВТОРАЯ

Как развивалось общество до капитализма

Наша цель — бесклассовое социалистическое общество . . . 43
Всегда ли существовали классы? 44
Первобытно-родовой коммунизм . . . . . —
Разложение первобытного общества 47
Докапиталистические формы эксплоатации 48
Возникновение и развитие обмена 53
Возникновение капиталистического производства 55

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Товарное производство

План или анархия производства 59
Что такое товар? 61
Два свойства товара 62
Стоимость создается трудом 63
Абстрактный и конкретный труд 65
Общественно-необходимый труд 68
Труд простой и квалифицированный 69
Рынок и конкуренция 70
Товарный фетишизм 72
Простое товарное производство и капитализм 74

Роль денег при товарном производстве 75
Закон стоимости — закон движения товарно-капиталистического производства 78

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Сущность капиталистической эксплоатации

Как рабочие эксплоатируются капиталом 81
Рабочая сила как товар 84
Первоначальное накопление 86
Покупка-продажа рабочей силы и ее стоимость 88
Откуда берется прибыль капиталиста? 90
Прибавочный труд и прибавочная стоимость 92
Что такое капитал? 96
Постоянный и переменный капитал 98
Норма прибавочной стоимости 99
Два способа увеличения прибавочной стоимости 100
Избыточная прибавочная стоимость 102
Борьба вокруг рабочего дня 103
Интенсивность труда 105
Капитализм и развитие техники 106
Рабство наемного труда 107
Рабство в колониях 111

ГЛАВА ПЯТАЯ

Заработная плата и обнищание рабочего класса при капитализме

Стоимость рабочей силы и ее цена 113
Заработная плата скрывает отношение эксплоатации 114
Заработная плата и борьба рабочего класса 116
Формы заработной платы 117
Повременная плата 118
Сдельщина 119
Премия и участие в прибылях . . . . . —
Потогонная система 120
Научная организация труда. Тейлоризм и фордизм . . . . —
Расплата натурой или деньгами 121
Номинальная и реальная высота заработной платы 122
Оплата квалифицированного труда . . . . . —
Уровень заработной платы в различных странах 123
Рост капиталистической эксплоатации 125
Безработица и резервная армия труда 127
Вытеснение рабочих машиной . . . . . —
Всеобщий закон капиталистического накопления 130
Обнищание пролетариата и безработица в условиях кризиса . 133

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Раздел прибавочной стоимости между капиталистами

Уравнение нормы прибыли 139
Тенденция к понижению нормы прибыли 143
Торговый капитал и его доход 144
Виды торговли, спекуляция 145
Ссудный капитал и кредит 146
Высота процента 148

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Капитализм и сельское хозяйство

Противоположность между городом и деревней 150
Земельная рента 151
Источник земельной ренты 153
Покупка-продажа земли 155
Земельная рента и отсталость сельского хозяйства 156
Крупное и мелкое производство в сельском хозяйстве . . . 157
Распределение земли и положение крестьян в капиталистических странах 160
Расслоение крестьянства при капитализме 162
Обнищание крестьянства в странах капитализма 163
Крестьянство как союзник пролетариата и революции . . . 166

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Воспроизводство и кризисы при капитализме

Средства производства и средства потребления 168
Что такое воспроизводство? 169
Простое и расширенное воспроизводство 170
Воспроизводство при капитализме . . . . . —
Капиталистическое накопление 171
Концентрация и централизация капитала 172
Историческая тенденция капиталистического накопления . . 175
Воспроизводство и реализация товаров 177
Условия реализации при простом и расширенном воспроизводстве 178
Противоречия капиталистического воспроизводства 181
Капиталистические кризисы перепроизводства 184
Почему при капитализме неизбежны кризисы? 185
Периодичность кризисов 187
Значение кризисов 189

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Империализм — канун социальной революции пролетариата

От промышленного капитализма к империализму 193
Учение Ленина об империализме — оружие революционной борьбы пролетариата . . . . . —
Пять признаков империализма 195
Господство монополий 197
Картели, синдикаты, тресты 199
Комбинаты . . . . . —
Концерны 200
Монополия и конкуренция . . . . . —
Империализм как монополистический капитализм 201
Монополистические союзы в важнейших странах 203
Финансовый капитал 205
Вывоз капитала 208
Раздел мира между союзами капиталистов 210
Захват колоний и раздел мира 212
Демпинг 213
Закон неравномерного развития при империализме 214
Закон неравномерного развития и пролетарская революция . 217
Теория ультраимпериализма 218
Теория организованного капитализма 222
Паразитизм и загнивание капитализма 226
Империализм — эпоха гибели капитализма 229

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Война и общий кризис капитализма

Империализм и крушение капитализма 233
Мировая империалистическая война 236
Последствия мировой войны и общий кризис капитализма . . 239
Три периода общего кризиса капитализма 243
Фашизм и социал-фашизм 248

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Современный мировой кризис капитализма

Самый глубокий и острый из всех кризисов 252
Кризис перепроизводства 255
Падение производства 259
Падение загрузки промышленности и разрушение производственного аппарата 260
Безработица и положение рабочего класса 263
Переплетение промышленного кризиса с сельскохозяйственным 268
Падение внешней торговли 272
Падение народного дохода и уменьшение национального имущества 274
Кризис и монополии 276
Кредитный и финансовый кризис 278
Обесценение валют и обострение борьбы за рынки 282
Обострение противоречий капитализма и конец капиталистической стабилизации 284
Борьба за выход из кризиса 288

Ответственный редактор *Е. Ширинская.* Технический редактор *Э. Блейх.*
Иллюстрации худ. *Алекса Кейль.*
Сдана в набор 19/VI 1933 г. Подписана к печати 23/VII 1933 г.
Формат 82 × 109. Партиздат № 1332/л. Тип. зн. в 1 п. л. 41.360.
Ленгорлит № 18428. Тираж 200.425 — 18½ л. Заказ № 1146.